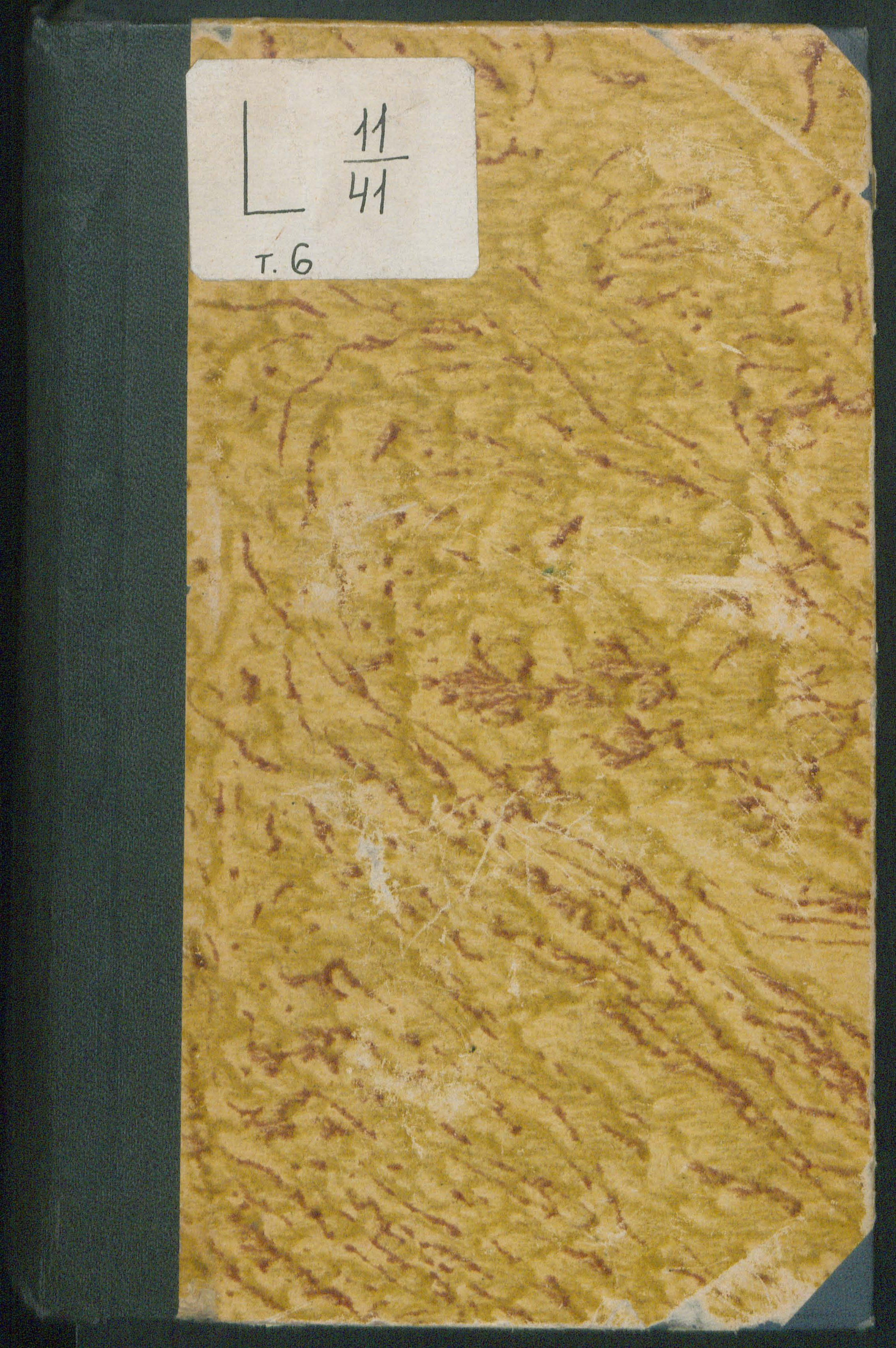
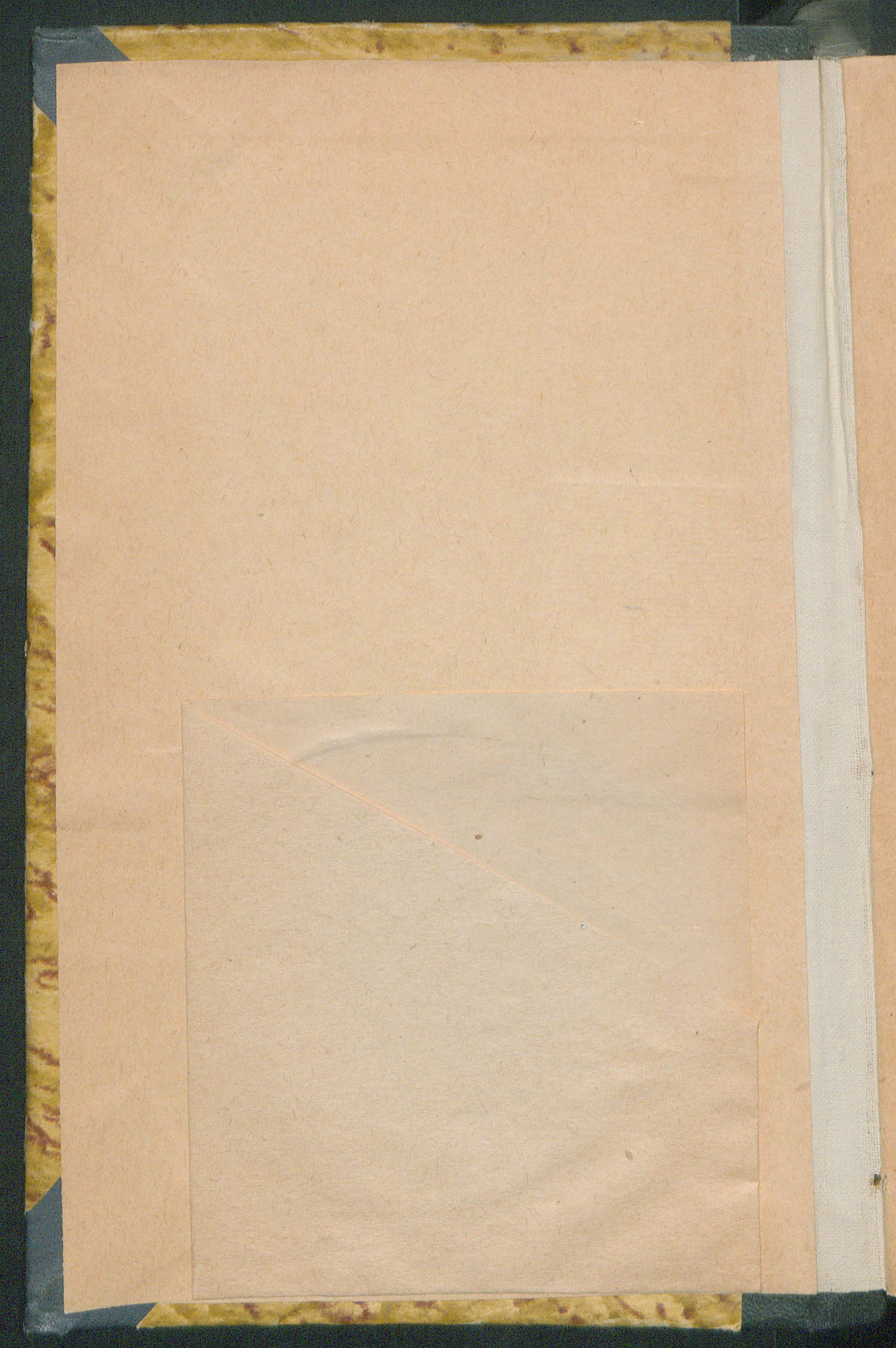

МИСОНЪ

Ч. 6.

АНАХАРСИСЪ

Bilanz des Pensionsfondes
mit Ende 1873.

Activa.

Auslagen für Pensionen und Abfertigungen im Jahre 1873	fl.	17.50[illegible]
Einkommensteuer	„	4.[illegible]
Vermögensstand { baar	„	433[illegible]
Vermögensstand { in Effecten	„	68[illegible]
	fl.	1,[illegible]

Passiva.

Saldo vom 31. December 1872		fl.	[illegible]
Beiträge pro 1873 { von den Angestellten	fl. 68.399·32		
Beiträge pro 1873 { von der Gesellschaft	„ 34.199·66	fl.	102.[illegible]
Eingeflossene Zinsen		„	64.0[illegible]
Sonstige Einnahmen		„	3.28[illegible]
		fl.	1,138.013[illegible]

Theiss-Eisenbahn-Gesellschaft.

ПУТЕШЕСТВІЕ МЛАДШАГО АНАХАРСИСА

ПО ГРЕЦІИ,

въ половинѣ четвертаго вѣка до Рождества Христова.

Переведено съ Французскаго

Императорской Россійской Академіи Членами:

по 79ю главу Иваномъ Дмитревскимъ,

а послѣднія четыре главы Яковомъ Дружининымъ,

и оною Академіею издано.

ТОМЪ ШЕСТЫЙ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

При Императорской Академіи Наукъ.

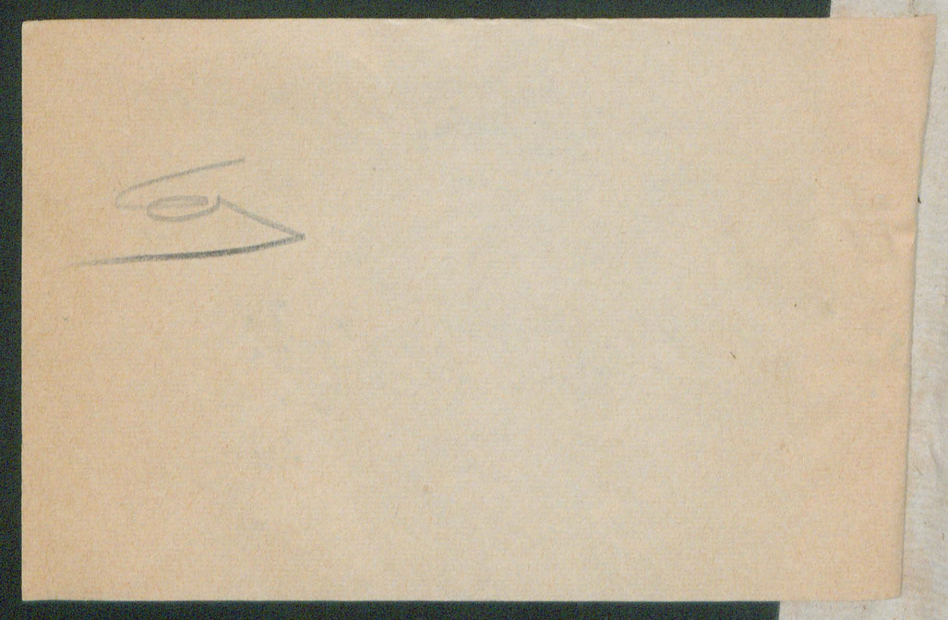
1809 года.

КНИГА ИМЕЕТ:

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1952 г.
37						К	75	

16/1—100000

846

СОДЕРЖАНІЕ
ШЕСТАГО ТОМА.

ПУТЕШЕСТВІЕ

МЛАДШАГО

АНАХАРСИСА

ПО

ГРЕЦІИ

въ срединѣ четвертаго вѣка до Рождества Христова.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТАЯ.

Исторія о Греческомъ Ѳеатрѣ.

Около сего времени кончилъ я изслѣдованія мои о драмматическомъ искусствѣ. Гдѣ оное началось и успѣхи имѣло, писатели во мнѣніяхъ не согласовались и возбудили въ нѣкоторыхъ Греческихъ народахъ споры. Я собиралъ, сколько могъ, всѣ разсужденія Грековъ въ семъ искусствѣ просвѣщенныхъ, но долженъ былъ представить одни только послѣдствія оныхъ. Въ преданіяхъ Аѳин-

скихъ нашелъ я больше правдоподобія, и для того предпочелъ ихъ прочимъ.

Въ шумныхъ увеселеніяхъ и въ пьянственныхъ изступленіяхъ составилось сіе правильнѣйшее и превыспреннѣйшее искусство. Перенесемся за триста лѣтъ назадъ отъ вѣка, въ которомъ живемъ.

При празднествахъ Вакха, торжествуемыхъ во всѣхъ городахъ съ меньшимъ великолѣпіемъ, но съ живѣйшею радостію, нежели нынѣ, пѣты были имны, истиннымъ или искуственнымъ стихотворческимъ изступленіемъ порожденные: я говорю о тѣхъ диѳирамвахъ, изъ которыхъ иногда блескъ высокаго ума, но гораздо чаще тусклыя искры разгоряченнаго воображенія сверкали. Въ то время, какъ сіи диѳирамвы раздавались въ ушахъ удивленнаго народа, лики Вакхантовъ и Фавновъ, обстоящіе вокругъ соблазнительныхъ изображеній, съ торжествомъ носимыхъ, возглашали сквернословныя пѣсни, а иногда выставляли частныхъ людей на посмѣшище всего народа.

При воздаваемыхъ почестяхъ сему божку, своевольство сельскихъ жителей было необузданнѣе, а особливо тогда, когда они собирали плоды благодѣяній его. Виноградари,

обмазанные дрождями, упившись радостію и виномЪ, скакали на своихЪ телѣгахЪ; на дорогѣ поносили другЪ друга грубыми стихами, внезапно выдуманными; отомщали своимЪ сосѣдямЪ ругательствомЪ и осмѣяніемЪ ихЪ пороковЪ, а богачей упрекали ихЪ несправедливостями.

Между стихотворцами, тогда жившими, иные воспѣвали дѣянія и похожденія боговЪ и ироевЪ; другіе нападали сЪ язвительностію на людей порочныхЪ и осмѣянія достойныхЪ; первые брали за образецЪ Омира; другіе ссылались на его примѣры, и оные во зло употребляли. ОмирЪ, величайшій трагическій стихотворецЪ, образецЪ всѣхЪ своихЪ послѣдователей, довелЪ вЪ Иліадѣ и Одиссеи до совершенства ироическое стихотворство; а вЪ МаргитесѢ употреблялЪ шутки. Но какЪ прелесть его сочиненій зависитЪ большею частію отЪ страстей и движенія, которыми онЪ умѣлЪ свои произведенія оживотворять, то стихотворцы, послѣ его бывшіе, начали вводить вЪ свои сочиненія такое дѣйствованіе, которое могло бы приводить вЪ умиленіе, и увеселять зрителей. Нѣкоторые изЪ сихЪ стихотворцевЪ покушались даже соединить вмѣстѣ оба сіи дѣйствія и осмѣлились на са-

мые безобразные опыты, которые потомъ назывались то трагедіями, то комедіями, потому что соединяли въ себѣ свойства обѣихъ сихъ драммъ. Сочинители сихъ слабыхъ начертаній не отличились никакимъ новымъ открытіемъ, но составили только въ исторіи сего искусства множество именъ, о которыхъ упоминать было бы дѣло безполезное, потому что они долго въ памяти оставаться не могутъ.

Уже признано было могущество ѳеатральнаго искусства необходимымъ. Имны въ честь Вакха, описующіе скорые походы и блистательныя побѣды его, сдѣлались подражанія достойными: и при Пиѳическихъ играхъ учрежденъ былъ законъ, повелѣвающій всѣмъ свирѣльщикамъ, въ соспоръ вступающимъ, представлять одно за другимъ тѣ обстоятельства, которыя при началѣ, въ срединѣ, и послѣ побѣды Аполлоновой надъ Пиѳономъ случились.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ сего узаконенія, Сусаріонъ (*) и Ѳесписъ, родившіеся

(*) Сусаріонъ представлялъ первыя свои комедіи около 580 лѣтъ до Р. Х. Спустя нѣсколько годовъ Ѳесписъ издалъ нѣкоторые опыты трагедіи. Въ 536мъ году представлена была его Альцеста.

въ одномъ Аттическомъ городкѣ, именуемомъ Икарїя, появились каждый съ общиною (труппою) лицедѣевъ. Первый представлялъ на дощатыхъ помостахъ, а вторый на телѣгѣ. Первый нападалъ на пороки и нелѣпости своего времени, другой избиралъ для драммъ своихъ дѣянїя благороднѣйшїя, изъ исторїи почерпнутыя.

Комедїи Сусарїоновы были во вкусѣ сихъ неблагопристойныхъ и сатирическихъ игрищъ, которыя и донынѣ еще представляются въ нѣкоторыхъ городахъ Грецїи; долгое время служили онѣ забавою сельскихъ жителей. Аѳины приняли и одобрили сїе зрѣлище тогда только, когда оное усовершилось въ Сицилїи.

Ѳесписъ видѣлъ нѣсколько разъ, что при празднествахъ, при которыхъ возглашали еще одни только гимны, одинъ пѣвецъ восходилъ на столъ и производилъ нѣкоторый родъ разговора съ ликомъ, (съ хоромъ). Сей примѣръ подалъ ему мысль вводить въ свои трагедїи лицедѣя, который чрезъ простыя повѣствованїя, по временамъ возглашаемыя, доставлялъ бы лику отдохновенїе, раздѣ-

Начало и успѣхи трагедїи.

лялъ бы дѣйствованіе, и придавалъ бы оному больше соучастія.

Сія удачная новизна, соединенная съ другими вольностями, кои Ѳесписъ употребилъ, встревожила законодателя Аѳинскаго, который больше всѣхъ умѣлъ чувствовать достоинство и опасность зрѣлищъ. Солонъ запретилъ тотъ родъ ѳеатральныхъ сочиненій, въ которомъ древнія преданія искажены были вымыслами.„ Ежели мы станемъ „ободрять ложь на нашихъ зрѣлищахъ, ска„залъ онъ Ѳеспису, то скоро найдемъ ее и „въ самыхъ священнѣйшихъ обязанностяхъ.„

Вдругъ возродившійся въ городахъ и селахъ вкусъ къ драммамъ Ѳесписа и Сусаріона оправдалъ и сдѣлалъ безполезнымъ безпокойное предусмотрѣніе Солона. Стихотворцы, упражнявшіеся донынѣ въ диѳирамвахъ и въ сатирахъ весьма вольныхъ, бывъ удивлены привлекательною наружностію, коею сіи драммы украшаться начали, стали посвящать свои дарованія трагедіи и комедіи. Вскорѣ начали избирать различныя содержанія для трагедій. Тѣ, кои судятъ объ удовольствіяхъ по своей одной привычкѣ, кричали, что

таковыя содержанія почитанію Вакха неприличны, а другіе съ жадностію стекались смотрѣть новыя драммы.

Фринихъ, ученикъ Ѳесписовъ, предпочелъ нѣкоторый родъ стиховъ, которые казались ему приличнѣе для драммъ, сдѣлалъ еще нѣкоторыя перемѣны, и трагедію оставилъ въ дѣтствѣ.

Жизнь Эсхилова.

Эсхилъ получилъ ее изъ рукъ Фриниха, окутанную грубымъ рубищемъ, съ лицемъ намазаннымъ поддѣльными красками, или покрытымъ личиною ничего незначущую, не имѣющую ни приятствъ, ни благородства въ своихъ движеніяхъ, хотя возбуждающую желаніе къ соучастію, но едва возбудить оное умѣющую, наполненную еще игрищами и непристойными шутками, изъясняющуюся иногда красиво и превосходно, но часто слогомъ слабымъ, низкимъ и посрамленнымъ похабствами.

Отецъ трагедіи—ибо имя сіе толь великому мужу придать можно—получилъ отъ природы душу твердую и пламенную. Молчаливость и важность въ поступкахъ, возвѣща-

ли въ немъ строгость его свойства, его образа мыслей. Въ сраженіяхъ при Мараѳонѣ, Саламинѣ и Платеи, гдѣ многіе Аѳиняне отличились храбростію, показалъ онъ такъ же и свое мужество. Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ вникалъ онъ прилѣжно въ сочиненія тѣхъ піитовъ, которые живши во времена ироическія, помѣщали въ себѣ столько же великихъ мыслей, сколько тогда великихъ дѣлъ происходило. Исторія отдаленныхъ вѣковъ представляла пылкому его воображенію славные успѣхи и несчастія, обагренные кровію троны, буйственныя и пожирающія страсти, вышнія добродѣтели, злодѣйства и отмщенія ужасныя, повсюду печатію величности, но часто звѣрствомъ, означенныя.

Чтобъ дѣйствіе сихъ изображеній было еще надежнѣе и вѣрнѣе, надлежало отдѣлить ихъ отъ той общей связи, въ которую древніе стихотворцы ихъ заключили. Сіе самое писатели диѳирамвовъ и первыхъ трагедій уже и учинили; но они не радѣли о томъ, чтобъ сіи изображенія приноровить къ нашему вкусу. Какъ мы несравненно больше поражаемся несчастіями, которыя сами видимъ, нежели тѣми, о которыхъ намъ разсказываютъ;

то Эсхилъ употребилъ всѣ пособїя театральнаго представленїя, чтобъ привесть предъ наши глаза и время и мѣсто самаго произшествїя. Вымыслъ содѣлался тогда существеннымъ и правдоподобнымъ.

Въ первыя свои трагедїи ввелъ онъ втораго лицедѣя, а потомъ, по примѣру Софокла, вступившаго тогда въ поприще театральное, присовокуплялъ онъ третїяго, а иногда и четвертаго. Чрезъ таковое размноженїе дѣйствующихъ одинъ лицедѣй становился ироемъ драммы, который привлекалъ на себя главное вниманїе; и какъ ликъ исполнялъ теперь должность подчиненнаго, то Эсхилъ имѣлъ предосторожность сократить ролю, и, можетъ быть, еще не довольно былъ въ томъ осторожень.

Упрекаютъ Эсхила, что онъ вводилъ въ представленїя свои нѣмыя лица. Ахиллъ, по смерти друга своего, и Нїоба по смерти дѣтей своихъ валяются по театру и во время многихъ явленїй остаются на ономъ неподвижными, съ покрывалами на главахъ, не произнося ниединаго слова; но естьли бы онъ заставилъ ихъ плакать и произносить жало-

бы, то могъ ли бы произвесть толь ужасное надъ зрителями воздѣйствїе, каковое причиняютъ сїе покрывало, сїе молчанїе и сїе погруженїе въ горесть.

Въ нѣкоторыхъ трагедїяхъ его изложенїе содержанїя слишкомъ пространно, въ другихъ недовольно ясно. Хотя онъ часто грѣшитъ противъ правилъ, послѣ утвержденныхъ; но почти всѣ оныя предвидѣлъ.

Можно сказать объ Эсхилѣ тоже, что онъ сказалъ о ироѣ Иппомедамѣ: „Ужасъ шествуетъ предъ нимъ, возвысивъ главу свою до небесъ:„ Повсюду вселяетъ Эсхилъ сильный и спасительный страхъ; ибо сражаетъ онъ нашу душу ударами жестокими только для того, чтобъ ее тотчасъ паки оживить тою мыслїю, которую онъ подаетъ о ея силѣ. Ирои его желаютъ лучше быть поражены молнїями, нежели учинить подлость, и мужество ихъ непреклоннѣе роковаго закона нужды. Между тѣмъ умѣлъ онъ поставлять границы тѣмъ потрясенїямъ духа, которыя возбуждать любилъ: онъ никогда не представлялъ кровопролитїя на зрѣлище, потому что его изображенїя долженствовали быть страшны, но неужасны.

Рѣдко заставляетъ онъ плакать и рѣдко возбуждаетъ къ жалости, отъ того ли, что природа отказала ему въ сей нѣжной чувствительности, которая имѣетъ нужду сообщать свои страданія другимъ; или отъ того, что онъ боялся размягчать сердца. Никогда не выставлялъ онъ на ѳеатръ ни Ѳедръ, ни Сѳеновій; никогда не описывалъ онъ ни приятности ни бѣшенства любви: въ различныхъ движеніяхъ сея страсти видѣлъ онъ однѣ только слабости или злодѣйства, подающія опасный примѣръ для нравовъ, и онъ хотѣлъ, чтобъ мы принуждены были почитать тѣхъ, о коихъ принуждены были сожалѣть.

Послѣдуемъ за быстрыми успѣхами, на семъ поприщѣ имъ содѣянными. Разсмотримъ, какъ онъ обработывалъ различныя части трагедіи; то есть; басню, нравы, мысли, слова, зрѣлище и пѣніе.

Разположенія его трагедіи чрезвычайно просты. Онъ не рачилъ, или недовольно зналъ искусство скрывать и убѣгать отъ невѣроятностей, связывать и развязывать дѣйствованіе, различныя онаго части соединять

шѣсно, ускорять или отсрочивать оное чрезъ нечаянныя узнанія и другія внезапныя приключенія; иногда возбуждалъ онъ соучастіе однимъ разсказомъ о происшествіяхъ и живостію разговора, иногда силою слога, или страхомъ зрѣлища.

Кажется, что онъ почиталъ единство дѣйствія и времени необходимыми, а единство мѣста не столько нужнымъ.

Ликъ въ его драммахъ возглашалъ уже не однѣ пѣсни, но составлялъ часть цѣлаго. Сей ликъ есть подпора несчастнымъ, совѣтъ царямъ, ужасъ тиранамъ, наперсникъ всѣмъ. Иногда участвуетъ онъ въ дѣйствованіи во все время его продолженія. Послѣдователи Эсхила долженствовали бы исполнять сіе чаще, но онъ и самъ не всегда производилъ то въ дѣйство.

Свойство и нравы его лицъ всегда остаются одинаковы и рѣдко себѣ противорѣчатъ. Обыкновенно избираетъ онъ свои образцы изъ временъ ироическихъ и содержитъ ихъ въ томъ же возвышеніи, въ которое Омиръ помѣстилъ своихъ ироевъ. Весьма охот-

но описываетъ онъ души твердыя, искреннія, презирающія всякій страхъ, посвятившія себя отечеству, жаждущія славы и сраженій. Онъ описываетъ ихъ несравненно выше нынѣшнихъ обыкновенныхъ душъ, описываетъ ихъ такими, какія желалъ образовать для защиты Греціи; ибо онъ писалъ во время войны съ Персіею.

Какъ онъ намѣреніе имѣлъ возбуждать больше страха, нежели жалости; то онъ не только не смягчаетъ дѣлъ нѣкоторыхъ лицъ, но изображаетъ ихъ еще суровѣе, не дѣлая однакожъ вреда ѳеатральному со стороны зрителей соучастію. Клитемнестра, умертвивъ своего супруга, повѣствуетъ о своемъ беззаконіи съ горькимъ смѣхомъ, съ безстрашіемъ злодѣя. Беззаконіе сіе было бы мерзостно и ужасно, естьли бы не казалось ей справедливымъ, нужнымъ, естьли бы, по правиламъ въ ироискія времена принятымъ, пролитая неправедно кровь не требовала быть омыта кровію же. Клитемнестра даетъ примѣтить ревнивость свою къ Кассандрѣ и любовь свою ко Эгисту: но не сіи слабыя побужденія препровождали ея руку; природа и боги принудили ее ко мщенію. „Возвѣщаю

вамъ со смѣлостію то, что я сдѣлала безъ содроганія, вѣщаетъ она къ народу; для меня равно, похвалите ли сіе или похулите. Вотъ мой супругъ мертвый; я его убила; кровь его на меня лилася; я принимала ее съ жадностію какъ раскаленная солнцемъ земля принимаетъ росу небесную. Онъ принесъ на жертву дочь мою; я пронзила его кинжаломъ, или, лучше сказать, не я, но демонъ Атреевъ, демонъ, повелѣвшій сему царю учредить кровавый пиръ; онъ, онъ, вѣщаю, принялъ на себя мои черты, чтобъ отомстить съ большею славою за дѣтей Тіеста.,,

Мысль сія содѣлается еще чувствительнѣе чрезъ слѣдующее разсужденіе. Посреди безпорядка и таинствъ природы, ничто не поражало больше Эсхила, какъ странная судьба человѣческаго рода. Въ человѣкѣ, злодѣйства, коихъ онъ самъ творецъ; несчастія, коихъ онъ жертва; надъ человѣкомъ небесное мщеніе и слѣпая роковая необходимость, изъ которыхъ одна наказуетъ, когда онъ виненъ, а другая гонитъ, когда онъ счастливъ. Таковое ученіе почерпнулъ Эсхилъ изъ обращеній съ мудрецами, помѣщалъ оное почти во всѣхъ своихъ трагедіяхъ и которое, содержа

наши души въ непрестанномъ страхѣ, увѣщеваетъ ежечасно, не привлекать на себя гнѣва боговъ, и терпѣливо сносить удары судьбы. Отъ сего-то происходитъ чрезвычайное презрѣніе, которое оказываетъ онъ ко всякому благу, насъ ослѣпляющему, и сія сила краснорѣчія, съ которымъ осмѣиваетъ ничтожность даровъ счастія. „О величіе человѣ-„ческое! возглашаетъ Кассандра съ негодова-„ніемъ, блещущій, но суетный призракъ, мо-„гущій помрачиться тѣнію и смыться кап-„лею воды! благополучіе человѣка для меня „жалостнѣе, нежели его несчастіе!„

Въ его время ироическое стихотворство извѣстно было только въ эпопеи и въ диѳирамбахъ. Но какъ оба сіи роды соотвѣтствовали высокимъ мыслямъ и чувствіямъ его, то Эсхилъ перенесъ оныя и въ трагедію, не ослабляя ихъ нимало. Увлекаемъ бывъ восторгомъ, коимъ онъ владѣть не могъ, сыплетъ вездѣ имена прилагательныя (эпитеты), инорѣчія (метафоры), всякія выраженія сильныя, движенія души описующія; помѣщаетъ все то, что придаютъ языку важность, силу и величіе, все то, что оживлять и страстнѣе творить оный можетъ. Подъ смѣлою и вы-

разительною его кистію повѣтствованія, мысли, правила, преобразуются въ виды, которые красотою или странностію своею поражаютъ. Въ сей трагедіи, которую по справедливости назвать можно бы было рожденіемъ Марса: „Царь Ѳивскій, говоритъ гонецъ, посланный отъ Этеокла къ воинству Аргійскому, неприятель приближается, я его видѣлъ, вѣрь моему повѣствованію.„

Свирѣпыхъ седьмь вождей къ щиту приближась черну,
Со скрежетомъ зубовъ являя злость безмѣрну,
Клянутся . . . (клятвы ихъ страшатъ самихъ боговъ),
Клянутся мстить, карать, губить своихъ враговъ.
Закланнаго вола въ кровь руки погружаютъ;
Беллону, марса, адъ на помощь призываютъ. . . . .

О человѣкѣ совершенно благоразумномъ говоритъ онъ такъ; „онъ пожинаетъ плоды му„дрыхъ и великодушныхъ намѣреній, плоды, „которые въ глубокихъ браздахъ души его про„израстаютъ.„ Въ другомъ мѣстѣ. „Разумѣніе „меня оживляющее, низпослано съ неба на зем„лю, и вопіетъ мнѣ безпрестанно: воздавай сла„бое только почтеніе тому, что смертно. „Напоминая свободнымъ народамъ, чтобъ они заранѣе смотрѣли за поступками гражданина

опаснаго и по дарованіямъ и по богатству; „берегитесь, говоритъ онъ, воспитывать млa„даго льва, щадить его, когда еще боится, „и противиться ему, когда ужѐ ничего не „боится.„

Сквозь сіи блестящія искры видна въ нѣкоторыхъ его трагедіяхъ темнота, происходящая не токмо отъ чрезмѣрной его точности и смѣлости пiитическихъ его фигуръ, но и отъ новыхъ словъ, которыми онъ свой слогъ обогатить и возвысить старается. Эсхилъ не хотѣлъ, чтобъ его ирои изъяснялись какъ обыкновенные люди. Языкъ ихъ долженствовалъ быть выше народнаго нарѣчія, и часто бываетъ превыше языка употребительнаго. Для подкрѣпленія его выраженій находятся среди рѣчей многосложныя и изъ отрывковъ другихъ словъ грубо составленныя слова, кои какъ башни возвышаются надъ городскими валами. Сіе сравненіе не мое, но Аристофаново.

Краснорѣчіе Эсхилово столь сильно, что не льзя онаго подвести подъ правила слога избраннаго, гармоническаго и исправнаго. Пареніе его столь смѣло, что не можно ему бы-

ло не отдаляться отъ прямаго пути и не падать. Вообще слогъ его благороденъ и возвышенъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превосходенъ даже до излишества и великолѣпенъ даже до пухлости, а иногда малозначущъ и отвратителенъ, ради гнусныхъ сравненій, ради игры словъ низкихъ и ради другихъ пороковъ, которые свойственны какъ Эсхилу самому, такъ и другимъ сочинителямъ, имѣющимъ больше ума, нежели вкуса. Но не смотря на ошибки Эсхилъ заслуживаетъ отличнѣйшее мѣсто между славнѣйшими Греческими стихотворцами.

Недовольно того, что величавое свойство его трагедіи оставляло въ душахъ сильныя впечатлѣнія и къ великости возбуждало; еще надлежало, для привлеченія народа, распорядить такъ, чтобъ всѣ части зрѣлища способствовали къ произведенію такого же дѣйствія. Удостовѣрены были тогда, что природа, доставляя древнимъ ироямъ великорослый станъ, начертавала на челахъ ихъ величество, которое соединено бывъ съ великолѣпіемъ, ихъ окружающимъ, привлекало къ себѣ почтеніе всенародное. Эсхилъ возвысилъ своихъ лицедѣевъ посредствомъ обуви весьма высокой. Черты ихъ лицъ, которыя

часто бывали безобразны, покрылЪ онЪ личиною и облекЪ ихЪ одеждами длинными и великолѣпными, коихЪ покрой былЪ столь благопристоенЪ, что жрецы Церерины не постыдились оный заимствовать. Низшія лица имѣли знаки и одежды приличныя ихЪ состоянію.

Вмѣсто сихЪ простыхЪ дощатыхЪ подмостокЪ, которыя ставились иногда наскоро, получилЪ онЪ ѳеатрЪ, снабдѣнный махинами и украшенный всякими убранствами; вЪ немЪ раздавался звукЪ трубный: вЪ немЪ видны были ѳиміамЪ на олтаряхЪ курящійся, тѣни, изЪ гробовЪ возстающія, фуріи изЪ глубины тартара извергающіяся. ВЪ одной изЪ его драммЪ адскія сіи богини показались вЪ первый разЪ вЪ личинахЪ, отвратительную блѣдность изобразующихЪ, сЪ горящими пламенниками вЪ рукахЪ, со ввитыми во власы зміями, и сЪ великимЪ множествомЪ другихЪ ужасныхЪ страшилищЪ, за ними послѣдовавшихЪ. ГоворятЪ, что при видѣ и ревѣ ихЪ все собраніе вострепетало, что женщины лишились плода своего прежде времени, что дѣти умерли, и что градоначальство, для избѣжанія подобныхЪ приключеній, пове-

лѣло, чтобъ хоръ состоялъ впредь только изъ пятнадцати лицедѣевъ, вмѣсто пятидесяти.

Зрители, удивясь обольщенію, которое столь различные новые предметы надъ ихъ умами производили, не менѣе удивлялись и искуству, оказавшемуся въ игрѣ лицедѣевъ. Эсхилъ училъ ихъ почти всегда самъ, показывалъ имъ какъ имъ должно ходить, и дѣлалъ имъ наставленія, какимъ образомъ должно дѣйствовать съ большею чувствительностію, употребляя новыя и выразительныя тѣлодвиженія. Собственнымъ своимъ примѣромъ обучалъ онъ ихъ еще лучше. Онъ самъ съ ними игралъ въ своихъ драммахъ. Иногда имѣлъ онъ помощникомъ въ наставленіи лицедѣевъ искуснаго учителя хоровъ, именуемаго Телестъ. Сей довелъ искуство тѣлодвиженій до совершенства. Въ представленіи семи вождей предъ Ѳивами оказалъ онъ столько истины въ своей игрѣ, что одно дѣйствованіе могло бы замѣнить слова.

Сказали мы, что Эсхилъ перенесъ въ трагедію слогъ эпопеи и дифирамва; помѣстилъ въ ней также и превосходные переходы изъ

тона въ тонъ, и порывистый риѳмъ изъ нѣкоторыхъ пѣсенъ, или *номовъ*, опредѣленныхъ къ возбужденію храбрости; но никогда не согласился принять тѣхъ нововведеній, которыя начали безобразить древнюю музыку. Пѣніе его исполнено благородства и пристойности, всегда въ діатоническомъ родѣ, который есть простѣйшій и естественнѣйшій изъ всѣхъ.

Бывъ оклеветанъ ложно, будто онъ въ одной своей драммѣ открылъ таинства Елевсійскія, едва избѣжать могъ отъ ярости буемысленнаго народа; но онъ простилъ Аѳинянамъ въ семъ неправосудіи, ибо опасность касалась только до его жизни. Когдаже увидѣлъ, что они увѣнчиваютъ драммы соперниковъ его преимущественно предъ его сочиненіями, то сказалъ: „время поставитъ ихъ на свое мѣсто„ и оставивъ отечество свое, переселился въ Сицилію, гдѣ царь Гіеронъ оказалъ ему многія благодѣянія и отличія, и гдѣ онъ въ скоромъ времени умеръ, проживъ около семидесяти лѣтъ. На гробницѣ вырѣзана была эпитафія, сочиненная имъ самимъ. „Здѣсь лежитъ Эсхилъ, сынъ „Евфоріоновъ, рожденный въ Аттикѣ, умеръ

„въ злачной странѣ Гелы: Персы и лѣса Ма-
„раѳонскіе будутъ всегда свидѣтельствовать
„его храбрость.„ Безъ сомнѣнія въ сію минуту не взлюбивъ славы словесности, призналъ славу оружія блистательнѣйшею. Аѳиняне воздавали почести его памяти, и стихотворцы, посвятившіе себя ѳеатру, путешествовали нѣсколько разъ, чтобъ учинить возліянія надъ его гробницею и возглашать свои сочиненія при семъ печальномъ памятникѣ.

Я нѣсколько распространился въ описаніи достоинства сего піита, ибо почти всѣ нововведенія его были новыя открытія и несравненно труднѣе ему было, при скудныхъ и слабыхъ образцахъ, кои онъ видѣлъ, возвысить трагедію до той великости, въ которой ее оставилъ, нежели послѣ его довести оную до совершенства.

Успѣхи сего искуства были чрезвычайно скоры. Эсхилъ родился нѣсколько лѣтъ спустя, какъ Ѳесписъ издалъ свою Альцесту. Современники и соперники его были Херилъ, Пратинъ, Фринихъ, коихъ славу онъ помрачилъ, а Софоклъ боролся съ его славою.

Софоклъ родился отъ честнаго семейства въ Аөинахъ, въ четвертый годъ семидесятой олимпіады, около двадцати семи лѣтъ послѣ Эсхила и около четырнадцати предъ Еврипидомъ.

Жизнь Софокла.

Не буду говорить, что онъ послѣ Саламинскаго сраженія, предводительствуя хоромъ юношей, возглашающихъ вкругъ трофея побѣдныя пѣсни, привлекъ на себя красотою своего стана взоры всѣхъ, а искусною игрою на своей лирѣ приобрелъ всеобщую похвалу; что въ различныхъ случаяхъ ввѣряемы ему были важныя должности, гражданскія и военныя (*), что въ восемьдесять отъ роду лѣтъ, бывъ оклеветанъ неблагодарнымъ сыномъ, будто онъ неспособенъ уже сталъ управлять дѣлами своего дома, въ оправданіе свое прочиталъ онъ только предъ судилищемъ трагедію Эдиппъ въ Колонѣ, которую лишъ только кончилъ: что разгнѣванные на сына судіи отдали

(*) Онъ повелѣвалъ воинствомъ вмѣстѣ съ Перикломъ. Сіе не доказываетъ, что онъ имѣлъ воинскія дарованія, но только то, что онъ былъ единъ изъ тѣхъ десяти вождей, коихъ всякой годъ избирали по жребію.

отцу всю справедливость и всѣ присутствовавшїе препроводили его въ торжествѣ домой; что онъ умеръ девяноста одного года насладившись славою, коея громкость и до нынѣ день отъ дня размножается: всѣ сїи къ похвалѣ его служащїя повѣствованїя не почтили бы его довольно. Но скажу, что кротостїю своего свойства и приятностїю ума приобрелъ онъ многихъ друзей, которыхъ и сохранилъ во всю свою жизнь. Что онъ отрицался безъ тщеславїя и сожалѣнїя отъ сильнаго желанїя царей, которые старались привлечь его къ себѣ; что, хотя въ лѣтахъ склонныхъ къ утѣхамъ любовь приводила его иногда въ заблужденїе, не жаловался онъ на старость, но поздравлялъ себя съ потерею молодости, какъ невольника, освободившагося отъ прихотей лютаго тиранна; что посмерти Еврипида, соперника его, приключившейся немного прежде кончины, его самаго показался онъ въ печальномъ одѣянїи, соединялъ горесть свою съ горестїю Аѳинянъ, и нетерпѣлъ, чтобъ въ его трагедїи, которую на ѳеатрѣ показывалъ, лицедѣи его на головахъ вѣнцы носили.

Сперва прилѣжалъ онъ къ стихотворству лирическому; но даръ ума его скоро за-

влекЪ на другїй пушь славнѣйшїй, и первый успѣхЪ утвердилЪ его навсегда вЪ ономЪ. Ему было двадцать восемь лѣтЪ. ОнЪ вступилЪ вЪ соперничество сЪ ЭсхиломЪ, который владѣлЪ ѳеатромЪ. Послѣ представленія драммЪ первый изЪ архонтовЪ, предсѣдавшїй всегда при играхЪ, не могЪ избрать по жребїю судей, долженствовавшихЪ опредѣлить вѣнецЪ побѣдителю; ибо зрители, раздѣленные на разныя мнѣнїя, производили вЪ собранїи безмѣрный шумЪ и крикЪ; и какЪ оные увеличивались ежеминутно, то десять вождей республики, подЪ предводительствомЪ Кимона, вознесшагося чрезЪ побѣды и щедрости на верьхЪ славы и довѣрїя, взошли на ѳеатрЪ и приближились кЪ олтарю Вакха, чтобЪ прежде отшествїя своего совершить на немЪ жертву возлїянїя. Присутствїе ихЪ и обрядЪ ими исполненный утишилЪ мятежЪ, и архонтЪ избравЪ ихЪ судїями для наименованїя побѣдителя, посадилЪ ихЪ, потребовавЪ прежде отЪ нихЪ клятву. Большинство голосовЪ провозгласило побѣдителемЪ Софокла, и его соперникЪ, оскорбленный симЪ предпочтенїемЪ, спустя нѣсколько времени, удалился вЪ Сицилїю.

Жизнь Эврипида.

Таковое блестящее торжество долженствовало удостовѣрить Софокла, что онъ всегда будетъ господствовать на ѳеатрѣ; но младый Еврипидъ былъ онаго свидѣтелемъ, напоминанїе сего торжества мучило его и тогда, когда онъ учился краснорѣчїю у Продика и философїи у Анаксагора. По сей то причинѣ явился онъ въ осьмнадцать лѣтъ отъ роду на поприще, которое онъ много лѣтъ протекалъ наравнѣ съ Софокломъ, уподобляясь двумъ горделивымъ конямъ, съ равнымъ жаромъ къ побѣдѣ стремящимся.

Хотя онъ имѣлъ много приятства въ своемъ разумѣ, но нѣкая строгость и важность всегда удаляла отъ лица его веселую улыбку и свѣтлыя краски радости. Сїю привычку приобрелъ онъ, такъ какъ и Периклъ, у Анаксагора, общаго ихъ учителя. Шутки и насмѣшки были ему противны: „ненавижу, говоритъ онъ въ одной своей драммѣ, тѣхъ безполезныхъ людей, которые другаго достоинства не имѣютъ, какъ только смѣяться надъ мудрецами, ихъ презирающими.„ Чрезъ сїе дѣлалъ онъ намѣки болѣе всего на своевольство комическихъ сочинителей, которые съ своей стороны старались осуждать его нравы такимъ же образомъ,

какъ осуждали нравы философовъ. Вмѣсто всякаго отвѣта, надлежало бы имъ только примѣтить, что Еврипидъ былъ другъ Сократу, который никакихъ зрѣлищъ не посѣщалъ, кромѣ однихъ трагедій сего стихотворца.

Онъ выставлялъ на ѳеатрѣ царицъ, беззаконіемъ себя обезчестившихъ, и при семъ случаѣ нѣсколько разъ изъяснялся онъ о женщинахъ вообще очень рѣзко, и потому старались возмутить ихъ противъ него. Одни утверждали, что онъ ихъ ненавидитъ; другіе, просвѣщеннѣйшіе первыхъ говорили, что онъ ихъ любилъ страстно:,, онъ гнушается ими, сказалъ ему нѣкто: такъ, отвѣчалъ Софоклъ, да только въ трагедіяхъ своихъ.,,

Различныя причины принудили его при концѣ своей жизни удалиться къ Архелаю, царю Македонскому; государь сей собиралъ ко своему двору всѣхъ тѣхъ, кои отличились въ словесности и въ художествахъ. Еврипидъ нашелъ тамъ Зевксиса и Тимофея, изъ которыхъ первый сдѣлалъ великую перемѣну въ живописи, а другой въ музыкѣ. Тамъ же нашелъ онъ стихотворца Агаѳона своего дру-

га, любезнѣйшаго и честнѣйшаго человѣка его времени. Онъ-то сказалъ Археласо: „Царь „долженъ помнить о трехъ вещахъ: что онъ „правитъ людьми, что долженъ править ими „по законамъ, что не будетъ править ими на„всегда.„ Еврипидъ изъяснялся не съ меньшею вольностїю; онъ имѣлъ къ тому право, потому что не требовалъ никакой милости. Въ одинъ день, въ который обыкновенїе позволяло подносить государю нѣкїе небольшїе подарки, въ знакъ приверженности и почитанїя, не предсталъ онъ къ царю вмѣстѣ съ придворными и льстецами, торопившимися исполнить сїю должность. Архелай сдѣлалъ ему нѣкоторый легкїй упрекъ:„ Когда бѣдный „даетъ, отвѣчалъ Еврипидъ, онъ требуетъ.„

Спустя нѣкоторое время онъ умеръ, проживъ около семидесяти шести лѣтъ. Аѳиняне послали повѣренныхъ въ Македонїю, просить о позволенїи перевести тѣло его въ Аѳины; но Архелай, оказавшїй уже всенародно знаки своей печали, отвергъ ихъ прозьбу и почиталъ честїю своему государству сохранить въономъ остатки великаго мужа. Онъ повелѣлъ воздвигнуть ему великолѣпную гробницу близь своей столицы, на брегу источни-

ка, коего вода такъ чиста, что приманиваетъ путешественника остановиться, и слѣдственно обозрѣть памятникъ, глазамъ его предстоящій. Въ тоже время Аѳиняне воздвигли въ честь его Кенотафъ на дорогѣ, ведущей изъ города къ Пиреѣ. Они произносятъ его имя съ почтеніемъ, а иногда съ восхищеніемъ. Въ Саламинѣ, въ мѣстѣ рожденія его, старались какъ можно скорѣе препроводить меня въ ту пещеру, въ которой какъ сказываютъ, сочинилъ онъ большую часть своихъ трагедій. Такимъ же образомъ жители мѣстечка Колона показывали мнѣ нѣсколько разъ домъ, въ коемъ Софоклъ провелъ часть жизни своей.

Почти въ одно время лишились Аѳины сихъ двухъ славныхъ стихотворцевъ. Едва сомкнули они очи, какъ Аристофанъ въ одной своей комедіи, съ успѣхомъ игранной, изобразилъ Вакха, который негодуя на дурныя трагедіи, при его празднествахъ представляемыя, сошелъ во адъ, чтобъ оттолѣ возвратить Еврипида; но пришедъ, нашелъ дворъ Плутоновъ исполненнымъ распрями. Причина оныхъ приносила честь стихотворству. Подлѣ трона сего бога стояли многіе другіе

троны, на которыхъ сидѣли первые стихотворцы, писавшіе въ благородныхъ и возвышенныхъ слогахъ и родахъ; но они должны мѣста свои уступить, когда покажутся мужи превосходнѣйшихъ дарованій. Эсхилъ занималъ тронъ трагедіи; Эврипидъ желаетъ имъ завладѣть; начинаютъ спорить о ихъ правахъ: за послѣдняго вступается великое число людей грубыхъ и безъ вкуса, обольщенныхъ ложными украшеніями краснорѣчія его. Софоклъ стоялъ за Эсхила и готовъ былъ признать его своимъ учителемъ, ежели Эсхилъ останется побѣдителемъ; а ежели будетъ побѣжденъ, спорить о вѣнцѣ съ Еврипидомъ. Между тѣмъ соперники дерутся. И тотъ и другій вооружась стрѣлами сатиры, возвышаютъ достоинство своихъ трагедій, и унижаютъ сочиненія противника своего. Вакхъ долженъ былъ произнесть судъ: долго остается онъ въ нерѣшимости; но наконецъ отдаетъ преимущество Эсхилу и прежде изшествія своего изъ ада проситъ усердно, чтобъ во время его отсутствія Софоклъ былъ вмѣсто его судіею.

Хотя Аристофанъ всегда показывалъ ненависть къ Еврипиду; однако рѣшеніе его,

определяющее первую степень Эсхилу, вторую Софоклу, а третїю Еврипиду, согласно было со мнѣнїемъ большей части Аѳинянъ. Не утверждая и не оспоривая онаго, хочу только объявить о перемѣнахъ, которыя Софоклъ и Эврипидъ послѣ Эсхила произвели въ дѣйство.

Я сказалъ выше, что Софоклъ въ первыя свои трагедїи ввелъ третьяго лицедѣя; и потому не останавливаясь ни на новыхъ убранствахъ (декорацїяхъ), которыми обогатилъ онъ позорище, ни на новыхъ принадлежностяхъ, кои придавалъ онъ нѣкоторымъ изъ его лицъ, скажу только, что онъ приписывалъ Эсхилу три погрѣшности: чрезвычайную высокопарность въ мысляхъ, исполинскую надменность въ выраженїяхъ, неудобьпонимаемое расположенїе связи драммъ; и онъ ласкался, что таковыхъ погрѣшностей избѣжалъ.

Естьли образцы, представляемые намъ на ѳеатрѣ, найдутся въ безмѣрно великомъ отъ насъ возвышенїи; то несчастїя ихъ не будутъ имѣть права приводить насъ въ жалость, а ихъ примѣры къ себѣ насъ привлекать и поучать. Ирои Софокловы изображаются такъ, что мы удобно имъ удивляемся

и приемлемъ въ нихъ соучастїе. А какъ они и въ самой высотѣ своей отъ насъ недалеки, то все до нихъ касающееся ни слишкомъ для насъ чуждо, ни слишкомъ знакомо; и какъ они въ ужасныхъ своихъ злоключенїяхъ оказываютъ въ себѣ еще нѣкую слабость: то происходитъ изъ того пронзительнѣйшая печаль, которую возбуждать стихотворецъ имѣлъ особенное искуство.

Онъ наблюдаетъ предѣлы истиннаго величїя съ такимъ раченїемъ, что по причинѣ страха оные преступить, случается, что иногда до нихъ и не доходитъ. Среди самаго скорѣйшаго бѣга, въ тотъ мигъ, когда кажется, что все сжечь хочетъ, вдругъ останавливается и пламень погашаетъ: можно сказать тогда, что онъ желаетъ лучше упадать, нежели заблуждаться.

Онъ не любилъ порочить сильно слабости человѣческаго сердца, ни описывать гнусныхъ злодѣйствъ; но любилъ представлять души твердыя, чувствительныя, и чрезъ то самое къ состраданїю приводящїя; души удрученныя несчастїемъ, но подъ онымъ нимало неунывающїя и тѣмъ негордящїяся.

Приведя иройство въ истинную его мѣру, Софоклъ понизилъ слогъ трагедіи и изгналъ сіи выраженія, которыя высокопарное воображеніе Эсхилу внушало и которыя приводили зрителей въ ужасъ. Слогъ Софокловъ, какъ и слогъ Омировъ, исполненъ силы, величавости, благородства и приятности, даже въ описаніяхъ страстей самыхъ жестокихъ соотвѣтствуетъ оный удачно достоинству лицъ.

Эсхилъ описывалъ людей гораздо вышшими, нежели каковыми они быть могутъ; Софоклъ, какими бы долженствовали быть; Еврипидъ, какими они суть. Два первые пренебрегали нѣкоторыя страсти и случайности, которыя третій почелъ весьма способными къ великимъ пораженіямъ. Онъ представлялъ иногда царицъ, любовію распаленныхъ, прелюбодѣйствомъ и беззаконіемъ только дышущихъ; иногда царей, низверженныхъ въ такое злосчастіе, что покрывъ себя рубищемъ принуждены бываютъ простирать къ милостынѣ руки, какъ нищіе. Аѳиняне сперва сильно возроптали на таковыя картины, въ которыхъ не находили больше ни кисти Эсхила, ни кисти Софокла. Говорили, что

не должно, ни подъ какимъ предлогомъ, безчестить на театрѣ свойства и достоинства ироевъ; что постыдно представлять съ искуствомъ постыдныя изображенія, и опасно усиливать порокъ великими примѣрами.

Но прошло уже то время, въ которое законы Греческіе налагали пѣни на тѣхъ искусниковъ, кои не обработывали своихъ сочиненій съ надлежащею благопристойностію. Души ослабѣвали, и предѣлы установленнаго приличія день отъ дня удалялись. Большая часть Аѳинянъ менѣе оскорблялись нарушеніемъ принятыхъ правилъ, которое Еврипидъ оказалъ въ своихъ трагедіяхъ, а болѣе увлекались и прельщались чувствіями, которыми онъ свои драммы оживлять умѣлъ; ибо сей стихотворецъ, искусный впрочемъ изобразитель всѣхъ душевныхъ страстей, преудивителенъ, когда описываетъ страстное изступленіе любви, или когда возбуждаетъ къ ощущенію жалости; тогда онъ превосходя самаго себя, достигаетъ иногда до высокаго, для чего, кажется, и сама природа его не назначила. Аѳиняне сожалѣли о участи преступной Федры, плакали о судьбѣ несчастнаго Телефа; и Еврипидъ былъ оправданъ.

Когда обвиняли его, что онъ привелъ трагедію въ слабость, вознамѣрился онъ сдѣлать ее училищемъ мудрости: находятъ въ сочиненіяхъ его систему Анаксагора, учителя его о происхожденіи существъ, и правила того нравоученія, коего начала Сократъ, другъ его, тогда преподавалъ. Но какъ Аѳиняне получили страсть къ искуственному краснорѣчію, коему онъ обучался у Продика, то онъ паче всего старался, ласкать ихъ ушамъ. Такимъ образомъ правила Философіи, и украшенія Риторики допущены были въ трагедіи, и сія новость послужила еще къ тому, что Еврипидъ отличился тѣмъ отъ своихъ предшественниковъ.

Въ трагедіяхъ Эсхила и Софокла страсти, спѣша достигнуть своей цѣли, не преподаютъ такихъ нравоученій, которыя останавливали бы ихъ шествіе; а Софоклъ имѣетъ особенное то, что среди скораго бѣга, какъ будто о томъ не мысля однимъ словомъ назначаетъ свойство (характеръ) и обнажаетъ внутреннія чувствія тѣхъ, коихъ выводитъ на позорище. Симъ-то образомъ, въ его Антигонѣ слово, излетѣвшее будто нечаянно изъ устъ сея княжны, обнаруживаетъ любовь ея къ сыну Креонову.

Еврипидъ напротивъ того употреблялъ много разумныхъ изреченій и разсужденій. Онъ почиталъ удовольствіемъ или должностію выказывать свои признанія и часто держался риторскихъ правилъ: отъ сего то происходятъ различныя сужденія о семъ сочинителѣ. Какъ философъ, имѣлъ многихъ приверженныхъ къ себѣ; ученики Анаксагора и Сократа, по примѣру учителей своихъ, радовались и поздравляли себя, видя ученіе свое похваляемое на ѳеатрѣ; и не прощая новому своему толкователю нѣкоторыхъ для самодержавства весьма выгодныхъ выраженій, открыли себя явно защитниками Еврипида, какъ такого писателя, который вперялъ любовь къ должностямъ и добродѣтели, и который, простирая свои виды далѣе, возвѣщалъ громогласно, что не должно обвинять боговъ въ толь многихъ постыдныхъ страстяхъ, но человѣковъ, которые имъ оныя приписуютъ; и какъ онъ со всею силою старался внушать важныя правила нравоученія; то помѣщенъ въ число мудрецовъ, и будетъ всегда почитаемъ философомъ въ ѳеатральныхъ сочиненіяхъ.

Краснорѣчіе его, перераждающееся иногда въ обильное пустословіе, учинило его

не меньше славнымъ между витїями вообще, какъ и между судебными витїями частно. Онъ подкрѣпляетъ удостовѣренїе жаромъ своихъ чувствїй, а убѣжденїе искуствомъ въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Красоты, которымъ любомудрцы и витїи удивляются въ письменахъ его, кажутся разсмотрителямъ его пороками существенными. Они утверждаютъ, что великое множество риторическихъ рѣченїй, правилъ нравственности, ученыхъ отъ настоящаго дѣйствїя отступленїй и излишныхъ словопрѣнїй умаляютъ силу драммъ; по сей причинѣ поставляютъ они Еврипида гораздо ниже Софокла, который ничего безполезнаго не говоритъ.

Эсхилъ сохранилъ въ своемъ слогѣ смѣлость диѳирамва, а Софоклъ великолѣпїе Епопеи. Еврипидъ утвердилъ языкъ свойственный трагедїи; не употребилъ онъ почти ниединаго выраженїя, изключительно стихотворству посвященнаго; но онъ умѣлъ избирать и употреблять рѣчи обыкновенныя такъ искусно, что удачнымъ ихъ совокупленїемъ, слабость мысли кажется изчезаетъ, и слово самое простое становится благород-

нымъ. Таково есть волшебство сего очаровательнаго слога, который, въ праведномъ размѣрѣ между низостїю и возвышенностїю, бываетъ почти всегда красивъ и ясенъ, почти всегда сладкогласенъ, текущъ и столь гибокъ, что безъ усилїя ко всякимъ движенїямъ души кажется способнымъ.

Однако чистые и гладкїе стихи его стоили ему превеликаго труда. Такъ какъ Платонъ, Зевксисъ и всѣ тѣ, кои достичь совершенства старались, судилъ онъ свои сочиненїя какъ строгїи соперникъ и рачилъ объ нихъ какъ нѣжный отецъ. Нѣкогда сказалъ онъ: „что надъ треня стихами трудился онъ цѣлыя три дни.„ На твоемъ мѣстѣ я бы сдѣлалъ сто, примолвилъ нѣкоторый посредственный стихотворецъ; „вѣрю, отвѣчалъ Еврипидъ, но они бы не прожили трехъ дней.„

Софоклъ допускалъ въ свои хоры сладкопѣнїе Фригїйское, котораго предметъ былъ внушать воздержанїе отъ страстей, и который приличествовалъ богопочтенїю. Еврипидъ бывъ соучастникомъ въ тѣхъ нововведенїяхъ, коими Тимоѳей низпровергалъ древнюю музыку, принялъ почти всѣ гласосообразованїя

(моды) а особливо тѣ, которыхъ приятность и мягкость сходствовали съ качествомъ его стихотворства. Удивились, когда услышали на ѳеатрѣ звуки съ лишкомъ нѣжные, повторяющїе иногда одинъ слогъ многократно. Вскорѣ представленъ былъ на ономъ самъ сочинитель, яко слабосильный искусникъ, который не могши такъ возвыситься, какъ требуетъ величїе трагедїи, унизилъ оную также какъ низокъ онъ и самъ; который слѣдственно лишилъ всѣ части, оную составляющїя, свойственной имъ силы и важности; и который присоединивъ пѣсенки къ малозначущимъ словамъ, старался замѣнить красоту нарядами, а силу поддѣльнымъ искусствомъ:,, заставимъ пѣть Еврипида,, говоритъ Аристофанъ,, пусть возметъ онъ лиру или лучше, пару улитокъ, стихи его могутъ поддерживаться однимъ только ихъ подъигриванїемъ.,,

Нынѣ никто бы не отважился объ нихъ судить такимъ образомъ. Во время Аристофаново, много людей, привыкшихъ изъ дѣтства къ важности и величественности древней трагедїи, боялись предаться впечатлѣнїямъ новыхъ звуковъ, коими уши ихъ пора-

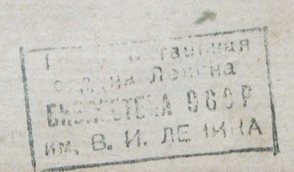
жались. Но приятности смягчили строгость правилъ, и чрезъ недолгое время побѣду одержали.

Въ разсужденіи расположенія драммъ, Софоклу вообще отдается преимущество предъ всѣми; можно бы даже доказать, что почти всѣ законы трагедій основаны на его правилахъ. Но какъ въ дѣлахъ вкуса, подробное разсмотрѣніе хорошаго сочиненія бываетъ почти всегда твореніемъ дурнымъ, ибо благообдуманныя и правильныя красоты теряютъ чрезъ то свою цѣну; то довольно сказать вообще, что сей стихотворецъ остерегся отъ тѣхъ существенныхъ погрѣшностей, которыми упрекаютъ его соперника.

Еврипиду рѣдко удается искусно расположить содержаніе своей драммы; иногда нарушаетъ онъ правдоподобіе; иногда вводитъ приключенія насильно; иногда дѣйствіе его перестаетъ составлять одно и тоже цѣлое; завязки и развязки почти всегда оставляютъ чего нибудь желать, и хоры его часто имѣютъ постороннія соотношенія къ трагедіи.

Онъ первый началъ излагать содержаніе трагедіи или въ прологѣ, или въ длинномъ

предувѣдомленіи, совсѣмъ почти не принадлежащемъ до драммы: въ немъ-то обыкновенно одинъ изъ лицедѣевъ, разсказываетъ съ холодностію всѣ будущія приключенія, относящіяся до дѣйствія; доноситъ о родословіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ; и естьли то богъ, увѣдомляетъ о причинахъ, для которыхъ сшелъ съ неба; естьли то смертный, для чего возсталъ изъ гроба; въ немъ-то, для возвѣщенія себя зрителямъ, довольствуется лицедѣй только тѣмъ, что произнесетъ свое имя: *Я Богиня Венера. Я Меркурій, сынъ Маіи. Я Полидоръ сынъ Гекубы. Я Іокаста. Я Андромаха.* Вотъ какъ изъясняется Ифигенія, показавшись одна на ѳеатрѣ: „Пелопсъ, сынъ Тантала, пришедъ въ Пизу, „сочетался бракомъ со дщерію Эномаія, отъ ко„торой родился Атрей; отъ Атрея родились „Минелай и Агамемнонъ; послѣдній поялъ „въ супругу дщерь Тиндара: а я Ифигенія, „родившаяся отъ сего брака.„ По семъ родословіи, толь остроумно въ комедіи Аристофановой осмѣянномъ, княжна говоритъ сама себѣ; что родитель мой повелѣлъ прибыть мнѣ въ Авлиду, подъ предлогомъ, сочетать меня съ Ахилломъ, но въ самомъ дѣлѣ принесть меня въ жертву Діанѣ; богиня сія,

подмѣнивъ вмѣсто меня лань, восхитила вдругъ и принесла меня въ Тавриду, гдѣ царствуетъ Ѳоасъ, такъ названный по причинѣ скорости, птичьему полету сродной. Наконецъ по нѣкоторыхъ другихъ разсказахъ, оканчеваетъ повѣствованіемъ о снѣ, приведшемъ ее въ ужасъ и возвѣщающемъ ей о смерти Ореста ея брата.

Въ трагедіяхъ Эсхиловыхъ и Софокловыхъ чрезъ искусную уловку объясняется содержаніе въ первыхъ явленіяхъ. Кажется, самъ Еврипидъ похитилъ у нихъ сіе таинство въ свою Медею и въ Ифигенію въ Авлидѣ. Впрочемъ, хотя вообще въ писаніяхъ его нѣтъ искуства; но прозорливые критики не осуждаютъ оныхъ.

Страннѣе всего, что въ нѣкоторыхъ изъ его прологовъ, какъ будто для уменьшенія состраданія, которое внушить намъ хочетъ, предупреждаетъ насъ о большей части произшествій, которые должны удивлять насъ внезапно. Всего страннѣе еще то, что онъ заставляетъ говорить рабовъ пофилософски, а царей порабски, и, для ласкательства народу, впадаетъ въ такія погрѣшности, кото-

рымъ драмма его: *Просительницы* представляетъ поразительный примѣръ.

Өисей собралъ воинство Аөинское; онъ ожидалъ послѣдняго рѣшенія отъ Креона, царя Өивскаго, чтобъ идти противъ него войною. Въ самую ту минуту пріѣзжаетъ провозвѣстникъ Креоновъ, и требуетъ говорить съ царемъ Аөинскимъ; напрасно ищешь его, сказалъ ему Өисей; сей Городъ свободенъ и самодержавная власть находится въ рукахъ всѣхъ сограждан. При сихъ словахъ провозвѣстникъ возглашаетъ семнадцать стиховъ противъ народоправленія. Өисей выходитъ изъ терпѣнія, называетъ его пустословомъ и произноситъ двадцать семь стиховъ, изображающихъ неудобства правленія царей.

Послѣ сей толь неумѣстной распри провозвѣстникъ исполняетъ данное ему препорученіе. Кажется, что Еврипидъ любилъ лучше послѣдовать своему уму, нежели оный покорять, и мыслилъ больше о предметахъ Философіи, нежели о содержаніи своихъ драммъ.

Въ слѣдующей главѣ объявлю о другихъ порокахъ, которые ему свойственны обще

съ Софокломъ; но какъ донынѣ слава ихъ непомраченна пребываетъ, то должно изъ того заключать, что красоты въ ихъ творенiяхъ блистающiя суть превосходнаго совершенства. Надобно въ честь Еврипида присовокупить и то, что большая часть его трагедiй, имѣющихъ плачевную развязку, производятъ величайшее въ зрителяхъ дѣйствiе и заставляютъ почитать его между прочими драматическими стихотворцами превосходнѣйшимъ трагикомъ.

Ѳеатръ представлялъ тѣмъ дарованiямъ, кои онъ возраждалъ, обильную жатву лавровъ. Со временъ Эсхиловыхъ донынѣ, въ теченiи цѣлаго вѣка съ половиною, многiе писатели устремлялись ревностно, уравнять или украсить пути, которыя генiй недавно проложилъ: но пусть сочиненiя ихъ дадутъ объ нихъ знать потомству, я назову только тѣхъ, кои успѣхи, или неудачныя усилiя могутъ объяснить исторiю искуства и вразумить тѣхъ, кои въ немъ упражняются.

Фринихъ, ученикъ Ѳесписовъ и соперникъ Эсхиловъ ввелъ женскiя лица на позорищѣ. Въ то время, какъ Ѳемистоклу препо-

ручено было отъ своего колѣна вспомоществовать въ устройствѣ игръ, Фринихъ представилъ одну изъ своихъ трагедій: она была одобрена и имя стихотворца вырѣзано было на марморѣ вмѣстѣ съ именемъ побѣдителя Персовъ. Трагедія его подъ названіемъ *Взятіе Милета* имѣла странный успѣхъ; зрители обливались слезами, но осудили сочинителя на тысячу драхмъ пѣни за то, что онъ изобразилъ съ лишкомъ живо тѣ несчастія, которыя Аѳиняне предупредить долженствовали.

Іонъ гордился столь много увѣнчаніемъ своей трагедіи, что подарилъ всѣмъ жителямъ Аѳинскимъ прекрасный глиняный сосудъ, сдѣланный на островѣ Хіо, отечествѣ его. Какъ писателя, можно упрекнуть его тѣмъ, что не заслуживаетъ никакого упрека; творенія его столь рачительно обработаны, что око самаго строгаго судьи не увидитъ въ нихъ никакого пятна. Однако всѣ его писанія не стоятъ Эдиппа Софоклова, ибо не смотря на его усилія, онъ могъ только достичь до совершенства въ посредственности.

Агатонъ, другъ Сократа и Еврипида, отважился первый издавать вымышленныя драм-

матическія приключенія. Комедіи его писаны красиво, а трагедіи его съ тѣмъ же великимъ множествомъ противоположеній и семитрическихъ украшеній, какими наполнены рѣчи ритора Горгіа.

Филоклесъ сочинилъ великое множество драммъ; въ нихъ нѣтъ другой странности кромѣ ѣдкаго слога, по которому и прозванъ былъ *желчью*. Сей толь посредственный писатель при состязаніи, по суду Аѳинянъ, предпочтенъ былъ Софоклу, представившему тогда Эдиппа, наилучшую изъ его трагедій и можетъ быть превосходнѣйшій образецъ Греческаго ѳеатра. Безъ сомнѣнія придетъ время, въ которое изъ почтенія къ Софоклу никто не осмѣлится сказать, что онъ былъ выше Филоклеса.

Астидамъ, племянникъ Филоклесовъ, написалъ еще болѣе драммъ, нежели дядя его, и пятнадцать разъ получилъ награду. Сынъ его, тогоже имени, издавалъ въ мое время многія ѳеатральныя сочиненія; имѣлъ онъ соперниками Асклепіада, Афарея, усыновленнаго Исократомъ, Ѳеодекта и многихъ другихъ, которые могли бы удивлять, естьли бы не жили послѣ мужей поистиннѣ удивительныхъ.

Я позабылъ старшаго Діонисія, царя Сиракузскаго. Въ сочиненіи трагедій его помогали ему нѣкоторые разумные люди, которымъ онъ и одолженъ побѣдою, въ семъ родѣ словесности полученною. Тщеславясь своими произведеніями, испрашивалъ онъ похвалъ и одобреній отъ всѣхъ тѣхъ, кои его окружали, и испрашивалъ съ подлостію и свирѣпствомъ тирана.

Нѣкогда просилъ онъ Филоксена поправить драмму, которую онъ кончилъ. Стихотворецъ сей зачернилъ ее съ начала до конца, и за то осужденъ былъ работать въ каменоломнѣ. На другой день Діонисій велѣлъ освободить и допустить его къ своему столу. При концѣ обѣда, прочитавъ наизусть нѣсколько своихъ стиховъ спросилъ:,, какъ думаешь объ нихъ, Филоксенъ? Стихотворецъ, не отвѣчая ему ни слова, сказалъ приставленной стражѣ: ,,ведите меня въ каменоломню.,,

Между всѣми тѣми, кои ѳеатръ приводили въ славу, Эсхилъ, Софоклъ и Еврипидъ остаются и навсегда останутся въ достоинствѣ первыми. Отъ чего же происхо-

дитъ, что, при великомъ числѣ трагедій, которыя они въ состязаніе представляли, первый увѣнчанъ былъ только тринадцать разъ, второй только осмнадцать разъ, а третій только пять разъ? Отъ того, что чернь рѣшила о преимуществѣ, а публика потомъ утверждала степени оному. Чернь имѣла покровителей, которыхъ страстямъ угождала, любимцевъ, которыхъ пользу и корысть подкрѣпляла: отъ сего то происходили толь многія козни, насилія и неправосудія, кои во время рѣшенія оказывались. Съ другой стороны публика, то есть, лучшая часть гражданства ослѣплялась иногда легкими красотами, разсѣянными въ сочиненіяхъ посредственныхъ; но не медлила мужамъ свышняго ума отдавать справедливость, когда познавала превосходство ихъ изъ тщетныхъ покушеній ихъ соперниковъ и послѣдователей.

Исторія комедіи.

Хотя комедія имѣетъ тоже начало какъ и трагедія, но исторія ея не столь извѣстная, показываетъ какъ перемѣны, коихъ обстоятельно мы не знаемъ, такъ и открытія, коихъ изобрѣтателей отъ насъ скрываетъ.

Комедія появилась около пятидесятой Олимпіады, въ мѣстечкахъ Аттики, сообразная

грубымъ нравамъ сельскихъ жителей; но не смѣла приближаться до столицы; и естьли общины вольныхъ лицедѣевъ случайно въ оною вкрадывались для представленія неблагопристойныхъ игрищъ; то правительствомъ меньше были уважаемы, нежели терпимы. Долго пребывала она въ самомъ слабомъ дѣтствѣ, какъ вдругъ возрасла въ Сициліи. Вмѣсто многихъ явленій безъ связи и послѣдства, любомудрецъ Епихармъ установилъ узелъ дѣйствованія, соединилъ всѣ его части, распространилъ его въ надлежащей мѣрѣ, и довелъ его безъ погрѣшности до конца Комедіи его, законы и правила трагедіи въ себѣ содержащія, познаны были въ Греціи, гдѣ служили онѣ примѣрами и образцами, и гдѣ вскорѣ комедія раздѣляла съ своею соперницею, трагедіею, похвалы отъ публики, и почтеніе, долженствуемое дорованіямъ. Аѳиняне особливо приняли ее съ такимъ восхищеніемъ, съ какимъ моглибы принять извѣстіе о побѣдѣ.

Многіе изъ нихъ упражнялись въ семъ родѣ словесности. Имена ихъ украшаютъ многочисленную роспись тѣхъ, которые, со временъ Епихарма до нашихъ дней, въ семъ искуствѣ отличались. Таковы были между

древнѣйшими комиками, Магнесъ, Кратинъ, Кратесъ, Ферекратъ, Евполъ и Аристофанъ, умершій около тридцати лѣтъ прежде прибытія моего въ Грецію. Всѣ сіи сочинители жили въ вѣкъ Перикла.

Колкія шутки доставляли сперва Магнесу великія похвалы; но какъ онъ потомъ благоразумнѣе и умѣреннѣе быть началъ, то комедіи его упали.

Кратинъ имѣлъ успѣха меньше въ расположеніи вымысла, нежели въ описаніи пороковъ: бывъ язвителенъ, какъ Архилохъ, и словосиленъ, какъ Эсхилъ, нападалъ онъ на частныхъ людей безъ пощады и жалости.

Кратесъ отличился веселостію своихъ шутокъ; а Ферекратъ хитростію оныхъ. Оба были счастливы въ выдумкахъ, и воздержались отъ личности.

Евполъ послѣдовалъ въ писаніи Кратину, но имѣлъ больше возвышенности и пріятности. Аристофанъ съ меньшею желчію какъ Кратинъ, и съ меньшею пріятностію какъ Евполъ, умѣрялъ часто горечь одного пріятностію другаго.

Естьли бы стали мы судить о названіяхъ комедій, оставшихся намъ отъ того времени, то трудно было бы понять, какое мнѣніе имѣли тогда о комедіи. Вотъ нѣкоторыя изъ сихъ названій: Промифей, Триптолемъ, Вакхъ, Вакханты, ложный Ираклъ, бракъ Гебеи, Данаиды, Ніобе, Амфіарай, Кораблекрушеніе Улисса, Златый Вѣкъ, Дикіе люди, Небо, Четыре времени года, Земля и Море, Журавли, Птицы, Пчелы, Лягушки, Облака, Козы, Законы, Живописцы, Пифагорійцы, Бѣглецы Друзья, Льстецы, Женоподобные.

Чтеніе сихъ комедій доказываетъ ясно, что сочинители оныхъ имѣли въ предметѣ только нравиться черни; что всѣ средства казались имъ одинаковы; и что употребляли они попеременно пересмѣшку, (пародію), иносказанія и сатиру, которыя поддерживали они похабными описаніями и грубѣйшими выраженіями.

Они выставляли на театрѣ, но въ различныхъ краскахъ, тѣже самыя историческія содержанія, которыя и трагическими стихотворцами обработаны были. Въ Ніобѣ Еврипидовой всѣ плакали, а въ Ніобѣ Аристо-

фановой всѣ смѣялись. Боги и ирои были переодѣваемы и смѣшное родилось изъ противоположности переодѣванія съ ихъ достоинствомъ. Различныя комедіи имѣли названіе Вакха и Иракла; передразнивая ихъ свойство позволяли они себѣ выставлять на смѣхъ черни чрезмѣрную трусость перваго и безподобное обжирство втораго. Чтобъ насытить алчность Ираклову, Епихармъ описываетъ обстоятельно всѣ роды рыбъ и раковинъ, въ его время извѣстныхъ, кои онъ на столъ ему ставитъ.

Таковый же образъ шутокъ оказывался и въ аллегорическихъ содержаніяхъ, какъ на примѣръ: въ златомъ вѣкѣ, коего преимущества они выхваляли. Счастливый сей вѣкъ, говорили одни, не имѣлъ нужды ни въ рабахъ, ни въ рукодѣльникахъ: рѣки протекали сокомъ весьма вкуснымъ и питательнымъ; источники вина текли съ неба на подобіе дождя; человѣкъ, сидя подъ тѣнію древъ, исполненныхъ плодами, видѣлъ птицъ жаренныхъ и приготовленныхъ въ округъ его лѣтающихъ, и просящихъ его принять ихъ въ свою употребу. Опять возвратится сіе время, говорилъ дру-

гой, въ которое повелю столу, чтобъ накрывался самъ собою; бутылкѣ наливать мнѣ вина; рыбѣ въ половину изжаренной перевороштиться на другую сторону и налить на себя нѣсколько капель масла.

Таковыя изображенія клонились къ тому роду гражданъ, которые не могши пользоваться приятствами жизни, любятъ предполагать, что въ оныхъ не навсегда ему было и будетъ отказано. Изъ почтенія также къ сему народу, славнѣйшіе сочинители иногда доставляли своимъ лицедѣямъ одежду, тѣлодвиженія и выраженія самыя неблагопристойныя, а иногда заставляли ихъ говорить безстыдныя ругательства противъ частныхъ людей.

Мы видѣли, что нѣкоторые сочинители, обработывая свои комедіи во всеобщемъ смыслѣ, удерживались отъ всякой личной брани; но другіе были столько злобны и измѣнчивы, что смѣшивали слабости съ пороками, а достоинство дѣлали смѣшнымъ: бывъ подобны лазутчикамъ въ обществѣ, доносителямъ на ѳеатрѣ, часто выставляли славнѣйшихъ мужей на поруганіе черни, а представляя богачей, правильно или неправильно разжившихся,

возбуждали въ ней противу ихъ зависть. Не было гражданина довольно знаменитаго, не было гражданина довольно презрительнаго, который бы свободенъ былъ отъ ихъ поражений; иногда означаемъ онъ былъ намеками удобными къ догадкѣ, но чаще еще называемъ былъ по имени и по чертамъ лица его, изображеннымъ на личинѣ дѣйствующаго. Мы имѣемъ комедію, въ которой Тимокреонъ представляетъ совокупно Ѳемистокла и Симонида; мы имѣемъ многія комедіи на дѣлателя лампадъ, именуемаго Гиперболъ, который чрезъ происки достигъ до степени градоначальниковъ.

Сочинители таковыхъ сатиръ прибѣгали ко лжи и обманамъ, чтобъ удовольствовать свою ненависть; и къ безчестнымъ ругательствамъ для угожденія черни. Со злобою въ сердцѣ, и съ ядомъ въ рукахъ ныряли они сквозь различныя состоянія гражданъ, вкрадывались во внутренность домовъ, чтобъ выставить на ружу такія злодѣйства, которыя никогда не случались. Иногда ругали они философовъ, трагическихъ стихотворцевъ, и собственныхъ своихъ соперниковъ.

Какъ философы оказывали къ симъ ругательствамъ одно величайшее презрѣніе, то

творцы комедій начали ихъ описывать подозрительными правительству, и смѣшными передъ чернью. Симъ-то образомъ, въ особѣ Сократа, добродѣтель обругана была неоднократно на театрѣ; и Аристофанъ въ одной своей драммѣ осмѣлился обращать въ смѣхъ расположеніе совершенной республики, каковую Протагоръ и Платонъ воображали.

Въ тоже время комедія учинилась судилищемъ всѣхъ тѣхъ, кои посвящали свои дарованія трагедіи. Иногда выказывала она съ язвительностію недостатки въ ихъ личности или въ ихъ сочиненіяхъ; иногда колкимъ образомъ смѣхотворствовала надъ ихъ стихами, мыслями и чувствіями. Еврипидъ во всю свою жизнь гонимъ былъ отъ Аристофана; и тѣ же самые зрители увѣнчевали трагедію перваго, и ѣдкую на нея хулу втораго.

Наконецъ возгорѣлся соспоръ еще сильнѣйшій между тѣми, которые пробѣгали тоже само поприще. Аристофанъ упрекалъ Кратина любовію къ вину, разслабленіемъ его разума, и другими недостатками, сопряженными съ его старостію; Кратинъ, чтобъ отмстить своему врагу укорялъ и доказывалъ, что Ари-

стофанъ обокралъ Евпола и чужимъ достоинствомъ украшается.

Среди сихъ ссоръ постыдныхъ для словесности Кратинъ вымыслилъ, а Аристофанъ въ дѣйство произвелъ намѣренїе распространить область комедїи. Аристофанъ Креономъ обвиняемый за то, что онъ напрасно присвояетъ себѣ имя гражданина, въ оправданїи своемъ внесъ два стиха, которые Омиръ вложилъ въ уста Телемаку, и которые онъ переличилъ слѣдующимъ образомъ:

Я сынъ Филипповъ: такъ вѣщаетъ мать моя;
Не знаю въ точь сего; скажитежъ, чей сынъ я?

Выдумка сїя удержала его въ прежнемъ состоянїи, и онъ ни о чемъ не помышлялъ какъ объ отмщенїи. Воспылавъ, какъ онъ самъ сказываетъ, мужествомъ Иракла, сочинилъ онъ на Креона комедїю, наполненную желчью и ругательствомъ. Какъ ниодинъ художникъ не осмѣлился расписывать личины столь страннаго человѣка, и ниодинъ лицедѣй представлять его особу; то Аристофанъ принужденъ былъ самъ выступить на театръ съ зама-

раннымЪ лицемЪ дрождями, имѣлЪ удовольствіе видѣть, что чернь съ превеликимЪ смѣхомЪ рукоплескала всѣмЪ тѣмЪ язвительнымЪ стрѣламЪ, которыя онЪ бросалЪ вЪ такого градоначальника, коего она обожала, и всѣмЪ тѣмЪ колкимЪ бранямЪ, кои онЪ осмѣлился произносить противЪ нея самой.

УспѣхЪ сей придалЪ ему еще больше смѣлости: онЪ описывалЪ вЪ иносказательныхЪ представленіяхЪ самыя важныя обстоятельства республики. Иногда показывалЪ онЪ необходимость окончить продолжительную и раззорительную войну: иногда вооружался онЪ противЪ корыстолюбія начальниковЪ, противЪ распрей вЪ сенатѣ, противЪ слабоумія народа при его выборахЪ и рѣшеніяхЪ. Двое превосходныхЪ лицедѣевЪ, КаллистратЪ и ФилонидЪ, подкрѣпляли всѣ его усилія и предпріятія; увидя перваго, зрители догадывались впередЪ, что комедія осмѣивать будетЪ только частныхЪ людей; увидя втораго предузнавали, что нападать станетЪ на погрѣшности правительства.

Между тѣмЪ разумнѣйшая часть согражданства роптала, иногда и съ успѣхомЪ, на

своевольство комедіи. Въ самомъ первомъ узаконеніи запрещено было представлять оныя: во второмъ запрещено было только, не называть никого поимянно; въ третьемъ, не нападать на градоначальниковъ. Но сіи узаконенія вскорѣ были забыты, или опять уничтожены: ибо казалось, что оныя противны сущности правленія; сверьхъ того народъ не могъ обойтися безъ такого зрѣлища, которое противъ предметовъ его зависти употребляло всевозможныя хулы и брани.

Какъ при концѣ Полопонисской войны малое число согражданъ получило верховную власть, то первое ихъ стараніе было обуздать дерзское своевольство стихотворцевъ и позволить всякому обиженному отъ нихъ человѣку жаловаться въ судѣ. Страхъ, наведенный сими могущественными мужами, произвелъ въ комедіи скорую перемѣну. Хоръ изчезъ; ибо устрашенные симъ закономъ богачи не хотѣли больше имѣть попеченія о его устройствѣ, ни содержать его на своемъ иждивеніи. Не было больше ни личныхъ сатиръ на частныхъ людей, ни ругательства Государственнымъ начальникамъ, ни сходства лицъ изображаемаго на харяхъ.

Самъ Аристофанъ покорился сей перемѣнѣ въ послѣднихъ своихъ комедїяхъ. Сочинители вскорѣ за нимъ послѣдовавшїе, какъ то, Евбулъ, Антифанъ и многїе другїе наблюдали уже правила благопристойности. Несчастїе Анаксандрида научило ихъ отъ оныхъ не удаляться. Онъ переличилъ сїи слова изъ Еврипидовой трагедїи: „*природа даетъ свои повелѣнїя и мало печется о нашихъ законахъ*. Анаксандридъ перемѣнилъ слово *природа* на слово *городъ*, за что осужденъ былъ умереть съ голода.

Вотъ въ какомъ состоянїи находилась комедїя во время моего пребыванїя въ Грецїи. Нѣкоторые сочинители продолжали обработывать и переличать содержанїя басни и исторїи, но большая часть изъ нихъ предпочла содержанїя вымышленныя, и тотъ же духъ подробнаго разсмотрѣнїя и примѣчанїя, съ которымъ философы старались собирать въ человѣческомъ сообществѣ тѣ разсѣянныя черты, коихъ соединенїе означаетъ великость или малосилїе души, возбудилъ и стихотворцевъ описывать вообще странности, которыя общество оскорбляютъ, или дѣянїя, которыя оное безчестятъ.

Комедія сдѣлалась теперь искуствомъ правильнымъ, ибо любомудрцы только могли опредѣлить ей правила; они говорили, что она должна изображать не всѣ пороки, но единственно тѣ, кои осмѣянія достойны: они говорили еще, что по примѣру трагедіи можетъ она усиливать и увеличивать свойства лицъ, дабы оныя поразительнѣе казались.

Когда хоръ, — что случалося рѣдко — опять появлялся, то смѣшивали междѣйствія (интермедіи) съ явленіями, и пѣніе съ проклицаніемъ (декламаціею). Когда хоръ вовсе уничтоженъ былъ, тогда дѣйствіе учинилось правоподобнѣе, и шествіе его скоротечнѣе. Сочинители говорили языкомъ, который нѣжныя уши могли слушать; и чудное содержаніе комедіи не представляло больше нашимъ глазамъ хоровъ птицъ, шмелей и прочихъ животныхъ, въ естественномъ ихъ видѣ изобразуемыхъ. Каждый день открывались новыя заблужденія въ разумѣ и сердцѣ; не доставало только великаго писателя, который бы могъ воспользоваться погрѣшностями древнихъ и примѣчаніями новыхъ.

О сатирѣ.

Изслѣдовавъ шествіе и успѣхи трагедіи и комедіи, остается мнѣ говорить о драммѣ,

соединяющей въ себѣ и важность первыя и веселость вторыя (*). Она родилась также при Вакховыхъ празднествахъ, гдѣ хоры Силеновъ и Сатировъ примѣшивали шутки въ тѣ пѣсни, которыя они въ честь сего божка воспѣвали.

Всеобщее собраніе таковыхъ пѣсенъ подало первую мысль къ сатирѣ, поэмѣ, которыя содержаніе самое важное обработывается образомъ и печальнымъ и веселымъ.

Поэма сія отличается отъ трагедіи чрезъ нѣкоторый родъ лицъ, кои она допускаетъ: чрезъ окончаніе, которое никогда не бываетъ плачевно: чрезъ рѣзкія, острыя слова и шутливости, которыя составляютъ главное ея достоинство. Она отличается отъ комедіи свойствомъ содержанія, образомъ величавости и важности въ нѣкоторыхъ своихъ явленіяхъ, рачительнымъ удаленіемъ отъ всякой личности. Она отличается отъ одной и другой, чрезъ риѳмы, ей одной свойственныя, чрезъ простоту басни, чрезъ

(*) Менандръ родился въ послѣднихъ годахъ пребыванія Анахарсиса въ Греціи.

предписанное время въ продолженіи дѣйствія; ибо сатира есть малая комедія, представляемая послѣ трагедіи, для развеселенія зрителей.

Сатира показываетъ кустарники, горы пещеры и сельскіе виды всякаго рода. Лица хора, являющіяся въ томъ же чудномъ и странномъ образѣ, который присвояется сатирамъ, иногда производятъ пляски, рѣзвостію и прыганіемъ исполненныя; иногда разговариваютъ или поютъ съ богами или ироями; и изъ различности ихъ мыслей, чувствій и выраженій происходитъ противоположность поразительная и странная.

Есхилъ лучше всѣхъ успѣлъ въ семъ родѣ. Софоклъ и Еврипидъ въ немъ отличились, не меньше стихотворцевъ Ахея и Игемона. Сей послѣдній доставилъ сатирической драммѣ новыя пріятства, чрезъ приличеніе явленій въ явленія давно извѣстныхъ трагедій. Сіи преличенія, коимъ онъ хитрою своею игрою придавалъ много веселости, были чрезмѣрно похваляемы и часто увѣнчаны. Въ день представленія его Гигантомахіи (Гигантской войны), какъ непомѣрный смѣхъ раздавался въ собраніи, получена была вѣдомость о раз-

битіи всего воинства въ Сициліи: Игемонъ хотѣлъ перестать играть, но Аѳиняне сидѣвъ неподвижно въ своихъ мѣстахъ, покрылись плащами, и проливъ о сродникахъ своихъ нѣсколько слезъ, дослушивали съ прежнимъ вниманіемъ остатокъ драммы. Они говорили послѣ, что не хотѣли показать своей слабости и печали при иностранцахъ, присутствовавшихъ въ томъ зрѣлищѣ.

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ.

О представленіи Ѳеатральныхъ драммъ въ Аѳинахъ.

Ѳеатръ Ѳеатръ былъ въ началѣ деревянный; онъ обрушился во время представленія драммы стараго сочинителя Пратина; потомъ состроенъ каменный, существующій и донынѣ на юговосточномъ углу крѣпости. Естьли бы предпріялъ я оный описывать; не удовольствовалъ бы ни тѣхъ, кои его видѣли, ни тѣхъ, кои его не знаютъ. Сообщу здѣсь только его чертежъ, и прибавлю нѣкоторыя примѣчанія къ тому, что я сказалъ уже о представленіяхъ драмъ одной изъ предшествовавшихъ главъ (*).

1е. Во время представленія не позволено никому оставаться въ партерѣ: опытность научила, что, естьли оный несовершенно пустъ, то голоса не столь слышны бываютъ.

2е. Предпозорище, или передняя часть ѳеатра раздѣляется на двѣ части, одна вы-

---

(*) Смотри XI Главу сего сочиненія.

ше, гдѣ играютъ лицедѣи; другая ниже, гдѣ обыкновенно помѣщается хоръ. Часть сія превышаетъ десятью до двѣнадцати футовъ партеръ, изъ котораго восходить туда можно. Находящійся въ семъ мѣстѣ хоръ можетъ способно обращаться и къ дѣйствующимъ лицамъ и къ зрителямъ.

3е. Какъ ѳеатръ не покрытъ, то случается иногда, что внезапный дождь принуждаетъ зрителей убѣгать подъ покрытые переходы, или въ общенародныя зданія, въ близи находящіяся.

4е. Въ пространномъ нутрѣ ѳеатра происходятъ часто состязанія въ стихотворствѣ, или въ музыкѣ, или въ плясаніи, которыя обыкновенно при большихъ празднествахъ совершаются. Ѳеатръ посвященъ *Славѣ*; однако въ тотъ же самый день представлены на немъ были и трагедія Еврипидова, и послѣ оной кукольное игрище.

Праздники во время которыхъ пред-

Трагедіи и комедіи представляются только во время трехъ праздниковъ, посвященныхъ Вакху. Первый празднуется въ Пирeѣ, гдѣ представлены были въ первый разъ

ставляются зрѣлища. нѣкоторыя трагедіи Еврипидовы. Вторый, именуемый Хоесъ, или Ленеенъ, приходитъ въ двѣнадцатый день мѣсяца Анѳестеріона (*), и продолжается только одинъ день. Присутствовать при семъ праздникѣ имѣютъ позволеніе одни только жители Аттики; такъ писатели удерживаютъ новыя свои драммы до великихъ праздниковъ Діонисія, которые приходятъ мѣсяцемъ позже, и изо всѣхъ странъ безчисленное множество зрителей привлекаютъ. Они начинаются въ двѣнадцатый день мѣсяца Елафеболіона (**), и продолжаются многіе дни, въ кои представляются драммы, къ состязанію назначенныя.

Состязаніе въ драммахъ. Побѣда стоила прежде горазło большихъ усилій, нежели нынѣ. Сочинитель противуполагалъ своему сопернику три трагедіи, и одну малую комедію, именуемую *Сатира*. Съ таковымъ - то великимъ напряженіемъ силъ производились сіи славныя состязанія, въ которыхъ Пратинъ одерживалъ верхъ надъ Есхи-

(*) Мѣсяцъ сей начинается иногда въ послѣднихъ числахъ Генваря, и обыкновенно въ первыхъ дняхъ Февраля.

(**) Начало сего мѣсяца приходило рѣдко въ послѣднихъ дняхъ Февраля, а обыкновенно въ первыхъ числахъ Марта.

ломъ и Хериломъ, Софоклъ надъ Есхиломъ, Филоклесъ надъ Софокломъ, Евфоріонъ надъ Софокломъ и Еврипидомъ, Еврипидъ надъ Іофаномъ и Іономъ, Ксеноклесъ надъ Еврипидомъ.

Утверждаютъ, что, смотря по числу соперниковъ, сочинители трагедіи долженствовали тогда, какъ нынѣшніе риторы. исполнять то обязаны, учреждать продолженіе своихъ драммъ по низпаденію водяныхъ капель, истекающихъ изъ орудія, именуемаго Клепсидра. Какъ бы то ни было, Софоклъ усталъ наконецъ умножать средства къ побѣдамъ, и покусился представить къ состязанію одну только трагедію. Сей обычай, принятый во всѣ времена для комедіи, утвердился мало по малу и для трагедіи.

При празднествахъ, оканчивающихся въ одинъ день, представляются теперь пять или шесть драммъ, трагедій или комедій. Но въ великія празднества Діонисія, продолжающіяся гораздо больше времени, представляются двѣнадцать или пятьнадцать драммъ, а иногда и болѣе: представленіе оныхъ начинается весьма рано поутру и продолжается иногда цѣлый день.

Поднесеніе и сужденіе драммъ.

Всѣ драммы подносятся сперва первому изъ архонтовъ, который имѣетъ право оныя принимать, удостоивать, или отвергать. Худые писатели съ покорностію вымоляютъ его покровительство; восхищаются отъ радости, когда онъ къ нимъ благосклоненъ; а при отказѣ утѣшаются эпиграммами, противъ него пущенными, и лучше еще примѣромъ Софокла, который исключенъ былъ изъ такого состязанія, въ кое не устыдились допустить самаго посредственнаго стихотворца того времени.

Вѣнецъ опредѣляется не по произволу шумнаго народа. Начальникъ, управляющій празднествами, повелѣваетъ избрать по жребію небольшое число судей (*), которые обязуются подъ присягою, быть безпристрастными; въ сіе-то время пронырствуютъ защитники и неприятели сочинителя. Въ самомъ дѣлѣ чернь, возмущенная подущеніями ихъ, возвѣщаетъ иногда напередъ свой выборъ: противится съ яростнымъ буйствомъ учрежденію новаго судилища, или принуждаетъ судей утверждать ея рѣшенія.

(*) Не возможно мнѣ было опредѣлить число судей; иногда находилъ я въ дѣеписаніяхъ пятерыхъ, иногда семерыхъ, а иногда и больше.

Кромѣ имени побѣдителя провозглашаются и имена двухъ соперниковъ, которые въ достоинствѣ очень близко къ нему подходили. Побѣдитель, получившій въ ѳеатрѣ великія похвалы и рукоплесканія, о продолженіи которыхъ хоръ, по окончаніи драммы еще проситъ, часто препровождается зрителями до его дома, гдѣ обыкновенно дѣлаетъ онъ пиръ для друзей своихъ.

Драмма, одержавшая побѣду, не приемлется уже больше въ состязаніе; но та, которая упадаетъ, и въ которой сочинитель сдѣлаетъ больше перемѣны, можетъ опять подана быть къ состязанію. Въ презрѣніе сего узаконенія, древнее народное опредѣленіе позволяло всякому стихотворцу домагаться вѣнца, ежели онъ по своему благоусмотрѣнію пересмотритъ и поправитъ какую либо драмму Эсхилову; средство сіе имѣло часто хорошій успѣхъ. Подкрѣпленный симъ примѣромъ Аристофанъ получилъ дозволеніе представить къ состязанію драмму, которая была уже увѣнчана прежде. Въ послѣдующее время начали было купно съ трагедіями Эсхила поправлять и трагедіи Софокла и Еврипида; но превосходство оныхъ день отъ дня больше прославляемое,

устрашало многихЪ соперниковЪ, и посему вития Ликургъ, при моемЪ отбытии изЪ Аѳинъ, намѣревался предложить народу, чтобЪ запрещено было не только не приносить вЪ состязанiе сихЪ трагедiй; но чтобЪ повелѣно было хранить вѣрные оныхЪ списки вЪ надежномЪ мѣстѣ, читать ихЪ всенародно каждый годЪ, и вЪ честь творцевЪ ихЪ воздвигнуть истуканы.

Лицедѣи различаются на два рода; на тѣхЪ, кои собственно долженствуютЪ продолжать до конца представленiе своихЪ ролей и на тѣхЪ, кои составляютЪ хорЪ. ЧтобЪ лучше изъяснить взаимныя ихЪ должности, хочу сообщить здѣсь понятiе о прерывахЪ ѳеатральныхЪ драмЪ.

Прерывы ДраммЪ.

КромѢ частей, сущность драммы составляющихЪ, которыя суть басня, нравы, языкЪ, мысли, музыка и украшенiя, надлежитЪ еще разсмотрѣть и тѣ части, которыя во всемЪ пространствѣ драммы содержатся, каковы суть: предрѣчiе (прологЪ), повѣсть (эпизодЪ), исходЪ или окончанiе (эксодЪ), и хорЪ.

Предрѣчiе начинается вмѣстѣ сЪ драммою и оканчивается при первомЪ междѣйствiи. РазсказЪ продолжается отЪ перваго до

послѣдняго междѣйствія. Исходъ вмѣщаетъ въ себѣ все то, что говорится по окончаніи послѣдняго междѣйствія. Въ первой изъ сихъ частей дѣлается предложеніе содержанія, а иногда начинается и узелъ драммы; во второй вскрывается или распутывается дѣйствованіе; въ третьей совершенно оное становится ясно и развязано. Сіи три части не имѣютъ никакого размѣра между собою. Въ Софокловомъ Эдиппѣ въ Колоннѣ, содержащемъ въ себѣ тысячу восемь сотъ шестьдесятъ два стиха, одно предрѣчіе вмѣщаетъ семьсотъ стиховъ.

Ѳеатръ никогда не бываетъ пустъ: хоръ на немъ показывается иногда въ первомъ явленіи, а естьли приходитъ позднѣе, то долженъ быть приведенъ по естественному предлогу; а отлучается онъ только на нѣсколько минутъ, и то по законнымъ причинамъ.

Дѣйствованіе показуетъ связь явленій, прерываемыхъ междѣйствіями, коихъ число оставляется на произволъ стихотворца. Многія драммы содержатъ въ себѣ оныхъ четыре; иныя пять, или шесть. Въ Гекубѣ Еврипидовой, и въ Електрѣ Софокловой нахожу оныхъ только три. Въ Орестѣ

перваго, только два; въ Филоктетѣ втораго, одно. Промежутки отъ одного междѣйствія до другаго продолжаются болѣе или менѣе; между нѣкоторыми бываетъ одно только явленіе, а другія содержатъ въ себѣ оныхъ много. Изъ того можно видѣть, что прерывы драммы и раздѣленіе частей ея зависятъ единственно отъ воли стихотворца.

Настоящее свойство межпѣва состоитъ въ томъ, когда хористы по приличію остаются одни и поютъ вмѣстѣ; но естьли не взначай, въ таковымъ случаяхъ находятся они на ѳеатрѣ вмѣстѣ съ дѣйствовавшимъ лицемъ въ прошедшемъ явленіи, то они не обращаютъ къ нему рѣчей своихъ, и не требуютъ отъ него никакого отвѣта.

Лицедѣи.

Хоръ, соотвѣтствуя содержанію драммы, изображаетъ мущинъ или женщинъ, стариковъ или юношей, гражданъ или невольниковъ, жрецовъ, воиновъ и проч. и состоитъ всегда изъ пятнадцати человѣкъ въ трагедіи и изъ двадцати четырехъ въ комедіи; онъ всегда почитается ниже главныхъ лицъ драммы. Какъ обыкновенно представляетъ онъ народъ или по крайней мѣрѣ почитается его частію, то запрещено иностранцамъ, даже въ Аѳинахъ поселившимся, принимать въ немъ

роли по тойже самой причинѣ, по которой запрещено имъ присутствовать во всеобщемъ собраніи всего народа.

Хористы являются на театръ въ предшествіи свирѣльщика, по игрѣ котораго размѣряютъ они свои шаги; они выступаютъ или одинъ за другимъ, но чаще по три впередъ и въ пяти рядахъ, или по пяти впередъ и въ трехъ рядахъ, когда бываетъ трагедія по четыре впередъ и въ шести рядахъ или въ оборотномъ порядкѣ, когда бываетъ комедія.

Въ продолженіе драммы, хоръ занимаетъ иногда должность лицедѣя, а иногда составляетъ междѣйствіе Въ первомъ случаѣ вмѣшивается онъ въ дѣйствованіе, поетъ или провозглашаетъ вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами: его хороначальникъ служитъ ему указателемъ. Иногда раздѣляется онъ на двѣ купы (группы), управляемыя двумя уставщиками, кои разсказываютъ нѣкоторыя обстоятельства дѣйствованія, или сообщаютъ другъ другу причины ихъ страха и надежды. Таковыя явленія, которыя почти всегда поются, оканчиваются иногда соединеніемъ обоихъ хоровъ. Во второмъ слу-

чаѣ онъ только оплакиваетъ несчастїя человѣчества, или умоляетъ боговъ о помощи тому лицу, въ которомъ участїе приемлетъ.

Во время явленїй, рѣдко покидаетъ хоръ свое мѣсто; во время междѣйствїй, а особливо въ первомъ производитъ онъ различныя движенїя по звукамъ свирѣли. Стихи, имъ поемые, подобны стихамъ оды и расположены въ строфы, антистрофы, эподы и проч. Всякая Антистрофа соотвѣтствуетъ строфѣ, какъ мѣрою и числомъ стиховъ, такъ и свойствомъ пѣнїя. Хористы при первой строфѣ идутъ съ правой стороны на лѣвую; при первой антистрофѣ съ лѣвой стороны на правую, повторяя при равномъ размѣрѣ шаговъ прежнїй голосъ, но другими словами. Наконецъ останавливаются, и обратясь къ зрителямъ даютъ слышать новое пѣнїе. Часто начинаютъ опять тѣже самыя движенїя, но съ чувствительнымъ различїемъ въ словахъ и музыкѣ, однако всегда наблюдая прежнее соотвѣтствованїе между шествїемъ и противошествїемъ. Я говорю здѣсь только объ общихъ дѣйств.їяхъ ѳеатральныхъ; впрочемъ каждый стихотворецъ старается, наипаче въ сей части драммы, оказывать охотно всевозможныя разнообразїя въ стихахъ и музыкѣ.

Въ каждой трагедіи потребны три лицедѣя для первыхъ трехъ лицъ. Начальствующій архонтъ повелѣваетъ избирать ихъ по жребію и назначаетъ драмму, въ которой они играть долженствуютъ. Сочинитель не имѣетъ права избирать ихъ, развѣ заслужилъ вѣнецъ при прошедшихъ празднествахъ.

Тѣже самые лицедѣи играютъ иногда въ трагедіи и комедіи; но рѣдкіе изъ нихъ отличаются въ обоихъ родахъ. Безполезно здѣсь упоминать, что такой-то всегда превосходствовалъ въ первыхъ роляхъ, что другой никогда не возвышался выше третьихъ, и что есть роли, требующія чрезвычайной силы, какова есть изступленнаго Аякса. Нѣкоторые лицедѣи, чтобъ придать тѣлу своему больше крѣпости и гибкости, ходятъ въ подвизалище (*) упражняться съ молодыми борцами. Другіе, чтобъ имѣть голосъ свободнѣе и громче, наблюдаютъ въ житіи своемъ строгое воздержаніе.

Лицедѣи, приобрѣтшіе великую именитость, получаютъ жалованье большое. Я ви-

---

(*) Школа, гдѣ учились бороться.

дѣлъ Пола, который въ два дни получилъ цѣлый талантъ. Плата имъ назначается по числу драммъ, которыя они играютъ. Естьли они отличатся на ѳеатрѣ Аѳинскомъ, то желаютъ ихъ видѣть и другїе главные Греческїе города, кои призываютъ ихъ, чтобъ они способствовали украшенїю ихъ праздниковъ; и естьли не сдержатъ данныхъ обязательствъ, то принуждены платить сами всѣ деньги, означенныя въ договорѣ. Съ другой стороны правительство присуждаетъ ихъ къ великой пѣни, когда они отлучатся во время празднованїй отечественныхъ.

Первый лицедѣй долженъ предъ двумя прочими, а особливо предъ третьимъ, на его жалованье содержимомъ, имѣть то преимущество, что сїи послѣднїе, хотябъ одарены были прекраснѣйшимъ голосомъ, принуждены оный умѣрять, дабы не затмить голоса перваго лицедѣя. Ѳеодоръ, игравшїй всегда первыя роли въ мое время, не позволялъ низшимъ двумъ лицедѣямъ говорить прежде себя, дабы они не предупреждали зрителей въ свою пользу. Преимущество свое забывалъ онъ только лишъ въ такомъ случаѣ, когда уступалъ третьему лицедѣю главную роль какъ то, царя.

Трагедія употребляетъ обыкновенно въ явленіяхъ своихъ одни ямбы, родъ стиховъ, на который, кажется, сама природа указуетъ; ибо оный часто слышится въ разговорахъ: но въ хорахъ допускаетъ она по большей части тѣ образы стиховъ, которые обогащаютъ лирическое стихотворство. Вниманіе зрителей непрестанно устремляется къ примѣчанію сея разнообразности стиховъ, равно какъ и разнообразности звуковъ, принаровленныхъ къ словамъ, изъ коихъ нѣкоторыя сопровождаются пѣніемъ, а другія провозглашаются просто.

Въ междупѣніи поютъ, въ явленіяхъ, пока хоръ остается въ молчаніи, разговариваютъ. Но когда хоръ ведетъ разговоръ съ лицедѣями, тогда или уставщикъ разглагольствуетъ съ ними, или они сами поютъ попеременно съ хоромъ.

При пѣніи голосъ управляется свирѣлію; при провозглашеніи лирою, которая препятствуетъ упадать въ неприличный тонъ, и которая назначаетъ попеременно то кварту, то квинту, то октаву(*). Потому что въ самомъ

(*) Я предполагаю, что сія лира была та самая, которую называли лирою Меркуріевою: смотри записки Аббата Руссіера, о музыкѣ древнихъ.

дѣлѣ голосъ произноситъ сїи созвучїя весьма часто, какъ въ возвышенномъ такъ и въ простомъ разговорѣ (*). Хотя прогла唯ситель необходимо долженъ наблюдать приличные тоны, но онъ освобожденъ отъ строгаго закона мусикїйской мѣры, и потому лицедѣй можетъ медленнѣе или скорѣе проглашать.

Въ разсужденїи пѣнїя, всѣ законы музыки были весьма строги: но нынѣ нарушаютъ своевольно всѣ правила словоударенїй, или повышенїя и пониженїя, и всѣ правила количества, то есть долготы и краткости. Чтобъ удостовѣриться, что и всѣ прочїе къ зрѣлищу принадлежащїе исполняютъ въ точности предписанное, начальникъ хора или уставщикъ, въ небытность стихотворца, упражняетъ лицедѣевъ за долго до представленїя драммы. Онъ бьетъ мѣру ногами, руками и чрезъ другїя средства приводитъ хористовъ, примѣчающихъ рачительно его движенїя, въ правильное устройство.

Хоръ наблюдаетъ удобнѣе мѣру, нежели пѣвцы, когда они поютъ одни: но хору никогда

(*) Смотри примѣчанїе III при концѣ сея книги.

не даютъ проглашать нѣкоторыхъ родовъ музыки, коихъ живый восторгъ не сходствуетъ съ простыми тихими нравами тѣхъ лицъ, которыя онъ представляетъ; сїи роды музыки предоставляются главнымъ лицедѣемъ.

Изъ ѳеатральной музыки исключены тѣ роды согласїя, кои начинаются съ четверти тона, или съ многихъ полутоновъ сряду; ибо они недовольно мужественны, или довольно удобны къ исполненїю. Пѣнїе предвозвѣщается наигромъ (прелюдїя) одного или двухъ свирѣльщиковъ.

Уставщикъ или предводитель хора нетолько управляетъ голосами пѣвчихъ, подъ его повелѣнїями находящихся, но долженъ ихъ обучать двумъ родамъ плясокъ приличнымъ ѳеатру. Первая есть собственно такъ называемая пляска. Хористы производятъ оную въ дѣйство въ нѣкоторыхъ драммахъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на примѣръ: когда приятное извѣстїе принуждаетъ ихъ предаться восторгамъ радости. Вторая, введенная весьма поздно въ трагедїю, есть та, которая чрезъ движенїя и различные изгибы

тѣла описываетъ и изображаетъ всѣ дѣйства, нравы и чувствія съ большею точностію, нежели первая. Пляска сія изъ всѣхъ подражаній есть, можетъ быть, выразительнѣйшая; ибо сильная выразительность ея не ослабляется рѣчами, изъясняетъ все, даетъ провидѣть все и столько же можетъ удовлетворить разуму, какъ и тронуть сердце. Потому что Греки, стараясь о размноженіи средствъ обольщенія, не упустили ничего, что можетъ служить ко усовершенію сего перваго языка природы: у нихъ музыка и стихотворство всегда поддерживается игрою лицедѣевъ: сія столь живая и убѣждающая игра одушевляетъ рѣчи витій, а иногда и наставленія и поученія мудрецовъ. Упоминаются еще и донынѣ имена стихотворцевъ и музыкантовъ, которые сію игру обогатили новыми образованіями. Изысканія ихъ произвели искуство, которое ни отъ чего другаго испортилось, какъ отъ чрезмѣрныхъ своихъ успѣховъ.

Сей родъ пляски, состоящій, такъ какъ сладкогласіе музыки, изъ множества движеній, въ размѣръ приведенныхъ, и изъ отдыховъ, изображающихъ какое либо дѣйство,

долженствовалъ очевидно между собою различествовать въ различныхъ родахъ представляемыхъ драмм. Плясаніе въ трагедіи долженствовало предъявлять души, которыя сносятъ свои страданія, свое счастіе и несчастіе съ достоинствомъ и мужествомъ, приличными высокому ихъ свойству. Тѣлоположенія лицедѣевъ долженствовали представлять такіе образцы, съ которыхъ бы ваятели могли снимать красивые виды для своихъ истукановъ; движенія и повороты хоровъ долженствовали исполняться съ порядкомъ и устройствомъ военныхъ шествій; наконецъ всѣ наружные знаки долженствовали способствовать единству пользы съ такою точностію и исправностію, чтобъ изъ всего выходило созвучіе (концертъ), пріятное для зрѣнія и слуха.

Древніе чувствовали нужду въ таковомъ соотвѣтствованіи, ибо они назвали трагическое плясаніе, *Эмелія.* Слово сіе означаетъ удачное смѣшеніе благородныхъ и красивыхъ настроевъ, прекрасное премѣненіе въ игрѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ примѣтилъ я сіе нѣсколько разъ, а особливо въ трагедіи Есхила, въ которой Пріамъ пред-

лагаетъ выкупъ за тѣло своего сына. Хоръ Троянъ, повергшійся съ Пріамомъ къ ногамъ побѣдителя Гекторова, и изобразующій, обще съ Пріамомъ, въ своихъ движеніяхъ, важностію исполненныхъ, всѣ выраженія горести, страха и надежды, столь искусно, что вперяетъ въ душу Ахилла и въ душу зрителей всѣ чувствія, которыми онъ пронзенъ былъ.

Пляска въ комедіи свободна, смѣла и даже часто подла, а еще чаще столь грубыми и своевольными непристойностями изкажена, что въ честныхъ зрителяхъ производитъ отвращеніе и самъ Аристофанъ вмѣняетъ себѣ въ достоинство, что истребилъ оныя изъ нѣкоторыхъ своихъ комедій.

Въ драммѣ, именуемой сатирою, игра сея пляски жива и шумна, но безъ выраженія и соотвѣтствія словамъ.

Какъ скоро Греки познали цѣну пляски военной, то такъ оную полюбили, что сочинители, ободренные похвалами народа, скоро ее обезобразили. Злоупотребленіе достигло нынѣ до своей крайности. Съ одной стороны хотятъ всему послѣдовать, или

лучше сказать все переиначивать. Съ другой рукоплещутъ женоподобнымъ и соблазнительнымъ, буйственнымъ и яростнымъ движенїямъ. Лицедѣй Каллипидъ, прозванный обезьяною, почти въ наше время, опаснымъ превосходствомъ своихъ дорованїй ввелъ сей дурный вкусъ, или лучше сказать оный утвердилъ. Послѣдователи его, чтобъ съ нимъ сравниться, переняли у него пороки; а чтобъ его превзойти, переполнили уже и мѣру. Они шатаются и ворочаются какъ тѣ несмысленные гудильщики, кои чрезъ насильственныя и чудныя корченья и кривлянья стараются играя на свирѣли изображать такойже кривый путь, какой производитъ брошенный кружокъ (дискъ), катаясь по землѣ.

Народъ, прельщающїйся такими нелѣпыми чрезмѣрностями, не прощаетъ иногда погрѣшностей, гораздо извинительнѣйшихъ. Постепенно начинаетъ онъ роптать только скрытно; потомъ смѣется явно; произноситъ возмутительные крики противъ лицедѣя; безчеститъ его свистанїемъ, топаетъ ногами, чтобъ онъ шелъ съ ѳеатра, повелѣваетъ сорвать съ него личину, чтобъ видѣть

стыдѢ его; повелѢваетѢ провозвѢстнику призвать другаго лицедѢя, на котораго налагаетѢ пеню, естьли его вѢ зрѢлищѢ не будетѢ; иногда требуетѢ, чтобѢ первому учинено было безчестное наказанїе. Ни лѢта, ни словутость, ни долговременная служба не могутѢ избавить отѢ таковыхѢ жестокихѢ поступокѢ. Новые только успѢхи вѢ представленїи могутѢ его за то вознаградить; ибо при семѢ случаѢ опять производятѢ рукоплесканїе и восхваляютѢ его сѢ прежнимѢ удовольствїемѢ и восхищенїемѢ.

Точно такая же премѢнность вѢ славѢ и безчестїи лицедѢевѢ приключается и витїямѢ, говорящимѢ вѢ собранїи народномѢ, и учителямѢ, наставляющимѢ учениковѢ своихѢ! Но лицедѢй, по состоянїю своему, унижается только малостїю или посредственностїю своихѢ дарованїй; вѢ прочемѢ онѢ пользуется всѢми преимуществами гражданина; и, какѢ онѢ не долженѢ имѢть никакого пятна безчестїя, законами на него произнесеннаго, то можетѢ онѢ достичь вѢ республикѢ должностей, самыхѢ почтеннѢйшихѢ. ВѢ наше время, славный лицедѢй, именуемый АристодемѢ, былѢ отправленѢ вѢ посольствѢ

къ Филиппу, царю Мекедонскому. Другїе имѣли великую довѣренность въ собранїи народномъ. Присовокупляю къ сему еще то, что Эсхилъ, Софоклъ и Аристофанъ не стыдились играть роли въ своихъ драммахъ.

Я видѣлъ преизящныхъ лицедѣевъ: я видѣлъ Ѳеодора и Пола, когда первый начиналъ, а вторый оканчивалъ свое поприще. Выраженїе перваго было столь сообразно съ природою, что можно было почитать его за то самое лице, которое онъ представлялъ. Вторый достигъ до совершенства въ своемъ искуствѣ. Никогда столь прекрасный голосъ и выговоръ не былъ соединенъ съ толикою вразумительностїю и чувствїемъ. Я былъ притомъ, какъ въ трагедїи Софокловой игралъ онъ роль Электры. Ничего не можетъ быть поразительнѣе, какъ состоянїе сея княжны въ ту минуту, когда обемлетъ урну, въ которой, какъ она думала, хранятся остатки Ореста, ея брата. Но въ сосудѣ семъ хранился не хладный прахъ, но истинный пепелъ сына, котораго Полъ недавно лишился. Онъ вынулъ изъ гроба сїю урну; и когда она была ему поднесена, когда

принималъ ее дрожащею рукою, когда обнималъ ее и прижималъ къ сердцу; то произнесъ онъ такой горестный и пронзительный вопль, и съ такою страшною и вѣроятною истинною, что всѣ закричали, зарыдали, и пролили источники слезъ о несчастной участи сына, и объ ужасномъ жребіи отца.

Одѣяніе лицедѣевъ.

Лицедѣи употребляютъ одѣянія и приборы приличныя ихъ ролямъ. Цари повязываютъ на чело свое діадиму; опираются на скипетръ (*), оканчивающійся въ верху орломъ, и одѣваются въ длинныя ризы, вышитыя золотомъ, багряными и всякаго рода цвѣтами. Ирои часто являются на ѳеатрѣ, покрытые львиною или тигровою кожею, вооруженные мечами, копьями, луками, и палицами; а всѣ тѣ, которые находятся въ несчастіи, имѣютъ на себѣ одежду черную, темную, бѣлую, но поизмаранную, а иногда и разодранную. Лѣта и полъ, состояніе и положеніе появляющагося на зрѣлищѣ лица возвѣщаются и означаются почти всегда покроемъ и цвѣтомъ одежды.

(*) Въ первыя времена скипетръ былъ длинный жезлъ.

Но онѣ возвѣщаются еще лучше нѣкоторымъ родомъ шлема, покрывающаго всю голову, который изображая чужїя и незнакомыя черты лица, а не самаго лицедѣя, производитъ въ продолженїи драммы различные обманчивые призраки. Я говорю о тѣхъ личинахъ, которыя или въ трагедїяхъ, или комедїяхъ или сатирахъ употреблялись и были весьма разнообразны. Иныя убраны были разноцвѣтными волосами, другїе бородою, больше или меньше длинною, больше или меньше густою; иныя соединяютъ въ себѣ, сколько возможно, прелести младости и красоты, другїе отворяютъ préширокїй ротъ, внутрь котораго вкладывалась дощечка изъ стали или изъ другаго звонкаго тѣла составленная, дабы голосъ имѣлъ довольно силы и яркости, и могъ быть слышимъ въ обширномъ пространствѣ лавокъ, на которыхъ зрители сидѣли. Наконецъ бываютъ и такїя личины, коихъ волосы причесываются весьма высоко и оканчиваются остроконечно. Уборъ сей напоминаетъ древнюю прическу Аѳинянъ. Извѣстно, что во время первыхъ опытовъ драмматическаго искуства имѣли они обычай собирать волосы въ одно мѣсто, и завязывать ихъ надъ головою на подобїе пука или снопа.

Личины.

Личина употреблялась въ трагедіяхъ почти при первомъ ихъ появленіи, но кто ввелъ личину въ комедію, имя того неизвѣстно. Личина замѣнила и грубыя краски, коими Ѳесписовы лицедѣи марали свои лица, и густое листье, коимъ покрывали свои лбы, чтобъ съ большимъ безстыдствомъ предаваться своевольству сатиры и наглости. Ѳеспись увеличилъ ихъ дерзость еще тѣмъ, что онъ прикрывалъ ихъ полотномъ; и сей то опытъ подалъ мысль Эсхилу, который или чрезъ самаго себя, или чрезъ своихъ подражателей нашелъ всѣ таинства драммашическаго искуства, что переодѣванье, обычаемъ утвержденное, можетъ служить новымъ средствомъ, поражать чувства и двигать сердца. Эсхилъ далъ личинѣ новый видъ и премѣнилъ ее въ обликъ (портретъ), обогащенный красками и снятый съ самыхъ лучшихъ образцовъ, кои онъ о богахъ и ирояхъ въ умѣ своемъ представилъ. Херилъ и преемники его распространили и усовершенствовали сію мысль, такъ что произошли изъ того многія картины, на которыхъ изображены, сколько искуство можетъ то позволить, главныя различности человѣческихъ состояній, свойствъ, и чувствій въ счастіи и несчастіи. Въ самомъ дѣлѣ сколь

часто примѣчалъ я при первомъ взглядѣ глубокую печаль Ніобы, злобные замыслы Медеи, страшный гнѣвъ Иракла, достойное слезъ уныніе несчастнаго Аякса, и мщеніе производимое блѣдными и сухощавыми Эвменидами!

Было время, въ которое комедія вѣрно представляла зрителямъ лица тѣхъ, на которыхъ нападала она открыто; нынѣ учинившись благопристойнѣе, изображаетъ она только тѣ всеобщія сходства, кои относятся къ глупостямъ и порокамъ, ею осмѣеваемымъ; но и по сему тотчасъ распознать можно господина, слугу, подлеца, потачливаго или строгаго старика, юношу благонравнаго или развратнаго въ житіи своемъ, младую дѣвицу, одаренную прелестями, и пожилую щеголиху, отличающуюся жеманствомъ и сѣдыми волосами.

Хотя правда и не видны оттѣнки страстей, на лицѣ дѣйствующихъ попеременно изображаемыхъ, но большее число зрителей, сидящихъ отъ ѳеатра далеко, никоимъ образомъ не могло бы видѣть сихъ краснорѣчивыхъ изображеній. Но приступимъ къ основательнѣйшимъ осужденіямъ. Личина отнимаетъ у голоса немалую часть тѣхъ сладко-

гласій, которыя придаютъ ему столько пріятности въ обыкновенныхъ разговорахъ. Измѣненія его бываютъ иногда грубы. Звуки его голоса суровы, и такъ сказать противны слуху. Смѣхъ измѣняется, и ежели безъ искуства производится, то пріятность и дѣйствіе его вдругъ исчезаютъ: наконецъ, какъ можно безъ досады непрестанно смотрѣть на сей безобразный ротъ, который всегда недвижимъ, всегда разинутъ, даже и въ то время, когда лицедѣй молчитъ?

Греки оскорбляются сими неудобствами; но оскорбились бы больше, естьли бы лицедѣи играли съ открытыми лицами. Въ самомъ дѣлѣ не моглибы они изобразить тѣхъ согласій и отношеній, которыя находятся или должны находиться между чертами лица и внутреннимъ чувствіемъ, между состояніемъ человѣка и его тѣлодвиженіями. У народа, не позволяющаго женщинамъ казаться и играть на ѳеатрѣ, и почитающаго благопристойность правиломъ необходимо нужнымъ, и столькоже существеннымъ въ производствѣ художествъ, какъ и въ исполненіи нравственности; сколь противно и отвратительно было бы видѣть Антигону и Ѳе-

дру съ лицами, коихъ грубыя черты уничтожали бы всякой пріятной обманъ; Агамемнона и Пріама съ гнусными видами; Ипполита и Ахилла съ морщинами и сѣдыми волосами. Тѣ только личины, кои позволено перемѣнять при каждомъ явленіи, и на коихъ можно изобразить признаки главныхъ душевныхъ страстей, могутъ поддержать и оправдать заблужденіе чувствъ, и придать подражанію новую степень правдоподобія.

По сему же правилу придаютъ часто лицедѣямъ въ трагедіи станъ въ четыре локтя (*) подобный стану Иракла и другихъ ироевъ. Они держатся на ходуляхъ (котурнахъ). Обувь сія бываетъ иногда вышиною въ четыре или пять дюймовъ. Латныя перчатки показываютъ ихъ руки гораздо длиннѣе; грудь, бока и всѣ части тѣла дѣлаются толще по размѣру; и когда въ силу законовъ трагедіи, которая тре-

(*) Шесть Греческихъ футовъ составляютъ 5 футовъ и 8 дюймовъ Французской мѣры.

буетъ проклицанія сильнаго, а иногда безмѣрно громкаго, когда таковый лицедѣй съ ростомъ почти великанскимъ, одѣтый въ великолѣпное платье, даетъ слышать свой голосъ, коего яркіе звуки раздаются далеко, то остается мало зрителей, которые не поразились бы симъ важнымъ величіемъ, и не былибы готовы охотно принять тѣ впечатлѣнія, которыя имъ сообщать стараются.

Прежде начатія драмъ полагаютъ великое попеченіе очищать и окуривать все мѣсто собранія; по окончаніи же зрѣлищъ различные отряды градскихъ чиновниковъ и судей восходятъ на ѳеатръ и производятъ возліянія на жертвенникѣ, посвященномъ Вакху. Обряды сіи придаютъ нѣкоторый родъ святости увеселеніямъ при возвѣщеніи и окончаніи оныхъ.

Зрѣлище. Декораціи, коими позорище украшается, не менѣе мечутся въ глаза черни. Художникъ, именуемый Агаѳархъ, во времена Эсхиловы, былъ первый оныхъ изобрѣтатель, который въ ученомъ своемъ сочиненіи написалъ правила, коимъ онъ въ работѣ своей слѣдовалъ. Первые его опыты были потомъ усовершен-

ствованы чрезъ стараніе Эсхиловыхъ послѣдователей, или чрезъ письмена Анаксагора и Демокрита о правилахъ перспективы.

По свойству содержанія драммы, ѳеатръ представляетъ веселое поле, ужасную пустыню, морскій берегъ, окруженный крутыми скалами и глубокими пещерами, или шатры, разставленные при осажденномъ городѣ или при пристани, наполненной кораблями. Дѣйствованіе происходитъ обыкновенно въ предверіи какихъ либо палатъ или храма; впереди представляется площадь, по сторонамъ стоятъ домы, между которыми видны двѣ главныя улицы, изъ коихъ одна лежитъ на востокъ, а другая на западъ.

Зрители при первомъ взглядѣ иногда весьма поражаются: старцы, жены, дѣти, простершись предъ жертвенникомъ молятъ боговъ или государей о помощи. Въ теченіи драммы зрѣлище перемѣняется многообразно. Младые князья и ихъ приближенные пріѣзжаютъ въ охотничьемъ убранствѣ, окруженные своими псами; воспѣваютъ имны въ честь Діанѣ; иногда появляется колесница, на которой видна Андромаха съ сыномъ своимъ Астіанаксомъ. Иногда другая колесница при-

возитъ съ великолѣпіемъ въ станъ Греческій Клитемнестру, окруженную ея невольниками и держащую на рукахъ своихъ спящаго младенца Ореста: на тойже колесницѣ отвозится она иногда въ хижину, гдѣ дочь ея Электра почерпаетъ изъ источника воду. Здѣсь, Улиссъ и Діомидъ во время нощи прокрадываются въ Троянскій станъ, въ которомъ скоро производятъ тревогу; стражи бѣгаютъ по всѣмъ мѣстамъ, крича: *держи, держи! бей, бей!* Тамъ по взятіи Трои Греческіе воины появляются на кровляхъ домовъ, и горящими свѣтточами вооруженные начинаютъ превращать въ пепелъ сей славный градъ. Въ другое время приносятся въ гробахъ тѣла Аргійскихъ полководцевъ, тѣхъ полководцевъ, кои погибли при осадѣ Ѳивъ; на ѳеатрѣ самомъ отправляютъ надъ ними всѣ обряды погребенія; супруги ихъ изображаютъ въ печальныхъ пѣсняхъ горесть, терзающую ихъ души; Эвадне, единая изъ сихъ женъ, взошла на каменную гору, при подошвѣ которой приготивленъ былъ костеръ Капанею, ея супругу; она нарядилась въ богатѣйшія свои одежды, и, не внимая ни прозьбамъ родителя своего, ни воплямъ своихъ подругъ, бросилась въ зазженный костеръ и погибла.

Чудесное придаетъ зрѣлищамъ еще больше прелестей. Какой либо богъ сходитъ съ небесъ на облакахъ; тѣнь Полидора выходитъ изъ земныхъ нѣдръ возвѣстить Гекубѣ о новыхъ бѣдствїяхъ, ей угрожающихъ; тѣнь Ахилла вылѣтаетъ изъ гробницы своей, является посреди собранїя Грековъ, повелѣваетъ имъ принесть себѣ на жертву Поликсену, дочь Прїамову; Гелена возносится къ небесному своду, гдѣ, преобразясь въ созвѣздїе, служить будетъ для мореплавателей знакомъ благоуспѣшнымъ; Медея летящая по воздуху въ колесницѣ, запряженной змїями. Довольно сихъ примѣровъ: и ежелибы нужно было большее число оныхъ, я нашелъ бы ихъ безъ труда въ Греческихъ трагедїяхъ; а наипаче въ самыхъ древнихъ. Почти всякая драмма Эсхилова, есть, такъ сказать, не иное что, какъ рядъ подвижныхъ картинъ, изъ коихъ иныя привлекательны, а другїе столь страшны и уродливы, что одно только необузданное воображенїе сочинителя могло ихъ себѣ представить. Въ самомъ дѣлѣ излишество превзошло уже мѣру и чудеснаго, когда увидѣли мы на ѳеатрѣ, что вулканъ, сопровождаемый силою и мучительствомъ, пригвождалъ Промиѳея къ вершинамъ Кавказа,

и что тотчасъ потомъ прибыли къ сему странному божку Океанъ, сидящій верхомъ на Иппогрифѣ, а нимфа *Іо* съ телицыными рогами на головѣ.

Греки отмещутъ нынѣ таковыя изображенія, яко непристойныя для трагедіи, и удивляются благоразумію, съ которымъ Софоклъ усовершилъ драмматическое искуство въ одной изъ своихъ трагедій. Эдипъ лишившійся зрѣнія, выгнанный изъ своихъ областей жилъ съ двѣмя дочерьми въ мѣстечкѣ Колонѣ, недалеко отъ Аѳинъ, гдѣ Ѳисей дозволилъ ему имѣть убѣжище. Эдипъ увѣдомленъ былъ отъ прорицалища, что смерть его предшествуема будетъ нѣкоими чрезвычайными знаменіями, и что его кости, сохраняемыя въ такомъ мѣстѣ, о которомъ одинъ только Ѳисей и его преемники знать долженствуютъ, вѣчно навлекать станутъ мщеніе боговъ на Ѳивянъ и благость на Аѳинянъ. Онъ возымѣлъ намѣреніе предъ смертію своею открыть сію тайну Ѳисею. Между тѣмъ жители Колоны страшатся, чтобъ присутствіе несчастнаго и беззаконіями посрамленнаго Эдипа не навлекло на нихъ бѣдствій, занимаются сими размышленіями, и вдругъ восклицаютъ: — Громъ гремитъ, о небо!

ΟΙΔΙΠΟΥΣ.

Ὦ τέκνα, τέκνα, πῶς ἄν, εἴ τις ἔντοπος,
Τὸν πάντ' ἄριςον δεῦρο Θησέα πόροι;

ΑΝΤΙΓΟΝΗ.

Πάτερ, τί δ' ἐςὶ 'ταξίωμ', ἐφ' ᾧ καλεῖς;

ΟΙΔΙΠΟΥΣ.

Διὸς πτερωτὸς ἥδε μ' αὐτίκ' ἄξεται
Βροντὴ πρὸς Ἅιδην. ἀλλὰ πέμψαθ' ὡς τάχος.

ΧΟΡΟΣ.

Ιδε μάλα μέγας ἐρείπεται κτύπος ἄφατος
Ὁ Διόβολος· ἐς δ' ἄκραν
Δεῖμ' ὑπῆλθε κρατὸς φόβαν. —
Επτηξα θυμὸν· οὐρανοῦ γὰρ ἀςραπὴ φλέγει πάλιν.
Τί μὰν ἀφήσει τέλος;
Δέδια δ' οὐγὰρ ἅλιον ἀφορμᾷ ποτ', οὐκ
Ἄνευ ξυμφορᾶς·
Ὦ μέγας αἰθήρ! ὦ Ζεῦ!

ΟΙΔΙΠΟΥΣ.

Ὦ παῖδεε, ἥκει τῷ δ' ἐπ' ἀνδρὶ θέσφατος
Βίου τελευτὴ, κοὐκ ἔτ' ἔς' ἀποςροφή.

ΑΝΤΙΓΟΝΗ.

Πῶς οἶσθα; τῷ δὲ τȣ̃το συμβαλὼν ἔχεις;

ΟΙΔΙΠΟΥΣ.

Καλῶς κάτοιδ᾽· ἀλλ᾽ ὡς τάχιστά μοι μολὼν
Ἄνακτα χώρας τῆσδέ τις πορευσάτω.

ΧΟΡΟΣ.

Ἔα! Ἰδȣ̀ μάλ᾽ αὖθις ἀμφίσταται
Διαπρύσιος ὄτοβος. Ἵλαος, ὦ δαίμων,
Ἵλαος, εἴ τι γᾷ ματέρι τυγχάνεις
Ἀφεγγὲς φέρων!
Ἐναισίῳ δὲ ξυντύχοιμι μη δ᾽ ἄλαστον
ἄνδρ᾽ ἰδὼν,
Ἀκερδῆ χάριν μετάσχοιμι πως!
Ζεῦ ἄνα, σοὶ φωνῶ.

ЭДИПЪ.

О дщери, дщери! естьли кто предстоитъ здѣсь изъ жителей, просите, да призовутъ сюда знаменитаго Ѳисея!

АНТИГОНА.

Родитель, почто его призываешь?

ЭДИПЪ.

Сей пернатый громъ Зевесовъ въ мигъ во адъ меня низвергнетъ. Скорѣе пошлите.

ХОРЪ.

Какой ужасный ударъ вержетъ Юпитеръ! Страхъ носится надъ главою. Я трепещу. Опять сверкаетъ молнія небесная! Чѣмъ она окончится? Цепенѣю отъ ужаса! никогда не сверкаетъ она тщетно, безъ злоключенія. О небеса! о Юпитеръ!

ЭДИПЪ.

О дѣти! наступаетъ неизбѣжная кончина жизни, предвѣщанная отцу вашему прорицалищемъ.

АНТИГОНА.

Откуда вѣдаешь сіе? изъ чего о томъ заключаешь?

ЭДИПЪ.

Вѣдаю навѣрно; и для того да отправится немедлѣнно ктолибо къ царю страны сея.

ХОРЪ.

Увы! се паки раздается трескъ грома! Боже! сжалься, сжалься надъ землею, меня питающею, естьли напастьми ей угрожаешь! Пощади меня, и не лиши милости своей за то, что узрѣлъ я сего злополучнаго старца! Отецъ боговъ, къ тебѣ взываю!

Явленїе продолжается тѣмъ же образомъ до прихода Ѳисея, которому Эдипъ спѣшитъ открыть свою тайну.

Представленїе драммъ требуетъ великаго числа махинъ. Однѣ производятъ летанїе, низхожденїе боговъ, появленїе тѣней. Другїя служатъ къ произведенїю естественныхъ дѣйствїй, какъ то дыма, пламени, грома, котораго треску въ точности подражая, низвергаютъ съ самой высоты кремни въ мѣдные сосуды. Иныя махины, чрезъ посредство блоковъ и валовъ, представляютъ внутренность какого либо дома или шатра. Симъ то образомъ показываютъ зрителямъ Аякса посреди животныхъ, которыхъ онъ недавно принесъ въ жертву своей ярости.

Содержатели ѳеатровъ.

Содержатели ѳеатровъ приемлютъ на себя часть расхода, необходимо нужнаго для представленїя драммъ, а отъ зрителей получаютъ малое воздаянїе.

Въ самомъ началѣ, когда еще существовалъ небольшой деревянный ѳеатръ, запрещено было требовать при дверяхъ и малѣйшей платы, но какъ желанїе получить выгоднѣйшее мѣсто причиняло частыя ссоры, то

правительство повелѣло, чтобъ впредь каждый житель платилъ по драхмѣ. Богачи тотчасъ завладѣли тогда всѣми лучшими мѣстами, которыхъ цѣна вскорѣ уменьшилась до оболя стараніемъ Перикла. Онъ хотѣлъ приобрѣсть благосклонность бѣдныхъ, и чтобъ доставить имъ свободный входъ въ зрѣлища, исходатайствовалъ опредѣленіе, въ силу котораго одинъ изъ градскихъ чиновниковъ долженствовалъ, предъ каждымъ представленіемъ, раздѣлять всякому бѣдному по два оболя, одинъ для заплаты за мѣсто, а другій для поддержанія себя въ своихъ нуждахъ, пока празднества продолжаются.

Образъ построенія существующаго нынѣ ѳеатра, который гораздо пространнѣе перваго, не имѣетъ уже прежнихъ неудобствъ, и потому сія щедрота сдѣлалась уже ненужною. Но опредѣленіе всегда существовало, хотя слѣдствія онаго сдѣлались для республики вредоносны. Периклъ возложилъ сей для государственнаго сокровища отяготительный расходъ на казну, собираемую въ дань отъ союзниковъ для поддержанія войны съ Персами. Ободренный первымъ симъ успѣхомъ продолжалъ онъ брать деньги изъ тогоже источни-

ка на издержки для великолѣпія празднествъ; и такимъ образомъ всѣ деньги военной казны нечувствительно истрачены были на увеселеніе простаго народа. Какъ одинъ ораторъ недавно предложилъ, чтобъ деньги сіи паки употребляемы были по первому только назначенію, то опредѣленіемъ всеобщаго собранія запрещено, подъ смертною казнію, касаться до сея статьи, и чтолибо отмѣнить въ семъ учрежденіи. Никто не смѣетъ нынѣ противиться явно и законнымъ образомъ сему насильственному злоупотребленію. Димосфенъ пытался два раза, хотя посторонннимъ образомъ, показывать вредъ сего узаконенія, но отчаявшись въ успѣхѣ, говоритъ теперь громогласно, что перемѣнять ничего не надобно.

Содержатель ѳеатра даетъ зрѣлища иногда безденежно, а иногда раздѣляетъ значки, которые служатъ вмѣсто обыкновенной платы, положенной нынѣ въ два оболя.

ГЛАВА СЕМДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

Разговоры о свойствѣ и предметѣ трагедіи.

Я познакомился у Аполлодора съ Зопиромъ однимъ изъ его племянниковъ молодымъ человѣкомъ, весьма разумнымъ, и нетерпѣливо желающимъ посвятить свои дарованія ѳеатру. Нѣкогда пришедъ ко мнѣ, нашелъ онъ у меня Никифора, стихотворца, который послѣ нѣкоторыхъ опытовъ въ сочиненіи комедіи, возмнилъ, что онъ имѣетъ право предпочитать искуство Аристофаново искуству Эсхилову.

Зопиръ говорилъ мнѣ о своей страсти къ ѳеатру съ вящшимъ еще жаромъ. Нестранно ли сіе, сказалъ онъ, что правила трагедіи еще не собраны и въ порядокъ не приведены? Мы имѣемъ великіе образцы, но въ нихъ есть и великіе недостатки. Прежде сего духъ стихотворческій воспарялъ по своей волѣ, а нынѣ хотятъ покорить его законамъ, о коихъ не благоволятъ даже и изъяснить намъ. А какая тебѣ въ нихъ нужда, сказалъ Никифоръ? Въ комедіи, напримѣръ

я долженъ все выдумать самъ, и произшествія, предваряющія лицедѣйство, и внезапные случаи, изъ коихъ оное составляется, и узелъ и развязку; по сей то причинѣ народъ и судитъ меня съ чрезмѣрною строгостію; но въ трагедіи совсѣмъ другое; тамъ всѣ содержанія и основы уже описаны и знаемы; вѣроятны ли оныя или нѣтъ, какое тебѣ до того дѣло? Представь намъ Адраста, и малыя дѣти разсказывать станутъ о его злоключеніяхъ; при единыхъ именахъ Эдипа и Алкмеона они вамъ скажутъ, что трагедія окончится убивствомъ матери. Ежели нить порядочнаго составленія драммы выпадаетъ изъ твоихъ рукъ, заставь пѣть хоръ; ежели не доумѣваешь, и не знаешь, какимъ образомъ окончить трагедію, заставь сойти какого либо бога посредствомъ махины; народъ прельщенный музыкою и зрѣлищемъ, проститъ тебѣ всякое своеволіе и увѣнчаетъ тотчасъ благородные твои подвиги.

Но я примѣчаю на лицѣ твоемъ удивленіе; хорошо! Я тотчасъ оправдаю себя обстоятельнѣйшими доводами. Онъ сѣлъ, и въ самое то время какъ, по примѣру софистовъ подняль руку, чтобъ ею сдѣлать на воздухѣ

красивое движенíе, увидѣли мы входящихъ Ѳеодекта, сочинителя многихъ превосходныхъ трагедíй, Пола искуснѣйшаго лицедѣя въ Грецíи и нѣкоторыхъ нашихъ друзей, соединяющихъ изящный вкусъ съ глубокими познанíями. Ну, сказалъ мнѣ со смѣхомъ Никифоръ, что долженъ я теперь дѣлать съ моимъ рукодвиженíемъ? надобно его оставить до времени, отвѣчалъ я; можетъ быть скоро возымѣешь случай употребить оное, и взявъ тотчасъ Зопира за руку, сказалъ я Ѳеодекту: позволь ввѣрить тебѣ сего юношу; онъ желаетъ войти въ храмъ славы, и я препоручаю его тѣмъ, коимъ извѣстенъ туда путь.

Ѳеодектъ изъявилъ свою готовность и обѣщалъ при нуждѣ подавать свои совѣты. Намъ не льзя медлить, отвѣчалъ я, теперь то намъ и нужно собранíе правилъ. Гдѣже найдешь такое собранíе, отвѣчалъ онъ! Имѣя дарованíя и видя предъ собою образцы, мы приступаемъ иногда къ произведенíю въ дѣйство какого либо искуства; но какъ умозрѣнíе долженствуетъ вникнуть въ самую сущность сего искуства, и возвыситься до превыспренней его красоты; то надобно, чтобъ философíя просвѣщала вкусъ и управляла опытностíю.

Мнѣ извѣстно, прервалъ я, что ты весьма долго размышлялъ о существѣ драммы, которая тебѣ столь много справедливыхъ похвалъ доставила, и что ты часто входилъ въ изслѣдованіе ея правилъ съ Аристотелемъ и письменно и словесно. Но ты знаешь также, сказалъ онъ мнѣ, что въ сихъ разысканіяхъ встрѣчаются на каждомъ шагѣ задачи для рѣшенія, и трудности для преодолѣнія; что всякому правилу противорѣчитъ какой либо примѣръ; что всякой примѣръ можетъ быть оправданъ успѣхомъ; что поступки самые противные оправдываются именами людей знаменитыхъ; и потому иногда принуждены бываемъ осуждать высочайшіе умы въ Аѳинахъ. Суди, долженъ ли я вдаваться въ сію опасность въ присутствіи смертельнаго ихъ врага.

Любезный Ѳеодектъ, отвѣчалъ Никифоръ, не охуждай ихъ, я приемлю сіе охотно на себя. Сообщи намъ только твои сомнѣнія, и мы покоримся суду сего собранія. Ѳеодектъ согласился на наши прозьбы, но съ тѣмъ, что онъ всегда на Аристотеля ссылаться будетъ, что мы должны поддержать его нашими познаніями; и что однѣ только важнѣйшія статьи разсматриваемы будутъ. Не

смотря на сїю послѣднюю предосторожность, принуждены мы были собираться многїе дни съ ряду. Вотъ послѣдствїя нашихъ засѣданїй. Увѣдомляю напередъ, что для избѣжанїя всякаго замѣшательства, допущу разговаривать немногихъ.

ЗАСѢДАНIЕ ПЕРВОЕ.

Золиръ. Когда мнѣ позволяешь, почтенїя достойный Ѳеодектъ, то вопрошу тебя тотчасъ, какой есть предметъ трагедїи?

Ѳеодектъ. Соучастїе, страхомъ и жалостїю производимое; чтобъ возродить оное въ зрителяхъ, употреби лицедѣйствїе важное, полное и совершенное, не слишкомъ распространенное. Комедїя изображаетъ пороки и все осмѣянїя достойное въ частныхъ людяхъ, а трагедїя начертаваетъ живо великїя несчастїя, кои она изъ состоянїя царей и ироевъ почерпаетъ.

Золиръ. Для чегожъ не изъ состоянїя людей низшихъ? Я былъ бы тронутъ ими несравненно сильнѣе, ежели бы видѣлъ себя ими окруженна.

Өеодектъ. Мнѣ кажется, что таковыя несчастія, искуснымъ писателемъ изображенныя, потрясли бы насъ слишкомъ сильно. Когда я беру мои примѣры въ чинѣ безконечно высшемъ твоего, то оставляю тебѣ свободу оныя примѣнять къ себѣ, и надежду отъ нихъ избавиться.

Полъ. А я думаю напротивъ, что униженіе могущества поражаетъ насъ всегда больше, нежели неизвѣстныя превратности въ низшихъ состояніяхъ. Громовая стрѣла, поразившая малое деревцо, меньше производитъ впечатлѣнія, нежели когда раздробитъ она гордый дубъ, коего вершина до небесъ касалась.

Өеодектъ. Надлежалобы спросить у близь стоящихъ деревцевъ, что онѣ о томъ думаютъ? Одно изъ двухъ зрѣлищъ могло бы болѣе удивить ихъ, а другое привесть въ сострадание. Но не распространяя далѣе сего разысканія, буду отвѣчать точнѣе на вопросъ Зопировъ.

Наши первые сочинители выставляли на ѳеатръ обыкновенно славныхъ мужей временъ

ироическихъ. Мы сохранили сей обычай; ибо республиканцы взираютъ всегда съ нѣкою злобною радостiю на троны поверженные на землю, и на паденiе государя, несчастiе всего царства за собою влекущаго. Прибавляю къ тому и сiе, что несчастiя частныхъ людей не могутъ предавать чудеснаго, коего требуетъ трагедiя.

Лицедѣйствiе должно быть полное и совершенное, то есть: оно должно имѣть начало, средину и конецъ; ибо такъ изъясняются философы, когда говорятъ о цѣломъ, коего части развиваются мало помалу предъ нашими глазами. Правило сiе покажется намъ ощитительнѣе слѣдующимъ примѣромъ. Въ Илiадѣ начинается дѣйствованiе распрею между Агамемнономъ и Ахилломъ; оно продолжается въ безчисленныхъ злоключенiяхъ, каковыя влечетъ за собою удаленiе послѣдняго отъ битвъ, а оканчивается тѣмъ, когда онъ смягчается слезами Прiама. Въ самомъ дѣлѣ послѣ сего явленiя толь умилительнаго, читателю ничего болѣе не остается желать.

Никифоръ. Чего еще могъ желать зритель, когда Аяксъ уже умеръ. Не окончено ли

было дѣйствованіе при двухъ третяхъ трагедіи? Однакожъ Софоклъ разсудилъ заблаго продолжить оную чрезъ холодный споръ между Менелаемъ и Тевкромъ, изъ коихъ одинъ хочетъ, чтобъ несчастному Аяксу честь погребенія была отказана, а другой, чтобъ была дозволена.

Өеодектъ. Когда лишеніе сей чести увеличиваетъ между нами ужасъ смерти, такъ оно можетъ и прибавить болѣе страха при развязкѣ трагедіи. Мысли наши начинаютъ въ семъ случаѣ перемѣняться, и ежели бы дошли мы до того, что не стали бы оскорбляться и симъ обиднымъ поруганіемъ, то весьма не приличенъ и не у мѣста былъ бы тотъ споръ, о которомъ упоминаешь, но въ томъ не была бы уже вина Софокла. — Я опять говорить буду о дѣйствованіи.

Не мысли, обще съ нѣкоторыми сочинителями, что единство дѣйствованія есть тоже самое, что единство ироя; и не объемли по примѣру ихъ, даже и въ поэмѣ, всѣхъ подробностей жизни Өисеа или Иракла. Ты ослабишь или вовсе уничтожишь соучастіе, когда продолжишь оное съ излишкомъ, или рас-

пространишь и разсѣешь по весьма многимъ частямъ трагедіи. Удивляйся мудрости Омира; онъ избралъ для Иліады одинъ только случай изъ Троянской войны.

Золиръ. Я знаю, что сердечныя движенія дѣлаются сильнѣе, когда онѣ сближаются и что лучшее средство потрясти душу есть то, когда она поражается сугубыми ударами; однако надобно, чтобъ дѣйствованіе имѣло нѣкое соразмѣрное продолженіе. Эсхилова Трагедія, *Агамемнонъ*, требовала продолжительнаго времени. Эврипидовы *Просительницы* занимаютъ многіе дни, а въ *Аяксѣ* и *Эдипѣ* Софокла все кончится въ нѣсколько часовъ. Превосходнѣйшія сочиненія нашего ѳеатра представляютъ мнѣ по сей статьѣ разнообразности, въ недоуменіе меня приводящія.

Ѳеодектъ. Желательно чтобъ дѣйствованіе драммы неболѣе продолжалось, какъ представленіе оной. Но старайся по крайней мѣрѣ заключить ее въ такое время, которое протекаетъ между восхожденіемъ и захожденіемъ солнца. (*)

(*) Аристотель говоритъ: *оборотъ солнца*, и по сему то изреченію новѣйшіе умствователи установили правило, чтобъ дѣйствованіе драммы продолжалось не болѣе двадцати четырехъ часовъ. Но

Я настоятельно требую дѣйствованія, ибо оно есть, так сказать, душа трагедіи, и сила ѳеатральнаго представленія зависит наиболѣе от вымысла, или составленія и распоряженія основы.

Пол. Правило сіе утверждается самым опытом. Я видѣл великій успѣх таких драмм, которыя другаго достоинства не имѣли, кромѣ басни разумно выдуманной и веденной с искуством. Я видѣл другія драммы, в коих благонравіе, мысли и слог, казалось, отвѣтствовали за успѣх, и которыя упали, потому что расположены были худо. Недостатку сему подвержены всѣ начинающіе упражняться в сем родѣ сочиненій.

Ѳеодект. И многіе древніе писатели. Они не радѣли иногда о правильности своих начертаній, но замѣщали их красотами в подробностях, которыя для трагедіи суть тоже, что краски для живописи. Как бы

ученнѣйшіе толкователи разумѣют чрез слово *оборот солнца* вседневное появленіе сего свѣтила на горизонтѣ, и как трагедіи представлялись в концѣ зимы, то дѣйствованіе не долженствовало продолжаться долѣе 9 или 10 часов.

живы ни были сіи краски, но онѣ производятъ впечатлѣнія меньше, нежели красивые очерки и округленія фигуры, смѣло и легко нарисованной.

Начни же прежде начертавать основу, или содержаніе твоей драммы; потомъ обогащай оное украшеніями ему свойственными. Располагая онымъ, помни о различіи историка съ піитомъ. Одинъ разсказываетъ о произшествіяхъ такъ, какъ онѣ дѣйствительно были; другій, какъ онѣ могли или долженствовали случиться. Естьли исторія представляетъ тебѣ произшествіе безъ всякихъ обстоятельствъ, то позволяется тебѣ украшать оное вымыслами, и къ главному дѣйствованію присоединять такія приключенія, которыя твоей драммѣ могли бы придать больше пріятности. Но не прибавляй ничего того, что не основано на правдоподобіи или на необходимости.

По сихъ словахъ разговоръ распространился на большіе предметы. Разсуждали о различныхъ родахъ правдоподобія; замѣтили, что есть одно для народа, а другое для людей просвѣщенныхъ; наконецъ согласились

держаться въ зрѣлищахъ того правдоподобія, котораго требуетъ большая часть зрителей. Вотъ на чемъ утвердились.

1е. Правдоподобнымъ называется то, что въ глазахъ почти всѣхъ людей имѣетъ видъ правды. Чрезъ сіе слово разумѣется также и то, что обыкновенно случается въ обстоятельствахъ, о которыхъ рѣчь идетъ. Посему въ исторіи такое-то происшествіе имѣетъ обыкновенно такое-то последствіе; въ нравоученіи, человѣкъ такого-то состоянія, такихъ-то лѣтъ, такого-то свойства долженъ говорить и дѣйствовать такимъ-то и такимъ-то образомъ.

2е. Правдоподобно есть и то, какъ говаривалъ стихотворецъ Агаѳонъ, что случаются и такія вещи, которыя и неправдоподобны. Таковый примѣръ видимъ въ человѣкѣ, который побѣждается меньше сильнымъ или меньше храбрымъ противникомъ. Сіе-то необыкновенное правдоподобіе употребляли нѣкоторые сочинители для развязки узловъ своихъ драммъ.

3е. Все то, что почитаемъ случившимся, есть правдоподобно; все то, что почи-

таемъ никогда не случившимся, есть неправдоподобно.

4е. Лучше употребить существенно невозможное, однакожъ правдоподобное, нежели существенно возможное безъ всякаго правдоподобія. На примѣръ: страсти, неправды, нелѣпости, приписуемыя богамъ, не могутъ быть въ порядкѣ вещей возможны; злодѣйства и несчастія древнихъ ироевъ, въ порядкѣ вещей, не всегда могутъ быть вѣроятны; но народы, принявъ сіи преданія, учинили оныя священными и на ѳеатрѣ мнѣніе общее имѣетъ равную силу съ истинною.

5е. Правдоподобіе должно занимать первое мѣсто въ составленіи содержанія, и въ связи явленій, въ описаніи нравовъ и въ выборѣ нечаянныхъ встрѣчъ, словомъ во всѣхъ частяхъ драммы. Спрашивай себя непрестанно: возможно ли, нужно ли, чтобъ такое лице говорило и дѣйствовало такимъ образомъ.

Никифоръ. Возможно ли вѣрить, чтобъ *Эдипъ*, живя двадцать лѣтъ съ Іокастою, не освѣдомлялся объ обстоятельствахъ смерти Лаія?

Ѳеодектъ. Нѣтъ, не возможно; но всеобщее мнѣніе предположило, что сіе быть мо-

гло; и Софоклъ, для избѣжанія сей несообразности, началъ дѣйствованіе только въ то время, когда бѣдствія, удручавшія городъ Ѳивы, прекратились. Все происходившее прежде сего времени не помѣщено въ трагедіи, какъ показалъ мнѣ сіе Аристотель.

Никифоръ. Другъ твой Аристотель, для извиненія Софокла, предполагаетъ въ немъ такое намѣреніе, какого онъ не имѣлъ: ибо Эдипъ признается откровенно, что онъ того не зналъ. Онъ самъ говоритъ, что никогда не вѣдалъ того, что при смерти Лаїя происходило: онъ вопрошаетъ, въ которомъ мѣстѣ государь сей былъ умерщвленъ, въ Ѳивахъ ли, въ полѣ ли, или въ отдаленномъ государствѣ? Какъ! произшествіе, которое доставляло ему и руку царицы и престолъ, не возбуждало никогда его вниманія, чтобъ объ ономъ провѣдать? и никто ему о томъ не сказывалъ? Признайся, что Эдипъ былъ вовсе нелюбопытенъ, а дворъ его молчаливъ и скроменъ.

Тщетно старался Ѳеодектъ оправдать Софокла: мы всѣ пристали ко мнѣнію Никифора. Въ продолженіи сего словопренія упомянуты были многія драммы, которыя не

имѣли успѣха единственно отъ недостатка въ правдоподобіи: между прочими трагедія Карцинова, въ которой зрители видѣли, что главный лицедѣй вошелъ во храмъ, а назадъ не выходилъ; когдажъ онъ въ послѣдующихъ явленіяхъ опять показался, то зрители столь были огорчены, что драмма совершенно упала.

Полъ. Конечно были въ ней другіе важнѣйшіе недостатки. Я часто игралъ въ Электрѣ Софокловой, гдѣ упоминаются Пиѳійскія игры, которыя учреждены были многими вѣками позже тѣхъ временъ, въ коихъ ирои сея трагедіи жили; при всякомъ представленіи жители роптали на сію ошибку лѣтосчисленія, однако драмма и донынѣ на ѳеатрѣ осталась.

Ѳеодектъ. Ошибка сія большею частію зрителей непримѣчаемая, не столь опасна, какъ первая, о которой всѣ люди судить могутъ. Вообще, сочинитель не долженъ страшиться тѣхъ неправдоподобій, которыя замѣчаются одними только просвѣщенными людьми, или которыя прикрываются живымъ соучастіемъ. Сколько есть драммъ, въ коихъ при одномъ разсказѣ предполагается, что въ самое короткое время произошли за ѳеатромъ

многія приключенія, требующія большей части дня? Для чего тѣмъ не оскорбляются? для того, что зритель, увлеченный скорымъ и пылкимъ дѣйствованіемъ, не имѣетъ ни времени, ни желанія возвратиться назадъ и дѣлать разсчеты, кои ослабили бы его обольщеніе.

Здѣсь кончилось первое засѣданіе.

ВТОРОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

На другой день, когда все собралися, Зопиръ сказалъ Ѳеодекту: ты намъ вчера показалъ, что обольщеніе ѳеатральное долженствуетъ быть основано на единствѣ дѣйствованія и на правдоподобіи; что еще къ сему потребно?

Ѳеодектъ. Достигнуть цѣли трагедіи, которая состоитъ въ томъ, чтобъ возбуждать страхъ и жалость. А до сего достигается: 1е Чрезъ зрѣлищное убранство, когда представляется предъ глаза наши Эдипъ въ личинѣ окровавленной; Телефъ, покрытый рубищемъ; Эвмениды съ принадлежностями, приводящими въ ужасъ. 2е Чрезъ дѣйствованіе, когда содержаніе и образъ соединенія приключающихся внезапностей сильное потрясеніе въ зрителяхъ производить могутъ. Въ семъ-то второмъ средствѣ даръ стихотворца наиболѣе блистаетъ.

Изъ давныхъ временъ уже примѣчено, что изъ всѣхъ страстей только страхъ и жалость могутъ производить печаль сильную и долговременную. По сей то причинѣ элегія и трагедія напрягали попеременно свои силы, чтобъ доставить нашей душѣ движенія, которыя извлекали бы ее изъ слабости безъ насилія и заставляли бы вкушать утѣхи безъ угрызенія. Трепещу и плачу о несчастіяхъ, въ которыхъ мнѣ подобные страдаютъ и отъ которыхъ я и самъ могу въ свою очередь страдать, но я люблю сіи страхи и сіи слезы. Первые стѣсняютъ мое сердце, а другіе его въ мигъ облегчаютъ. Ежели бы предметъ, заставляющій меня проливать сіи слезы, былъ дѣйствительно предъ моими глазами, какъ могъ бы я сносить такой плачевный видъ! Но подражаніе показуетъ мнѣ его сквозь покрывало, которое черты онаго смягчаетъ. Списокъ остается всегда слабѣе подлинника, и сіе несовершенство есть одно изъ главныхъ его достоинствъ.

Полб. Не то ли хотѣлъ сказать Аристотель, когда онъ утверждалъ, что трагедія и музыка умѣряютъ ужасъ и жалость.

Ѳеодектъ. Безъ сомнѣнія. Умѣрять сіи двѣ страсти значитъ исправлять ихъ свой-

ства и ограничивать ихъ излишества. И въ самомъ дѣлѣ подражательныя искуства отнимаютъ у подлинности то, что въ ней противно и гнусно, а удерживаютъ только то, что въ ней приятно и прелестно. Изъ сего слѣдуетъ, что не надлежитъ производить въ зрителяхъ слишкомъ мучительныхъ и слишкомъ горестныхъ движенiй. Мы помнимъ еще о томъ Египетскомъ царѣ Амасисѣ, который въ превеличайшемъ своемъ несчастiи не могъ выронить ни одной слезы, видя сына своего ведомаго на казнь; но утопалъ въ слезахъ, узрѣвъ друга своего въ оковахъ, простирающаго руку ко всѣмъ проходящимъ. Отъ первой изъ сихъ картинъ сердце его окаменѣло, а отъ послѣдней смягчилось. Удали отъ меня такое излишество ужаса, сiи поразительные удары, кои сострадание и жалость истребляютъ; берегись окровавлять позорище. Не вводи на ѳеатръ Медеи, умерщвляющей своихъ дѣтей; Эдипа, исторгающаго себѣ глаза; Аякса, пронзающаго себя мечемъ. Вотъ главныя правила трагедiи. . . .

Никифоръ. И которыя ты нарушаешь непрестанно. Ты любишь услаждать твои взоры ужасными и отвратительными изображенiями. Вспомни о семъ Эдипѣ, о Полимне-

сторѣ, которые лишась зрѣнія, опять появляются на ѳеатрѣ, покрытые кровію, изъ очей ихъ текущею.

Ѳеодектъ. Зрѣлище сїе не принадлежитъ къ дѣйствованїю, и по одной только слабости введено оное для черни, которая требуетъ жестокихъ потрясенїй.

Никифоръ. Вы трагическїе сочинители приучили чернь къ такимъ жестокостямъ. Я не говорю о тѣхъ злодѣйствахъ, о коихъ и разсказывать ужасно, ни о супругахъ, матеряхъ, дѣтяхъ, умерщвленныхъ отъ людей имъ любезнѣйшихъ. Ты станешь мнѣ отвѣчать, что сїи дѣянїя исторїею утверждены; что ты съ младенческихъ лѣтъ объ нихъ часто слыхалъ, что онѣ принадлежатъ къ отдаленнѣйшимъ вѣкамъ, и что слѣдственно возбуждаютъ онѣ только страхъ потребный въ трагедїи. Но вы имѣете вредное таинство увеличивать еще ужасъ и гнусность оныхъ дѣянїй. Власы становятся дыбомъ на главѣ моей, когда при воплѣ Клитемнестры, которую сынъ ея Орестъ поразилъ за ѳеатромъ, Электра, дочь ея, стоя на позорищѣ, кричитъ: — *рази, коли можешь, и въ другой разъ.*

Ѳеодектъ. Софоклъ распространилъ по всей драммѣ столь великое сострадание

къ сей княжнѣ, а она, бывъ удручена несчастіями и поруганіями, претерпѣла столь великія потрясенія страха, отчаянія, радости, что не смѣя оправдать ее, легко простить ей можно сіе безчеловѣчное выраженіе, вырвавшееся изъ устъ ея въ первой запальчивости. Примѣть, что Софоклъ предвидѣлъ сей случай, и чтобъ оправдать и исправить оный, онъ заставляетъ Электру сказать въ прежде бывшемъ явленіи, что она желаетъ мстить только убійцѣ своего родителя.

Примѣръ сей показуетъ, съ какимъ умѣніемъ искусная рука приготовляетъ и направляетъ свои удары и въ тоже время доказываетъ, что чувствія, кои въ насъ вселить стараются, зависятъ болѣе всего отъ взаимныхъ отношеній и качествъ главнаго лица.

Примѣть, что дѣйствованіе, происходящее между враждующими или равнодушными людьми, производитъ впечатлѣніе скоротечное, но мы поражаемся и умиляемся гораздо сильнѣе, когда видимъ кого погибающаго отъ руки брата, сестры, сына или родителей. И такъ поставь, ежели можно, ироя твоего въ борбѣ съ природою, но не избирай злодѣя: сей, переходя изъ несчастія къ несчастію, не возбудитъ ни страха, ни жалости: не избирай так-

же и человѣка свышней и совершенной добродѣтели, который безъ всякаго проступка впалъ въ бѣду и напасть.

Пол. Правила сіи имѣютъ нужду въ подробномъ изъясненіи. Что наказаніе злодѣя не производитъ ни состраданія ни страха, сіе понимаю ясно. Одно только незаслуженное несчастіе должно приводить меня въ жалость, а несчастіе злодѣя меня поражаетъ, ибо онъ его достоинъ. Я долженъ трепетать только при несчастіи мнѣ подобнаго, а злодѣй не есть мнѣ подобенъ. Но нѣтъ ничего страннѣе и жалостнѣе, какъ видѣть невинность гонимую, утѣсненную, проливающую горкія слезы, и тщетно о помощи вопіющую.

Ѳеодектъ. И нѣтъ ничего отвратительнѣе и ненавистнѣе, когда она погибаетъ противъ явнаго правосудія; ибо тогда вмѣсто сей чистой утѣхи, вмѣсто сего сладкаго удовольствія, коихъ я надѣялся найти въ ѳеатрѣ, чувствую одни горестныя потрясенія, возмущающія вдругъ и сердце мое и разсудокъ. Ты находишь, можетъ быть, что говорю съ тобою языкомъ новымъ, но онъ есть языкъ философовъ, которые въ сихъ послѣднихъ временахъ разсуждали долго о

роде удовольствій, кои трагедія доставлять намъ долженствуетъ.

Какую же картину трагедія должна показывать намъ на ѳеатрѣ? Картину человѣка, могущаго нѣкоторымъ образомъ, укорять самаго себя въ своемъ злосчастіи. Примѣтилъ ли ты, что бѣдствіе частныхъ людей и перевороты даже государствъ нерѣдко зависятъ отъ первой еще далекой или близкой погрѣшности, — погрѣшности, коея слѣдствія тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ меньше предвидимы были? На примѣръ, ты найдешь въ Ѳіестѣ мщеніе, до крайности доведенное; въ Эдипѣ и Агамемнонѣ, ложныя мысли о чести и славолюбіи; въ Аяксѣ, гордость, презирающую помощь боговъ; въ Ипполитѣ, обиду, сдѣланную ревнивой богинѣ; въ Іокастѣ, забвеніе должностей священныхъ; въ Пріамѣ и Гекубѣ, слабость къ похитителю Елены; въ Антигонѣ, природныя чувствованія, предпочтенныя установленнымъ законамъ.

Судьба Ѳіеста и Эдипа приводитъ ихъ въ содроганіе. Ѳіестъ, лишенный братомъ своимъ Атреемъ права на престолъ, дѣлаетъ ему оскорбительнѣйшую обиду похищеніемъ любезнѣйшей его супруги: Атрей былъ виновенъ, но и Ѳіестъ не былъ правъ. Сколько бы

Эдипъ ни почиталъ себя невиннымъ, и сколько бы ни утверждалъ, что онъ умертвилъ отца своего не знавъ его; но будучи недавно уведомленъ отъ прорицалища, что онъ исполнитъ сїе неистовое злодѣйство, долженъ ли онъ былъ принуждать встрѣтившагося съ нимъ старца, чтобъ онъ далъ ему дорогу, и за малое сопротивленїе убить какъ его, такъ и всѣхъ рабовъ, его сопровождавшихъ.

Золиръ. Онъ не могъ во гнѣвѣ владѣть самимъ собою.

Θеодектъ. Онъ долженъ былъ обуздать гнѣвъ свой. Любомудрцы не позволяютъ имѣть сильныхъ страстей, которыя нами бы повелѣвали; и ежели зрители менѣе другихъ просвѣщенные бываютъ снисходительнѣе, то по крайней мѣрѣ знаютъ они то, что мгновенная чрезмѣрность какой либо страсти удобна насъ низвергнуть въ пропасть.

Золиръ. Смѣешь ли ты осуждать Антигону за то, что вопреки неправильнаго запрещенїя, сдѣлала погребенїе своему брату?

Θеодектъ. Удивляюсь ея мужеству: сожалѣю объ ней, что принуждена была избирать одну изъ двухъ противныхъ должностей;

но законъ былъ въ точности предписанъ; Антигона его преступила, и она осуждена подъ предлогомъ справедливости.

Ежели между причинами, содѣйствовавшими несчастїю главнаго лица, будутъ удобоизвинительныя; тогда придай ему слабости и погрѣшности, которыя въ глазахъ нашихъ уменьшатъ ужасъ судьбы его. Согласно съ сими разсужденїями обрати сострданїе на одного человѣка, который былъ бы болѣе добръ, нежели золъ, который содѣлался бы несчастнымъ не чрезъ неистовое злодѣйство, но чрезъ какую либо великую погрѣшность, удобно прощаемую въ благополучїи. Таковыми были Эдипъ и Ѳїестъ.

Полъ. Такъ ты не одобряешь тѣхъ драммъ, въ коихъ человѣкъ противъ воли своей дѣлается виновнымъ и несчастнымъ? Однакожъ они всегда успѣхъ имѣли, и зрители всегда проливать будутъ слезы о плачевной судьбѣ Федры, Ореста и Электры.

Сїе замѣчанїе причинило между присутствующими довольно сильное пренїе. Одни утверждали, что принимать правила Ѳеодек-

та было бы тоже, что и охуждать древній ѳеатръ, который, говорили, имѣлъ единственною цѣлію предопредѣленія слѣпаго рока; другіе отвѣчали, что въ большей части трагедій Софокловыхъ и Еврипидовыхъ сіи предопредѣленія, хотя по временамъ и упоминалось объ нихъ въ разговорахъ, не имѣли вліянія ни въ несчастія главнаго лица, не въ шествіе дѣйствованія: въ примѣръ приводили между прочимъ Антигону Софоклову, Медею и Андромаху Еврипидовы.

При случаѣ разсуждали еще о сей непреоборимой необходимости рока, которой и сами боги и человѣки покорствовать долженствуютъ; но опасное сіе ученіе всѣми опровергнуто было, яко безумное и служащее только къ оправданію злодѣйствъ и къ униженію добродѣтели.

Въ собраніи семъ были и такіе мечтатели, кои доказывали, или лучше сказать бредили, что боги часто бываютъ неправосудны и мстительны; мстительны до того, что наказываютъ не одного виновнаго преступника, но и послѣднее его поколѣніе. И сіе мнѣніе почтено было беззаконнымъ и

безбожнымъ, но спорщики приводили въ доказательство слѣдующіе примѣры.

Эней, царь Этолійскій, медлитъ принесть жертвы Діанѣ, которая нимало не медлитъ мстить за такое презрѣніе. Отъ сего-то произошли многократныя казни, области его опустошавшія, отъ сего убивственныя злости, царское семейство раздиравшія, и окончившіяся смертію Мелеагра сына Энеева.

За проступокъ Тантала, фуріи долгое время терзали весь родъ Пелопидовъ. Уже заразили его всѣми своими ядами, какъ направили стрѣлу, которою Агамемнонъ убилъ лань, посвященную Діанѣ. Богиня требуетъ за то Ифигенію въ жертву. Сія жертва служитъ предлогомъ Клитемнестрѣ, чтобъ умертвить своего супруга. Орестъ отмщаетъ за отца своего, похищая жизнь у матери своей. Ореста мучатъ Евмениды до тѣхъ поръ, пока получаетъ очищеніе.

Вспомнимъ съ другой стороны сію непрерываемую цѣпь тѣхъ въ трепетъ приводящихъ злодѣйствъ и ужасныхъ несчастій, которыя тягчили царствующій родъ, начавъ

отъ Кадма, основателя города Ѳивъ, до послѣднихъ дѣтей несчастнаго Эдипа. Какая же причина была сему вредоносному началу? Кадмъ убилъ дракона, стерегшаго источникъ, посвященный Марсу; и взялъ въ супругу Гермїону, дщерь Марса и Венеры. Вулканъ изъ ревности одѣлъ сїю царицу въ ризу, сотканную изъ всѣхъ злодѣйствъ, которыя и распространились на всѣхъ потомковъ.

Счастливы однакожъ народы, когда мщенїе небесное простирается на одно только потомство преступника. Но сколь часто удручаемы онымъ были цѣлыя государства! Сколь часто враги народа содѣлались врагами и боговъ своихъ, хотя они никогда и ничѣмъ ихъ не оскорбляли!

Къ сей оскорбляющей божество мысли прибавляли еще другую не меньше неистовую и богохульную. Нѣкоторые мудрецы, бывъ поражены превратностїю дѣлъ человѣческихъ, предполагали, будто есть могущество, которое посмѣвается нашимъ замысламъ, и ожидаетъ минуты нашего счастїя съ тѣмъ, чтобъ пожертвовать насъ лютой своей зависти.

Такъ по вашему мнѣнїю, заключилъ Θеодектъ, выходитъ изъ сихъ чудовищныхъ системъ то, что человѣкъ вовлекается въ злодѣйство или въ несчастїе не самъ собою, но единымъ только побужденїемъ какого либо божества, которому семейство его, государство его, или благоденствїе его ненавистны? — Какое безумное заключенїе!

Однако, какъ грубость сего ученїя виднѣе и ощутительнѣе была въ трагедїи, нежели въ другихъ сочиненїяхъ; то первые наши писатели предлагали оную часто съ нѣкоторымъ умягченїемъ и усладенїемъ, и чрезъ то приближились къ правилу, которое утверждалъ я выше. Иногда гонимый слѣпымъ рокомъ ирой оправдывалъ сїе гоненїе своимъ собственнымъ или родителей своихъ проступкомъ; иногда претерпѣвъ несчастїя, былъ исхищаемъ изъ пропасти, въ которую былъ ею низверженъ. Федра воспылала беззаконною любовїю; Венера воспалила оную въ сердцѣ Федры для погубленїя Ипполита. Но что дѣлаетъ Еврипидъ? Онъ изображаетъ сїю царицу не главнымъ, но низшимъ лицемъ. Онъ дѣлаетъ еще больше. Онъ заставляетъ Федру предпринять и исполнить ужасный замыслъ, чтобъ оклеветать Ипполита. И такъ

мы видимъ, что любовь Федры непроизвольная, а злодѣйство ея самопроизвольное; и посему Федра учинилась особою намъ ненавистною, возбуждавшею прежде въ насъ нѣкоторую жалость, а теперь производящею одно къ себѣ отвращенie.

Тотъ же Еврипидъ хотѣлъ возбудить въ насъ все соучастie къ лицу Ифигенiи; не взирая на невинность и добродѣтели ея, долженствуетъ она омыть кровiю своею оскорбленie, которое Агамемнонъ нанесъ Дiанѣ. Что же еще дѣлаетъ стихотворецъ? онъ не довершаетъ несчастiя Ифигенiи; богиня переноситъ ее въ Тавриду, и вскорѣ возвратитъ съ торжествомъ въ Грецiю.

Ученie о непреложности слѣпаго рока нигдѣ такъ сильно не явствуетъ, какъ въ трагедiяхъ Ореста и Электры. Сколько сочинители ни приводятъ въ оправданie то прорицалище, которое имъ повелѣваетъ отомщать за ихъ отца; сколько ни заставляютъ ихъ терзаться ужасомъ прежде исполненiя злодѣйства, и угрызенiями совѣсти по совершенiи онаго; сколько ни ободряютъ ихъ появленiемъ какого нибудь божества, ихъ

оправдывающаго и обѣщавающаго имъ блаженнѣйшую впредь судбину; но всѣ сїи прикрасы не меньше суть противны истинной цѣли трагедїи. Однакожъ онѣ нравятся: ибо ничто не приводитъ насъ въ такую жалость, какъ очевидная гибель Орестова и злосчастїе Электрино, какъ взаимное узнанїе брата и сестры; ибо подъ перомъ Эсхила, Софокла и Еврипида все становится прекраснымъ.

Поелику нынѣ, здравая философїя запрещаетъ намъ предавать божеству и малѣйшее побужденїе зависти и неправосудїя; то я сомнѣваюсь, чтобъ таковыя басни при всемъ превосходствѣ, съ какимъ онѣ писаны, могли и въ первой разъ имѣть одобренїе отъ всѣхъ людей. Я по крайней мѣрѣ утверждаю, что съ отвращенїемъ взирать будутъ на главное лице, посрамляющее себя гнуснымъ злодѣйствїемъ, и беру въ доказательство Астидама, который недавно столь искусно сплелъ басню своего Алкмеона. Исторїя предполагаетъ, что сей младый князь имѣлъ право вонзить кинжалъ въ грудь Ерифилы, своей матери. Многїе писатели занимались изображенїемъ сего произшествїя. Еврипидъ тщетно употребилъ всѣ пособїя драмматическаго ис-

кусства, чтобъ разцвѣтить сіе столь ужасное злодѣйство; но Астидамъ избралъ средство, сообразное нѣжности нашего вкуса. Ерифила, правда, погибла отъ руки своего сына, но онъ не зналъ, что она была мать его.

Пол. Естьли ты не допущаешь преданій о злодѣйствіяхъ и несчастіяхъ, простирающихся отъ отцевъ на сыновей; то будешь принужденъ уничтожить и тѣ жалобы, которыя непрестанно по ѳеатру раздаются противъ неправосудія боговъ и жестокости судьбины.

Ѳеодектъ. Не станемъ касаться до права несчастнаго. Пусть онъ жалуется, но что бы жалобы его основывались на нѣкоторой справедливости; ибо для несчастнаго есть порядокъ вещей существеннѣйшій, который не меньше приводитъ въ страхъ, какъ и слѣпая необходимость рока. Сей порядокъ состоитъ въ великой несоразмѣрности между его заблужденіями и происходящими отъ оныхъ напастями; а особливо, когда онъ содѣлывается злополучнѣйшимъ изъ смертныхъ или чрезъ минутную страсть, или чрезъ маловажную неосмотрительность, а иногда чрезъ слишкомъ дальновидную предосторожность.

Сей порядокъ состоитъ наконецъ и въ томъ, когда погрѣшности начальниковъ низвергаютъ въ погибель все государство.

Таковыя всеобщія бѣдствія довольно часто случались въ тѣ отдаленныя времена, въ кои сильныя страсти, каковы суть любочестіе и мщеніе, распространяли свое могущество. По сей-то причинѣ трагическіе писатели и начали выводить на зрѣлище произшествія, описанныя частію въ сочиненіяхъ Омира, а наиболѣе въ собраніи, именуемомъ, *Елическій циклъ* или *кругъ*, въ коемъ различные сочинители собрали всѣ древнія преданія Грековъ.

Кромѣ сего источника, изъ котораго Софоклъ почерпнулъ содержанія почти всѣхъ своихъ трагедій, брали иногда приключенія и изъ новѣйшей исторіи, а иногда позволяли себѣ оныя и вымышлять. Эсхилъ представилъ на ѳеатрѣ пораженіе Ксеркса при Саламинѣ, а Фринихъ взятіе Милета. Агаѳонъ сочинилъ драмму, въ которой все было вымышлено, а Еврипидъ издалъ другую, въ которой все было иносказательно.

Сіи различныя покушенія имѣли успѣхъ, но не имѣли послѣдователей. Можетъ быть

требуютъ онѣ съ лишкомъ великихъ дарований; можетъ быть примѣчено, что история не даетъ довольной свободы стихотворству; а вымыселъ дозволяетъ ему излишнюю вольность; что то и другое съ трудностию согласуются со свойствомъ нашего зрѣлища. Чего оно въ самомъ дѣлѣ требуетъ? Дѣйствования правдоподобнаго и часто сопровожденнаго явлениемъ тѣней и сопримирениемъ, отъ боговъ предсказуемымъ. Естьлибъ ты избралъ произшествие недавно случившееся, то бы ты долженъ былъ исключить все чудесное; естьлибъ ты выдумалъ самъ что нибудь, но не будучи поддерживаемъ ни важностию истории, ни предразсудкомъ мнѣния всенароднаго, то бы ты принужденъ былъ нарушать правдоподобие. Отъ сего-то происходитъ, что содержания наилучшихъ нашихъ драммъ берутся теперь изъ малаго числа древнихъ семействъ, какъ напримѣръ: изъ семейства Алкмеона, Ѳиеста, Эдиппа, Телефа, и изъ другихъ домовъ, въ которыхъ нѣкогда происходили весьма ужасныя приключения.

Никифоръ. Я хотѣлъ бы тебѣ учтиво сказать, что ты весьма наскучилъ твоими Агамемнонами, Орестами, Эдипами и всемъ

родомъ сихъ скитающихся изгнанниковъ. Не стыдишся ли ты представлять намъ содержанія толь обыкновенныя и толь обветшалыя? часто удивляюсь я безплодности умовъ вашихъ стихотворцевъ и терпѣнію Аѳинянъ.

Ѳеодектъ. Ты говоришь самъ противъ себя; ты знаешь лучше другаго, что мы находимъ въ таковыхъ содержаніяхъ неисчерпаемый кладязь, естьли мы принуждены бываемъ уважать принятыя древнія басни, то сіе исполняется въ однихъ только существенныхъ случаяхъ; надлежитъ, поистиннѣ, Клитемнестрѣ погибнуть отъ руки Ореста, Эрифили отъ руки Алкмеона; но какъ обстоятельства одного и того же произшествія различествуютъ въ древнихъ преданіяхъ, то сочинитель можетъ избирать тѣ только приключенія, которыя приличествуютъ его расположенію, или на мѣсто ихъ примыслить новыя. Онъ можетъ также употребить одно или два и изъ извѣстныхъ лицъ, а прочія зависятъ отъ его распоряженія. Всякое содержаніе драммы вмѣщаетъ въ себѣ безчисленныя разнообразности и престаетъ быть однимъ и тѣмъ же, какъ скоро придашь ему новый узелъ и другую развязку.

Разнообразность въ басняхъ бываетъ простая или сплетенная; простая когда дѣйствованіе продолжается и оканчивается единообразно и никакое постороннее приключеніе не отвращаетъ или не пресѣкаетъ его теченія; сплетенная, когда дѣйствованіе производится или чрезъ единое изъ сихъ обоюдныхъ узнаній, перемѣняющихъ вдругъ взаимныя отношенія лицъ между собою или чрезъ единое изъ тѣхъ оборотовъ, перемѣняющихъ ихъ состояніе, или чрезъ оба сіи средства, вкупѣ соединенныя. Здѣсь разсматриваны были сіи два рода басенъ, и всѣ согласились, что сплетенныя басни предпочтительнѣе простыхъ.

Разнообразность въ приключеніяхъ, возбуждающихъ страхъ и жалость, состоитъ въ слѣдующемъ. Естьли свойственное сіе дѣйствованіе увеличивается до такой степени, что чувствія природы вовсе забываются или отвергаются и что одно изъ лицъ находится въ опасности потерять свою жизнь; тогда тотъ, который производитъ, или произведетъ убивство, можетъ дѣйствовать сими четырьмя образами: 1е Онъ можетъ исполнить злодѣйство умышленно; многіе таковые примѣры находятся у древнихъ пи-

сашелей. Я приведу здѣсь въ доказательство Медею, которая въ Еврипидѣ замышляетъ умертвишь своихъ дѣтей, и оное исполняетъ, но дѣйствіе ея кажется намъ тѣмъ болѣе безчеловѣчно, что въ немъ не было никакой нужды. Я думаю, что никто нынѣ не оспважится представлять такого варварства. 2е. Можно признаваться и раскаяваться въ своемъ злодѣйствѣ по исполненіи уже онаго, какъ Эдипъ въ Софоклѣ. Здѣсь незнаніе преступника о своемъ беззаконіи содѣлываетъ его не столь ненавистнымъ, и познаніе, которое пріобрѣтаетъ онъ постепенно, вселяетъ въ насъ живѣйшее къ нему сострадание. Мы весьма похваляемъ таковыя изображенія. 3е. Дѣйствованіе продолжается иногда до самой минуты исполненія и вдругъ останавливается отъ неижидаемаго объясненія. Тако Меропа познаетъ своего сына, а Ифигенія своего брата, въ самую ту минуту, когда онѣ были уже готовы ихъ поразить. Таковый образъ представленія есть совершеннѣйшій изъ всѣхъ прочихъ.

Пол. Въ самомъ дѣлѣ, когда Меропа возносила мечъ на главу своего сына, то возставалъ всеобщій ропотъ между зрителями; я часто былъ тому свидѣтелемъ.

Өеодектъ. Четвертый и самый худшій образъ есть тотъ, когда въ минуту исполненія вдругъ останавливаются для того, что безъ видимой причины перемѣняютъ свою волю; сей способъ почти никогда употребляемъ не былъ.

Аристотель приводилъ мнѣ нѣкогда въ примѣръ Эмона, который извлекъ мечъ противъ отца своего Креона; но вмѣсто того чтобъ исполнить пораженіе, пронзаетъ самаго себя.

Никифоръ. Не возможно было и исполнить сего; Креонъ пораженный ужасомъ побѣжалъ.

Өеодектъ. Но сынъ его могъ настигнуть.

Полъ. Можетъ быть Эмонъ хотѣлъ только умертвить себя предъ очами родительскими, такъ какъ онъ кажется и стращалъ тѣмъ Креона въ одномъ предшествовавшемъ явленіи; ибо Софоклъ зналъ весьма хорошо употреблять благопристойности өеатра и не могъ предполагать, чтобъ добродѣтельный Эмонъ дерзнулъ посягнуть на жизнь своего родителя.

Золирь. А для чего бы и не посягнуть? или не знаешь, что Эмонъ готовился немедленно вступить въ бракъ съ Антигоною, которую онъ любилъ, которою былъ любимъ, и которую отецъ присудилъ погребсти живую; что сынъ не могъ умолить его горчайшими слезами, и что онъ нашедъ мертвою, отъ бѣшенства и любви упалъ бездыханенъ къ ногамъ ея? Ты негодуешь на то, что Эмонъ, увидя вдругъ появившагося Креона, бросился на него не такъ какъ на отца, но такъ какъ на убійцу своей любовницы? А ежели онъ не гонится за симъ трусливымъ тираномъ, то сїе по тому, что онъ больше спѣшилъ пресѣчь ненавистную жизнь свою.

Өеодектъ. Представляй его поступокъ благороднѣйшимъ. Скажи по крайней мѣрѣ, что первое его движенїе произошло отъ бѣшенства и мщенїя, а второе отъ раскаянїя и добродѣтели.

Золирь. Подъ какимъ бы видомъ ты оное ни принималъ; но я утверждаю, что сей случай есть поразительнѣйшїй и превосходнѣйшїй на нашемъ өеатрѣ, и ежели твой Аристотель не умѣлъ его почувствовать,

то сїе происходитЪ конечно отЪ того, что никогда онЪ не любилЪ.

Феодектъ. Любезный ЗопирЪ! берегись обнаружить тайну твоего сердца. ИзЪ снизхожденія кЪ тебѣ, я не стану упоминать о примѣрѣ Эмона; но удержимЪ сїе правило, что не должно начинать неистоваго дѣйствїя, или что не должно онаго оставлять безЪ причины. ПродолжимЪ разсмотрѣнїе средствЪ, употребляемыхЪ для разнообразїя басни вЪ драммахЪ.

Первая, разнообразность состоитЪ во взаимныхЪ узнанїяхЪ другЪ друга. Узнанїя сїи служатЪ величайшими пружинами для сердечныхЪ пораженїй, а наипаче когда онѣ производятЪ скорую перемѣну вЪ обстоятельствахЪ представляемыхЪ лицЪ. Узнанїя суть разныхЪ родовЪ: одни не заключаютЪ вЪ себѣ никакого искуства, служатЪ весьма часто пособїемЪ для посредственныхЪ стихотворцевЪ, и основываются на знакахЪ случайныхЪ, или естественныхЪ, какЪ то по запястьямЪ, по ожерельямЪ, по язвинамЪ и по знакамЪ на тѣлѣ. Другїя же узнанїя показываютЪ различные вымыслы. СЪ похвалою упоминаютЪ о вымыслѣ Дикеогена вЪ поэмѣ его, именуемой

Кипріаки. Ирой, увидя картину, изображающую всѣ его злоключенія, пролилъ слезы, которыя и обнаружили, кто онъ: похваляютъ узнанія и Поліидово въ его Ифигеніи; Орестъ при самомъ своемъ закланіи на жертву восклицаетъ „Тако и сестра моя Ифигенія при„несена была на жертву въ Авлидѣ.„ Наилучшія узнанія родятся изъ самаго дѣйствованія. Смотри Эдипа Софоклова, Еврипидову Ифигенію въ Авлидѣ.

Вторая разнообразность состоитъ въ свойствахъ. Свойство тѣхъ особъ, кои часто вновь представляются на позорищѣ, между нами уже рѣшено и опредѣлено, но опредѣлено только въ его всеобщности. Ахиллъ буйственъ и жестокъ. Улиссъ остороженъ и скрытенъ. Медея неумолима и кровожаждуща: но всѣ сіи качества могутъ имѣть такіе степени, что изъ единаго свойства могутъ родиться многія, въ однихъ только главныхъ чертахъ согласующіяся. Таковы суть свойства Электры и Филоктета въ Эсхилѣ, Софоклѣ и Еврипидѣ. Позволено тебѣ увеличивать пороки Ахилла, но несравнено лучше ослаблять оныя блистающими его добродѣтелями, какъ то сдѣлалъ Омиръ. Послѣ-

дуя сему образцу стихотворецЪ АгаѳонЪ показалЪ такого Ахилла, какого еще не бывало на ѳеатрѣ.

Третія разнообразность состоитЪ вЪ катастрофахЪ, или развязкахЪ трагедіи. Однѣ оканчиваются счастіемЪ, а другія несчастіемЪ. Есть еще такія, вЪ которыхЪ чрезЪ двоякій оборотЪ обстоятельствЪ, и добрые и злые люди подвергаются перемѣнамЪ судьбы: первая приличествуетЪ одной только комедіи.

Золирь. Для чего изключать ее изЪ трагедій. Усугубляй жалость вЪ теченіи драммы, но по крайней мѣрѣ дай мнѣ наконецЪ отдохнуть, чтобЪ облегченная душа моя получила награду за свою чувствительность.

Ѳеодектъ. ТакЪ ты хочешь, чтобЪ я уничтожилЪ то нѣжное состраданіе, которое тебя приводитЪ вЪ жалость, и чтобЪ я остановилЪ слезы, которые проливаешь сЪ толикимЪ удовольствіемЪ? Наилучшая награда, которую могу доставить чувствительной твоей душѣ, есть та, чтобЪ продолжить, колико возможно, движенія, ею ощущаемыя.

ИзЪ сихЪ трогающихЪ явленій, вЪ которыхЪ сочинитель распространяетЪ всѣ

таинства искуства и краснорѣчія, происходитъ только жалость изъ представляемыхъ обстоятельствъ, а мы хотимъ жалости, которая бы родилась изъ самаго дѣйствованія, которая бы увеличивалась отъ явленія до явленія, и которая бы дѣйствовала въ душѣ каждый разъ, когда имя драммы дойдетъ до его слуха.

Золиръ. Не находишь ли ты сего въ тѣхъ трагедіяхъ, въ коихъ добрые и злые люди подвергаются перемѣнѣ въ ихъ состояніи.

Ѳеодектъ. Я уже далъ разумѣть, что удовольствіе, получаемое отъ таковыхъ трагедій весьма много походитъ на то удовольствіе, каковое мы отъ комедіи чувствуемъ. Правда, что зрители начинаютъ любить сей двойственный оборотъ въ обстоятельствахъ, и что сочинители сами предпочитая оное, опредѣляютъ ему первую степень; но я думаю, что оно заслуживаетъ только вторую, и ссылаюсь въ томъ на опытность Пола. Какія суть тѣ драммы, кои почитаются истинно трагическими.

Полъ. Вообще тѣ, въ коихъ развязка кончится несчастіемъ.

Θеодектъ. А въ тебѣ, Анахарсисъ, какое дѣйствіе производили различныя напасти, въ которыхъ мы представляемъ главныя лица нашихъ трагедій.

Анахарсисъ. Сначала проливалъ я много слезъ, не зная отъ чего то происходило; наконецъ увидѣлъ, что при второмъ представленіи наилучшія ваши драммы теряли нѣкоторую часть своего изящества, и что потеря сія была несравненно чувствительнѣе въ тѣхъ трагедіяхъ, которыя оканчиваются благополучно.

Никифоръ. Остается мнѣ тебя спросить, какъ ты можешь согласить себя съ самимъ собою? Ты хочешь, чтобъ развязка оканчивалась бѣдствіемъ, а между тѣмъ ты предпочиталъ тотъ переворотъ обстоятельствъ, который исторгаетъ человѣка изъ погибели и помѣщаетъ его въ благополучнѣйшее состояніе.

Θеодектъ. Я предпочиталъ то обоюдное узнаніе, которое остановляетъ исполненіе злодѣйства; но я не сказалъ, что оно же должно служить и развязкою. Орестъ, узнанный Ифигеніею, ужѐ ожидалъ себѣ пораженія

отъ руки Θоаса; а узнанный Электрою впадаетъ въ руки фурій: и такъ онъ прешелъ только изъ одного несчастія въ другое. Еврипидъ извлекаетъ его изъ сего втораго бѣдствія чрезъ заступленіе божества. Божество сіе нужно было для его Ифигеніи въ Тавридѣ, но не было нужно для его Ореста, представленіе котораго походило бы гораздо больше на трагедію, естьлибы онъ убійцъ Клитемнестры заставилъ мучиться грызеніями совѣсти; но Еврипидъ любилъ низводить боговъ на махинѣ и весьма часто употреблялъ грубую сію хитрость при изложеніяхъ, при вступленіяхъ или при развязкахъ своихъ драммъ.

Золиръ. Не ужѐ ли ты порочишь появленія боговъ? онѣ придаютъ зрѣлищу немалую красоту.

Никифоръ. А стихотворцу облегченіе.

Θеодектъ. Я позволяю оныя только тогда, когда необходимо нужно извлечь изъ прошедшаго или будущаго тѣ свѣдѣнія, коихъ не можно приобрѣсть другими средствами. Безъ сей причины таковыя чудеса приносятъ болѣе чести махинисту, нежели сочинителю.

Станемъ всегда сообразоваться съ законами разсудка, съ правилами правдоподобія. Составь твою басню такимъ образомъ, чтобъ ея изложеніе, связь и развязка были естественны и безъ принужденія; чтобъ никакой посланникъ съ небесъ не приходилъ увѣдомлять насъ въ холодномъ предисловіи о томъ, что случилось прежде, и что должно случиться послѣ; чтобъ узелъ, составленный изъ препятствій, прежде дѣйствованія происходившихъ, и изъ самаго дѣйствованія раждающихся, былъ стягиваемъ тѣснѣе и тѣснѣе отъ самыхъ первыхъ явленій до минуты, въ коей развязка начинается; чтобъ побочныя приключенія не были ни слишкомъ обширны, ни слишкомъ долговременны; чтобъ внезапности, раждающіяся въ скорости однѣ изъ другихъ, приводили случайности неожидаемыя; однимъ словомъ: различныя части дѣйствованія должны быть между собою такъ тѣсно связаны, что, естьли бы одна изъ оныхъ была отнята или переставлена, то все цѣлое уничтожилось бы или исказилось. Не слѣдуй тѣмъ сочинителямъ, которые не знаютъ искуства, какъ оканчивать завязку, удачно сплетенную, и которые бросившись безразсудно въ средину

острыхъ скалъ, не выдумываютъ другаго пособія для своего избавленія, кромѣ прощеній о помощи небесной.

Я показалъ вамъ различные способы, какъ составлять басни или основы драммъ. Вы можете присоединить къ нимъ безчисленныя различности, кои подадутъ вамъ къ тому мысли, а наипаче мусикійское согласіе. Такъ не жалуйтесь больше на безплодіе содержаній для нашихъ драммъ нужныхъ, и помните, что представлять ихъ подъ другимъ видомъ есть тоже самое, что ихъ вновь вымышлять.

Никифоръ. Но ты не позволяешь имъ имѣть довольной живости и свободы. Можно иногда сказать, что ты боишся разсуждать подробно о страстяхъ, и ежели случайно заставляешь одну противуборствовать другой; ежели заставляешь ихъ противиться и не покорствовать строгимъ должностямъ, то едва даешь намъ видѣть борьбу, непрестанно между ими производимую.

Ѳеодектъ. Часто изображаемы были нѣжнѣйшими красками чувствія супружней лю-

бви и дружбы; стократно съ превосходнѣйшею еще силою описано было неистовство честолюбія, ненависти, ревнивости и мщенія. Не уже ли хочешь, чтобъ при сихъ случаяхъ все человѣческое сердце и вся глубина его представлены были какъ на картинѣ? у насъ всякое искуство, всякое знаніе заключается въ своихъ предѣлахъ. Умозрѣніе о страстяхъ должны мы оставлять частію нравственной наукѣ и частію витійственному искуству, и меньше упражняться въ подробномъ ихъ разбираніи, нежели въ дѣйствіяхъ, сими страстями производимыхъ; ибо не человѣка представляемъ мы твоимъ глазамъ, но превратности его жизни, а наипаче несчастія, угнѣтающія его. Трагедія есть повѣствованіе страшнаго и печальнаго приключенія, и потому многія наши драммы оканчиваются сими словами, хоромъ произносимыми: *тако кончилось сіе приключеніе*. Разсуждая съ сей стороны о трагедіи, ты легко понять можешь, что хотя весьма нужно выражать всѣ обстоятельства, чрезъ которыя повѣствованіе дѣлается чувствительнѣе и привлекательнѣе, а развязка бѣдственнѣе; но нужнѣе еще давать зрителямъ все разумѣть, нежели обо всемъ имъ разсказывать. Такъ поступалъ Омиръ въ своихъ пи-

санїяхЪ; онЪ не занимался подробнымЪ описанїемЪ чувствїя дружбы, соединявшїя Ахилла и Патрокла, но при смерти послѣдняго, чувствїя сїи объясняются источниками слезЪ и громовыми ударами.

Золирѣ. Я сожалѣть буду всегда, что донынѣ пренебрежена была приятнѣйшая и сильнѣйшая страсть. Чрезмѣрный пламень любви пылаетЪ вЪ сердцѣ Федры, и не производитЪ никакого жара вЪ трагедїи Эврипидовой. Первое пораженїе сея любви, распространенїе оной, смятенїя и угрызенїя совѣсти были бы безподобныя картины для кисти стихотворца. Какїе новые источники красотЪ были бы помѣщены вЪ ролѣ сей царицы! Мы говорили о любви Эмона кЪ Антигонѣ; для чего сїе чувствїе не приемлется у насЪ самою главною пружиною театральнаго дѣйствованїя? Сколько борбы возбудилось бы вЪ сердцѣ отца и вЪ сердцахЪ обоихЪ любовниковЪ! сколько должностей, кои почитать, сколько несчастїй, коихЪ опасаться бы должно было.

Ѳеодектѣ. Изображенїя, о которыхЪ ты сожалѣешь, были бы столь же опасны для нравовЪ, сколько недостойны благоучрежденна-

го ѳеатра, который долженъ заниматься только великими произшествїями и возвышенными чувствованїями. Въ ироическїя времена любовь никогда не произвела ни одной изъ таковыхъ перемѣнъ, какїя представляетъ намъ трагедїя.

Золиръ. А Троянская война?

Ѳеодектъ. Не похищенїе Елены вооружило Грековъ противъ Троянъ, но защищенїе Менелая, который имѣлъ нужду отмщать за несносную себѣ обиду и оскорбленїе; другїе же князья воевали во исполненїе клятвы, которою онѣ обязались Менелаю возвратить ему супругу его; въ вѣроломной любви видѣли они одну оскорбленную честь.

Любовь сама по себѣ имѣетъ собственно одни только небольшїя пронырства, о коихъ разсказывать оставляемъ комедїи; одни только вздохи, слезы и слабость, которыя изъяснять лирическїе стихотворцы на себя приняли. Естьли любовь изображается иногда чертами благородства и величїя, то обязана она симъ мщенїю, любочестїю, и ревности, симъ тремъ сильнымъ пружинамъ, которыя мы употреблять никогда не оставляли.

РАЗГОВОРЪ ТРЕТІЙ.

Рѣчь зашла о нравахъ, мысляхъ, чувствіяхъ и слогѣ, которые приличествуютъ трагедіи.

Нравы. Въ подражательныхъ сочиненіяхъ, сказалъ Ѳеодектъ, а наипаче въ поэмѣ какъ въ эпической, такъ и драмматической, подъ нравами разумѣемъ мы то, когда дѣйствованія, чувствованія, мысли и рѣчи лица имѣютъ точное согласіе съ его свойствами. И такъ надобно, чтобъ съ самыхъ первыхъ явленій узнать было можно по дѣламъ и словамъ ироя, какія суть послѣдующія его предпріятія.

Нравы означаютъ свойство дѣйствующаго ироя. Они должны быть изящны. Не только не представляй пороковъ во всей ихъ силѣ, но старайся смягчить оные. Стихотворство, такъ какъ живопись, украшаетъ изображаемое имъ лице, не пренебрегая сходства. Не помрачай свойства дѣйствующаго лица, даже и низшаго, развѣ необходимостію принужденъ къ тому будешь. Въ драммѣ Еврипидовой Менелай играетъ лице постыдное, ибо дѣлаетъ зло безъ нужды.

Нравы должны еще быть благопристойны, сходственны и всегда равны: должны быть согласны съ лѣтами и достоинствомъ лица; должны не прекословить воображенїю, которое мы чрезъ древнїя преданїя объ ироѣ получили, должны быть единообразны и одинаковы въ теченїи всей драммы.

Желаешь ли представить ихъ въ большемъ блескѣ? сдѣлай ихъ противоположными. Смотри, какъ въ Эврипидѣ плѣняетъ свойство Полиника, при сравненїи со свойствомъ Этеокла, брата его, а въ Софоклѣ свойство Электры при сравненїи со свойствомъ Хризоѳемиды сестры ея.

Мы должны, такъ какъ Ораторы, вселять въ судей нашихъ жалость, страхъ и негодованїе; должны, какъ они, доказывать истину, опровергать противорѣчїе, увеличивать или умалять предметы. Правила найдешь ты въ изданныхъ въ свѣтъ сочиненїяхъ, къ риторикѣ относящихся, а примѣры въ трагедїяхъ, которыя приносятъ славу нашему ѳеатру. Тамъ-то блистаетъ красота мыслей и возвышенность чувствїй; тамъ-то торжествуетъ языкъ истины, и краснорѣ-

О мысляхъ и чувствїяхъ.

чїе несчастныхъ. Воззри на Меропу, Экубу, Электру, Антигону, Аякса, Филоктета; примѣть, какими иногда ужасами смерти, какимъ безчестїемъ и отчаянїемъ они окружены бываютъ! Внимай симъ горестнымъ воплямъ, симъ раздражающимъ душу восклицанїямъ, симъ страстнымъ выраженїямъ, которыя отъ одного конца ѳеатра до другаго возбуждаютъ гласъ природы во всѣхъ сердцахъ и заставляютъ всѣхъ зрителей стонать и плакать.

Отъ чего происходятъ сїи удивительныя дѣйствїя? отъ того, что наши сочинители имѣютъ въ высочайшемъ степени искуство представлять вводимыя ими лица въ самыхъ плачевныхъ положенїяхъ и что, поставивъ самихъ себя на ихъ мѣсто, предаются тому единственному и сильному чувствїю, котораго требуетъ обстоятельство.

Старайся, сколько можно болѣе, подражать нашимъ великимъ писателямъ. Вникай въ ихъ красоты, но паче научися объ нихъ судить, чтобъ рабское удивленїе не принуждало тебя уважать ихъ заблужденїй. Смѣло опровергай слѣдующее разсужденїе Іока-

сты. Два сына ея согласились управлять трономъ Ѳивскимъ попеременно. Этеоклъ не соглашался оставить правленія. Царица, уговаривая его къ сему великому пожертвованію, представляетъ ему между прочимъ и сіе: что равенство установило некогда весъ и меру и во все времена утвердило повременный порядокъ дней и ночей.

Ясныя, точныя, и приведенныя безъ принужденія изреченія весьма нравятся Аѳинянамъ, но при выборе оныхъ должно быть чрезмерно осмотрительну; ибо съ негодованіемъ отвергаютъ правила, разрушающія нравоученіе.

Пол. И часто не къ стати. Вменено въ преступленіе, что онъ заставилъ Ипполита сказать сіи слова: *языкъ мой произнесъ клятву, но сердце мое не признаетъ оной.* Слова сіи весьма согласовались съ обстоятельствомъ, но враги его обвиняли ложно, будто онъ изъ того выводилъ всеобщее правило. Въ другое время хотели согнать съ ѳеатра лицедея, игравшаго Беллерофона, который, по свойству представляемаго имъ лица, сказалъ, что богатство предпочтительнее всего. Драмма непременно бы упала, ежели бы Еврипидъ не показался самъ на ѳеатре. Кричали ему,

чтобъ онъ выбросилъ сей стихъ. Эврипидъ отвѣчалъ, что онъ долженъ преподавать наставленія, а не принимать оныхъ; что естьли возмутъ терпѣніе подождать, то увидятъ въ скорости, что Беллерофонъ немедленно получитъ заслуженное имъ наказаніе. Когда онъ показалъ на ѳеатрѣ своего Иксіона, то многіе зрители говорили ему послѣ представленія, что ирой его былъ чрезмѣрный злодѣй. Для того-то наконецъ отвѣчалъ онъ и привязалъ я его къ колесу.

Слогъ. Хотя слогъ трагедіи не столь величественъ нынѣ, какъ бывалъ прежде, надобно однакожъ, чтобъ онъ совершенно отвѣтствовалъ достоинству мыслей. Употребляй прелести краснословія, чтобъ прикрыть тѣ неправдоподобія, которыя ты допускать принужденъ бываешь; но при изображеніи мыслей или при описаніи свойствъ, брегись помрачать ихъ излишними и ненужными украшеніями, убѣгай низкихъ выраженій. Всякому роду драммъ приличествуетъ особенное свойство и отличныя краски въ изображеніяхъ; Клеофонъ и Сѳеленъ не знали сего правила, и потому ихъ языкъ походитъ на языкъ комедіи.

Никифоръ. Я нахожу другую тому причину. Драмматическій родъ, въ которомъ вы

упражняетесь есть такъ поддѣленъ, а нашъ такъ естественъ, что вы принуждены каждую минуту переходить отъ перваго ко второму, и заимствовать у насъ мысли, чувствія, обороты, шутки и выраженія. Я беру въ доказательство однихъ уважаемыхъ вами сочинителей, Эсхила, Софокла и Еврипида, которые, играя словами, придаютъ глупыя инозначенія именамъ своихъ ироевъ. Вторый изъ сихъ стихотворцевъ полагаетъ въ уста Аяксу сіи чудныя слова:,, Аи, Аи, какое зло-,,счастное сходство, между именемъ моимъ, и ,,страданіями моими! (*),,

Θеодектъ. Въ то время вѣрили, что имена, намъ даемыя, предвѣщаютъ будущую нашу судьбу; и ты знаешь, что въ несчастіи нужно показать какую либо тому причину.

Никифоръ. Но какъ извинить въ вашихъ писателяхъ вкусъ къ ложнымъ произведеніямъ и къ игрѣ словъ? Какъ извинить сіи холодныя иносказанія, сіи нелѣпыя шутки, сіи неблагопристойныя изображенія, сіи сатиры

(*) Аи есть начало имени Аіаса. Греки произносятъ Аіасъ.

на женщинъ, сіи сцены, наполненныя низкимъ стихотворствомъ, сіи частые примѣры худыхъ навыковъ и отвратительныхъ между знакомыми обращеній? Какъ можно терпѣть, чтобъ, вмѣсто простаго возвѣщенія о смерти Деіаниры, сказывали намъ, что она окончила послѣднее свое путешествіе, не переступивъ ни единаго шага? Сходно ли сіе съ достоинствомъ трагедіи, что дѣти извергаютъ грубыя и смѣшныя ругательства противъ своихъ родителей; что Антигона увѣряетъ насъ, что она охотнѣе умертвила бы своего супруга, сына, нежели своего брата; ибо могла бы получить и другаго сына и другаго супруга; но лишась отца и матери, она не могла бы замѣстить брата, котораго бы потеряла!

Не дивлюсь, что Аристофанъ мимоходомъ подсмѣялъ надъ Эсхиловымъ изобрѣтеніемъ, на которомъ основано обоюдное узнаніе Ореста и Электры: но Еврипидъ долженствовалъ ли переиначивать и столь шутливо обращать въ смѣхъ сіе самое узнаніе? Въ томъ ссылаюсь на рѣшеніе Полово.

Пол. Признаюсь, что многократно я игралъ комедію подъ личиною трагедіи.

Къ примѣрамъ, которые ты приводилъ, да позволено мнѣ будетъ присовокупить другіе два примѣра, извлеченные изъ Софокла и Эврипида.

Первый, основавъ содержаніе одной своей трагедіи на превращеніи Тирея и Прокны, позволяетъ себѣ многія шутки на счетъ сего государя, который, такъ какъ и Прокна, является на театръ во образѣ птицы.

Вторый, въ одной изъ своихъ драммъ, приводитъ пастуха, который мнитъ, что видѣлъ гдѣ-то имя Ѳисеево. Вопрошаютъ его о томъ: „читать я не умѣю, отвѣчалъ онъ, „но опишу вамъ виды буквъ. Первая есть „кругъ съ точкою въ срединѣ: другая состав- „лена изъ двухъ перпендикулярныхъ линей, „соединенныхъ поперечною линіею.„ Такимъ же образомъ описывалъ и прочія буквы. Примѣчанія достойно, что раздробленное сіе изображеніе имени Ѳисеева имѣло столь великій успѣхъ, что Агатонъ вскорѣ послѣ того сочинилъ другое, которое безъ сомнѣнія почиталъ гораздо еще превосходнѣйшимъ. (*)

(*) Эврипидъ описывалъ въ сей драммѣ видъ шести Греческихъ буквъ, составляющихъ имя Ѳисеево: ΘΗΣΕΥΣ.

Θеодектъ. Не смѣю признаться, что я помышляю отважиться на третїе составленїе имени въ трагедїи, которую приготовляю. Таковая игра разума увеселяетъ простой народъ. Находя невозможность привести его къ нашему вкусу, мы должны покоряться вкусу его. Наилучшїе наши писатели стенали подъ симъ рабствомъ, и большая часть недостатковъ, кои ты недавно осуждалъ, доказываютъ ясно, что они не могли онаго рабства съ себя свергнуть. Другихъ же сочинителей можно извинить, ибо приближаясь къ ироическимъ временамъ, принуждены были изображать нравы, разнствующїе съ нашими: а желая приближиться къ природѣ, должны были переходить отъ простаго къ нашему обыкновенному, коихъ предѣлы не приведены еще въ довольно различительную ясность.

Мы, имѣя меньшїя дарованїя, подвержены еще большей опасности. Искуство учинилось весьма затруднительно. Съ одной стороны публика, насытясь красотами, изъ давнихъ временъ глазамъ ей представляемыми, требуетъ безразсудно, чтобъ сочинитель соединялъ въ себѣ дарованїя всѣхъ тѣхъ

писателей, кои прежде его жили. Съ другой стороны лицедѣи жалуются непрестанно, что не имѣютъ ролей довольно блистательныхъ и видныхъ. Они принуждаютъ насъ иногда распространять или портить содержанїе, иногда уничтожать связи онаго; а часто небрежность и неискуство ихъ причиняютъ то, что драммы совершенно хорошїя упадаютъ. Полъ проститъ мнѣ сей упрекъ. Произносить оный въ его присутствїи есть произносить ему похвалу.

Полъ. Я совершенно утверждаю твое мнѣнїе, Θеодектъ! и разскажу Зопиру опасность, въ которой нѣкогда находился Орестъ Эврипидовъ. Въ прекрасномъ семъ явленїи, гдѣ сей младый Князь послѣ яростныхъ изступленїй приходитъ опять самъ въ себя, лицедѣй Гегеловъ, нещадившїй прежде своей передышки, принужденъ былъ раздѣлить два слова, которые, бывъ соединены вмѣстѣ, или сказаны порознь, составляли два различныя смысла, такъ что вмѣсто сихъ словъ: *послѣ бури вижу тишину*, онъ далъ слышать сїи слова: *послѣ бури вижу кошку.* Ты можешь вообразить, какое дѣйствїе, въ самую печальнѣйшую минуту, произвела таковая оплошность?—чрезмѣрный смѣхъ со стороны всѣхъ

зрителей, и весьма колкїя и ругательныя эпиграммы со стороны неприятелей стихотворца и лицедѣя.

РАЗГОВОРЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Въ четвертомъ разговорѣ разсуждаемо было о нѣкоторыхъ статьяхъ донынѣ еще неразсмотрѣнныхъ. Примѣчено было: 1е, что во всѣхъ почти явленїяхъ отвѣты и противоотвѣты дѣлаются стихъ за стихомъ; правда, что разговоръ бываетъ отъ того живъ и сжатъ, но иногда малоестественъ. 2е, Что Пиладъ говоритъ только три стиха въ трагедїи Эсхиловой, а въ Электрѣ Софокловой и въ Электрѣ Эврипидовой ни одного; что другїя лица, на ѳеатрѣ стоящїя, въ продолженїи многихъ явленїй молчатъ или отъ чрезмѣрной горести, или отъ горделивости. 3е, Что введены были иногда лица иносказательныя, какъ то: сила, жестокость, смерть и ярость. 4е, Что хоры Софокловы составляютъ часть дѣйствованїя; что хоры Эврипидовы едва съ онымъ соединены; что хоры Агатоновы совсѣмъ отъ лицедѣйствїя отлучены, и что по примѣру сего стихотворца нимало нынѣ не удер-

живаются помѣщать въ междудѣйствіи нѣкоторые піитическіе и музыкальные отрывки, которые заставляютъ забывать и главное содержаніе драммы.

Когда сіи злоупотребленія собраніемъ опорочены были, то я вопросилъ: достигла ли трагедія до своего совершенства? Всѣ вдругъ закричали, что нѣкоторыя трагедіи были бы во всѣмъ превосходны, естьлибы истреблены были пятна, ихъ обезображивающія и къ существенному ихъ расположенію нимало не принадлежащія. Но какъ я заставилъ ихъ примѣтить, что Аристотель самъ не доумѣвалъ рѣшить сей вопросъ, то стали разсматривать оный внимательнѣе и подробнѣе, и сомнѣнія умножились.

Одни утверждали, что ѳеатръ слишкомъ пространенъ, и число зрителей слишкомъ велико. Изъ сего слѣдуютъ, говорили они, два неудобства: сочинители принуждены согласоваться со вкусомъ непросвѣщенной черни, а лицедѣи производить крики, истощевающіе ихъ силы до того, что нѣкоторая часть зрителей и слышать ихъ не могутъ. Они предлагали избрать мѣсто не столь обширное, увеличить цѣну на мѣста, которыя бы напол-

нялись людьми отличнѣйшими. На сіе отвѣтствовано имъ было: что такое предположеніе несообразно ни съ существомъ, ни съ пользою правительства; ибо, говорили еще, зрѣлища наши поддерживаются съ такимъ великолѣпіемъ единственно ради народа и чужестранцевъ. Съ одной стороны разрушилось бы чрезъ то равенство, долженствующее существовать между согражданами; а съ другой потерялось бы великое количество денегъ, которое иностранцы доставляютъ сему городу во время нашихъ празднествъ.

Первые отвѣчали: для чего не уничтожить хоровъ и музыки, такъ какъ начали уничтожать ихъ въ комедіи? Хоры принуждаютъ сочинителей каждую минуту отступать отъ правдоподобія; лица драммъ, добровольно или по неволѣ въ преддверіи палатъ или въ другомъ открытомъ мѣстѣ появлявшіяся, должны тамо объявлять сокровеннѣйшія свои тайны, или разсуждать о дѣлахъ государственныхъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей, часто безъ всякой причины приведенныхъ; тамо Медея провозглашаетъ ужасныя свои намѣренія, ею замышляемыя; тамо Федра объявляетъ страсть, которую бы

отъ самой себя сокрыть желала. Умирающая Алцеста велитъ туда себя перенесть, чтобъ тамо испустить послѣднее свое дыханіе. Что касается до музыки, то весьма бы безумно было предположить себѣ, что люди, удрученные печалію, могутъ дѣйствовать, говорить, умирать, и въ тоже время пѣть пѣсни.

Безъ хора, отвѣтствовали другіе, не будетъ движенія и жизни на ѳеатрѣ, не будетъ больше величества въ зрѣлищахъ. Хоръ увеличиваетъ соучастіе во время явленій, и поддерживаетъ оное во время междудѣйствій. Они говорили еще, что народъ не захочетъ лишиться пріятностей музыки, и что принятіе предлагаемой перемѣны обезобразитъ только трагедію.

Не станемъ, сказалъ Никифоръ, отнимать у нея всѣхъ прикрасъ; она потеряетъ все. Но придай ей по крайней мѣрѣ благороднѣйшее назначеніе, и по примѣру комедіи....

Ѳеодектъ. Заставь въ ней смѣяться?

Никифоръ. Нѣтъ; но сдѣлай, чтобъ она была намъ полезна.

Ѳеодектъ. И кто бы осмѣлился утверждать и спорить, что она не полезна? Не разсѣяно ли самое здравое нравоученіе въ поучительныхъ изрѣченіяхъ нашихъ трагедій?

Никифоръ. Но не всякую ли минуту самое дѣйствованіе противорѣчитъ ей? Ипполитъ, узнавъ отъ Федры, что она его любитъ, почитаетъ себя оскверненнымъ чрезъ сію ужасную довѣренность, и чрезъ оную однакожъ теряетъ жизнь свою. Какое зловредное поученіе для юношества!

Послѣдуя нашему примѣру, предпринималъ ты нѣкогда обнаруживать пороки нашего правленія: но какое различіе между образомъ твоихъ писаній и нашихъ. Мы осмѣивали лично и дѣлали смѣшными виновныхъ ораторовъ государства; а ты налегалъ съ хладнокровною томностію на одни злоупотребленія краснорѣчія. Мы говорили иногда Аѳинянамъ истинны грубыя, но спасительныя; а ты имъ льстилъ, и нынѣ еще льстишь съ безстыдствомъ, отъ коего краснѣть долженствуешь.

Ѳеодектъ. Питая ненависть ихъ къ самовластію, мы заставляемъ ихъ любить народоправленіе. Показывая имъ благочестіе, благотворительность и прочія добродѣтели ихъ предковъ, мы доставляемъ имъ образцы, коимъ они слѣдовать должны. Мы питаемъ въ нихъ суетность, чтобъ чрезъ то внушить

имъ любовь къ чести. Нѣтъ ни одной трагической основы, которая не научала бы насъ сносить наши несчастія и беречься отъ погрѣшностей, наносящихъ намъ бѣдствія.

Никифоръ. Я бы на сіе согласился, есть ли бы наставленія и поученіе происходили изъ самаго дѣйствія, есть ли бы согналъ ты съ ѳеатра наслѣдственныя злоключенія въ какомъ либо семействѣ; естьли бы человѣкъ никогда не былъ виненъ, не сдѣлавшись злодѣемъ, никогда несчастливъ, какъ чрезъ злоупотребленіе страстей; естьли бы беззаконникъ былъ всегда наказанъ, а добродѣтельный всегда награжденъ.

Но доколѣ будете вы рабствовать вашимъ прежнимъ навыкамъ, дотолѣ всѣ ваши усилія будутъ тщетны. Надобно, или исправить порочное основаніе соблазнительныхъ вашихъ исторій или упражняться вамъ, какъ нѣкогда сіе ужѐ и было, въ такихъ драмматическихъ содержаніяхъ, которыя вымышлять должно. Я не знаю, будутъ ли расположенія ихъ удобны къ благоразумнѣйшему составу трагедіи; но знаю точно, что нравоученіе въ нихъ будетъ чище и убѣдительнѣе.

Всѣ присутствующіе похвалили сіе предложеніе, не изключая и Ѳеодекта, который однакожъ утверждалъ всегда, что въ нынѣшнемъ состояніи вещей, трагедія столько же полезна для нравовъ, какъ комедія. Ученикъ Платоновъ! сказалъ мнѣ тогда Полъ, чтобы помыслили твой учитель и Сократъ о спорѣ, между Ѳеодектомъ и Никифоромъ происходящемъ? Я отвѣтствовалъ: что они похулили бы мнѣнія и того и другаго, и что любомудрцы съ негодованіемъ смотрѣли на сію ткань неблагопристойностей и личностей, которыя оскверняли древнюю комедію.

Вспомнимъ обстоятельства, въ которыхъ мы находились, сказалъ Никифоръ; Периклъ заставилъ молчать Ареопагъ. Не осталося бы никакого пособія нравамъ, ежели бы наши комическіе сочинители не имѣли мужества быть судіями всенароднаго поведенія.

Быть злобнымъ хулителемъ, не есть мужество, отвѣчалъ я, а особливо тогда, когда злоба остается наказана. Сравнимъ оба сіи судилища, о которыхъ говоришь; въ Ареопагѣ вижу судей безпристрастныхъ, добродѣтельныхъ, скромныхъ, воздыхающихъ, когда най-

душъ виновнаго и не прежде осуждающихъ его, какъ по совершенномъ уличенiи, что онъ сдѣлалъ преступленiе; во второмъ вижу писателей пристрастныхъ, бѣшеныхъ, изступленныхъ, иногда подговоренныхъ или подкупленныхъ, ищущихъ вездѣ жертвъ, чтобъ предать ихъ на всенародное поруганiе, предполагающихъ злодѣйство тамъ, гдѣ онаго нѣтъ, увеличивающихъ мѣру пороковъ, оскорбляющихъ лютѣйшимъ образомъ добродѣтель и изрыгающихъ одинаковыя брани на злодѣя и честнаго человѣка.

Какой странный преобразитель нравовъ былъ твой Аристофанъ! Онъ превосходилъ всѣхъ разумомъ и дарованiями; лучше всѣхъ разумѣлъ благородную шутку, и совсѣмъ тѣмъ болѣе всѣхъ предался грубому и обидному насмѣшеству. Говорятъ, что онъ писалъ свои сочиненiя, бывъ разгорячёнъ виномъ, но лучше сказать можно, что писалъ оныя въ буйствѣ ненависти и мщенiя. Естьли неприятели его не подвержены были нималѣйшему порицанiю, то нападалъ на нихъ со стороны породы, со стороны бѣдности или со стороны тѣлесныхъ недостатковъ. Сколько разъ укорялъ онъ Еврипида, что онъ

сынъ женщины торгующей зеленью. Аристофанъ былъ созданъ нравиться честнымъ людямъ; но многїя его драммы, кажется, писаны были для людей, утопающихъ въ развратахъ, въ безпутствахъ и въ самыхъ гнусныхъ порокахъ.

Никифоръ. Я самъ не люблю Аристофана, когда его насмѣшки превращаются въ обидныя и дерзкїя сатиры; но удивляюсь ему, когда онъ приемля живѣйшее участїе въ бѣдствїяхъ своего отечества, вооружается противъ тѣхъ, кои своими худыми совѣтами доводятъ его до несчастїя; когда въ семъ намѣренїи язвитъ безъ всякой пощады ораторовъ, полководцевъ, сенатъ и самый народъ. Сїе-то самое увеличило его славу, распространившуюся весьма далеко. Персидскїй царь сказалъ посламъ Лакедемонскимъ, что Аѳиняне были бы вскорѣ властителями Грецїи, ежели бы слѣдовали совѣтамъ сего стихотворца.

Анахарсисъ. Что намъ нужды въ свидѣтельствѣ царя Персидскаго? и какой довѣренности могъ быть достоенъ такой сочинитель, который не зналъ или притворялся незнающимъ, что противъ злодѣйства не должно употреблять осмѣянїя, и что

портретъ перестаетъ быть гнуснымъ и отвратительнымъ, ежели многими смѣхотворными чертами наполненъ. При видѣ тирана или злодѣя смѣяться не льзя; такъ не должно смѣяться и надъ его изображенїемъ, въ какомъ бы видѣ оное ни представлено было. Аристофанъ описывалъ весьма язвительно дерзости и грабленїя того Клеона, котораго онъ ненавидѣлъ, и который былъ Главою республики; но грубыя и отвратительныя шутовства въ мигъ уничтожили тѣ впечатлѣнїя, кои сочинитель въ зрителяхъ произвесть желалъ. Въ нѣкоторыхъ самыхъ низкихъ игрищныхъ явленїяхъ Аристофанъ заставилъ Клеона спорить съ человѣкомъ самымъ подлымъ; — о чемъ же? о преимуществѣ, кто изъ нихъ двухъ безстыднѣе, и соперникъ побѣждаетъ Клеона. Клеонъ чрезъ сїе весьма грубо униженъ, но престалъ быть презрительнымъ. Чтоже послѣдовало отъ таковыхъ представленїй? Народъ смѣялся надъ Клеономъ также, какъ смѣялся онъ и въ другихъ драммахъ тогоже сочинителя надъ Иракломъ и Вакхомъ; но вышедъ изъ ѳеатра, спѣшилъ падать на колѣна предъ Вакхомъ, Иракломъ и Клеономъ.

Упреки, симъ же стихотворцемъ къ Аѳинянамъ произносимые, были хотя безполезны, но гораздо умѣреннѣе. Таковыя смѣлости прощаемы были, когда онѣ не оскорбляли государственныхъ постановленій, а сверьхъ того Аристофанъ умѣлъ колкія свои выраженія сопровождать прикрасами весьма искусно приведенными: ,,народъ сей, говорилъ онъ, дѣй,,ствуетъ безъ размышленія и безъ преду,,смотрѣнія; онъ жестокосердъ, гнѣвливъ, ,,алченъ къ похваламъ, въ собраніяхъ своихъ ,,подобенъ онъ старцу, который слышитъ ,,только половину словъ и который между ,,тѣмъ дозволяетъ себя водить, какъ дитя, ,,коему даютъ маленькой хлѣбецъ: но во ,,всѣхъ другихъ случаяхъ онъ преисполненъ ,,разума и здраваго разсудка. Онъ знаетъ, ,,что его обманываютъ, терпитъ сіе до нѣ,,котораго времени; узнаетъ наконецъ свое за,,блужденіе и наказываетъ строго злоупотре,,бителей его добродушія.,, Старецъ, улещенный сею похвалою, шутилъ надъ собственными своими пороками и смѣясь надъ богами, надъ правителями своими и надъ самимъ собою, оставался въ прежнемъ суевѣріи, легковѣрности и вѣтрености.

Таковое зрѣлище, исполненное неблагопристойности и злости, всегда противно бы-

ло мужамъ мудрымъ и просвѣщеннымъ между Аѳинянъ. Они столь мало почитали оное подпорою нравовъ, что Сократъ никогда не присутствовалъ при представленїяхъ комедїй и что законъ запрещалъ членамъ ареопага сочинять ихъ.

Здѣсь Ѳеодектъ вскричалъ: споръ кончанъ и тотчасъ всталъ. Подожди, говорилъ Никифоръ, мы должны еще сдѣлать рѣшенїе о твоихъ сочинителяхъ. Чего мнѣ тутъ страшиться, сказалъ Ѳеодектъ? Сократъ съ удовольствїемъ смотрѣлъ на драммы Еврипидовы, онъ почиталъ Софокла, и мы всегда жили въ согласїи съ философами. Стоявъ подлѣ его, сказалъ я ему тихо: ты весьма великодушенъ. Онъ усмѣхнулся, и хотѣлъ опять удалиться, но его удержали, и я принужденъ былъ продолжить разговоръ, обративъ рѣчь мою къ Ѳеодекту.

Сократъ и Платонъ отдавали справедливость отмѣннымъ дарованїямъ и честности наилучшихъ вашихъ писателей; но обвиняли ихъ въ томъ, что они по примѣру другихъ стихотворцевъ, унижали боговъ и ироевъ. По сей первой статьѣ ты конечно

не осмѣлишся ихъ оправдывать. Всякая добродѣтель, всякая нравственность истребится, естьли священные предметы всенароднаго благочестія будутъ осмѣеваемы и представляемы въ видахъ гораздо еще порочнѣйшихъ, гораздо несправедливѣйшихъ и гораздо лютѣйшихъ, нежели сами человѣки. По своевольному безумію, и комедія беретъ дерзость осмѣивать различныхъ боговъ, но она меньше виновна нежели трагедія, которая всегда къ богопочитанію возбуждать насъ долженствуетъ.

Золиръ. Правда: весьма бы легко было придать трагедіямъ сіе величественное свойство. Но что можно прибавить къ свойству ироевъ Эсхиловыхъ и Софокловыхъ.

Анахарсисъ. Больше истинной великости и твердости въ душѣ. Я постараюсь истолковать сіе яснѣе. Естьли вникнуть въ перемѣны, которыя со временемъ вашего просвѣщенія въ васъ самыхъ произошли, то кажется, что можно различить людей на три отдѣленія, которыя во всеобщихъ только отношеніяхъ между собою соединены.

1е.) На человѣка естественнаго, каковымъ онъ былъ во времена иройскія. 2е.) На

человѣка искуственнаго, каковъ есть нынѣ и зе.) на человѣка, котораго философія съ нѣкотораго времени предприяла образовать.

Первый, будучи правдивъ и чистосердеченъ, но чрезмѣренъ и въ своихъ добродѣтеляхъ и въ своихъ слабостяхъ, не знаетъ точныхъ предѣловъ. Онъ или слишкомъ великъ, или слишкомъ малъ. Таковый человѣкъ пригоденъ для трагедіи.

Второй, погубивъ благородныя и великодушныя свойства, кои отличали перваго человѣка, не знаетъ, ни что онъ есть, ни чѣмъ хочетъ быть. Въ немъ видно одно только буйственное смѣшеніе принятыхъ образованій, кои влекутъ его больше къ наружности, нежели ко внутренней истиннѣ; больше къ притворствамъ столь частымъ, что кажется, будто и собственныя свои качества отъ другихъ занялъ. Ему ничего не остается, какъ играть комедію, а комедія съ своей стороны его-то и представляетъ.

Третій образованъ по размѣрамъ новымъ. Разсудокъ, владычествующій надъ страстями его вселилъ въ него свойство мужественное и единообразное; онъ стоитъ спокойно между всякими приключеніями и непозволяетъ,

чтобъ они влекли его за собою, яко низкаго и презрительнаго плѣнника. Онъ не знаетъ и не утверждаетъ о несчастныхъ въ жизни случайностяхъ, благо ли онѣ суть, или зло, но знаетъ единственно то, что онѣ суть слѣдствіе того всеобщаго порядка, которому покорствовать поставляетъ онъ долгомъ священнымъ. Онъ наслаждается жизнію безъ угрызенія: продолжаетъ поприще свое въ молчаніи, и взираетъ безъ робости на смерть, приближающуюся къ нему медленно.

Золиръ. Уже ли не печалится онъ горко, когда лишается отца, сына, супруга, или друга?

Анахарсисъ. Онъ терзается въ сердцѣ, но, бывъ непоколебимъ въ своихъ правилахъ, превозмогаетъ свою горесть, и ни предъ людьми, ни въ своей храминѣ, не проливаетъ слезъ и не произноситъ безполезныхъ воплей.

Золиръ. Сіи слезы и вопли облегчили бы его душу.

Анахарсисъ. Онѣ ее изнѣжили бы. Поработясь единожды, она бы получила наклонность и впредь еще быть порабощаемою. Примѣть на самомъ дѣлѣ, что сія душа

кажется разделена на двѣ части: первая, будучи всегда въ движенiи и имѣя всегда нужду заниматься какоюлибо страстiю, предпочитаетъ и самую лютую скорьбь спокойствiю, которое она чтитъ несносною мукою; вторая упражняется только въ томъ, чтобъ обуздать стремительные порывы первой и доставить намъ мирную въ душѣ тишину, которой бы ни буйство чувствъ, ни свирѣпость страстей возмутить не могли. Но не сiю мудрую систему душевнаго спокойствiя желаютъ трагическiе сочинители возставить. Они не изберутъ главнымъ лицемъ драммы мужа мудраго, твердаго и всегда самому себѣ подобнаго. Таковое свойство въ точности изображать было бы весьма трудно, и для черни непоразительно; для сего то и обращаются они къ самой чувствительнѣйшей и ослѣпленнѣйшей части нашей души, которую они тревожатъ, мучатъ, и пронзая ее страхомъ и жалостiю, принуждаютъ ее насыщаться тѣмъ плачемъ и тѣми жалобами, которыхъ она, такъ сказать, сама жаждетъ.

Чего впредь надѣяться можно отъ такого человѣка, который съ самаго младенчества не-

престанно приучалъ себя къ робости и малодушїю?

Какъ можетъ тотъ увѣрить себя, что низко, подло, безстыдно унывать подъ бременемъ своихъ злосчастїй, который видитъ на ѳеатрѣ каждый день, что Ираклъ и Ахиллъ въ печали своей произносятъ вопли, стенанїя и жалобы; тотъ, который всякїй день видитъ, что весь народъ оплакиваетъ то униженїе, въ которое сїи прежде непобѣдимые ирои несчастїемъ низвержены?

Нѣтъ! философїя никогда не примирится съ трагедїею. Одна разрушаетъ непрестанно творенїе другой. Первая восклицаетъ строгимъ гласомъ къ несчастному.,, Противоборствуй бурямъ съ челомъ веселымъ; стой ,,твердо и спокойно среди разваливающихся ,,скалъ со всѣхъ сторонъ, тебя поражающихъ; ,,чти руку, угнѣтающую тебя и терпи безъ ,,роптанїя. Тако повелѣваетъ мудрость.,, Трагедїя напротивъ того вопїетъ къ нему гласомъ весьма жалостнымъ и убѣдительнѣйшимъ: ,,проси себѣ отъ всѣхъ милости и утѣшенїя, раздирай свою одежду, валяйся по землѣ, плачь и показывай чрезмѣрную горесть. Такъ повелѣваетъ природа.,,

Никифоръ торжествовалъ: онъ заключалъ изъ сихъ разсужденій, что комедія, когда она усовершится, скорѣе сближится съ философіею, а трагедія часъ отъ часу болѣе удаляться отъ оной будетъ. Злохитрая усмѣшка, въ сію минуту имъ оказанная, раздражила младаго Зопира столь сильно, что вышедъ вдругъ изъ предѣловъ умѣренности, ему сказалъ, что я предлагалъ только мнѣніе Платона, и что мечтательное умничанье никогда не получитъ преимущества надъ просвѣщеннымъ судомъ Аѳинянъ, а наипаче Аѳинянокъ, которыя всегда предпочитали трагедію комедіи. Потомъ съ жаромъ осуждалъ онъ одну комедію, которая и послѣ поправленій, въ цѣлые два вѣка употребленныхъ, отзывалась еще пороками своего начальнаго происхожденія.

Я знаю, говорилъ онъ Никифору, славнѣйшихъ вашихъ писателей. Я недавно читалъ вторично всѣ комедіи Аристофановы, кромѣ комедіи именуемой: *Птицы*, которой содержаніе въ самыхъ первыхъ явленіяхъ меня уже взволновало. Я утверждаю, что Аристофанъ не стоитъ своей славы. Не упоминая о сей ѣдкой и ядоносной соли, о сихъ злобныхъ

ругательствахъ, коими писанія его наполнены, какія темныя и непонятныя мысли, какая нелѣпая игра въ словахъ, какое неравенство въ слогѣ видны во всѣхъ его драммахъ!

А я присовокуплю, сказалъ Ѳеодектъ, прерывая Зопира, какая изящность, какая чистота въ изрѣченіяхъ, какая хитрость въ шуткахъ, какая истинна, какой жаръ въ разговорахъ, какое стихотворство въ хорахъ! Младый человѣкъ! чтобъ казаться просвѣщеннымъ, не будь съ лишкомъ строгъ. Помни, что охуждать только погрѣшности великаго сочинителя часто не что иное есть, какъ порокъ сердца или недостатокъ ума. Изъ того, что великій человѣкъ не удивляется всему, не слѣдуетъ еще, чтобъ тотъ, кто ничему не удивляется, былъ великій человѣкъ. Сіи писатели, коихъ силу вѣсишь прежде, нежели измѣрилъ свою собственную, преисполнены недостатками и совершенствами: но они походятъ на неправильность природы, которая, не смотря на несовершенства нашимъ невѣжествомъ въ ней открываемыя, кажется всегда велика очамъ внимательнымъ.

Аристофанъ зналъ тотъ родъ насмѣшекъ, которыя нравились тогда Аѳинянамъ

и которые должны нравиться во всѣ времена. Сочиненія его заключають въ себѣ столь много качествъ истинной комедіи, и столь много образцовъ хорошаго комичества, что надобно прежде весьма тѣсно познакомиться съ его превосходными красотами тому, кто превзойти его пожелаетъ. Ты самъ былъ бы въ томъ удостовѣренъ, естьлибъ ты имѣлъ терпѣніе прочесть до конца охуждаемой тобою аллегоріи; она вмѣщаетъ въ себѣ вымыслы новые и примѣрные. Да позволится мнѣ подать тебѣ понятіе о нѣкоторыхъ явленіяхъ, въ ней содержимыхъ.

Писѳетеръ и другій Аѳинянинъ, коимъ жительство въ Аѳинахъ противнымъ становится по причинѣ всегдашнихъ тяжебъ и несогласій, чтобъ отъ нихъ избавиться, преселяются въ страну птицъ, которыхъ увѣщеваютъ построить городъ на воздухѣ. Первыя ихъ работы должны быть освящены жертвоприношеніемъ козла, но приготовляемые къ сему обряды прерываются и останавливаются докутчиками, которые попеременно приходятъ искать своего счастія въ семъ новомъ городѣ. Первый изъ сихъ былъ стихотворецъ, который пришедъ воспѣлъ сіи

слова: прославляй о муза! прославляй счастливую Нефолококцигію (*). Писөетеръ спрашиваетъ: какъ его зовутъ и изъ какой онъ земли? Мое имя, отвѣчаетъ онъ, есть по изрѣченію Омирову, вѣрный слижитель музамъ, уста мои точатъ медъ всякой гармоніи.

Писөетеръ (другъ вѣрности).

Какая причина привела тебя сюда?

Стихотворецъ.

Яко соперникъ Симонида, сочинилъ я священные гимны всякихъ родовъ для всякихъ обрядовъ, кои въ честь сего новаго города воспѣвать непрестанно буду. О отче, о основатель Этны! повели да прольется на меня источникъ благодѣяній, которыя желалъ бы я собрать въ кучу на твоей главѣ.

(Сіе есть пародія на нѣкоторые стихи, которые Пиндаръ написалъ Гіерону царю Сиракузскому.)

Писөетеръ.

Сей человѣкъ будетъ меня мучить до тѣхъ поръ, пока чего не подарю ему. Слушай,

(*) Имя, данное новому городу. Оно значитъ птичій городъ на воздухѣ.

(своему невольнику) отдай ему твой кафтанъ, и останься въ одной твоей эпанчѣ; (къ стихотворцу) возми сїю одежду: мнѣ кажется, ты весь замерзъ.

Стихотворецъ.

Муза моя приемлетъ твои дары съ высокопризнанїемъ. Выслушай теперь сїи стихи Пиндаровы.

(Здѣсь произноситъ онъ новую пародїю, которою требуетъ и епанчи невольника; наконецъ, получаетъ оную и отходитъ съ пѣнїемъ.)

Писѳетеръ.

Наконецъ избавился я счастливо отъ холодныхъ его стиховъ; кто бы могъ сказать, что такая язва скоро заведется между нами? Приступимъ пока къ жертвоприношенїю.

Жрецъ.

Молчанїе храните.

Прорицатель, (держащїй книгу въ рукахъ).

Не прикасайтесь еще къ жертвѣ.

Писѳетеръ.

Кто ты таковъ?

Прорицатель.

Толкователь прорицалищъ.

Писѳетеръ.

Тѣмъ хуже для тебя.

Прорицатель.

Берегися пустословить и почитай священныя вещи; я принесъ тебѣ изрѣченіе прорицалища, касающееся до сего города.

Писфетеръ.

Давно бы тебѣ надлежало показать его мнѣ.

Прорицатель.

Боги того не позволяли.

Писфетеръ.

Можно ли слышать сіе изрѣченіе?

Прорицатель.

Изволь. „Когда волки съ воронами обитать станутъ на полѣ, раздѣляющемъ Сикіону отъ Коринфа (*)...

Писфетеръ.

Какая мнѣ нужда до Коринфянъ?

Прорицатель.

Сіе есть таинственное иносказаніе; прорицалище означаетъ чрезъ то страну воздуха, въ которомъ мы находимся. Слушайте и послѣдствіе; „принесите землѣ въ жертву „козла, и тому, кто первый истолкуетъ „вамъ мою волю, дайте хорошую одежду и „новую обувь.„

(*) Было славное прорицалище, которое начиналось сими словами.

Писѳетеръ.

И обувь тутъ стоитъ?

Прорицатель. (представляя книги).

Возми, читай самъ. „Сверхъ того большую сулею вина, и часть внутренностей жертвы.

Писѳетеръ.

И о внутренностяхъ тутъ упомянуто?

Прорицатель.

Возми и читай. „Ежели исполнишь мои повелѣнія, то превысишь всѣхъ смертныхъ, какъ превышаетъ орелъ всѣхъ птицъ.

Писѳетеръ.

И сіе помѣщено?

Прорицатель.

Возми и читай.

Писѳетеръ.

Въ записной сей книжкѣ имѣю я также прорицательное изрѣченіе, полученное отъ самаго Аполлона, оно немного различествуетъ отъ твоего, вотъ оно: „естьли какой „безстыдный шалунъ безъ зову придетъ къ „вамъ въ гости, станетъ мѣшать порядку „жертвоприношеній, и будетъ требовать участка въ самой жертвѣ, такъ ты палками „переломай ему всѣ кости.„

Прорицатель.

Ты шутишь, кажется.

Писѳетеръ (представляя записную книжку).

Возми и читай. „Хотябы то былъ орелъ, „хотя бы то былъ одинъ изъ славнѣйшихъ „бездѣльниковъ Аѳинскихъ, бей его безъ вся„кой пощады.„

Прорицатель.

И сіе также написано?

Писѳетеръ.

Возми и читай. Прочь отселѣ, ступай въ другія мѣста бредить о твоихъ прорицалищахъ.

Едва онъ вышелъ, появляется Астрономъ Метонъ, держащій размѣръ и циркулъ: предлагаетъ, какъ наилучшимъ образомъ расположить можно сей новый городъ, и между тѣмъ произноситъ всякія нелѣпости. Писѳетеръ совѣтуетъ ему удалиться, и наконецъ принуждаетъ его къ тому ударами. Въ нынѣшнее время, какъ достоинство Метона вообще всѣми уважено и признано, сіе явленіе не дѣлаетъ ему стыда, а одному стихотворцу.

Посемъ является одинъ изъ тѣхъ надзирателей, коихъ республика разсылаетъ къ

народамъ, платящимъ ей дани и кои немилосердо дерутъ подарки. При входѣ своемъ кричитъ онъ громко: „гдѣ же тѣ люди, кои меня встрѣчать и принимать должны?„

Писѳетеръ.

Что за Сарданапалъ?

Надзиратель.

Мнѣ досталось по жеребью надзиранїе надъ вашимъ городомъ.

Писѳетеръ.

По чьему повелѣнїю сюда приходишь?

Надзиратель.

По повелѣнїю народа Аѳинскаго, требовать отъ васъ дани.

Писѳетеръ.

Послушай, не надлежало бы тебѣ прiѣзжать сюда за какими либо дѣлами: однако сторгуемся, помиримся; мы тебя подаримъ чѣмъ нибудь, а ты возвратись опять домой.

Надзиратель.

Согласенъ, будь по твоему: потому что я долженъ присутствовать въ будущемъ всенародномъ собранїи по причинѣ переговоровъ, которые производить я началъ съ Фарнакомъ полководцемъ царя Персидскаго.

Писоетеръ (ударя его).

Вотъ что я тебѣ обѣщалъ. Тотчасъ убирайся.

Надзиратель.

Что это такое!

Писоетеръ.

Рѣшенїе всенароднаго собранїя по переговорамъ съ Фарнакомъ.

Надзиратель.

Какъ! дерзаютъ меня бить, а я надзиратель! прошу быть свидѣтелями. (*Уходитъ*).

Писоетеръ.

Ужасное дѣло: мы едва начинаемъ строить нашъ городъ, а ужъ и надзиратели.

Кличей новыхъ узаконенїй.

Ежели житель новаго города обидитъ Аѳинянина...

Писоетеръ.

Чего хочетъ сей бумагоносецъ?

Кличей.

Я провозглашаю узаконенїя ареопага и всего народа. Здѣсь приношу самыя новыя. Кто хочетъ купить? Кто хочетъ купить?

Писоетеръ.

А что въ нихъ повелѣвается?

Кличей.

Что вы должны имѣть съ нами одинакїй вѣсъ, одинакую мѣру и одинакїе законы.

Писөетеръ.

Постой, я покажу тебѣ и тѣ, какіе мы иногда исполняемъ. (*Бьетъ его*).

Кличей.

Что ты дѣлаешь!

Писөетеръ.

Естьли ты не уйдешь съ твоими узаконеніями. . . .

Надзиратель, (появясь опять на Өеатрѣ).

Я возвѣщаю Писөетеру, что онъ долженъ явиться къ суду за учиненное мнѣ оскорбленіе.

Писөетеръ.

Ты опять пришелъ?

Кличей, (приходя опять на өеатръ).

Естьли кто прогонитъ нашихъ начальниковъ, вмѣсто того, чтобъ принять ихъ со всѣми почестьми, имъ должными. . . .

Писөетеръ.

И ты также здѣсь?

Надзиратель.

Ты будешь осужденъ заплатить мнѣ тысячу драхмъ.

(Они приходятъ и отходятъ многократно. Писөетеръ гоняется, то за тѣмъ, то за другимъ, и наконецъ принуждаетъ ихъ во все удалиться).

Естьли ты къ сему извлеченію присовокупишь игру лицедѣевъ, то поймешь безъ труда, что истинное таинство заставлять смѣяться народъ и усмѣхаться людей разумныхъ, давно уже извѣстно, и остается только употребить оное къ различнымъ родамъ свойствъ, осмѣянія достойныхъ. Сочинители наши находятся нынѣ въ счастливѣйшихъ обстоятельствахъ. Никогда не было столь много скупыхъ отцевъ и расточительныхъ сыновъ; никогда не было столько богатыхъ семействъ, раззорившихся игрою, тяжбами и прелестницами; наконецъ никогда не было столь много высокомѣрія во всякомъ состояніи людей и такого излишества въ образѣ мыслей, въ чувствіяхъ и даже въ порокахъ.

У однихъ только богатыхъ и просвѣщенныхъ народовъ, каковы Аѳиняне и Сиракузяне, можетъ возродиться и усовершиться вкусъ въ комедіи. Первые имѣютъ въ семъ дѣлѣ явное преимущество надъ вторыми; языкъ ихъ приличествуетъ лучше къ сему роду драммы, нежели языкъ Сиракузскій, имѣющій въ себѣ нѣчто пышное.

Никифоръ казался смягченнымъ при похвалахъ, которыя Ѳеодектъ приписывалъ те-

перъ древней комедіи, я хотѣлъ бы имѣть столько дарованій, сказалъ онъ ему, чтобъ могъ воздать справедливую почесть превосходнѣйшимъ твореніямъ вашего ѳеатра; я осмѣлился охуждать нѣкоторые въ нихъ недостатки, ибо тогда рѣчь была не о красотахъ сихъ драммъ; но теперь, когда вопросъ идетъ способна ли трагедія къ далнѣйшимъ успѣхамъ, то я хочу изъясниться точнѣе. Въ разсужденіи учрежденія лучшихъ содержаній или басенъ, усовершившееся искуство откроетъ можетъ быть средства, которыхъ прежнимъ сочинителямъ не доставало; ибо не возможно опредѣлить искуству границъ; но они никогда не будутъ въ силахъ умѣть описывать чувствія природы; ибо природа не имѣетъ двухъ языковъ. На сіе мнѣніе всѣ единодушно согласились и разговоръ кончился.

ГЛАВА СЕМДЕСЯТЪ ВТОРАЯ.

Выписка изъ путешествій по берегамъ Азіи и по нѣкоторымъ близъ лежащимъ островамъ.

У Филота были на островѣ Самосѣ нѣкоторыя земли, кои требовали его тамъ присутствія. Я предложилъ ему ѣхать туда прежде назначеннаго имъ времени побывать въ Хіосѣ, переѣхать на матерую землю и осмотрѣть главные Греческіе города, построенные въ Эолидѣ, въ Іоніи и въ Доридѣ; потомъ переправиться на острова Родосъ и Критъ; наконецъ на возвратномъ нашемъ пути осмотрѣть тѣ города, которые лежатъ на берегахъ Азіи какъ то: Астипалею, Косъ, Патмосъ; откуда можемъ поѣхать въ Самосъ.

Описаніе сего путешествія было бы чрезмѣрно длинно; я извлеку изъ дневныхъ моихъ записокъ только тѣ статьи, которыя показались мнѣ ко всеобщему расположенію сего сочиненія нужными и приличными.

Аполлодоръ отправилъ съ нами сына своего Лизиса, который окончивъ свои науки начиналъ только обращаться въ свѣтѣ. Многіе

изъ нашихъ друзей хотѣли съ нами сопутствовать; между прочими Стратоникъ, сей славный игрокъ на цитрѣ, весьма любезный для тѣхъ, которыхъ онъ любилъ и весьма страшный для тѣхъ, къ которымъ не былъ благосклоненъ; ибо частые и острые его отвѣты всегда имѣли великій успѣхъ. Всю жизнь свою проводилъ онъ въ путешествіяхъ по разнымъ Греческимъ областямъ. Онъ прибылъ тогда изъ города Ѳракійскаго, Эноса. Мы спрашивали его, каковъ ему показался тамошній климатъ. Онъ намъ сказалъ: „зима тамъ продолжается четыре мѣсяца, а холодъ восемь мѣсяцовъ въ году.„ Не знаю, въ какомъ-то мѣстѣ обязавшись преподавать открытыя наставленія въ своемъ искуствѣ, не могъ онъ получить больше двухъ учениковъ; онъ обучалъ въ такой большой храминѣ, гдѣ находились девять истукановъ музъ и истуканъ Аполлона. „Сколько имѣешь учениковъ, спросилъ его нѣкто? двѣнадцать, отвѣчалъ онъ, включая въ то число и боговъ.„

Островъ Хіосъ, къ которому мы пристали, есть одинъ изъ величайшихъ и славнѣйшихъ острововъ въ Эгейскомъ морѣ. Многія цѣпи горъ, покрытыхъ прекрасными

древами, составляютъ тамъ прелестныя долины, а холмы въ различныхъ мѣстахъ покрыты виноградомъ, производящимъ превосходное вино, наипаче похваляется вино округа, именуемаго Арвизія.

Тамошніе жители утверждаютъ, что они научили и другіе народы искусству винодѣлія. Они живутъ весьма роскошно. Нѣкогда при обѣдѣ у одного изъ начальниковъ острова зашелъ всѣмъ извѣстный вопросъ объ отечествѣ Омира: многіе народы желаютъ присвоить себѣ славнаго сего мужа. Притязанія другихъ городовъ были съ презрѣніемъ отвергнуты, а право острова Хіоса защищаемо съ горячностію. Между прочими доказательствами сказано было намъ, что потомки Омировы существовали еще на семъ островѣ, подъ именемъ Омиридовъ. Въ самое то время показались намъ изъ оныхъ двое, одѣтыхъ въ великолѣпные ризы и съ золотыми вѣнцами на головахъ ихъ. Они не воспѣвали похвалъ сему стихотворцу, но имѣли для приношенія ему фиміамъ гораздо драгоцѣннѣйшій. По призваніи въ помощь Юпитера, пѣли они попремѣнно многія мѣста изъ Иліяды, и при исполненіи сего оказывали такое ис-

кусство, что мы усматривали новыя красоты въ тѣхъ мѣстахъ, которыя насъ и прежде весьма прельщали.

Сей народъ владычествовалъ нѣкоторое время надъ всемъ моремъ. Но могущество и богатство его послужили ему во вредъ. Должно отдать ему справедливость, что веля войны съ Персами и Лакедемонянами, онъ всегда оказывалъ одинакое благоразумїе какъ въ счастїи, такъ и въ несчастїи; однакожъ должно охуждать его въ томъ, что онъ ввелъ въ употребленїе покупать невольниковъ. Прорицалище, увѣломленное о семъ злодѣйствѣ, обЪявило сему народу, что онъ чрезъ то навлекъ на себя гнѣвъ небесный. Вотъ наипрекраснѣйшїй и безполезнѣйшїй отвѣтъ, отъ боговъ къ смертнымъ произнесенный.

Греки, поселившїеся на брегахъ малой Азїи.

Изъ Хїоса переправились мы въ Кумы, что въ Эолидѣ, а оттуда ѣздили мы въ цвѣтущїе города, которые граничатъ съ Персидскимъ государствомъ со стороны Эгейскаго моря. Повѣствованїе мое о сихъ мѣстахъ требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ замѣчанїй.

Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ Греки раздѣлялись на три великїе народа, на Дорї-

янъ, Эолїянъ и Іонянъ. Имена сїи, какъ сказываютъ, произошли отъ именъ дѣтей Девкалїона, царствовавшаго въ Ѳессалїи. Когда два сына его Доръ и Эолъ и внукъ его Іонъ поселились въ различныхъ странахъ Грецїи; то народы, благоустроенные, или по крайней мѣрѣ, соединенные, попеченїемъ сихъ иностранцевъ, ставили себѣ въ честь называться ихъ именами, такъ какъ различныя училища философїи славятся именами своихъ основателей.

Сїи три великїе народа отличаются еще чертами болѣе или менѣе ощутительными. Греческїй языкъ показываетъ намъ три главныя нарѣчїя: Дорическое, Эолическое и Іоническое, которые раздѣляются еще на другїя безчисленныя нарѣчїя. Дорическимъ говорятъ въ Лакедемонѣ, Арголидѣ, Родосѣ, Критѣ, Сицилїи и проч. и производитъ во всѣхъ сихъ и другихъ мѣстахъ произношенїя особыя. Іоническое имѣетъ также свои перемѣны. Что касается до Эолическаго, то оно часто смѣшивается съ Дорическимъ; и какъ сїе сближенїе нарѣчїй оказывается также и въ другихъ существенныхъ статьяхъ, то между Дорїянами и Іонянами можно только положить нѣкоторый родъ сравненїя. Я не предпринимаю онаго описывать; но покажу сїе при-

мѣромъ. Нравы первыхъ всегда были строги; величїе и простота видны въ ихъ музыкѣ, зодчествѣ, языкѣ и стихотворствѣ. Другїе смягчили гораздо прежде свои нравы; всѣ ихъ произведенїя отличаются изяществомъ и вкусомъ.

Между обоими народами существуетъ взаимное отвращенїе, основанное можетъ быть на томъ, что Лакедемонъ занимаетъ первую степень между народами Дорическими, а Аѳины между Iоническими: а можетъ быть и на томъ, что люди не могутъ поставить себя на приличный имъ степень безъ того, чтобъ не придти въ разномыслїе. Какъ бы то ни было, но Дорїяне прiобрѣли себѣ больше славы, нежели Iоняне, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ стыдятся своего наименованїя. Презрѣнїе сїе, каковому Аѳиняне никогда не подвергались, увеличилось больше съ тѣхъ поръ, какъ Iоняне въ Азїи порабощены были или частными тираннами, или варварскими народами.

Около двухъ вѣковъ послѣ Троянской войны, нѣкоторая часть сихъ Iонянъ поселилась на брегахъ Азїи, съ которыхъ она согнала прежнихъ жителей. Не задолго предъ тѣмъ Эолїяне завладѣли землею, лежащею къ сѣверу Iонїи, а земля, лежащая къ югу до-

сталась потомъ во власть Доріянамъ. Сіи три округа составляютъ по берегамъ моря полосу въ длину по прямой чертѣ около тысячи семи сотъ стадій, а въ самой величайшей ея широтѣ около четырехъ сотъ шестидесяти стадій. Я не причисляю къ сему острововъ Родоса, Коса, Самоса, Хіоса, Лесбоса хотя они и составляютъ часть трехъ сихъ поселеній.

Страна, которую сіи поселенія занимали на матерой землѣ, славна своимъ богатствомъ и красотою. На берегахъ ея видны повсюду выгодно расположенные мысы и заливы, около которыхъ представляются зрѣнію многіе города и веси. Различныя рѣки, изъ коихъ иныя отъ частыхъ своихъ излучинъ умножаются, приносятъ полямъ изобиліе. Почва земли въ Іоніи, хотя не равняется добротою и плодородіемъ съ почвою земли Эолидской, однако пользуются тамъ гораздо яснѣйшимъ небомъ и благорастворённѣйшимъ воздухомъ.

Эоляне владѣютъ на матерой землѣ одиннадцатью городами, коихъ посланцы собираются при нужныхъ случаяхъ въ городѣ Кумахъ. Іонійскій союзъ былъ составленъ между двѣнадцатью главными городами. Ихъ повѣренные съѣзжаются каждый

годъ при храмѣ Нептуновомъ, стоящемъ въ священной рощѣ у подошвы горы Микала, недалеко отъ Ефеса. По принесенiи жертвы, при которой присутствовать прочимъ Iонянамъ запрещено и при которой начальствуетъ молодый человѣкъ изъ Прiены, совѣтуются они о дѣлахъ всей области. Чины Дорiйскiе собираются при горѣ Трiопiи. Одинъ только городъ Книдъ, островъ Косъ и три города Родоскiе имѣютъ право посылать туда своихъ повѣренныхъ.

Таковымъ же почти образомъ въ древнѣйшiя времена были учреждены земскiе сеймы Азiйскихъ Грековъ. Наслаждаясь спокойствiемъ въ новыхъ своихъ жилищахъ, обработывали они въ тишинѣ плодоносныя поля свои и по выгодному мѣстоположенiю побуждены были перевозить свои полевыя произведенiя съ берега на берегъ. Вскорѣ торговля и промышленность ихъ увеличилась. Вскорѣ потомъ поселились они въ Египтѣ, ѣздили смѣло по морю Адрiатическому и Тирренскому, построили себѣ городъ въ Корсикѣ, отправляли корабли къ острову Тартесу, за столпами Иракловыми лежащему.

Но между тѣмъ первые успѣхи сихъ Грековъ обратили на себя вниманiе такого

народа, который жилъ весьма близко, и потому былъ для нихъ страшенъ. Лидійскіе цари, коихъ столица была Сарды, завладѣли нѣкоторыми ихъ городами, а Крезъ покорилъ себѣ всѣ, и наложилъ на нихъ дани. Киръ прежде нападенія своего на Креза, предлагалъ имъ, чтобъ они соединили свои войска съ его полками; но они отъ того отреклись. По одержаніи побѣды Киръ презрилъ ихъ покорство, и велѣлъ идти противъ нихъ своимъ полководцамъ, которые и поработили ихъ въ подданство Персіи по праву побѣды.

Въ царствованіе Дарія, сына Гистаспова, они взбунтовались. Вскорѣ съ помощію Аѳинянъ сожгли они городъ Сарды, и чрезъ то воспалили между Персами и Греками ту пагубную ненависть, которой и цѣлыя рѣки человѣческой крови еще не погасили. Бывъ вновь покорены Персами и принуждены давать корабли противъ Грековъ, паки свергли съ себя иго, послѣ битвы при Микалѣ. Во время Пелопонесской войны иногда были они въ союзѣ съ Лакедемонянами, но чаще съ Аѳинянами, которые наконецъ подвергли ихъ своему владычеству. Спустя нѣсколько лѣтъ Анталкидскій миръ возвратилъ ихъ навсегда прежнимъ ихъ повелителямъ.

Такимъ образомъ Азїйскїе Греки, въ теченїи двухъ почти вѣковъ, упражнялись единственно въ томъ, чтобъ носить оковы, ослаблять, разбивать ихъ и опять ихъ на себя воспринимать. Миръ былъ для нихъ, какъ для всѣхъ образованныхъ народовъ, не что иное, какъ сонъ. Посреди таковыхъ злосчастныхъ превратностей цѣлые городы противились врагамъ своимъ съ безстрашнымъ упорствомъ; другїе оказали еще больше примѣровъ храбрости. Жители Теоса и Фокеи оставили гробы своихъ праотцевъ: одни удалились, чтобъ поселиться въ Абдерѣ Ѳракїйской, а другїе странствовавъ долгое время по морямъ, основали городъ Елею въ Италїи, и городъ Марселею, въ Галлїи.

Потомки Грековъ, оставшїеся подъ зависимостїю Персїи, платятъ ту же дань, какую Дарїй наложилъ на ихъ предковъ. Во всеобщемъ раздѣленїи, которое сей государь во всѣхъ областяхъ своей имперїи учредилъ, наложилъ онъ на Эолиду, Іонїю, Дориду, Памфилїю, Ликїю, и другїя страны ежегодную дань по четыре ста талантовъ; налогъ сей не покажется чрезмѣрнымъ, когда обозрѣны будутъ пространство, плодородїе, промыш-

ленность, торговля и прочїя выгоды сихъ странъ. Какъ расположенїе сего налога произвело между городами и частными людьми несогласїе и распри, то Артаферњ, братъ Дарїевъ, заставилъ измѣрить и оцѣнить земли всѣхъ данниковъ по парасангамъ (*), и предложилъ потомъ такое начертанїе платежа, по которому требованїя всѣхъ людей соглашены и всѣ смятенїя успокоены были, и которое повѣренные отъ народовъ, долженствующихъ платить дань, охотно приняли.

Изъ сего примѣра видно, что Персидскїй государь хотѣлъ удержать Грековъ больше въ подданствѣ, нежели въ рабствѣ. Онъ дозволилъ имъ остаться при ихъ законахъ, вѣрѣ, празднествахъ, областныхъ собранїяхъ. Но по ложной политикѣ Монархъ сей пожаловалъ во владѣнїе, или по крайней мѣрѣ въ управленїе одинъ Греческїй городъ тогоже самаго города жителю, который принявъ на себя отвѣтственность за вѣрность своихъ согражданъ, возбуждалъ ихъ къ мятежу, или упо-

(*) То есть, по парасангамъ квадратнымъ. Парасанга содержала въ себѣ двести шестьдесятъ восемь саженъ Французскихъ.

треблялъ надъ ними безпредѣльную власть. Сограждане долженствовали тогда переносить и гордость верховнаго правительства надъ областью, и притѣсненія частныхъ правителей, которыхъ оно защищало; а какъ они были отдалены отъ средоточія имперіи, то и жалобы ихъ рѣдко доходили до престола. Тщетно предпринималъ Мардоній, предводительствовавшій Персидскимъ воинствомъ въ царствованіе Ксеркса опять возстановить древнія узаконенія Греческихъ народовъ. Когда онъ получилъ верховное правленіе надъ Сардами, то онъ паки ввелъ народоправленіе въ городахъ Іоніи, изъ которыхъ выгналъ всѣхъ низшихъ тиранновъ; но они вскорѣ опять появились и сдѣлались сильны, ибо преемники Даріевы, желая наградить своихъ льстецовъ, весьма охотно отдавали имъ какой либо отдаленный городъ на разграбленіе. Нынѣ таковыя награды случаются гораздо рѣже, и Азіатскіе Греки, развращенные роскошію, повсюду возставили олигархію (правленіе нѣсколькихъ особъ) на развалинахъ народнаго правленія.

Теперь всякой, естьли съ примѣчаніемъ на то посмотритъ, можетъ легко удостовѣ-

риться, что никогда не было имъ возможно сохранить полной своей свободы. Царство Лидійское, учинившееся въ послѣдствіи областію Персидской имперіи, имѣло съ западной стороны естественно границею море Эгейское, коего на брегахъ обитали переселенцы Греческіе. Они занимали пространство столь тѣсное, что непремѣнно долженствовали подвергнуться власти Лидянъ и Персовъ, или привесть себя въ состояніе имъ противиться. Итакъ, по великой неосмотрительности, которая существуетъ также и между союзными республиками, на матерой землѣ Греціи лежащими, Эолида, Іонія и Дорида, нападеніемъ всегда угрожаемыя, не только не соединяли общихъ своихъ силъ, но въ каждой изъ сихъ трехъ областей, опредѣленія всеобщихъ земскихъ собраній не принуждали къ тому строго и народовъ, въ сихъ странахъ жительствующихъ. По симъ то причинамъ, во времена Кира жители Милетскіе заключили особенный миръ съ симъ государемъ, и чрезъ то предали другіе города Іонійскіе на раззореніе неприятелямъ.

Когда Греція согласилась защищать сіи страны, то привлекла чрезъ то въ свою

внутренность безчисленныя войска Персидскія, и безъ чудесъ, случая и храбрости подпала бы сама подъ иго неприятелей. Ежели послѣ ста лѣтъ кровопролитныхъ битвъ, отъ несчастнаго предприятія разрушить оковы Іонянъ она отказалась, то сіе доказываетъ, что она выразумѣла наконецъ, что самыя обстоятельства противополагали непреодолимое препятствіе къ ихъ освобожденію Мудрый Віасъ Пріенскій явно говорилъ о семъ, когда Киръ овладѣлъ Лидіею:,, не ожидайте себѣ ничего, кромѣ постыднаго рабства, сказалъ онъ собраннымъ Іонянамъ, садитесь на ваши корабли, преплывайте моря, овладѣйте Сардиніею и сосѣдственными городами; вы будете провождать ваши дни въ спокойствіи.,,

Двукратно могли сіи народы послѣ совершеннаго ихъ покоренія свергнуть съ себя владычество Персовъ; сперва послѣдуя совѣту Віаса, а потомъ послушавъ совѣта Лакедемонянъ, которые послѣ войны Мидійской предлагали имъ переселиться въ Грецію. Но они всегда отрицались оставить свои жилища, и естьли позволено судить объ нихъ по многонародію и богатству ихъ, то независимость не была нужна для ихъ счастія.

Я опять приступаю къ повѣствованiю о моемъ путешествiи, на столь долгое время остановленному. Мы проѣхали три области Греческiя въ Азiи; но, какъ я выше обѣщалъ, ограничу мое повѣствованiе нѣкоторыми только всеобщими замѣчанiями.

Кумы. Городъ Кумы есть величайшiй и древнѣйшiй въ Эолидѣ. Жителей описывали намъ людьми скудоумными. Но мы увидѣли вскорѣ, что они ихъ называли такъ по ихъ добродѣтелямъ. На другой день прiѣзда нашего вдругъ пролился дождь въ то самое время, какъ мы прохаживались на площади, окруженной переходами, республикѣ принадлежащими. Мы хотѣли найти въ нихъ убѣжище; насъ удержали; надлежало имѣть на то позволенiе. Вдругъ слышанъ былъ голосъ; ступайте въ переходы и всѣ люди туда побѣжали; мы увѣдомились, что оные уступлены были на нѣкоторое время государственнымъ заимодавцамъ. Какъ народъ уважаетъ ихъ собственность, такъ и они напротивъ того постыдились бы оставлять его безъ укрытiя отъ худой погоды; намъ сказано было, что жители Кумейскiе никогда не знали, что надобно укрываться гдѣ нибудь

отъ дождя, естьли о томъ напередъ ихъ не увѣдомятъ. Сказано намъ было еще, что въ теченіи трехъ сотъ лѣтъ они не знали, что была у нихъ пристань; ибо они во все сіе время не брали пошлинъ съ товаровъ, изъ чужестранныхъ земель привозимыхъ.

Препроводивъ нѣсколько дней въ Ѳокеи, коея стѣны состроены были изъ большихъ камней, весьма плотно составленныхъ, мы прибыли въ сіи пространныя и злачныя поля, которымъ рѣка Гермъ доставляетъ своими водами великое плодородіе и которыя простираются отъ береговъ моря даже за предѣлы Сардовъ. Удовольствіе имъ удивляться сопровождаемо было весьма печальнымъ размышленіемъ. Колико разъ были они орошаемы кровію смертныхъ и коликократно можетъ сіе случиться и впредь! При воззрѣніи на большую равнину говорили мнѣ въ Греціи: „Здѣсь въ „такомъ то и такомъ то случаѣ погибли „многія тысячи Грековъ. А въ Скиѳіи говорили мнѣ: сіи поля, вѣчное жилище мира, „могутъ питать многія тысячи овецъ.„

Нашъ путь, отѣняемый почти всегда прекрасными Андрахнесовыми древами, довелъ Смирна.

насъ до устья рѣки Герма, откуда простирались наши взоры на сей величественный пристой (рейда), который составлялъ одинъ полуостровъ, вмѣщающій города Еливресъ и Теосъ. Вдали залива находятся нѣкоторыя небольшія мѣстечки, печальные остатки древняго города Смирны, раззоренной нѣкогда Лидянами. Сіи мѣстечки называются еще прежнимъ именемъ; и ежели благопріятныя обстоятельства позволятъ когда либо онымъ соединиться въ нѣкую ограду, защитить ихъ могущую, то положеніе ихъ привлечетъ къ себѣ безъ сомнѣнія наивеличайшую торговлю. Они показали намъ въ небольшемъ разстояніи отъ своихъ жилищъ пещеру, изъ которой истекаетъ небольшой источникъ, именуемый Мевесъ. Они почитаютъ его священнымъ и утверждаютъ, что Омиръ тутъ писалъ свои сочиненія.

На пристоѣ, почти напротивъ Смирны, лежитъ островъ Клазоменъ, получающій великій прибытокъ отъ своего масла. Жители его занимаютъ почти первое мѣсто между народомъ Іонійскимъ. Они увѣдомили насъ о средствѣ, которое нѣкогда употребили для поправленія разстроенныхъ своихъ

доходовъ. После войны, истребившей всенародное сокровище, нашлись они отставнымъ воинамъ должными двадцать талантовъ (*). Не имѣя силъ заплатить сего долга, они платили нѣсколько лѣтъ налогъ по двадцати пяти на сто; потомъ они тиснили деньги желѣзныя, которымъ назначили ту же цѣну, какую имѣли серебреныя деньги. Богачи согласились признавать ихъ за настоящія, въ рукахъ ихъ обращающіяся деньги; долгъ выплаченъ и доходы государственные, съ мудрою бережливостію управляемые, послужили къ нечувствительному истребленію ложныхъ денегъ, введенныхъ въ торговлю.

Бывшіе въ Іоніи малые тиранны употребляли ко своему обогащенію ненавистнѣйшія средства. Въ Ѳокеѣ разсказывали намъ слѣдующее происшествіе: Нѣкоторый Родянинъ управлялъ симъ городомъ. Онъ говорилъ тайно и порознь начальникамъ двухъ противныхъ сторонъ, имъ самимъ заведенныхъ, что неприятели ихъ предлагаютъ ему такую-то сумму, ежели онъ на желанія ихъ склонится.

(*) Сто восемь тысячъ ливровъ Французскихъ.

Онъ взялъ сїи деньги отъ обѣихъ сихъ сторонъ, которыя потомъ и примирить умѣлъ.

Мы направили путь нашъ къ югу. Кромѣ городовъ, въ срединѣ сея страны существующихъ, мы видѣли на брегахъ морскихъ, или въ окрестностяхъ ихъ: Лебедосъ, Колофонъ, Эфесъ, Прїену, Мїй, Милетъ, Іазъ, Миндъ, Аликарнассъ и Книдъ.

Эфесъ. Жители Эфесскїе показывали намъ съ сожалѣнїемъ остатки Дїянина храма, по древности и великости своей славнаго. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ былъ онъ сожженъ не отъ молнїи, не отъ неистовства неприятеля, но отъ прихотливаго своеволїя частнаго человѣка, именуемаго Эростратъ, который въ пыткѣ своей признался, что онъ присемъ другаго намѣренїя не имѣлъ, какъ только сдѣлать имя свое безсмертнымъ. Всеобщее земское собранїе Іонїйскихъ народовъ издало указъ о вѣчномъ забвенїи сего злодѣйскаго имени, но самое сїе запрещенїе творитъ память его вѣчною. Историкъ Өеопомпъ сказалъ мнѣ нѣкогда, что, разсказывая о семъ происшествїи, не льзя не назвать и преступника.

Отъ великолѣпнаго сего зданїя остается только четыре стѣны, и нѣсколько стол-

бовъ, изъ подъ развалинъ выставляющихся. Пламень истребилъ кровлю и всѣ украшенія внутренности храма. Начинаютъ опять его возобновлять; всѣ граждане имуществомъ своимъ къ тому способствовали; женщины пожертвовали драгоцѣнными ихъ вещами; части огнемъ поврежденныя будутъ паки исправлены, а части совсѣмъ истребленныя устроены будутъ гораздо съ бóльшимъ великолѣпіемъ, или по крайней мѣрѣ съ лучшимъ вкусомъ. Внутренности прежняго храма придавало красоту блестящее золото и произведенія нѣкоторыхъ славныхъ художниковъ, а теперь красота сія увеличится еще отмѣннымъ искуствомъ живописи и истуканства, которыя въ послѣднія времена весьма усовершились. Образъ истукана, сдѣланный по примѣру древнихъ Египтянъ и въ храмахъ многихъ Греческихъ городовъ еще существующій, перемѣненъ не будетъ. Надъ главою богини изображается башня; руки ея поддерживаются двумя желѣзными подпорами: станъ ея оканчивается остолпіемъ, при которомъ находятся многія изображенія животныхъ и другія иносказательные знаки.

Въ разсужденіи построенія всенародныхъ зданій Эфесеяне, наблюдаютъ весьма муд-

рый законъ. Зодчій, коего чертежъ одобренъ, дѣлаетъ смѣту и закладываетъ все свое имущество. Естьли онъ въ точности выполнитъ всѣ статьи договора; то назначаются ему многія почести. Естьли издержки превзойдутъ смѣту четвертою частію, то казна платитъ сей излишекъ; но естьли расходъ превосходитъ четвертую часть, то весь излишекъ собирается съ имѣнія художника.

Милетъ.

Теперь мы въ Милетѣ: удивляемся его стѣнамъ, храмамъ, празднествамъ, рукодѣліямъ, пристанямъ, смѣшенному собранію кораблей, морскихъ служителей и работниковъ, въ непрестанномъ движеніи находящихся. Милетъ есть жилище изобилія, просвѣщенія и удовольствій. Онъ есть Аѳины въ Іоніи. Дорида, дщерь Океана имѣла отъ Нерея пятьдесять дочерей, прозванныхъ Нереидами, которыя всѣ отличались одна отъ другой разными пріятностями: а Милетъ отправилъ изъ нѣдръ своихъ гораздо большее число поселеній, прославляющихъ его непрестанно на брегахъ Геллеспонта, Пропонтиды и Евксинскаго моря. (*) Столица сія про-

(*) Сенека присвояетъ Милету семьдесятъ пять колоній. Плиній больше осьмидесяти.

извела въ свѣтъ славнѣйшихъ дѣеписателей, славнѣйшихъ любомудрцевъ. Въ ней родилась Аспазїя и другїя любезныя прелестницы. Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ польза торговли принудила Милетъ предпочесть миръ войнѣ: въ другихъ, положилъ онъ оружїе, не обезчестивъ оное нимало; и отъ того произошла сїя пословица: ,,Милетяне были нѣкогда ,,храбры.,,

Памятники художествъ украшаютъ внутренность города. Богатство природы блистаетъ въ окрестностяхъ. Territory Territory Territory Territory Коликократно приходили мы ко брегамъ Менандра, который, приявъ въ свое нѣдро многїя рѣки, и омывая стѣны многихъ городовъ, простираетъ свой токъ извивистыми кривизнами посреди той равнины, которая ставитъ себѣ въ честь, что носитъ его имя, и гордится, что украшается его благодѣянїями! Коликократно сидѣли мы на цвѣтущихъ муравахъ, со брегами его смѣжныхъ, гдѣ со всѣхъ сторонъ окружали насъ восхитительные виды, гдѣ не могли мы довольно насладиться ни симъ воздухомъ, ни симъ свѣтомъ, коихъ прiятность равняется съ чистотою ихъ; гдѣ чувствовали мы нѣкую усладительность, которая вливалась въ наши души, и доставляла имъ, такъ

сказать, упоеніе блаженства. Таково есть вліяніе Іонійскаго воздуха. Но какъ нравственныя причины не только не уменьшали сего вліянія, но послужили еще къ умноженію онаго; то Іоняне сдѣлались народомъ самымъ роскошнѣйшимъ и любезнѣйшимъ во всей Греціи.

Въ мысляхъ, чувствіяхъ, и нравахъ Іонянъ существуетъ нѣкая нѣжность, которая въ сообществахъ прельщаетъ. Въ музыкѣ ихъ и пляскахъ видна такая вольность, которая сначала кажется отвратительною, а подъ конецъ обворожающею. Къ изнѣженности своей прибавили они новыя пріятности, и роскошь свою обогатили новыми открытіями. Празднествами, которыя у нихъ многочисленны, занимаются они или дома или у своихъ сосѣдовъ. Мущины показываются тамо въ великолѣпныхъ одеждахъ, а женщины въ щегольскихъ убранствахъ; и тѣ и другіе желаютъ нравиться. Отъ сего-то происходитъ хранимое ими почитаніе къ древнимъ преданіямъ, ихъ слабости оправдывающимъ. Вблизи Милета водили насъ къ источнику Библисы, гдѣ сія несчастная княжна умерла отъ любви и печали. Показывали гору Латмъ, гдѣ Діана имѣла свиданія со младымъ Эндиміономъ.

въ Самосѣ, несчастные любовники ходятъ приносить свои обѣты тѣнямъ Леонтиха и Радины.

Когда путешествуешь вверьхъ по Нилу отъ Мемфиса до Ѳивъ, то видишь на брегахъ рѣки великое множество великолѣпныхъ памятниковъ, между которыми по мѣстамъ возвышаются пирамиды и обелиски. Несравненно прелестнѣйшее еще зрѣлище поражаетъ внимательнаго путешественника, который изъ пристани Галикарнасса въ Доридѣ ѣдетъ вверьхъ къ сѣверу для достиженія полуострова Эриѳреса. Въ семъ пути, простирающемся прямою чертою только около девяти сотъ стадій (*), представляется глазамъ его великое множество городовъ, разсѣянныхъ по брегамъ матерой земли, и ближайшимъ островамъ. Никогда въ толь краткомъ разстояніи природа не производила толь великаго числа превосходныхъ дарованій и свышнихъ умовъ. Геродотъ родился въ Галикарнассѣ, Иппократъ въ Косѣ, Ѳалесъ въ Ми-

(*) Около тридцати четырехъ миль Французскихъ.

летѣ, Пиѳагоръ въ Самосѣ, Парразій въ Ефесѣ (*), Ксенофанъ (**) въ Колофонѣ, Анакреонъ въ Теосѣ, Анаксагоръ въ Клазоменѣ, Омиръ повсюду; я уже говорилъ прежде, что честь, въ какомъ городѣ онъ родился, возбуждаетъ въ сихъ странахъ великія соперничества. Я не упомянулъ о всѣхъ славныхъ Іоническихъ писателяхъ по той причинѣ, что, говоря о жителяхъ Олимпа, именуютъ обыкновенно боговъ самыхъ вышшихъ.

Книдъ. Изъ Іоніи, собственно такъ называемой, мы переѣхали въ Дориду, которая составляетъ часть древней Каріи. Книдъ, лежащій близь мыса Тріопіума, произвелъ на свѣтъ историка Ктезія и Астронома Евдокса, который въ наше время еще жилъ. Намъ показывали домъ гдѣ онъ дѣлалъ свои наблюденія; вскорѣ потомъ пришли мы къ славному истукану Венеры Праксителевой. Онъ поставленъ посреди небольшаго храма, получающаго свѣтъ отъ двухъ противоположныхъ

(*) Аппелъ родился также въ сей странѣ по мнѣнію однихъ въ Косѣ, а по мнѣнію другихъ въ Ефесѣ.

(*) Основатель Элейской школы.

дверей, дабы легкое освѣщенiе со всѣхъ сторонъ на него упадало. Какъ описать удивленiе при первомъ нашемъ воззрѣнiи; какъ описать очарованiе, которое за онымъ послѣдовало! Намъ казалось, что марморъ вмѣщаетъ въ себѣ наши чувствiя; казалось, какъ будто мы слышали его вздохи. Два ученика Праксителя, прибывшiе недавно изъ Аѳинъ, чтобъ познать всѣ совершенства сего превосходнѣйшаго творенiя, показывали намъ красоты, коихъ дѣйствiя мы ощущали, не постигая тому причины. Между присутствующими, говорилъ одинъ; ,,Венера оставила Олимпъ и обитаетъ съ нами.,, Другой сказалъ: ,,естьли бы Юнона и Минерва теперь ее увидѣли, онѣ не стали бы жаловаться больше на судъ Парисовъ. ,,Третiй говорилъ. ,,Богиня благоволила нѣкогда показываться безъ покрывала Парису, Анхизу и Адонису; не являлась ли она и Праксителю? Конечно, отвѣчалъ одинъ изъ учениковъ, и въ образѣ Фринiи.,, Въ самомъ дѣлѣ при первомъ взглядѣ, узнали мы сiю славную прелестницу. У обѣихъ были тѣже черты, тѣже взоры. Младые наши художники въ тоже время примѣтили вскорѣ и обворожающую улыбку Кратины, другой любовницы Праксителя.

Тако живописцы и истуканщики, приемля своихъ любовницъ въ образецъ, подъ именемъ различныхъ богинь, выставляли ихъ на всенародное поклоненіе, тако изобразили они главу Меркурія въ видѣ головы Алкивіада.

Книдяне гордятся сокровищемъ, способствующимъ вмѣстѣ и выгодамъ ихъ торговли и распространенію ихъ славы. Когда народы, предавшіеся суевѣрію и пристрастившіеся къ художествамъ, имѣютъ у себя прорицалище или славный памятникъ, то уже и довольно для привлеченія иностранцевъ. Весьма часто преплываютъ они моря, и пріѣзжаютъ въ Книдъ удивляться и восхищаться прекраснѣйшимъ твореніямъ Праксителя. (*)

Лизисъ, не могшій отвратить отъ Венеры своихъ глазъ, увеличивалъ уже съ лишкомъ свое удивленіе, и по временамъ воскли-

(*) Медали, тисненныя въ Книдѣ во времена Императоровъ Римскихъ, представляютъ, какъ кажется, Венеру Праксителеву. Правою рукою закрываетъ она свой полъ, лѣвою держитъ полотно надъ курильницею.

цалъ:,, природа никогда и ничего не производила столь совершеннаго.,, Какъ ты знать можешь, сказалъ я ему, что между симъ безчисленнымъ множествомъ видовъ, какіе она предаетъ человѣческому тѣлу, нѣтъ ниединаго превосходящаго красотою ту, которая у насъ предъ глазами? Представлялъ ли себѣ кто всѣ образцы, кои существовали, существуютъ и впредь существовать будутъ? По крайней мѣрѣ признаешся ты, отвѣчалъ онъ, что искуство размножаетъ сіи образцы, и что подбирая рачительно красоты, разсѣянныя на различныхъ людяхъ, нашло оно таинство поправить непростительное нерадѣніе и недостатки природы. Не показывается ли человѣческій родъ славнѣе и достойнѣе въ нашихъ работарьняхъ, нежели между всѣми семействами въ Греціи?

Въ очахъ природы, сказалъ я, нѣтъ ничего прекраснагѡ, нѣтъ ничего безобразнаго; все въ порядкѣ. Мало ей нужды, что изъ безчисленныхъ ея расположеній выдетъ предметъ, изображающій всѣ совершенства или всѣ недостатки, кои мы человѣческому тѣлу присвояемъ. Единственная ея цѣль состоитъ въ сохраненіи той гармоніи, которая связуя невидимыми узами и малѣйшія части

вселенныя съ симъ великимъ, все препровождаетъ ихъ спокойно къ прямому ихъ назначенїю. Итакъ имѣй почтенїе къ ея дѣйствїямъ; они столь превосходны, что малѣйшее объ оныхъ размышленїе откроетъ тебѣ больше истинныхъ красотъ въ насѣкомомъ, нежели въ семъ истуканѣ.

Раздраженный Лизисъ, почитая слова мои богохуленїемъ, произнесеннымъ въ присутствїи богини, сказалъ мнѣ съ горячностїю: ,,почто размышлять, когда мы не вольно принуждены уступать толь сильнымъ впечатлѣнїямъ? Впечатлѣнїя твои, отвѣчалъ я ему, были бы не столь сильны, естьли бъ ты былъ здѣсь одинъ и безпристрастенъ, а наипаче, естьли бъ ты не зналъ имени художника. Я примѣчалъ всѣ движенїя твоихъ чувствованїй: при первомъ воззрѣнїи на богиню ты былъ пораженъ удивленїемъ, и ты тогда изъяснялся какъ человѣкъ знающїй; потомъ прїятныя напоминанїя возбудились въ твоемъ сердцѣ, и ты сталъ уже говорить, какъ человѣкъ страстный; когда младые наши художники открывали намъ нѣкоторыя таинства въ искуствѣ, тогда ты уже излишне увеличивалъ ихъ выраженїя, и твое безмѣр-

ное изступленїе меня охладило. Для меня несравненно почтеннѣе чистосердечїе того Аѳинянина, которому нечаянно случилось быть въ портикѣ, гдѣ сохраняется славная Елена Зевксисова. Онъ разсматривалъ ее нѣсколько минутъ, но меньше удивлялся превосходству работы, нежели восторгамъ живописца, подлѣ его стоявшаго, которому онъ сказалъ; въ женщинѣ сей я не нахожу такихъ красотъ. Это потому, что ты смотришь на нее не моими глазами, отвѣчалъ художникъ.

Вышедъ изъ храма, прохаживались мы въ священной рощѣ, гдѣ всѣ предметы относились до поклоненїя Венеры. Тамъ, казалось намъ, ожили и наслаждаются вѣчною младостїю мать Адониса подъ видомъ Мирты, чувствительная Дафна подъ видомъ лавра; прекрасный Кипарисъ подъ видомъ кипариса. Вездѣ гибкїй блющъ увивается крѣпко около древесныхъ вѣтвей; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ плодоносный виноградъ находитъ себѣ тамъ удобную подпору. Въ бесѣдкахъ, осѣняемыхъ гордыми тополями, увидѣли мы многїя купы Книдянъ, которые по совершенїи жертвы вкушали сельскую трапезу: они воспѣвали любовь и часто наливали въ чаши превкусное вино, въ странѣ сей производимое.

Въ вечеру возвратясь въ гостинницу, младые наши художники показали намъ въ своихъ рисункахъ первыя мысли нѣкоторыхъ славныхъ художниковъ. Мы увидѣли также великое число ихъ произведенїй, которыя они снимали со многихъ прекрасныхъ памятниковъ, а особливо со славнаго истукана Поликлета, который называется канономъ или правиломъ. Они всегда носили съ собою сочиненїя сего художника, чтобъ оправдать размѣры его фигуръ. У нихъ также было сочиненїе о соразмѣрности и краскахъ, недавно обнародованное живописцемъ Евфраноромъ.

Тогда родилися многїе вопросы о красотѣ, какъ всеобщей, такъ и частной: всѣ почитали оную за качество, единственно принадлежащее человѣческому роду; всѣ согласились, что она удивляетъ и поражаетъ, и что она дѣйствуетъ надъ нами сильнѣе или слабѣе, смотря по устроенїю нашихъ чувствъ и по расположенїямъ нашей души. Однако присовокупляли они, что въ Африкѣ о красотѣ думаютъ иначе, нежели въ Европѣ, поелику она по различїю лѣтъ и пола вездѣ разнообразна; то можно соединить различ-

ныя ея свойства и сдѣлать ей точное опредѣленіе.

Одинъ изъ насъ, будучи врачъ и философъ, далъ намъ замѣтить, что части нашего тѣла составлены изъ первоначальныхъ стихій, и утверждалъ, что здравіе происходитъ изъ равновѣсія сихъ стихій, а красота изъ совокупности сихъ частей. Нѣтъ, говорилъ одинъ изъ учениковъ Праксителевыхъ, никогда тотъ не достигнетъ совершенства, который влачася рабски за правилами, привяжется къ одному только соотвѣтствію частей и къ правильности размѣровъ.

Спросили его: какіе же образцы предполагаетъ себѣ великій художникъ, когда онъ хочетъ представить владыку боговъ, или мать любви? Такіе образцы, отвѣчалъ онъ, которые сей художникъ, послѣ долговременнаго и рачительнаго разсмотрѣнія природы и искуства, въ умѣ своемъ составляетъ, и которые сохраняетъ онъ, такъ сказать, яко залогъ всѣхъ прелестей, приличныхъ всякому роду красоты. Взирая безпрестанно на одинъ изъ сихъ образцевъ, старается онъ чрезъ продолжительный свой трудъ произ-

весть такойже образецъ въ подражательномъ своемъ произведенiи; переправляетъ оное тысячу разъ; иногда помѣщаетъ въ него чувствiя возвышенной своей души, иногда печать веселаго своего воображенiя и не прежде покидаетъ какъ изобразивъ совершенно верьховное величество въ Юпитерѣ Олимпiйскомъ, или прельщающiя приятности въ Венерѣ Книдской.

Затрудненiе еще остается въ томъ, сказалъ я ему, что сiи истуканы совершенной красоты, о коихъ говоришь, сiи отвлеченныя образованiя, отъ которыхъ истинное простое обогащается истиннымъ умственнымъ, не имѣютъ ничего опредѣленнаго и единообразнаго. Каждый художникъ понимаетъ ихъ иначе и представляетъ ихъ въ чертахъ различныхъ. Слѣдственно не по перемѣнчивымъ симъ размѣрамъ должны мы получать точное понятiе о прекрасномъ по превосходству.

Милаза. Изъ Книда поѣхали мы въ Милазу, и въ одинъ изъ главныхъ городовъ въ Карiи. Она занимаетъ плодороднѣйшую почву. Многiе находятся тамъ храмы, иные весьма древнiе,

и построенные изъ лучшаго мрамора, извлекаемаго изъ ближней каменоломни. Въ вечеру сказалъ намъ Страшоникъ, что онъ хочетъ играть на цитрѣ предъ собравшимся народомъ и нимало не слушалъ увѣщаній нашего хозяина, который разсказывалъ намъ произшествіе, недавно случившееся въ другомъ городѣ сея же области, именуемомъ Язъ. Одинъ игрокъ на цитрѣ началъ играть предъ сбѣжавшимся на позывъ его народомъ, и въ самую ту минуту, когда онъ сталъ распространять все изящество своего искуства, трубный гласъ возвѣстилъ, что насталъ часъ продажи рыбы. Всѣ побѣжали на торжище, кромѣ одного глухаго гражданина. Музыкантъ, подошедъ къ нему, благодарилъ его за вниманіе и поздравлялъ его, что онъ имѣетъ такой хорошій вкусъ. — Развѣ уже трубили? спросилъ его тотъ человѣкъ. Конечно, отвѣчалъ музыкантъ.—Прощай же, побѣгу и я поскорѣе. На другой день Страшоникъ, находясь посреди площади, окруженной священными зданіями и видя, что около его находится весьма малое число слушателей, началъ кричать изо всей силы: о храмы, вы слушайте меня, и, поигравъ нѣсколько минутъ, пошелъ домой. Вотъ

все его мщеніе надъ Греками Карійскими за презрѣніе ихъ къ великимъ дарованіямъ.

Кавнъ. Въ Кавнѣ былъ подверженъ онъ еще большей опасности. Страна сія плодородна, но зной солнечный и изобиліе всякихъ плодовъ причиняли тамъ частыя лихорадки. Мы удивлялись множеству больныхъ, кои были блѣдны, истощены, и едва бродили по улицамъ. Стратонику вздумалось сказать имъ одинъ стихъ изъ Омира, въ которомъ судьба человѣческая уподобляется древеснымъ листьямъ. Сіе происходило осенью, когда листья желтѣютъ. Жители обидѣлись сею шуткою. „Я, отвѣчалъ онъ, не хотѣлъ сказать, что сіе мѣсто нездорово, ибо вижу что и мертвые прогуливаются здѣсь спокойно.„ Надлежало намъ немедленно уѣхать, браня однакожъ Стратоника, который смѣючись разсказывалъ намъ, что нѣкогда въ Коринѳѣ неосторожныя и нескромныя его рѣчи были весьма худо приняты. Одна старуха смотрѣла на него пристально, онъ хотѣлъ узнать тому причину. Вотъ она, отвѣчала старуха: сей городъ не можетъ тебя видѣть ниединаго дня, какъ же мать твоя могла носить тебя въ своей утробѣ десять мѣсяцовъ?

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЯ.

Продолженіе предшедшей главы. Острова Родосъ, Критъ и Косъ. Ипократъ.

Мы отправились на корабль въ Кавнѣ. Приближаясь къ Родосу, Стратоникъ пѣлъ намъ ту прекрасную оду, въ которой Пиндаръ между прочими похвалами сему острову, называетъ его дщерію Венеры и супругою солнца: сіи выраженія относятся можетъ быть къ удовольствіямъ, коими богиня надѣляетъ островъ, и къ тому попеченію, съ какимъ Ѳебъ удостоиваетъ оный непрестанно своимъ присутствіемъ; ибо утверждаютъ, что нѣтъ въ году ниединаго дня, въ который бы онъ не являлся на нѣсколько времени. Родяне почитаютъ его главнымъ своимъ божествомъ, и представляютъ на всѣхъ своихъ монетахъ. Островъ Родосъ.

Родосъ именовался сперва Офіузою, то есть островъ змей. Тако означались и другіе многіе острова, на которыхъ водились сіи пресмыкающіеся, когда люди мѣста сіи заняли. Изъ сего слѣдуетъ общее примѣчаніе: многія страны, при ихъ открытіи, получили

имена свои отъ животныхъ, отъ древесъ, отъ растенiй и цвѣтовъ, кои тамъ въ изобилiи находились. Говорили: я ѣду въ страну перепелокъ, кипарисовъ, лавровыхъ деревъ и проч.

Во времена Омировы островъ Родосъ былъ раздѣленъ между тремя городами Iализомъ, Камиромъ и Линдомъ, кои существуютъ и донынѣ, но ужѐ не въ древнемъ ихъ великолѣпiи. Почти въ наши времена большая часть ихъ жителей, вознамѣрясь поселиться въ одномъ только мѣстѣ для соединенiя своихъ силъ, положили основанiе городу Родосу по начертанiямъ одного Аѳинскаго зодчаго (*). Они перенесли туда и истуканы, прежнiя ихъ жилища украшавшiе, изъ коихъ нѣкоторые суть истинные колоссы.

Новый городъ построенъ былъ на подобiе амѳитеатра на мѣстѣ, покатомъ къ берегу морскому. Его пристани, оружейницы, его весьма высокiя стѣны съ башнями, его домы не изъ кирпича, но изъ дикаго камня состроенные, его храмы, улицы, ѳеат-

(*) Въ первый годъ 93 Олимпiады, въ 408 или въ 407 году прежде Р. Х. Дiодоръ Сицил. кн. 13.

ры, наконецъ все показываетъ величїе и красоту, все являетъ вкусъ такого народа, который любитъ художества и который по своему богатству въ состоянїи производить великїя дѣла.

Страна, народомъ симъ обитаемая, пользуется чистымъ и благорастворенным воздухомъ. Тамъ находятся весьма плодоносныя земли, превосходный виноградъ и вино, прекрасныя дерева, отмѣнный медъ, соляныя варницы, марморныя каменоломни: море, окружающее сей островъ, доставляетъ рыбу въ изобилїи. Всѣ сїи и многїя другїя выгоды побудили говорить стихотворцевъ, что златый дождь низпадаетъ тамъ съ неба.

Промышленность способствовала природѣ еще до времени лѣточисленїя Олимпїядами. Родяне прилежали къ мореплаванїю. Сей островъ по выгодному своему положенїю служитъ пристанищемъ для кораблей, приходящихъ изъ Египта въ Грецїю, или изъ Грецїи въ Египетъ. Родяне по временамъ разселились большею частїю въ тѣхъ мѣстахъ, куда ихъ привлекала торговля. Между многочисленными ихъ поселенїями должно счи-

тать Парөеноп (*) и Салапію въ Италіи, Агригентъ и Гелу въ Сициліи, Родосъ (**) на брегахъ Иверіи при подошвѣ горъ Пиринейскихъ, и проч.

Успѣхи ихъ просвѣщенія ознаменованы произшествіями довольно отличительными. Въ древнѣйшія времена научились они отъ нѣкоторыхъ иностранцевъ извѣстныхъ подъ именемъ Тельхиніянъ искуству, безъ сомнѣнія еще скудному, какъ обработывать металлы. Виновники сего благодѣянія были подозрѣваемы, будтобы они при своихъ работахъ употребляли волшебство. Люди просвѣщеннѣйшіе сообщили имъ потомъ нѣкоторое понятіе о теченіи звѣздъ, и о искуствѣ гаданія. Ихъ называли сынами солнца. Наконецъ мужи превосходнѣйшихъ умовъ покорили ихъ законамъ, кои повсюду славились своею мудростію. Законы, касающіеся до мореплаванія, никогда не престанутъ содержать оное въ цвѣтущемъ состояніи и всегда служить будутъ образцемъ для всѣхъ купечествующихъ народовъ. Родяне отваживаются

(*) Неаполь.
(**) Роза въ Испаніи.

плавать по морямъ и ко всѣмъ берегамъ. Корабли ихъ отличаются своею легкостїю, подчиненность своею строгостїю, а корабленачальники и кормчїе своимъ искуствомъ и знанїемъ. Сїя часть правленїя ввѣрена бдительному попеченїю чиноначальниковъ строгихъ, которые наказали бы смертїю всякаго, кто безъ позволенїя дерзнулъ бы вступить въ нѣкоторыя мѣста ихъ оружейницъ.

Я приведу здѣсь нѣкоторые изъ ихъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ. Чтобъ дѣти не безчестили памяти своихъ родителей, законъ велитъ: „чтобъ они платили „ихъ долги, хотя бы и отъ наслѣдства „отказались.„ Въ Аѳинахъ, естьли кто осужденъ на смерть, то сперва исключаютъ его имя изъ списка гражданъ; и посему не Аѳинянинъ уже сдѣлался преступникомъ, но иностранецъ. Въ такомъ же намѣренїи изданъ былъ и слѣдующїй законъ: „что человѣкоубїйцы должны быть судимы внѣ города.„ Дабы произвесть еще бóльшее омерзенїе къ злодѣйству, то палачу запрещено входить въ городъ.

Верховная власть была всегда въ рукахъ народа; но онъ лишился ея нѣсколько лѣтъ

тому назадъ чрезъ крамолу, которую поддерживалъ Мавзолъ, царь Карїйскїй. Народъ тщетно просилъ помощи у Аѳинянъ. Богачи, утѣсняемые прежде сего народомъ, надзираютъ надъ его пользою и выгодами гораздо съ большимъ попеченїемъ, нежели самъ народъ. По временамъ повелѣваютъ они раздавать народу хлѣбъ, и частные чиновники обязаны были предупреждать всѣ нужды бѣднѣйшихъ людей, а особливо тѣхъ, которые употребляются на корабляхъ или оружейницахъ.

Таковыя уваженїя къ народу утвердятъ олигархїю (*) навсегда, безъ всякаго сомнѣнїя; и доколѣ правила узаконенїя не измѣнятся, то всякой будетъ искать союза съ такимъ народомъ, коего правители отличились совершеннымъ благоразумїемъ, а воины неустрашимымъ мужествомъ. Но сїи союзы не часто заключаемы будутъ. Родяне останутся, колико возможно, въ вооруженномъ неучастїи (неутралитетѣ); они будутъ имѣть корабли, готовые всегда къ защищенїю ихъ

(*) Олигархїя, введенная въ Родосѣ во время Аристотеля, существовала еще и во времена Страбона.

торговли, торговлю для собиранія богатства и богатство для содержанія кораблей.

Законы внушаютъ въ нихъ великую любовь къ вольности. Великолѣпные памятники впечатлѣваютъ въ души ихъ мысли и чувствія возвышенныя. Въ самыхъ ужаснѣйшихъ злоключеніяхъ не покидаютъ они надежды, ни древней простоты праотцевъ своихъ посреди изобилія. Нравы ихъ иногда весьма повреждались; но они столь крѣпко привязаны къ порядку и благопристойности, что таковыя поврежденія были кратковременны. Въ обществахъ показываются они въ одеждахъ смиренныхъ и съ видомъ важнымъ. Никогда не бѣгаютъ они по улицамъ и другъ друга не тѣснятъ и не толкаютъ. При зрѣлищахъ сидятъ они въ молчаніи, а при трапезахъ, гдѣ царствуетъ дружеская довѣренность и веселость, имѣютъ другъ къ другу почтеніе.

Мы проѣхали островъ по восточной его сторонѣ, гдѣ, какъ сказываютъ, жили нѣкогда исполины. Тамъ найдены были кости чрезмѣрной величины. Таковыяже показываемы намъ были и въ другихъ мѣстахъ Греціи. Существовало ли когда таковое племя людей? не знаю.

Въ мѣстечкѣ *Линдѣ*, Храмъ Минервинъ достоинъ примѣчанія не только по глубокой своей древности и по дарамъ, отъ царей сообщаемымъ, но и еще по двумъ предметамъ, наше вниманіе къ себѣ привлекшимъ. Мы тамъ увидѣли золотыми буквами изображенную ту самую оду Пиндарову, которую Стратоникъ предъ нами пѣлъ. Недалеко оттуда находится изображеніе Иракла, писанное Парразіемъ, который въ надписи, помѣщенной внизу картины, увѣряетъ, что онъ представилъ сего бога точно таковымъ, каковымъ видѣлъ его неоднократно во снѣ. Другія произведенія тогоже художника возбудили соревнованіе въ одномъ молодомъ человѣкѣ изъ Кавна, котораго мы знали и который назывался Протогеномъ. Я упоминаю о немъ для того, что судя по первымъ его опытамъ, предвозвѣщали о немъ, что со временемъ онъ съ Парразіемъ сравнится, или еще и превзойдетъ его.

Между учеными людьми, на островѣ Родосскомъ родившимися, упомянемъ сперьва о Клеовулѣ, одномъ изъ мудрецовъ Греческихъ, потомъ о Тимокреонѣ и Анаксандридѣ; они оба были славные писатели комедій. Первый былъ и атлетъ и стихотворецъ, весьма

обжорливъ и весьма злоръчивъ. Въ ѳеатральныхъ своихъ сочиненіяхъ, равномѣрно и въ пѣсняхъ ругалъ онъ безъ милосердія Ѳемистокла и Симонида. По смерти Тимокреона, Симонидъ сочинилъ ему надгробную надпись въ слѣдующихъ словахъ: ,,Я всю жизнь мою только ѣлъ, пилъ и злословилъ весь свѣтъ.,,

Александридъ, будучи позванъ ко двору царя Македонскаго, одною своею комедіею придалъ много блеска празднествамъ, тамо отправляемымъ. Какъ Аѳиняне препоручили ему сочинить дифирамвъ, который должно было пѣть при нѣкоемъ богослужебномъ обрядѣ, то появился онъ на конѣ предъ хоромъ, съ распущенными по плечамъ власами, одѣтый въ багряную ризу, обложенную золотою бахрамою, и стихи свои пѣлъ самъ. Онъ мнилъ, что таковое убранство, при красивомъ его видѣ, заставитъ весь народъ ему удивляться. Тщеславіе его было причиною несноснаго его нрава. Онъ сочинилъ шестьдесятъ пять комедій. Онъ увѣнчанъ былъ десять разъ, но ему не столько лестны были его побѣды, сколько уничижительны его неудачи; и вмѣсто того, чтобъ поправить свои комедіи, неимѣвшія успѣха, онъ отсылалъ

ихъ въ бѣшенствѣ гнѣва своего къ лавочникамъ на обертки.

По симъ примѣрамъ не должно заключать о свойствѣ всего Родосскаго народа. Тимокреонъ и Анаксандридъ жили далеко отъ своего отечества и искали только личной себѣ славы.

Остров Критъ.

Островъ Родосъ гораздо меньше острова Крита. Оба показались мнѣ достойными примѣчанія. Первый возвысился гораздо больше, нежели сколько имѣлъ къ тому способовъ, а другій остался гораздо ниже тѣхъ пособій, кои могъ бы имѣть къ своему возвышенію. Переѣздъ нашъ отъ одного острова къ другому былъ благополученъ. Мы вышли на пристани Кносса, отстоящей отъ сего города на двадесять пять стадій.

Во времена Миноса, Кносъ былъ столицею Острова Крита. Жители его хотятъ усердно удержать сіе преимущество, основывая свои требованія не на своемъ нынѣшнемъ могуществѣ, но на славѣ своихъ предковъ и на правѣ, по ихъ мнѣнію, гораздо еще почтеннѣйшемъ, подъ которымъ они разумѣютъ

гробницу Юпитера, ту славную пещеру, въ которой, какъ они сами говорятъ, онъ былъ погребенъ. Она находится при подошвѣ горы Иды недалеко отъ города; они торопили насъ видѣть сiю пещеру, и Кносянинъ, который насъ благосклонно принялъ въ свой домъ, хотѣлъ непремѣнно туда насъ препроводить.

Мы проходили черезъ площадь; она была наполнена людьми; сказали намъ, что нѣкiй иностранецъ долженствовалъ говорить рѣчь въ честь Критянъ. Мы не дивились сему, ибо мы видѣли во многихъ городахъ Грецiи ораторовъ и софистовъ, сочиняющихъ или говорящихъ предъ людьми похвальныя слова какому либо народу, или ирою, или другому славному лицу. Но коль велико было наше удивленiе, когда иностранецъ появился на ораторскомъ мѣстѣ. То былъ Стратоникъ. На канунѣ согласился онъ въ томъ, не сказавъ намъ ни слова, съ главными градоначальниками, съ которыми онъ въ послѣднемъ своемъ путешествiи познакомился.

Описавъ варварское и невѣжественное состоянiе древнихъ жителей сего острова,

наконецЪ сказалЪ: „Между вами изобрѣтены были всѣ художества; вы-то обогатили оными всю землю. СатурнЪ даровалЪ вамЪ любовь кЪ правосудїю и ту простоту сердца, которою вы отЪ другихЪ отличаетесь. Веста научила васЪ созидать домы, НептунЪ строить корабли, Церера научила васЪ воздѣлывать землю, ВакхЪ разводить винограды, а Минерва оливныя древеса, ЮпитерЪ истребилЪ исполиновЪ, хотѣвшихЪ поработить васЪ. ИраклЪ избавилЪ васЪ отЪ змей, волковЪ и отЪ многихЪ другихЪ зловредныхЪ звѣрей. Всѣ сїи благотворители, благодарностїю вашею вЪ число боговЪ включенные, произошли на свѣтЪ вЪ прекрасной сей странѣ и ничѣмЪ другимЪ теперь не занимаются, какЪ вашимЪ блаженствомЪ.„

НапослѣдокЪ говорилЪ витїя о браняхЪ Миноса, о его побѣдахЪ надЪ Аѳинянами о странныхЪ любовныхЪ приключенїяхЪ Пазифаи, о семЪ чудеснѣйшемЪ еще человѣкѣ, который родился сЪ бычачьею головою и который названЪ былЪ минотавромЪ. СтратоникЪ, собравши вмѣстѣ предавїя самыя противорѣчивыя и сказки самыя нелѣпыя, изобразилЪ ихЪ яко истинны важныя и неопровер-

гаемыя. Изъ сего выходило нѣчто смѣшное и мы опасались, что бы все сїе не обратилось ему въ хулу: но народъ, упоенный похвалами, коими онъ превозносилъ его непрестанно, прерывалъ рѣчь рукоплесканїемъ.

По окончанїи собранїя подошелъ онъ къ намъ. Мы спросили его, не уже ли, вздумавъ смѣяться надъ симъ народомъ, не боялся онъ раздражить его излишними похвалами? Нѣтъ отвѣчалъ онъ: скромность народовъ, такъ какъ и скромность частныхъ людей, есть такая кроткая добродѣтель, что можно безъ всякой опасности оскорблять оную дерзновеннѣйшимъ образомъ.

Путь, ведущїй къ пещерѣ Юпитеровой, весьма прїятенъ. По сторонамъ его стоятъ величественныя деревья; видны прекрасныя луга и кипарисная роща весьма примѣтная по своей высотѣ и красотѣ, роща посвященная богамъ такъ какъ и храмъ, до котораго мы потомъ дошли. При входѣ въ пещеру висятъ многїе обѣтные дары. За рѣдкость показали намъ одинъ черный тополъ, приносящїй плоды ежегодно. Сказывали намъ, что и другїе тогоже рода тополы ростутъ непо-

далеку, при источникѣ Саврѣ. Длина пещеры простирается до двухъ сотъ, а ширина до двадцати футовъ. Внутри пещеры видѣли мы сѣдалище, которое называютъ трономъ Юпитера, а на стѣнахъ сїю надпись, изображенную древними буквами: *Здѣсь гробъ Зина* (*).

Поелику вѣрили, что Юпитеръ въ семъ священномъ подземелїи являлся тѣмъ, кои приходили его вопрошать, то умные люди воспользовались симъ заблужденїемъ на тотъ конецъ, чтобъ просвѣщать или обманывать народы. Говорятъ въ самомъ дѣлѣ, что Миносъ, Эпименидъ и Пиѳагоръ, желая увѣрить, что законы или догматы ихъ утверждены богами, низходили въ пещеру и тамо болѣе или менѣе времени оставались.

Отсюда поѣхали въ Горшинъ, который почитался между главными городами сея страны. Онъ лежитъ при равнинѣ весьма плодоносной. По приѣздѣ нашемъ мы были при томъ,

(*) Зинъ есть то же, что Юпитеръ

какъ судили одного человѣка, обвиняемаго въ прелюбодѣйствѣ. Онъ былъ въ томъ совершенно обличенъ, и поступали съ нимъ какъ съ подлымъ рабомъ своихъ чувствъ. Лишенный преимуществъ гражданина, онъ выведенъ былъ предъ собравшiйся народъ въ повязкѣ, которая почиталася признакомъ роскоши, и былъ осужденъ заплатить великую денежную пеню.

Повели насъ на одинъ холмъ по дорогѣ весьма трудной до отверзтiя нѣкоторой пещеры, коея внутренность представляетъ при каждомъ шагѣ безчисленные обороты и кривизны. Здѣсь-то особливо познаются опасныя слѣдствiя всякаго перваго проступка. Здѣсь-то минутное заблужденiе можетъ лишить жизни неосторожнаго путешественника. Проводники наши, долговременными опытами наученные знать всѣ извивы сихъ темныхъ пустынь, несли предъ нами зазженные свѣточи. Мы слѣдовали по нѣкоторой узкой стезѣ, коея ширина едва позволяла двумъ или тремъ человѣкамъ идти рядомъ, а вышина ея простиралась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ семи до осьми, а въ другихъ только до двухъ или трехъ футовъ. Про-

шедъ или проползши около тысячи двухъ сотъ шаговъ, очутились мы въ двухъ большихъ храминахъ почти круглыхъ, изъ коихъ каждая имѣла въ поперечникѣ двадцать четыре фута. Входа въ нихъ другаго не было, кромѣ того, которымъ мы пришли. Обѣ сїи храмины изсѣчены были въ каменной скалѣ, такъ какъ и часть той стези, по которой мы проходили. Проводники наши утверждали, что сїе пространное подземелїе было точно тотъ славный лавиринѳъ, гдѣ Ѳисей умертвилъ Минотавра, котораго Миносъ въ семъ мѣстѣ содержалъ. Они прибавляли еще, что сперва лавиринѳъ назначенъ былъ вмѣсто темницы для злодѣевъ.

Въ гористыхъ странахъ, недостатокъ въ топографическихъ картахъ принуждалъ насъ часто восходить на какую либо высоту, дабы узнать окружное положенїе мѣстъ. Вершина горы Иды казалась намъ весьма къ тому удобною. Мы снабдили себя съѣстными припасами на нѣсколько дней. Нѣкоторую часть дороги должно ѣхать на лошадяхъ, а другую идти пѣшкомъ. Въѣзжая на гору заходятъ въ пещеры, гдѣ первые жители Крита поселились. На дорогѣ видны были лѣса

дубовые, кленовые и кедровые; мы весьма удивлялись толстотѣ кипарисовъ и высотѣ нѣкоторыхъ другихъ деревъ. Чѣмъ далѣе идешь, тѣмъ дорога становится крутѣе, а страна пустѣе. Мы шли иногда по краямъ безднъ, и къ большей непріятности надлежало сносить скучныя разсужденія нашего хозяина. Онъ сравнивалъ различныя стороны горы иногда съ различными возрастами человѣка, иногда съ опасностями возвышенія людей знатныхъ, иногда съ превратностями счастія. Можете ли вы подумать, сказалъ онъ, что сія ужасная толща горы, которая посреди нашего острова занимаетъ пространство на шесть сотъ стадій въ окружности, которая представляла попеременно нашимъ взорамъ величественныя рощи, долины и луга прелестные, свирѣпыхъ и смирныхъ животныхъ, изобильные источники, протекающіе далеко, и полямъ нашимъ плодородіе доставляющіе? можете ли вы подумать, что она вдругъ оканчивается нѣкоторыми каменными утесами, въ кои безпрестанно вѣтры ударяютъ и кои непрестанно покрыты льдомъ и снѣгомъ.

Критъ должно считать между величайшими изъ извѣстныхъ острововъ. Долгота

его отъ востока къ западу простирается, какъ утверждаютъ, на двѣ тысячи пять сотъ стадій; а широта его посреди острова содержитъ въ себѣ около четырехъ стадій; но по всѣмъ другимъ мѣстамъ гораздо меньше. Съ южной стороны берега его омываются Ливійскимъ моремъ, въ сѣверной Эгейскимъ моремъ, съ восточной приближается онъ къ Азіи, съ западной къ Европѣ. Поверхность его усѣяна горами, изъ коихъ иныя хотя весьма высоки, однакожъ ниже горы Иды; въ западной его части примѣчанія достойны *Бѣлыя горы*, кои составляютъ цѣпь, на триста стадій продолжающуюся.

По берегамъ морскимъ, и во внутренности, богатые луга покрыты многочисленными стадами; равнины, хорошо обработанныя, представляютъ попеременно великое изобиліе хлѣба, вина масла и плодовъ всякаго рода. Островъ производитъ великое множество целѣбныхъ травъ; деревья тамъ весьма крѣпки, кипарисы разводятся тамъ весьма удобно; они ростутъ, какъ говорятъ, и посреди вѣчныхъ снѣговъ *Бѣлыхъ горъ*, которыя отъ того и получили свое названіе.

Критъ былъ весьма многолюденъ во времена Омировы; въ немъ считалось тогда де-

вяносто или сто городовъ. Уменьшилось ли потомъ, или увеличилось сїе число, не знаю. Утверждаютъ, что древнѣйшїе города построены были по сторонамъ горъ и что жители оттолѣ сходили на равнины, когда зимы ихъ были холоднѣе и долговременнѣе. Я уже въ моемъ путешествїи по Ѳессалїи упомянулъ, что въ Ларисѣ жаловались на холодъ, отъ времени до времени увеличивающїйся.

Поелику страна сїя вездѣ гориста и неравна, то ѣзда на лошадяхъ не столько жителямъ извѣстна, какъ пѣшеходство и безпрестанное съ самаго дѣтства употребленїе луковъ и пращей учинило ихъ наилучшими стрѣлками и искуснѣйшими пращниками во всей Грецїи.

Приставать къ острову весьма трудно. Большая часть его пристаней подвержена порывамъ противныхъ вѣтровъ; — но какъ весьма удобно изъ оныхъ выходить въ благопрiятное время, то приготовлялись тамъ разныя отправленїя во всѣ части свѣта. Корабли, отъѣзжающїе отъ мыса ближайшаго къ востоку, приплываютъ только въ три или четыре дня въ Египетъ; нужны имъ толь-

ко десять дней для проѣзда въ Меотическое озеро по Эвксинскому понту.

Положенїе Критянъ посреди извѣстныхъ народовъ, чрезмѣрное ихъ многолюдство и богатство ихъ земли заставляютъ думать, что природа назначала ихъ покорить всю Грецїю въ свое подданство; еще прежде Троянской войны поработили они нѣкоторую часть острововъ на Егейскомъ морѣ лежащихъ, и поселились на нѣкоторыхъ брегахъ Азїи и Европы. При началѣ сея войны восемьдесять ихъ кораблей, подъ управленїемъ Идоменея и Мерїона, стояли при брегахъ Илїона. Вскорѣ послѣ того склонность къ побѣдамъ въ нихъ изчезла и въ сїи последнїя времена замѣнена была другими мыслями, кои оправдать весьма трудно. Во время Ксерксова похода получили они отъ Пифїи отвѣтъ, освобождающїй ихъ отъ помощи Грекамъ; и во время войны Пелопониской, бывъ руководимы не правилами справедливости, но желанїемъ корысти, отпустили къ Аѳинянамъ, по ихъ требыванїю, изъ платы отрядъ стрѣлковъ и пращниковъ.

Сїе было учинено въ противность ихъ законовъ, тѣмъ паче прославляемыхъ, что

отъ нихъ произошли законы еще превосходнѣйшіе. Къ сожалѣнію, мы не можемъ наименовать всѣхъ тѣхъ мужей, которые упражнялись въ семъ великомъ дѣлѣ. Произнесемъ съ почтеніемъ по крайней мѣрѣ имя Радаманта, который въ самыя древнѣйшія времена положилъ основаніе законодательству и имя Миноса, который совершилъ сіе зданіе.

Ликургъ учредилъ употребленіе общественныя трапезы, по примѣру Критянъ, и занялъ у нихъ строгія правила воспитанія всенароднаго, и многія другія статьи, которыя, кажется, утверждаютъ совершенное сходство между его и Критскими законами. Для чего же Критяне скорѣе и постыднѣе отторгнулись отъ своихъ узаконеній, нежели Спартане? Вотъ главныя тому причины, естьли не ошибаюсь:

1е.) Въ странѣ, окруженной морями, отдѣляющими оную отъ сосѣднихъ областей, всякое народное общество должно пожертвовать одною частію своей свободы, чтобъ сохранить другую; и для взаимнаго своего покровительства и обороны, соединять всѣ свои выгоды въ общественное средоточіе.

Спарта, содѣлавшаяся чрезъ храбрость жителей своихъ или чрезъ узаконенія Ликурга, столицею Лаконіи, рѣдко тревожилась возмущеніями въ своихъ округахъ. Но въ Критѣ города Киосъ, Гортина, Сидонія, Фестъ, Ликтосъ и многіе другіе составляютъ столькоже республикъ независимыхъ, завидливыхъ, враждующихъ, и всегда между собою одна противъ другой воюющихъ. Когда произойдетъ разрывъ между Кносомъ и Гортиною, его соперницею; то весь островъ наполняется крамолами: когда же онѣ въ союзѣ, то островъ угрожается рабствомъ.

2) Въ каждой изъ сихъ республикъ начальствуютъ десять верховныхъ судей, называемыхъ Космы (*). На нихъ возложно правленіе области и предводительство надъ войсками. Они совѣтуются съ сенатомъ, и опредѣленія, совокупно съ нимъ установленныя, представляютъ всеобщему собранію народа, который имѣетъ право оныя утвер-

(*) Слово сіе есть Греческое, означающее правителя, и древніе писатели сравниваютъ иногда должность его съ должностію Эфоровъ Лакедемонскихъ.

ждать. Сїе постановленїе содержитъ въ себѣ важнѣйшїй порокъ. Космы выбираются только изъ нѣкоторой степени гражданъ, и какъ по прошествїи годичнаго ихъ начальства имѣютъ они исключительное право занимать праздныя мѣста въ сенатѣ, то и случается, что малое число семействъ, имѣющихъ въ рукахъ своихъ всю власть, отрѣкается повиноваться законамъ и, соединясь между собою, употребляетъ насильственное самовластїе, а пришедъ въ несогласїе, подаетъ поводъ къ ужаснѣйшимъ возмущенїямъ.

3) Законами Ликурговыми предписывается равенство имуществъ между гражданами, и поддерживается оное чрезъ запрещенїе торговли и промышленности. Законы Критскїе позволяютъ всякому умножать свое имѣнїе. Ликурговы законы запрещаютъ всякое сообщенїе съ иностранными народами; сїя превосходная мысль не пришла на умъ законодателямъ Крита, который, будучи открытъ и торгующимъ и путешествующимъ изъ всѣхъ государствъ, получилъ отъ нихъ пагубную страсть къ любостяженїю и вредные примѣры. Кажется, что Ликургъ несравненно правильнѣе утверждался на чистотѣ нравовъ, нежели на

изяществѣ законовъ: чтожъ изъ того послѣдовало? Ни въ какой землѣ законы не были столь много почитаемы начальниками и гражданами, какъ въ Спартѣ. Вѣроятно, что Критскіе законодавцы надѣялись больше пользы отъ законовъ, нежели отъ нравовъ и больше пеклись о наказаніи преступленій, нежели о предупрежденіи оныхъ. Неправосудія въ начальникахъ, развратъ въ частныхъ людяхъ, вотъ что произошло отъ ихъ учрежденій.

Законъ синкретизма, повелѣвающій всѣмъ жителямъ острова соединяться, ежели иностранная сила покусится вступить на ихъ земли, не возможетъ ихъ защитить ни отъ собственныхъ междоусобій, ни отъ оружія неприятелей; ибо сей законъ успокоилъ бы только на время, а не искоренилъ бы взаимной ихъ вражды, и во всеобщемъ союзѣ оставилъ бы въ сердцахъ частныхъ людей многія и различныя пожеланія.

Сказывали намъ о многихъ Критянахъ, отличившихся въ стихотворствѣ или художествахъ. Эпименидъ, хвалившійся, что онъ чрезъ нѣкоторые набожные обряды могъ отвращать гнѣвъ небесный, сдѣлался гораздо

славнѣе Мизона, помѣщеннаго только въ число мудрецовъ.

Во многихъ мѣстахъ Грецїи сохраняются съ почтенїемъ мнимые памятники самой отдаленной древности: въ Херонеѣ скиптръ Агамемноновъ; индѣ палица Ираклова и копье Ахиллова; но я охотнѣе старался открывать остатки древней мудрости въ правилахъ жизни и въ обычаяхъ какого либо народа. Критяне никогда не клянутся именемъ своихъ боговъ. Дабы предостеречь себя отъ опасныхъ слѣдствїй краснорѣчїя, запретили они впускать на островъ учителей витїйственнаго искуства. Хотя стали онѣ нынѣ въ семъ случаѣ снисходительнѣе, однако изъясняются еще съ такоюже краткостїю какъ Спартане, и стараются лучше мыслить, нежели говорить.

Я былъ свидѣтелемъ ссоры, происшедшей между двухъ Кноссїянъ. Одинъ въ сильномъ гнѣвѣ сказалъ другому. „Желаю тебѣ „жить съ худыми людьми!„ и тотчасъ удалился. Увѣдомили меня, что сїи слова значили величайшее проклятїе своему непрїятелю.

Есть люди, кои записывают число дней счастливых и несчастливых: и как они считают долготу своей жизни только по числу дней благополучных, то и приказывают изображать на своих гробницах сїю странную надпись: Здѣсь лежит такой-то: он существовал столько-то лѣт, а жил столько-то.

Один купеческїй корабль и одна галера о трех рядах весл долженствовали немедленно из пристани Кносской ѣхать в Самос. Корабль по причинѣ круглаго своего вида не мог столькоже пути переплывать, как галера, но мы предпочли корабль, ибо он должен был останавляться при тѣх островах, которые мы осмотрѣть хотѣли.

Мы составили общество путешественников, непрестанно быть вмѣстѣ желающих. Иногда проѣзжая близь берега, удивлялись мы чрезмѣрно сходству или различности видов; иногда быв меньше заняты предметами внѣшними, говорили мы с жаром о таких предметах, которые в самом дѣлѣ до нас нимало не касались, иногда проводили мы праздное наше время в разсу-

жденіяхъ о философіи, словесности, и исторіи. Нѣкогда говорили мы, сколько необходимо нужно сообщать другимъ наши сильныя душевныя движенія. Одинъ изъ насъ напомнилъ намъ слѣдующее размышленіе философа Архита: ,,Естьлибъ ты былъ вознесенъ на небеса; ты бы восхищался величіемъ и красотою зрѣлища; но за восхитительнымъ удивленіемъ послѣдовало бы скоро горькое сожалѣніе, что ты не можешь ни съ кѣмъ оныхъ раздѣлить.,, При семъ разговорѣ сдѣлалъ я и другіе нѣкія заключенія. Въ Персіи не позволено говорить о вещахъ, которыхъ не позволено дѣлать. — Старые люди питаются въ жизни больше воспоминаніями прошедшаго, нежели надеждою. Сколь часто возвѣщенное и напередъ хвалимое сочиненіе обманывало всеобщее ожиданіе.

Иногда называли мы безчестнымъ того Аѳинскаго гражданина, который подалъ свой голосъ противъ Аристида для того, что называли его справедливымъ, и что онъ наскучилъ слышать сіе непрестанно. Я чувствую, отвѣчалъ Протозелай, что я будучи не въ веселомъ духѣ сдѣлалъ бы тоже самое, какъ и сей Аѳинянинъ; но прежде сказалъ бы я

во всеобщемъ собраніи: Аристидъ справедливъ; я столькоже справедливъ, какъ онъ; другіе столькоже справедливы, какъ я; какое право имѣете вы придать ему исключительно титло благороднѣйшее изъ всѣхъ награжденій? Вы напрасно приписываете столь чрезвычайныя похвалы; онѣ служатъ только къ развращенію добродѣтелей явныхъ, и къ униженію добродѣтелей сокровенныхъ. Я почитаю Аристида, и его осуждаю не для того, чтобъ онъ казался мнѣ виновнымъ, но для того, что унижая меня чрезмѣрно, вы принудили меня быть несправедливымъ.

Потомъ зашла рѣчь о Тимонѣ, прозванномъ Мизантропомъ (нелюдимомъ), коего исторія имѣетъ нѣкоторую связь съ исторіею нравовъ. Никто изъ сотоварищей нашихъ не зналъ его. Всѣ объ немъ слышали отъ отцевъ своихъ, кои различно о немъ разсказывали Одни изображали его весьма выгодно, другіе описывали его черными красками. Во время сихъ противорѣчій представленъ былъ обвинительный доносъ, подобный тѣмъ, каковые подаются въ судилищахъ Аѳинскихъ. Онъ состоялъ въ слѣдующихъ изрѣченіяхъ: Стратоникъ обвиняетъ Тимона въ томъ, что онъ ненавидѣлъ всѣхъ людей; пусть полу-

читъ онъ въ наказаніе ненависть всѣхъ людей. „Жалоба была принята и Филотъ назначенъ защитникомъ Тимона. Я представлю здѣсь сокращенно доводы, съ обѣихъ сторонъ употребленные.

Я доношу вамъ, сказалъ Спрашоникъ, на человѣка свойства звѣрскаго и вѣроломнаго. Тимонъ имѣлъ, какъ утверждаетъ, нѣкоторыхъ друзей къ благодѣяніямъ его неблагодарныхъ, и за то началъ онъ мстить всему человѣческому роду. Онъ оказывалъ непрестанно сіе мщеніе противъ предприятій правительства, противъ дѣяній частныхъ людей. Онъ видѣлъ на землѣ одни только обманы и злодѣйства, какъ будто всѣ добродѣтели долженствовали съ нимъ исчезнуть: и съ сего времени гнушался онъ учтивостію Аѳинянъ. Презрѣніе ихъ было ему гораздо лестнѣе ихъ почтенія. Аристофанъ, коротко его знавшій, представляетъ намъ его какъ человѣка окруженнаго колючимъ терніемъ, къ которому приближиться не можно; Аристофанъ прибавлялъ еще, что всѣ люди его ругали и почитали порожденіемъ Фурій.

Сего еще недовольно: онъ измѣнникъ своего отечества: вотъ тому доказательство.

Алкивїаду удалось всеобщее собранїе довесть къ тому, что оно вредныя государству положенїя утвердило: „Прекрасно сынъ мой, сказалъ ему Тимонъ: поздравляю тебя съ успѣхомъ; продолжай, и губи республику.„ Какая мерзость! Кто осмѣлится защищать такого человѣка!

На меня возложена сїя должность, отвѣчалъ Филотъ и я тотчасъ ее исполню. Примѣтимъ сперва, какое дѣйствїе произвели слова Тимоновы надъ многими сопровождавшими Алкивїада Аѳинянами. Правда, нѣкоторые бранили его чрезмѣрно; другїе надъ нимъ только смѣялись; а просвѣщеннѣйшїе изъ нихъ поражены были словами его, какъ внезапнымъ свѣтомъ; итакъ Тимонъ предвидѣлъ опасность отечества, предсказывалъ объ оной и никто его не слушалъ. Чтобъ очернить его еще больше, ты упомянулъ объ Аристофанѣ; но того ты не примѣтилъ, что свидѣтельство его совершенно оправдываетъ обвиняемаго. „Сей Тимонъ, такъ говоритъ стихотворецъ, сей гнусный человѣкъ и выродокъ фурїй, который извергалъ непрестанно проклятїя противъ беззаконниковъ — слышишь ли Стратоникъ? Тимонъ былъ

виновенъ только въ томъ, что онъ поносилъ людей развратныхъ.

Онъ появился въ то время, когда древнїе нравы боролись еще со страстями, на искорененїе ихъ устремившимися. Страшное время для государства! Тогда-то въ мягкихъ и покой свой любящихъ сердцахъ добродѣтель ослабѣваетъ и примѣняется къ обстоятельствамъ, а въ сердцахъ мужественныхъ усугубляетъ свою строгость и становится иногда, ради негибкой своей твердости, ненавистною. Тимонъ къ великому своему разуму и честности присоединялъ еще и свѣтъ философїи; но онъ былъ раздраженъ можетъ быть несчастїемъ, а можетъ быть и быстрыми успѣхами развращенїя, такъ посему и оказывалъ онъ въ рѣчахъ и въ поступкахъ своихъ ту досаду, которая всѣхъ людей отъ него отвратила. Онъ защищалъ тоже дѣло, какое и Сократъ, жившїй въ его время, и Дїогенъ, имѣвшїй съ нимъ великое во мнѣнїяхъ сходство. Судьба ихъ зависѣла отъ различнаго рода нападенїя на непрїятелей. Дїогенъ сражается съ пороками употребляя осмѣянїе, и мы смѣемся съ нимъ. Сократъ нападаетъ на пороки съ оружїемъ разума, и сїе стоитъ ему жизни. Тимонъ

на пороки негодуетъ и досадуетъ, и потому преставъ быть опаснымъ, прозванъ былъ нелюдимомъ, или человѣконенавидцемъ; новое сїе въ то время изрѣченїе совершенно лишило его всякаго уваженїя отъ народа и, можетъ быть, останется презрѣннымъ и въ потомствѣ.

Я не могу вѣрить, чтобъ Тимонъ весь человѣческїй родъ ненавидѣлъ. Онъ любилъ женщинъ. Нѣтъ, прервалъ вдругъ Стратоникъ, онъ не зналъ любви, ибо не зналъ дружбы. Вспомни оскорбительный отвѣтъ тому Аѳинянину, котораго онъ повидимому любилъ и который, бывъ съ нимъ за столомъ наединѣ, вскричалъ: ,, О Тимонъ! какой прiятный ужинъ!,, Такъ, отвѣчалъ грубый Тимонъ, ежелибъ тебя тутъ не было.

Можетъ быть, сказалъ Филотъ, это была шутка, обстоятельствами приведенная. Не суди о Тимонѣ по слабымъ слухамъ, непрiятелями его утверждаемымъ, но суди о немъ по тѣмъ сердечнымъ чувствїямъ, которыя негодующая его добродѣтель произносить принуждала, коея странность никогда не можетъ быть противна просвѣщеннымъ людямъ; ибо въ человѣкѣ, котораго любовь къ обще-

ственному благу увлекаетъ далеко, и самые порывы досады примѣчанія достойны потому, что онѣ вскрываютъ все свойство души его. Нѣкогда взошелъ онъ на ораторское мѣсто. Народъ, удивленный симъ внезапнымъ явленіемъ, хранилъ глубокое молчаніе. „Аѳиняне! сказалъ онъ, я имѣю маленькую землицу, на которой хочу строиться. Тамъ ростетъ смоковница, которую долженъ я вырыть. Многіе граждане на ней повѣсились; ежели у кого изъ васъ есть охота тоже сдѣлать; то возвѣщаю ему, что ненадобно терять ни минуты.„

Стратоникъ, не знавшій сего произшествія, былъ столько онымъ доволенъ, что отступился отъ своего доноса. Однакожъ собраны были голоса, и опредѣлено: что Тимонъ огорчительнымъ своимъ усердіемъ потерялъ случай способствовать къ сохраненію нравственности; что однакожъ строгая добродѣтель меньше опасна, нежели подлое и льстивое снизхожденіе; и что ежели бы большая часть Аѳинянъ имѣла къ злодѣямъ тоже отвращеніе, какое имѣлъ Тимонъ; то республика существовала бы еще въ прежнемъ цвѣтущемъ состояніи.

Послѣ сего суда удивлялись тому, что Греки не воздвигли храма Дружбѣ; а я боль-

ше удивляюсь тому, сказалъ Лисисъ, что они не посвятили никакого храма Амуру. Какъ! нѣтъ ни единаго празднества, ни единаго жертвоприношенїя въ честь древнѣйшаго и прекраснѣйшаго божка! Теперь-то открылось неизмѣримое для разговоровъ поприще, по которому многократно мы пробѣгали. О свойствѣ Амура упомянуты были всѣ древнїя преданїя и всѣ мнѣнїя нынѣшнихъ временъ. Нѣкоторые признавали только одного Амура, другїе многихъ; а иные допущали только двухъ, одного небеснаго и чистаго, другаго земнаго и грубаго. Страшоникъ началъ было объяснять свою мысль далѣе, какъ вдругъ объятъ былъ ужасомъ смертельнымъ. Вѣтръ свирѣпствовалъ чрезмѣрно: кормчїй нашъ истощевалъ напрасно всѣ хитрости своего искуства. Лисисъ, котораго Страшоникъ непрестанно безпокоилъ вопросами, употребилъ сїю страшную минуту въ пользу, и самъ его спросилъ: на какихъ корабляхъ безопаснѣе по морю ѣздить, на круглыхъ или длинныхъ? На тѣхъ, отвѣчалъ онъ, кои на землѣ стоятъ. Желанїе его скоро исполнилось; жестокїй вѣтръ бросилъ насъ въ пристань Косскую. Мы соскочили на берегъ, а корабль встащенъ былъ на землю.

Островъ сей малъ, но весьма пріятенъ, кромѣ нѣкоторыхъ горъ, защищающихъ его отъ порывистыхъ южныхъ вѣтровъ. Земля вездѣ равна и весьма плодоносна. Какъ землетрясеніе разрушило нѣкую часть древняго города, и какъ жители потомъ чрезъ разныя крамолы пришли въ великое несогласіе, то большая часть оныхъ переселилась, нѣсколько тому лѣтъ, на мысѣ, отстоящемъ отъ матерой земли Азіи на сорокъ стадій. Ничто не можетъ быть столь богато прекрасными видами, какъ сіе мѣстоположеніе; ничто столь великолѣпно, какъ пристань, стѣны и внутренность новаго сего города. Славный храмъ Эскулапія, стоящій въ предмѣстіи, весь покрытъ обѣтными дарами, принесенными въ дань отъ благодарности болящихъ, и надписями, показующими болѣзни, коими они страдали, и лѣкарства, которыми исцѣлялись. Островъ Косъ.

Благороднѣйшій предметъ привлекъ на себя наше вниманіе. На семъ-то островѣ родился Иппократъ въ первомъ годѣ осмидесятой Олимпіады (*). Онъ былъ изъ дома Асклипіадовъ, который чрезъ многія столѣтія наблюдаетъ ученіе Эскулапія, къ ко- Иппократъ.

(*) За 1460 лѣтъ до Р. Х.

торому и относитъ свое произхожденіе, яко къ первоначальному праотцу. Семейство сіе учредило три училища: первое въ Родосѣ, второе въ Книдѣ, и третіе въ Косѣ. Иппократъ получилъ отъ отца своего Ираклида первыя начала въ наукахъ; но вскорѣ удостовѣрясь, что для познанія сущности каждаго тѣла въ особенности, должно восходить до первобытныхъ началъ, устроившихъ вселенную, прилѣжалъ онъ столь много ко всеобщей физикѣ, что между всѣми, кои наиболѣе въ оной отличились, можетъ занимать почтенное мѣсто.

Только два рода людей пеклись тогда о пользѣ врачебной науки, которые, трудясь усердно и не зная другъ о другѣ, приготовляли торжество преславное. Съ одной стороны философы не могли заняться всеобщею системою природы, не воззрѣвъ съ нѣкоторымъ примѣчаніемъ на человѣческое тѣло и не назначивъ нѣкоторыхъ причинъ перемѣнамъ, часто съ нимъ случающимся. Съ другой стороны потомки Эскулапіевы поступали при болѣзняхъ по правиламъ, утвержденнымъ и оправданнымъ многочисленными излѣченіями; и ихъ три училища, какъ будто соревнуя одно другому, прославились мно-

тими преизящными открытіями. Философы разговаривали, Асклипіады дѣйствовали. Иппократъ, обогащенный познаніями и тѣхъ и другихъ, предприялъ привесть въ исполненіе одну изъ тѣхъ великихъ и важныхъ мыслей, которыя составляютъ эпоху въ исторіи человѣческаго разума, мысль именно такую, чтобъ опытность просвѣтить умственными разсужденіями и заключеніями, а ѳеорію исправить практикою. Въ сей ѳеоріи однакожъ допустилъ онъ только начала, относящіяся къ различнымъ явленіямъ, кои представляетъ человѣческое тѣло, въ болѣзненномъ или здоровомъ своемъ состояніи.

Съ помощію таковыхъ правилъ искуство, возвысившееся въ достоинство науки, начало шествовать гораздо надежнѣе по пути, недавно проложенному. Иппократъ окончилъ спокойно такой оборотъ, который доставилъ врачебной наукѣ совершенно иное образованіе. Не остановлюсь не на счастливыхъ опытахъ новыхъ его лѣкарствъ, ни на чудесахъ, ими произведенныхъ во всѣхъ мѣстахъ, кои онъ удостоилъ своимъ присутствіемъ а наипаче въ Ѳессаліи, гдѣ по многовременномъ пребываніи и умеръ не за долго пред

моимъ приѣздомъ въ Грецію. Но скажу только, что не любовь къ прибытку и не славолюбіе заставили его жить въ отдаленныхъ странахъ. Изъ всего объ немъ мнѣ сказаннаго увидѣлъ я въ душѣ его одно чувствіе; любовь ко благу: а въ теченіи долговременной его жизни одно дѣйствіе; облегченіе больнымъ.

Онъ оставилъ по себѣ многія сочиненія. Одни составляютъ дневныя его записки о болѣзняхъ, на кои онъ дѣлалъ примѣчанія; другія содержатъ послѣдствія опытовъ, какъ его, такъ и предшедшихъ вѣковъ; иныя наконецъ описываютъ должности врача и различныя части врачебныя науки или физики. Всѣ сіи сочиненія требуютъ глубокаго размышленія и вниманія; ибо сочинитель часто разбрасываетъ въ нихъ одни только сѣмена своего ученія; употребляетъ слогъ всегда сжатый и короткій; но въ малыхъ словахъ высказываетъ много вещей; никогда не удаляется отъ своей цѣли и на пути, по которому онъ бѣжитъ, оставляетъ свѣтоносныя черты больше или меньше видимыя, смотря по читателю, больше или меньше просвѣщенному. Таковъ былъ обравъ писанія у древнихъ любомудрцевъ; они старались больше издавать

мысли новыя, нежели описывать продолжительно мысли обыкновенныя.

Великаго сего мужа изображают его писанія. Чрезвычайно трогает то чистосердечіе, с которым он отдает отчет в своих неудачах и ошибках. Здѣсь читаешь росписи больным, которых он лечил во время заразительной болѣзни, и которых большая часть умерла на его руках. Там видишь его при Ѳессалїянинѣ, пораженном в голову камнем. Иппократ не догадался сначала, что надобно было приступить к сверленію черепа; опасные признаки увѣдомили его наконец об ошибкѣ. Сверленіе произведено было в пятнадцатый день, но больный назавтра умер. От него самаго имѣем мы сіе признаніе. Быв выше всякаго рода самолюбія, он сам хотѣл, чтоб его ошибки служили другим в наставленіе.

Недоволен быв тѣм, что посвятил всю жизнь свою на облегченіе несчастных, что изложил в сочиненіях своих истинныя начала созданной им науки, оставил он еще в наставленіе врачам правила, о которых подам здѣсь нѣкое понятіе.

Жизнь наша столь кратка, а искуство, въ коемъ упражняемся, требуетъ столь долговременнаго ученія, что необходимо нужно съ самой нѣжной юности начать къ тому приучаться.

Хочешь ли образовать ученика? — удостовѣрься не спѣша, имѣетъ ли онъ къ тому способность. — Получилъ ли онъ отъ природы разсмотрѣніе отмѣнное и острое, разсужденіе здравое, свойство смѣшенное съ кротостію и твердостію духа, охоту къ трудамъ и склонность къ дѣламъ честнымъ? - Возъимѣй надежду. — Сострадаетъ ли онъ, когда другіе страждутъ? Имѣетъ ли чувствительную душу? Любитъ ли онъ соболѣзновать о бѣдствіяхъ человѣчества? — Заключай изъ того, что онъ конечно пристрастится къ тому искуству, которое научаетъ помогать человѣчеству.

Приобучай заранѣе руки его къ производствамъ хирургическимъ, кромѣ вырѣзыванія камня; сіе должно оставить искусникамъ въ томъ художествѣ. Заставь его пройти мало по малу весь кругъ наукъ; пусть физика докажетъ ему вліяніе и дѣйствіе воздуха надъ тѣломъ человѣческимъ, и естьли

для размноженія своихъ познаній, разсудитъ за благо путешествовать по разнымъ городамъ, совѣтуй ему наблюдать въ самой точности положеніе мѣстъ, перемѣны воздуха, воды, какія тамъ пьютъ, какою пищею тамъ питаются, однимъ словомъ всѣ причины, которыя приводятъ въ безпорядокъ человѣческое здоровье.

Покажи ему между тѣмъ, по какимъ предварительнымъ знакамъ узнаются болѣзни; какимъ образомъ житія можно отъ оныхъ избѣжать; какими лѣкарствами должно оныя вылѣчивать.

Когда онъ наставленъ будетъ въ твоихъ учебныхъ правилахъ, которыя ты въ опредѣленныхъ засѣданіяхъ ясно ему открылъ и привелъ оныя въ опредѣленія и изрѣченія короткія и способныя оставаться на всегда въ памяти; то долженъ ты его увѣдомить, что опытность единая не столь опасна, какъ ѳеорія безъ всякой опытности; что должно всегда присоединять всеобщія начала къ частнымъ случаямъ, которые перемѣняясь безпрестанно, часто приводили врачей въ заблужденіе обманчивыми своими сходствами; что не въ обык-

новенныхъ училищахъ, не въ сочиненїяхъ философовъ и практиковъ должно научаться искуству вопрошать природу и труднѣйшему еще искуству ожидать ея отвѣта. Онъ не знаетъ еще сея природы; донынѣ обозрѣвалъ онъ ее только въ той полной силѣ, съ которою приводитъ она все безпрепятственно къ предположенной цѣли. Препроводи его теперь въ тѣ жилища болѣзни и страданїя, гдѣ сїя природа покрывается уже тѣнїю смерти, не можетъ уже противиться жестокимъ нападенїямъ врага сего, упадаетъ, возстаетъ, чтобъ упасть паки, и внимательному оку предъявляетъ и свои нужды и свои пособїя. Пусть твой ученикъ, устрашенный свидѣтель сея борьбы, примѣчаетъ прилѣжно, какъ ты высмотришь и воспользуешся тою минутою, которая одержитъ побѣду и доставитъ жизнь больному. Естьли ты на нѣсколько времени оставишь поле сраженїя, вели ученику тамо остаться, примѣчать все, и отдать себѣ потомъ отчетъ и о случившихся въ твое отсутствїе перемѣнахъ, и объ образѣ, какъ онъ надѣялся пособить онымъ.

Принудивъ его присутствовать часто при сихъ страшныхъ и поучительныхъ зрѣ-

лицахъ, вводи его, сколько возможно, въ сокровенныя таинства природы и науки. Но сего еще недовольно. Когда за малую плату ты принялъ его въ ученики свои, тогда онъ клялся сохранять въ своихъ нравахъ и должностяхъ чистоту неизмѣнную. Онъ обязанъ сїе исполнять, и тѣмъ однимъ не довольствоваться, что онъ учинилъ клятву. Безъ добродѣтелей, состоянїю его нужныхъ, никогда не будетъ онъ способенъ къ исполненїю должностей своихъ. Какїяже суть сїи добродѣтели? Я не исключаю почти ниодной, ибо званїе его столь почтенно, что требуетъ почти всѣхъ качествъ разума и сердца. Въ самомъ дѣлѣ, естьлибъ не были мы надежны въ его скромности и благоразумїи, то какой отецъ семейства не побоялся бы, призвавъ его къ себѣ, ввести въ свой домъ или соглядатая, или пронырщика, или соблазнителя, могущаго развратить жену и дочерей его? Какъ полагаться на его человѣколюбїе, ежели онъ приступаетъ къ своимъ больнымъ съ отвратительною веселостїю или съ грубою и мрачною суровостїю; какъ полагаться на его твердость, ежели изъ рабской лести щадитъ ихъ непокорство и прихотямъ ихъ уступаетъ; на его благоразумїе, когда онъ безпрестанно занимает-

ся своимъ убранствомъ, всегда опрысканъ духами, когда онъ переѣзжаетъ изъ города въ городъ, чтобъ тамо провозглашать въ почесть своего искуства похвальныя рѣчи, подкрѣпленныя свидѣтельствомъ стихотворцевъ; какъ полагаться на его знанїе, когда сверхъ всеобщей справедливости, которое честный человѣкъ наблюдаетъ въ разсужденїи всѣхъ людей, не имѣетъ еще онъ и той справедливости, которую мудрецъ употребляетъ надъ самимъ собою, и которая научаетъ его, что посреди величайшаго знанїя находится еще больше недостатка, нежели изобилїя; какъ полагаться на его благонамѣренность, когда владѣетъ имъ безумная гордость и та низкая зависть, которой превосходный мужъ никогда не бываетъ причастенъ; когда онъ, презирая всякое къ человѣчеству уваженїе, ради своего обогащенїя, посвящаетъ себя единственно на службу людямъ богатымъ; когда, по введенному обычаю, что бъ назначать плату при началѣ болѣзни, настоитъ онъ съ упрямствомъ на окончанїе договора, хотя больной отъ минуты до минуты въ худшее состоянїе приходитъ?

Таковые пороки и недостатки означаютъ наипаче сихъ незнающихъ и высокомѣр-

ныхъ людей, коими Грецїя исполнена, и кои безчестятъ благороднѣйшее искуство, когда они торгуютъ жизнїю и смертїю человѣческою; обманщики сїи тѣмъ опаснѣе, что законы не могутъ ихъ наказывать, и что безчестїе не можетъ ихъ унизить.

Какойже врачъ приноситъ честь своему искуству? Тотъ, который заслужилъ отъ всѣхъ людей почтенїе глубокимъ своимъ знанїемъ, долговременною опытностїю, испытанною честностїю, и безпорочною жизнїю; тотъ, для котораго всѣ несчастные равны, какъ равны всѣ человѣки предъ Богомъ; который съ поспѣшностїю прибѣгаетъ на ихъ позывъ и, не наблюдая лицеприятїя, говоритъ съ ними съ кротостїю, слушаетъ ихъ со вниманїемъ, сноситъ ихъ нетерпѣнїе и вперяетъ въ нихъ ту довѣренность, которая иногда возвращаетъ имъ жизнь; тотъ, который приявъ сердечное участїе въ ихъ болѣзняхъ, высматриваетъ прилѣжно причину и распространенїе оныхъ, никогда не возмущается непредвидимыми случаями, и въ нуждѣ считаетъ должностїю призвать на помощь нѣкоторыхъ своихъ сотоварищей, чтобъ просвѣтиться ихъ совѣтами; тотъ наконецъ, который всѣми своими силами борется съ болѣзнїю, по-

читаетъ себя счастливымъ, когда оную изцѣляетъ, не хвалится своими успѣхами и можетъ по крайней мѣрѣ при неудачныхъ приключеніяхъ порадоваться, что онъ уменьшалъ страданіе и доставлялъ утѣшеніе.

Таковъ долженъ быть врачъ любомудрый, котораго Иппократъ уподобилъ божеству, не примѣчая того, что онъ изображалъ оное въ самомъ себѣ. Люди, изяществомъ своего достоинства отличившіеся, признавая превосходство Иппократово, часто удостовѣряли меня, что врачи будутъ его почитать всегда первымъ и искуснѣйшимъ своимъ законодателемъ, и что ученіе его, принятое отъ всѣхъ народовъ, производить еще станетъ тысячи излѣченій и послѣ тысячи лѣтъ. Естьли предсказаніе сбудется, то наипространнѣйшія государства не возмогутъ отнять у маленькаго острова Коса той славы, что онъ произвелъ мужа полезнѣйшаго для всего человѣчества; а въ очахъ мудрецовъ имена славнѣйшихъ завоевателей унизятся предъ именемъ Иппократа.

Посѣтивъ нѣкоторые острова, лежащіе въ окрестности Коса, поѣхали мы въ Самосъ.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Описаніе Самоса. Поликратъ.

Когда придешь на Самосскую рейду, то увидишь на правой сторонѣ гору Нептунову, а на оной храмъ, посвященный сему богу. На лѣвой, храмъ Юнонинъ, и многія прекрасныя зданія, разсѣянныя между деревъ, коими берега Имбраса осѣняются. Впереди прямо виденъ городъ, расположенный частію вдоль по берегу моря, а частію по скату горы, возвышающейся на сѣверной сторонѣ.

Островъ содержитъ шесть сотъ стадій въ окружности. Изключая вино, произведенія тамошней земли столькоже превосходны, какъ курапатки и разные роды дичи, водящейся тамъ въ великомъ множествѣ. Горы, покрытыя древесами и вѣчною зеленью, источаютъ изъ подошвъ своихъ ключи, доставляющіе окрестнымъ полямъ плодородіе.

Городъ отличается между всѣми тѣми, въ которыхъ Греки и Варвары недалеко оттуда на матерой землѣ обитаютъ. Жите-

ли съ великимъ усердїемъ старались показывать намъ свои достопамятности. Водопроводъ, плотина и храмъ Юноны обратили на себя наше вниманїе.

Недалеко отъ городскихъ валовъ къ северу, находится пещера, руками человеческими изсеченная въ горе, на сквозь прорытой. Длина сея пещеры простирается на семь стадїй; высота ея и широта на восемь футовъ. Во всемъ ея протяженїи выкопанъ водопроводъ шириною въ три фута, глубиною въ двадцать локтей; трубы, изъ сего водопровода сделанныя, доставляютъ Самосу воду изъ обильнаго источника, за сею горою протекающаго.

Плотина защищаетъ и пристань и корабли отъ полуденныхъ ветровъ. Вышина ея двадцать оргїй, длина ея больше двухъ стадїй.

По правую сторону города, въ предместїи, существуетъ храмъ Юнонинъ, построенный, какъ утверждаютъ, не за долго до войны Троянской, перестроенный въ сїе последнее время зодчимъ Рекомъ. Сей храмъ Дорическаго чина. Я не видывалъ столь пространнаго хра-

ма; но превосходящїе его въ красотѣ извѣстны. Онъ стоитъ недалеко отъ моря, на брегахъ Имбраса, въ томъ самомъ мѣстѣ, которое богиня удостоила первыми своими взорами. Въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что она родилась подъ однимъ изъ тѣхъ кустарниковъ, именуемыхъ Агновы вѣтви (Agnus castus), которыхъ великое множество ростетъ при брегахъ сея рѣки. Зданїе сїе, столь славное, столь почтенное, пользовалось всегда правомъ убѣжища.

Въ истуканѣ Юноны видны начальные опыты ваянїя. Сей истуканъ есть работы Смилиса, одного изъ древнѣйшихъ художниковъ въ Грецїи. Жрецъ, провождавшїй насъ, сказалъ, что жители Самосскїе покланялись прежде въ семъ святилищѣ простому бревну, что боги тогда представляемы были повсюду въ видѣ пней или камней четвероугольныхъ или кругообразныхъ, что сїи грубыя образины существуютъ во многихъ древнихъ и новѣйшихъ храмахъ, при коихъ служатъ жрецы столькоже несмысленные, какъ и тѣ варвары Скифы, кои покланяются мечу.

Хотя сїе сравненїе меня огорчило, однако я съ кротостїю представилъ ему, что пни

и камни никогда не были непосредственнымъ предметомъ богопочитанія, но служили только произвольными знаками, при которыхъ собирался народъ для принесенія божеству своихъ молитвъ. Сего недовольно отвѣчалъ онъ; надобно, чтобъ божество являлось въ тѣлѣ подобномъ нашему, и превосходнѣйшими чертами изображенномъ. Посмотри, съ какимъ благоговѣніемъ покланяются истуканамъ Юпитера Олимпійскаго и Минервы Аѳинской. Сему причина та, сказалъ я, что они покрыты золотомъ и слоновою костью. Дѣлая боговъ по образу нашему, вмѣсто того, чтобъ возвышать умъ народа, вы старались только поражать его чувства; отъ чего и происходитъ, что благочестіе его возрастаетъ только по мѣрѣ великости, красоты и богатства истукановъ, для почитанія ему выставляемыхъ. Ежели ты украсишь твою Юнону, то какъ бы ни дурно было ея изображеніе, увидишь, что обѣтные дары тотчасъ умножатся.

Жрецъ въ томъ согласился. Мы спросили у него, что значатъ два мѣдные павлина при ногахъ богини? Онъ отвѣчалъ, что сіи птицы во множествѣ водятся въ Само-

сѣ, что онѣ посвящены Юнонѣ, что онѣ представляются на монетахъ и что съ сего острова разведены онѣ по всей Грецiи. Мы спросили: къ чему потребенъ ящикъ, въ которомъ ростетъ сей кустарникъ? Кустарникъ сей, сказалъ онъ, есть тотъ кустъ Агновыхъ вѣтвей, подъ которымъ родилась богиня. Онъ еще сохраняетъ всю свою силу, и по сiе время свѣжъ. Не смотря на то, что онъ старѣе маслины Аѳинской, пальмы Делосской, дуба Додонскаго, дикой маслины Олимпiйской, явора, который посадилъ Агамемнонъ своими руками въ Дельфахъ и всѣхъ тѣхъ священныхъ древъ, которыя въ разныхъ храмахъ сохраняются чрезъ столь многiя столѣтiя.

На вопросъ нашъ: для чего богиня облечена въ брачную одежду; для того отвѣчалъ жрецъ, что въ Самосѣ вступила она въ бракъ съ Юпитеромъ. Сiе ясно доказывается тѣмъ, что мы празднуемъ ежегодно день ихъ бракосочетанiя. Празднуютъ также сей день, сказалъ Стратоникъ, въ городѣ Кноссѣ, что въ Критѣ, и жрецы увѣряли меня, что бракъ сей совершился на брегахъ рѣки Ѳерона. Увѣдомляю тебя еще, что жрицы Аргосскiя отнимаютъ честь у твоего острова и утверж-

даютъ, что богиня родилась не въ Самосѣ, такъ какъ другія области спорятъ о томъ, которая изъ нихъ служила Юпитеру колыбелію. Я былъ бы въ недоумѣніи, ежелибъ захотѣлъ воспѣвать на моей лирѣ или рожденіе или бракъ ихъ. Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ жрецъ, ты бы сообразовался съ преданіями той земли; извѣстно, что стихотворцы не столь разборчивы. Однако, прервалъ я, служители олтарей долженствовали бы имѣть гораздо больше осмотрительности. Принимать мнѣнія ложныя и несообразныя есть недостатокъ въ просвѣщеніи; принимать мнѣнія противорѣчущія и несвязныя есть порокъ логическій; и тогда не должно упрекать Скифовъ, что они мечу покланяются.

Ты мнѣ кажешся человѣкомъ умнымъ, почему открою тебѣ наше таинство. Когда мы говоримъ о рожденіи боговъ, то чрезъ оное разумѣемъ то время, въ которое какая либо страна начала имъ покланяться, а чрезъ бракъ ихъ разумѣемъ то время, въ которое поклоненіе одному соединено было съ поклоненіемъ другому. А что разумѣете вы чрезъ ихъ смерть? сказалъ ему Стратоникъ, ибо я видѣлъ гробъ Юпитеровъ въ Критѣ? Мы

имѣемъ на сїе другое рѣшенїе, отвѣчалъ жрецъ, боги являются иногда смертнымъ въ человѣческомъ видѣ и, проживъ нѣкоторое время съ ними для наученїя ихъ, скрываются и возвращаются на небеса. Преимущественно низходили они прежде сего въ Критъ, а оттуда странствовали они по всей землѣ. Мы хотѣли нѣчто на сїе сказать, но онъ, послѣдуя благоразумїю, отъ насъ удалился.

Осмотрѣвъ потомъ великое множество истукановъ, коими храмъ окруженъ, смотрѣли съ удивленїемъ на три преогромные истукана, сдѣланные славнымъ Мирономъ. Они стоятъ на одномъ подножїи, и представляютъ Юпитера, Минерву, и Иракла. Мы видѣли Аполлона, произведеннаго Телеклесомъ и Ѳеодоромъ. Сїи два художника, получившїе правила своего искусства въ Египтѣ, научились отъ наставниковъ своихъ трудиться совокупно надъ единымъ дѣломъ. Первый жилъ въ Самосѣ, другїй въ Ефесѣ. Согласившись въ размѣрѣ, каковый долженствовалъ имѣть представляемый истуканъ, одинъ обработывалъ верхнюю его часть, а другой нижнюю, и когда обѣ части вмѣстѣ сносились, то соединялись столь точно и равно,

что казалось какъ будто одною рукою дѣланы были. Надобно однакожъ признаться, что истуканное искуство не имѣло еще тогда великихъ успѣховъ, и что сей Аполлонъ достоинъ похвалы больше по правильности своего размѣра, нежели по красотѣ частей.

Житель Самоса, разсказывавшій намъ сію исторію, прибавилъ и сіе: предъ окончаніемъ войны Пелопонесской, Алкивіадъ ходилъ со флотомъ Аѳинскимъ около нашихъ береговъ. Онъ держалъ сторону народа, который и воздвигъ ему сей истуканъ. По нѣкоторомъ времени Лисандръ, предводитель морскихъ Лакедемонскихъ силъ овладѣлъ Самосомъ и паки предалъ верховную власть однимъ богачамъ, которые послали истуканъ его во храмъ Олимпійскій. Двое Аѳинскихъ полководцевъ, Кононъ и Тимофей, пришли потомъ съ превосходными силами, и вотъ два истукана, которые народъ въ почесть имъ поставилъ. Вотъ еще мѣсто для истукана, назначеннаго нами Филиппу, когда онъ завладѣетъ нашимъ островомъ. Мы должны стыдиться таковой подлости, но она есть общая и намъ и жителямъ сосѣднихъ острововъ и большой части Греческихъ народовъ, матерую землю занимающихъ, не изключая и самихъ Аѳинянъ.

Ненависть, существовавшая всегда между богатыми и бѣдными, истребила вездѣ правила честности и добродѣтели. Онъ кончилъ рѣчь свою сими словами: народъ, въ теченіи двухъ вѣковъ, истощавшій свою кровь и свои сокровища для прообрѣтенія себѣ на нѣсколько времени свободы, тягчайшей и мучительнѣйшей, нежели рабство; сей народъ извинителенъ, ежели онъ ищетъ покоя а наипаче когда побѣдитель требуетъ только денегъ въ честь себѣ и истукана.

Самосцы суть народъ богатѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ народовъ, составляющихъ союзъ Іонійскій. Они весьма разумны, промышленны и дѣятельны.

Дѣеписанія ихъ изображаютъ примѣчательныя черты для исторіи, словесности, художествъ и торговли. Между славными мужами, урожѣнцами сего острова, упомяну здѣсь о Клеофилѣ, который, какъ утверждаютъ, заслужилъ благодарность отъ Омира за неоставленіе его въ бѣдности и благодарность отъ всего потомства; ибо онъ сохранилъ для насъ сочиненія сего стихотворца. Съ почтеніемъ упомяну о Пиѳагорѣ, кото-

раго одно имя можетЪ доставить славу блистательнѣйшему вѣку и величайшему государству. За Пиѳагоромъ помѣстимЪ мы, но гораздо вЪ низшей степени, двухЪ современниковЪ его, Река и Ѳеодора, искусныхЪ того времени ваятелей, которые, какЪ увѣряютЪ, усовершивЪ правило, уровень, и прочія полезныя орудія, открыли таинства ковать желѣзные истуканы и новые способы выливать мѣдные.

Земля острова Самоса имѣетЪ не только свойства, употребляемыя во врачебномЪ искуствѣ, но она превращается еще подЪ руками многихЪ работниковЪ вЪ сосуды, которые вездѣ имѣть желаютЪ.

Самосцы прилѣжали весьма давно кЪ мореплаванію и нѣкогда имѣли поселенія вЪ верхнемЪ Египтѣ. Около трехЪ вѣковЪ назадЪ одинЪ купеческій ихЪ корабль, плывшій вЪ ЕгипетЪ, противными вѣтрами занесенЪ былЪ за столпы Иракловы кЪ острову Тартессу, лежащему близь бреговЪ Иверіи, дотолѣ неизвѣстной ГрекамЪ. Золото находилось тамЪ вЪ изобиліи: жители, не знавшіе оному цѣны, отдавали его почти за ничто симЪ

иностранцамъ, которые, промѣнявъ свои товары, привезли въ свое отечество сокровищъ на шестьдесятъ талантовъ, количество денегъ по тогдашнему времени чрезмѣрно великое, каковое съ трудомъ возможно было бы собрать въ какой либо части Грецїи. Взята была изъ того десятина, которая назначена была къ тому, чтобъ посвятить Юнонину храму большую мѣдную чашу и нынѣ еще существующую. По бокамъ ея изображены головы Грифовы. Поддерживается она тремя огромными истуканами, стоящими на колѣнахъ, и имѣющими семь локтей вышины. Купа сїя также изъ мѣди.

Самосъ не преставалъ потомъ размножать и усовершать морскїя свои силы. Часто выходили страшные флоты изъ пристаней его и защищали нѣкоторое время свою свободу противъ усилїй Персовъ и Греческихъ областей, желающихъ крайне присоединить сей островъ къ своимъ владѣнїямъ. Но въ нѣдрахъ его часто возрождались несогласїя и распри, которыя по долговременныхъ потрясенїяхъ и борьбахъ кончились введенїемъ тиранїи. Сїе случилось во времена Поликрата.

Поликратъ.

Онъ получилъ отъ природы великія дарованія, а отъ отца своего Эакеса великое богатство. Послѣдній восхитилъ власть самодержавную, и сынъ его вознамѣрился также оную себѣ присвоить. Онъ сообщилъ свои замыслы двумъ своимъ братьямъ, которые думали, что вошедъ къ заговоръ, станутъ съ нимъ раздѣлять власть, яко союзники; но послужили ему только орудіями. Въ празднуемый въ честь Юноны день приверженцы ихъ разставлены были по назначеннымъ мѣстамъ и вдругъ напали, одни на Самосцевъ, собравшися вокругъ храма богини и порубили ихъ великое множество, другіе овладѣли крѣпостью, гдѣ и удержались при помощи нѣкотораго числа войскъ, присланныхъ отъ Лигдамиса, тирана острова Накса. Островъ раздѣленъ былъ между тремя братьями, но вскорѣ потомъ достался весь безъ изъятія Поликрату, который одного изъ нихъ осудилъ на смерть, а другаго на вѣчное заточеніе.

Для содержанія народа въ царствѣ, давалъ онъ иногда празднества и зрѣлища, а иногда употреблялъ насилія и жестокость для затушенія въ немъ чувствія страданій, водилъ его къ блистательнымъ завоеваніямъ;

для сокрытія отъ него собственныхъ своихъ силъ, принуждалъ его къ тяжкимъ работамъ, захватывалъ государственные доходы, а иногда имущества частныхъ людей; ограждалъ себя опричниками, и войсками иностранными; въ случаѣ нужды запирался въ крѣпкіе замки, умѣлъ обманывать людей, и почиталъ ни за что священнѣйшія клятвы. Вотъ правила, какія наблюдалъ Поликратъ послѣ своего возвышенія. Исторію правленія его можно наименовать тако: *искуство управлять въ наставленіе тираннамъ.*

Онъ былъ такъ богатъ, что могъ вооружить сто галеръ, которыя доставили ему владычество надъ моремъ, надъ многими сосѣдними островами и надъ нѣкоторыми городами на твердой землѣ. Полководцы его имѣли тайное повелѣніе привозить къ нему добычи, взятыя не только отъ своихъ враговъ, но и отъ пріятелей, которые послѣ, естьли о томъ его просили, получали обратно, яко залогъ его милости, любви, или щедроты.

Во время мира, принуждалъ онъ жителей острова и военноплѣнныхъ, совокупно

или порознь работать при новыхъ укрѣпленіяхъ столицы, копать рвы вкругъ стѣнъ ея, а во внутренности города возвышать тѣ памятники, кои украшаютъ Самосъ, и кои производимы были по начертаніямъ искусныхъ художниковъ, Поликратомъ за великія деньги въ его область призванныхъ.

Будучи благосклоненъ и къ словеснымъ наукамъ, собиралъ онъ къ себѣ тѣхъ, кои въ оныхъ упражнялись. Въ книгохранилищѣ его находились превосходнѣйшія произведенія человѣческаго разума. Въ сіе то время видно было поразительное противоборствіе между любомудріемъ и стихотворствомъ. Когда Пиѳагоръ, не могшій сносить и взора лютаго тиранна, убѣжалъ изъ угнѣтеннаго своего отечества, тогда Анакреонъ вводилъ въ Самосъ пріятности и забавы. Безъ труда пріобрѣлъ онъ дружбу Поликрата и прославлялъ его на своей лирѣ съ такимъ же усердіемъ, какъ бы прославлялъ добродѣтельнѣйшаго государя.

Поликратъ, желая размножить въ своихъ областяхъ наилучшія породы домашнихъ животныхъ, велѣлъ привести изъ Эпира и

Лакедемона псовъ, изъ Сициліи свиней, изъ Скироса и Наксоса козъ, изъ Милета и Аѳинъ овецъ. Но какъ онъ дѣлалъ добро изъ единаго тщеславія, то въ тоже время вводилъ онъ между своихъ подданныхъ роскошь и пороки Азіатцевъ. Онъ зналъ, что въ Сардахъ столицѣ Лидійской, женщины, отличившіяся своею красотою и собранныя въ одно мѣсто, назначены были изобрѣтать новыя утѣхи при пирахъ и при другихъ роскошственныхъ случаяхъ; и Самосъ узрѣлъ въ стѣнахъ своихъ таковоеже заведеніе, *и цвѣты* сего города были столькоже славны, какъ *цвѣты* Лидійскіе. Симъ-то именемъ назывались сіи общества, въ коихъ юношество того и другаго пола, подавая и получая наставленія въ неумѣренности, препровождали дни и ночи въ обжорствѣ, пьянствѣ и распутствахъ. Развратъ распространился между другихъ гражданъ, и сдѣлался пагубнымъ для ихъ потомковъ. Сказываютъ, что выдумки Самосскіе перешли нечувствительно къ другимъ Грекамъ и вездѣ повредили чистоту нравовъ.

Многіе жители острова роптали на сіи зловредныя нововведенія. Поликратъ, узнавъ

сїе, посадилъ ихъ на корабли, долженствующїе соединиться съ воинствомъ, которое Персидскїй царь Камвизъ велъ въ Египетъ. Поликратъ надѣялся, что они погибнутъ въ сраженїяхъ, или что по крайней мѣрѣ Камвизъ удержитъ ихъ навсегда при своемъ войскѣ. Но жители, постигнувъ его намѣренїя, рѣшились предупредить его и избавить отечество свое отъ постыднаго рабства. Вмѣсто того, чтобъ идти въ Египетъ, возвратились они въ Самосъ, и были отбиты. Спустя нѣкоторое время появились они вторично съ войскомъ Лакедемонскимъ и Коринѳскимъ, но покушенїе ихъ столько же неудачно было, какъ и первое.

Поликратъ думалъ, что ничего больше желать ему не осталось. Всѣ годы правленїя его, почти всѣ его предпрїятїя ознаменованы были успѣхами. Подданные ему народы привыкли уже къ носимому игу; почитали себя счастливыми при его побѣдахъ, при его пышности и при великолѣпныхъ зданїяхъ, кои попеченїемъ его на ихъ деньги возставлены и состроены были. Всѣ сїи дѣйствїя, величность изобразующїя, преклонили ихъ къ своему повелителю и заставили забыть, что

онъ убійца брата своего, что онъ беззаконный похититель ихъ областей, что онъ безчеловѣчный тираннъ и клятвопреступникъ. Онъ самъ не помнилъ больше мудрыхъ совѣтовъ Египетскаго царя Амазиса, съ которымъ онъ нѣкоторое время былъ въ союзѣ по взаимному гостепріимству. „Твое благоденствіе меня ужасаетъ, писалъ онъ нѣкогда къ „Поликрату. Я желаю друзьямъ моимъ смѣшенія добра и зла; ибо нѣкое завистливое „божество не терпитъ, чтобъ смертный наслаждался неизмѣннымъ благополучіемъ. „Иногда старайся не избѣгать неудоволствій „и превратностей, чтобъ противуположить „ихъ благосклонностямъ упрямой фортуны.„ Поликратъ, встревоженный сими разсужденіями, вознамѣрился утвердить свое счастіе такимъ пожертвованіемъ, которое привело бы его въ печаль на нѣсколько минутъ. Онъ носилъ на перстѣ изумрудъ, оправленный въ золотѣ, на которомъ Ѳеодоръ, мною уже упомянутый, представилъ какое то изображеніе тѣмъ драгоцѣннѣйшее, что искуство рѣзать на камняхъ было еще между Греками весьма слабо. Поликратъ поѣхалъ на галерѣ, удалился отъ берега, бросилъ перстень въ море, и спустя нѣсколько дней получилъ оный об-

ратно отъ одного изъ своихъ служителей, который нашелъ его въ рыбѣ. Немедленно увѣдомилъ онъ о семъ Амазиса, который съ самой той минуты прервалъ съ нимъ всякое сообщенїе.

Чего Амазисъ опасался, наконецъ исполнилось на самомъ дѣлѣ. Когда Поликратъ помышлялъ завоевать Iонїю и острова Эгейскаго моря, то Сатрапъ одной области, недалеко отстоящей отъ его владѣнїй и въ подданствѣ царя Персидскаго находящейся, умѣлъ заманить его въ свою область и жесточайшими муками умертвивъ его, приказалъ трупъ его привязать къ древу, поставленному на горѣ Микалѣ, прямо противъ Самоса.

По смерти Поликрата жители острова испытали по временамъ всѣ роды тираннїи, какъ то: тираннїю единаго, богачей, народа, Персовъ и Грековъ. Войны между Лакедемономъ и Аѳинянами возстановляли у нихъ попеременно или олигархїю или демократїю. При всякой перемѣнѣ правленїя исполнялось мщенїе съ одной стороны и приготовлялось съ другой. Жители оказали величайшую храбрость при сей славной осадѣ, которую они

выдержали десять мѣсяцовъ противъ соединенныхъ Аѳинскихъ силъ, подъ начальствомъ Перикла. Сопротивленїе ихъ было упорно, а потери ихъ почти не возвратимы. Они согласились наконецъ разрушить свои стѣны, отдать свои корабли, послать заложниковъ, заплатить всѣ военные убытки. Осаждавшїе и осажденные оказали равное безчеловѣчїе надъ плѣнными, попавшимися, въ ихъ руки. Самосцы на челѣ ихъ клали клеймо, изображающее сову, а Аѳиняне знакъ корабельнаго носа.

Потомъ они поправили свое состоянїе, но паки подпали подъ власть Лакедемонянъ, которые приверженцевъ къ демократїи изгнали изъ отечества. Наконецъ Аѳиняне, овладѣвъ всемъ островомъ, раздѣлили оный, нѣсколько лѣтъ назадъ на двѣ тысячи участковъ, доставшихся по жребїю толикомуже числу поселенцевъ, которые обязаны были обработывать оныя. Нїоклесъ былъ въ томъ же числѣ. Онъ преселился туда съ женою своею Херестратою. Хотя они имѣли весьма посредственный достатокъ, но принудили насъ остановиться въ ихъ домѣ. Угожденїе ихъ и учтивость жителей продолжили пребыванїе наше въ Самосѣ.

Иногда переѣзжали мы морской проливъ, отдѣляющій островъ отъ береговъ Азіи; забавлялись охотою на горѣ Микалѣ, иногда рыбною ловлею при подошвѣ сей горы, въ томъ самомъ мѣстѣ, въ которомъ Греки одержали надъ флотомъ и надъ воинствомъ Ксеркса ту преславную побѣду, которая доставила совершенное и надежное спокойствіе Греціи. Въ ночное время зажигали мы свѣточи и разводили огни; при сей въ водѣ отражающейся свѣтлости рыбы приближались къ лодкамъ, попадали въ наши сѣти, или убиваемы были нашимъ оружіемъ.

Между тѣмъ Стратоникъ воспѣвалъ сраженіе при Микалѣ, играя въ тоже самое время на цитрѣ; но пѣніе его непрестанно было прерываемо. Наши гребцы хотѣли непремѣнно разсказать намъ всѣ подробности сея битвы. Они говорили всѣ вдругъ; и хотя не возможно было въ темнотѣ различить всѣхъ предметовъ, однакожъ они показывали ихъ направляя наши руки и наши взоры на различныя точки горизонта. Здѣсь стоялъ флотъ Греческій, тамъ Персидскій. Греки пришли отъ Самоса: приближаются, нападаютъ, — тутъ бѣгутъ галеры Финикійскія, а галеры Персид-

скія отступають къ сему мысу, къ этому Церерину храму, который вы видите предъ собою; Греки сходятъ на берегъ и весьма удивляются, нашедъ тамо безчисленное войско Персовъ и ихъ союзниковъ. Нѣкто, именемъ Тигранъ, предводительствовалъ ими. Онъ велѣлъ обезоружить отрядъ Самосцевъ, бывшихъ съ нимъ; онъ ихъ боялся, Аѳиняне напали съ той стороны, а Лакедемоняне съ этой; весь станъ былъ виденъ: большая часть варваровъ убѣжала; карабли ихъ сожжены; сорокъ тысячъ воиновъ было убито, въ томъ числѣ и Тигранъ. Самосцы склонили Грековъ гнаться за флотомъ Персидскимъ; во время сраженія Самосцы, получившіе опять оружіе, напали на Персовъ: Греки обязаны Самосцамъ сею преславною побѣдою надъ Персами. При сихъ разсказахъ гребцы наши скакали, бросали колпаки свои вверьхъ, и произносили радостные крики.

Рыбная ловля производится различнымъ образомъ; иные ловятъ рыбу удою: такъ называется большой тростникъ или палка, на которой виситъ нить изъ конскихъ волосовъ, окончевающаяся желѣзнымъ крюкомъ, на которомъ нацѣпляется приманка, другіе ко-

лютъ рыбу съ великимъ проворствомъ острогами о двухъ или трехъ зубцахъ; копья сіи называются баграми, или трезупцами; иные наконецъ ловятъ рыбу сѣтьми различнаго рода, на нѣкоторыхъ навязываются свинцовые куски, чтобъ онѣ опускались въ море глубже и куски пробочные, которые держали бы ихъ на поверхности воды.

Ловля рыбы, именуемой тунецъ, доставляла намъ немалое удовольствіе. Вдоль по берегу, въ водѣ поставлены были весьма длинные и широкія сѣти. Мы пришли туда на самомъ разсвѣтѣ. Во всей природѣ царствовала глубокая тишина. Одинъ рыбакъ, лежавшій на ближнемъ камнѣ, пристально смотрѣлъ на воду почти прозрачную. Вдругъ увидѣлъ онъ станицу тунцевъ, спокойно по кривизнамъ береговъ пробирающихся и въ сѣти чрезъ нарочно для сего устроенное отверзтіе вплывающихъ. Тотчасъ увѣдомленные имъ товарищи раздѣлились на двѣ части, и какъ одни вытягивали сѣти, другіе били по водѣ веслами, дабы пойманые тунцы не убѣжали. Ихъ было поймано довольно много. Между прочими одинъ имѣлъ вѣсу пятнадцать талантовъ.

По возвращенiи нашемъ изъ долговременнаго путешествiя по Азiатскимъ берегамъ, нашли мы Неоклеса, занимавшагося приготовленiями къ празднеству. Херестрата, жена его, разрѣшилась отъ бремени сыномъ, которому далъ онъ имя, Епикуръ (*). Греки имѣютъ въ сихъ случаяхъ обыкновенiе созывать друзей своихъ къ ужину Собранiе было многочисленное и самое лучшее. Я сидѣлъ на концѣ стола между Аѳиняниномъ, который говорилъ много, и между гражданиномъ Самоскимъ, который не говорилъ ничего.

Между другими гостями разговоры были весьма шумны, а въ нашемъ углу сперьва хладнокровны и ничего не значущи, а потомъ живѣе и важнѣе. Говорили не знаю по какому поводу о мiрѣ, о сообществахъ. Поговоря о нѣкоторыхъ обыкновенныхъ предметахъ, спросили о томъ Самосца, который отвѣчалъ: Я напомяну вамъ только мнѣнiе Пиѳагорово: онъ уподоблялъ ѳеатръ мiра ѳеатру Олим-

(*) Сей то есть славный Епикуръ, родившiйся при Архонтѣ Сосигенѣ, въ третьемъ годѣ, 109 Олимпiады, въ 7й день Гамелiона, то есть 13 Генваря 341 года до Р. Х. Въ томъ же самомъ году родился и Менандръ.

пійскихъ игръ, куда одни входятъ сражаться, другіе торговать, а иные только смотрѣть. Такимъ образомъ любочестивые и завоеватели суть наши бойцы; большая часть людей меняетъ свое время и труды на имущество и счастіе, а мудрецы, такъ какъ спокойные зрители, разсматриваютъ все и молчатъ.

При сихъ словахъ посмотрѣлъ я на него съ большимъ вниманіемъ. Онъ имѣлъ видъ веселый и осанку важную; одѣяніе его было бѣло и чисто. Я подчивалъ его то виномъ, то рыбою, говядиною, бобами. Онъ отказывался отъ всего. Пилъ только воду; а ѣлъ только зелень. Аѳинянинъ сказалъ мнѣ на ухо: онъ строгій Пиѳагорецъ, и вдругъ возвыся голосъ: мы худо дѣлаемъ, говорилъ онъ, что ѣдимъ рыбу; ибо въ началѣ временъ мы обитали какъ рыбы, въ морѣ; такъ наши праотцы были рыбы, не можно въ томъ сомнѣваться. Сіе утверждаетъ философъ Анаксимандръ. Ученіе о преселеніи душъ подаетъ мнѣ разныя сомнѣнія о употребленіи мяса: когда я ѣмъ сію говядину я дѣлаюсь можетъ быть человѣкоядцемъ. Что касается до бобовъ, то находится въ нихъ такая сущность, которая наиболѣе соединяется съ одушев-

леннымъ веществомъ, котораго наши души суть частицы. Возми цвѣты сего растѣнія, когда они начинаютъ чернѣть, положи ихъ въ сосудъ, закопай въ землю; спустя девяносто дней вскрой сей сосудъ, и ты найдешь на днѣ его младенческую голову: Пиѳагоръ дѣлалъ сей опытъ.

Произошелъ превеликій хохотъ на счетъ моего сосѣда, который однакожъ продолжалъ молчать. Нападаютъ на тебя сильно, сказалъ я ему: вижу, но отвѣчать не стану. Худо бы я сдѣлалъ, естьли бъ захотѣлъ защищаться. Отражать съ важностію насмѣшки есть навлекать на себя новое посмѣяніе, но отъ тебя я ничего не опасаюсь. Неоклесъ увѣдомилъ меня, по какимъ причинамъ предпріялъ ты столь далекое путешествіе Знаю, что любишь истинну; не откажусь тебѣ оную открыть. Я принялъ его предложеніе, и послѣ ужина имѣли мы слѣдующій разговоръ.

ГЛАВА СЕМДЕСЯТЪ ПЯТАЯ.

Разговоръ о Пиѳагоровомъ училищѣ.

Самосецъ. Безъ сомнѣнія ты не вѣришь, чтобъ Пиѳагоръ утверждалъ приписуемыя ему нелѣпости?

Анахарсисъ. Въ самомъ дѣлѣ я тому удивлялся. Съ одной стороны видѣлъ я, что сей необыкновенный человѣкъ обогатилъ своихъ соотечественниковъ познаніями другихъ народовъ; что онъ въ Геометріи учинилъ такія открытія, которыя только превыспреннему уму свойственны, и что основалъ такое училище, изъ котораго произошли толь многіе великіе мужи: съ другой стороны я видѣлъ учениковъ его, часто осмѣиваемыхъ на ѳеатрѣ, которые съ превеликимъ упрямствомъ занимаются самыми мѣлочными упражненіями, и оправдываетъ оныя доказательствами ребяческими, или принужденными иносказаніями. Я читалъ вашихъ сочинителей, распрашивалъ нѣкоторыхъ Пиѳагорейцевъ, вездѣ нашелъ я одинъ только загадочный и таинственный языкъ. Я совѣтовался съ другими философами, и мнѣ показалось, что

Пиѳагоръ не что иное, какъ начальникъ изступленныхъ, который предписываетъ правила непонятныя и неудобоисполнимыя.

Самосецъ. Ты описываешь его безъ лести.

Анахарсисъ. Выслушай до конца все то, чѣмъ предубѣжденъ будучи въ Мемфисѣ узналъ я источникъ, изъ котораго основатель вашъ почерпнулъ строгіе законы, которые вамъ предалъ. Они тѣже самые, что у Египетскихъ жрецовъ. Пиѳагоръ принялъ ихъ и не видѣлъ, что правила воздержанія въ яствахъ должны разнствовать по различію странъ и вѣръ. Приведемъ къ тому примѣръ. Сіи жрецы ненавидятъ бобы столь сильно, что не сѣютъ ихъ во всемъ Египтѣ, а ежели сіе растѣніе случайно гдѣ увидятъ, то отвращаютъ отъ него взоры какъ отъ вещи нечистой. Ежели сей овощъ вреденъ въ Египтѣ, то жрецы должны были оной охуждать и запрещать. Но Пиѳагоръ не долженъ былъ въ томъ имъ подражать, тѣмъ менѣе по тому, что запрещеніе сіе могло быть основано на нѣкоторомъ пустомъ суевѣріи. Но онъ вамъ предписалъ его, и сіе суевѣріе произвело въ наши времена такое кровопролитное явленіе, какого въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно началось, никогда не случилось.

Дїонисій царь Сиракузской хотѣлъ узнать ваши таинства. Пиѳагорейцы были гонимы въ его областяхъ, и потому всевозможно укрывались. Дїонисій повелѣлъ привести нѣкоторыхъ изъ Италїи. Отрядъ воиновъ увидѣлъ десятерыхъ, идущихъ спокойно изъ Тарента въ Метапонтъ. Воины погнались за ними, какъ за дикими звѣрями. Пиѳагорейцы ударились въ бѣгство, но увидя бобовое поле на пути своемъ, остановились, стали защищаться, и дали умертвить себя прежде, нежели осквернить свою душу прикосновенїемъ къ сему ненавистному овощу. Спустя нѣсколько минутъ начальникъ, повелѣвшій отрядомъ, поймалъ двухъ, кои не могли слѣдовать за другими, были то Милїасъ изъ Кротоны, и жена его Тимиха, родившаяся въ Лакедемонѣ, и приближавшаяся къ разрѣшенїю отъ бремени. Они были отведены въ Сиракузы. Дїонисій хотѣлъ знать, для чего товарищи ихъ пожелали лучше лишиться жизни, нежели пройти чрезъ бобовое поле; но ни обѣщанїя его, ни угрозы не могли принудить ихъ ко изъясненїю; а Тимиха откусила себѣ языкъ бояся, чтобъ подъ муками, глазамъ ея представленными, чего либо не открыть. Вотъ что производятъ предразсуд-

ки суевѣрія, и безумные законы, кои ему потворствуютъ.

Самосецъ. Я жалѣю объ участи сихъ несчастныхъ. Мало просвященная ихъ ревность, была безъ сомнѣнія раздражена тѣми строгостями, которыя съ нѣкотораго времени противъ нихъ употребляемы были. Они судили о важности своихъ мнѣній по той важной строгости, съ которою старались искоренить въ нихъ полученныя мнѣнія.

Анахарсисъ. Не ужели по твоему мнѣнію были бы они преступники, ежели бы сїе правило Пиѳагорово нарушили?

Самосецъ. Пиѳагоръ не писалъ ничего, или почти ничего; сочиненія, кои ему приписываются, суть всѣ, или почти всѣ, писаны были его учениками. Они то къ правилу его прибавили многія новыя запрещенія. Ты слышишь, что говорятъ, и впредь еще больше говорить будутъ, будто Пиѳагоръ полагалъ безконечное достоинство въ воздержаніи отъ бобовъ, когда онъ, какъ извѣстно, весьма часто самъ вкушалъ ихъ при своихъ трапезахъ. О семъ я извѣстился еще въ юности моей,

отъ Ксенофила и многихъ почтенныхъ старыхъ мужей, почти современныхъ Пиѳагору.

Анахарсисъ. Для чего же послѣ бобы запрещены вамъ были?

Самосецъ. Пиѳагоръ позволялъ ихъ ѣсть, ибо находилъ ихъ здоровыми; но его ученики ихъ запретили, ибо они производятъ надмѣнїе и другїя дѣйствїя, здоровью вредныя. Мнѣнїе ихъ, съ опредѣленїемъ искуснѣйшихъ врачей согласное, преодолѣло и повсюду принято было.

Анахарсисъ. Такъ по твоему мнѣнїю запрещенїе сїе не что иное есть, какъ гражданское учрежденїе, какъ простый совѣтъ? однако я слышалъ отъ другихъ Пиѳагорейцевъ, которые говорили о семъ запрещенїи какъ о законѣ священномъ, заключающемъ въ себѣ или таинства природы и вѣры, или правила мудрой политики.

Самосецъ. Въ нашемъ сообществѣ, такъ какъ и во всѣхъ благочестивыхъ сообществахъ, законы гражданскїе почитаются законами священными. Напечатлѣнная на нихъ нѣкоторая святость способствуетъ къ ис-

полненію оныхъ. Надобно употреблять хитрость противъ небреженія людей, и противъ страстей ихъ. Учрежденія, относящіяся къ воздержанію, нарушаются каждый день, когда ихъ достоинство состоитъ только въ томъ, чтобъ подкрѣплять здоровье. Тотъ, который, для сохраненія онаго, не пожертвуетъ удовольствіемъ, отважится тысячу разъ потерять жизнь свою, чтобъ поддержать обряды вѣры, которые онъ почитаетъ, не смотря на то, что цѣли ихъ не понимаетъ.

Анахарсисъ. Итакъ сіи омовенія, сіи воздержанія, и сіи посты, которыя Египетскіе жрецы съ такою строгостію наблюдаютъ, и которыя столь много похваляются въ таинственныхъ сообществахъ Греческихъ, были въ началѣ своемъ не что иное, какъ предписанія врачебныя, и наставленія въ воздержности?

Самосецъ. Я думаю такъ; и въ самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно всякому, Египетскіе жрецы, употребляя самое здоровое лѣкарство т. е. научающее больше предупреждать болѣзни, нежели оныя лѣчить, достигали во всѣ времена до продолжительнѣйшей

и спокойнѣйшей жизни. Пиѳагоръ научился сему врачеванію въ ихъ школѣ, сообщилъ оное ученикамъ своимъ, и по самой справедливости помѣщенъ былъ въ число искуснѣйшихъ врачей Греціи. Какъ онъ хотѣлъ возвысить души до совершенства, то долженъ онъ былъ отвлекать ихъ отъ сей смертной оболочки, которая содержитъ ихъ въ оковахъ, и нечистоты свои имъ сообщаетъ. Для сего то и отрѣшилъ онъ тѣ яствы и напитки, которые, возбуждая волненіе въ тѣлѣ, помрачаютъ и отягощаютъ разумъ.

Анахарсисъ. Итакъ онъ мыслилъ, что употребленіе вина, мяса, рыбы, производятъ сіи бѣдоносныя слѣдствія? — ибо онъ строго вамъ оныя запретилъ.

Самосецъ. Заключеніе твое несправедливо: онъ охуждалъ излишество вина, отъ котораго и совѣтывалъ воздержаться. Онъ позволялъ ученикамъ своимъ пить вино за ужиномъ, но въ маломъ количествѣ. На столъ ихъ поставляемы были иногда участки животныхъ, принесенныхъ въ жертву, окромѣ вола, и овна. Онъ самъ иногда ихъ отвѣдывалъ, хотя довольствовался обыкновенно

медомъ и овощами. Онъ запретилъ ѣсть нѣкоторыя рыбы, по причинамъ, о коихъ упоминать безполезно. Впрочемъ предпочиталъ онъ пищу изъ растѣнїй всѣмъ другимъ, и строжайшее запрещенїе на мясо касалось только до тѣхъ учениковъ, которые стремились къ высшему совершенству.

Анахарсисъ. Но какъ согласить то позволенїе, которое онъ даетъ другимъ, съ его ученїемъ о преселенїи душъ? — ибо наконецъ, какъ говорилъ тотъ Аѳинянинъ, вы ежедневно опасаетесь, чтобъ не съѣсть вашего отца или мать.

Самосецъ. Я могъ бы тебѣ отвѣчать, что на наши столы подаются только мяса жертвъ, и что мы приносимъ въ жертву только тѣхъ животныхъ, кои не назначены къ принятїю нашихъ душъ. Но я дамъ тебѣ на сїе лучшее рѣшенїе. Пиѳагоръ и его первые ученики не вѣрили преселенїю душъ.

Анахарсисъ. Какъ!

Самосецъ. Тимей Локриссскїй, одинъ изъ древнѣйшихъ и славнѣйшихъ между ими, въ томъ признался. Онъ говоритъ: какъ страхъ

къ человѣческимъ законамъ недовольно дѣйствуетъ надъ большею частію людей, такъ надобно устрашить ихъ вымышленными наказаніями, и возвѣстить имъ, что виновные преступники, по смерти своей, преобразятся въ презрѣнныхъ или дикихъ звѣрей, и претерпятъ всѣ несчастія, соединенныя съ ихъ новымъ состояніемъ.

Анахарсисъ. Ты опровергаешь всѣ мои понятія. Не охуждалъ ли Пиѳагоръ кровавыхъ жертвъ? не запрещалъ ли убивать животныхъ? для чего сіе усердное соучастіе къ ихъ сохраненію, ежели не для того, что онъ предполагалъ въ нихъ душу подобную нашей.

Самосецъ. Причина сему соучастію основана на справедливости. По какому праву, въ самомъ дѣлѣ, смѣемъ мы отнимать жизнь у тварей, которыя, какъ и мы, получили сей даръ отъ небесъ? Первые человѣки, внимая больше гласу природы, приносили богамъ въ жертву только плоды, медъ и хлѣбы, которыми питались. Никто не дерзалъ проливать крови животныхъ, а наипаче тѣхъ, кои для человѣка полезны. Преданіе возвѣстило намъ съ ужасомъ о древнѣйшемъ отцеубійцѣ: и

сохраняя для насъ имена тѣхъ, кои по внѣзапности, или въ гнѣвѣ, первые убили животныхъ какого либо рода, свидѣтельствуетъ, что сія вѣдомость поразила всѣхъ людей удивленіемъ и страхомъ. Надобенъ былъ предлогъ къ убіенію животныхъ: нашли, что они занимаютъ слишкомъ много мѣста на земли и выдумали, будто прорицалище повелѣвало намъ, побѣдить наше отвращеніе къ закланію животныхъ. Мы покорились; и чтобъ заглушить угрызенія нашей совѣсти, хотѣли мы по крайней мѣрѣ вынудить согласіе отъ нашихъ жертвъ на собственную ихъ смерть. Отъ того произходитъ еще и до нынѣ, что никакое животное не приноситься въ жертву, ежели оно чрезъ омовеніе и другія средства не принуждено будетъ прежде, наклонить голову, въ знакъ своего согласія. Смотри, съ какимъ презорствомъ насиліе ругается надъ слабостію.

Анахарсисъ. Насиліе сіе безъ сомнѣнія было необходимо нужно. Размножавшіяся животныя пожирали жатвы.

Самосецъ. Многоплодящіяся живутъ мало лѣтъ, и большая часть изъ нихъ, безъ

нашего попеченія, не могла бы продолжать своей породы. Вѣ разсужденіи другихѣ, волки и хищныя большія птицы отѣ нихѣ бы насѣ избавляли. Но чтобѣ доказать тебѣ, что не ихѣ опустошенія насѣ противѣ нихѣ вооружили, вопрошаю тебя, не уже ли поля наши опустошаются рыбами, живущими со всѣмѣ вѣ различной стихіи или мірѣ, и которыхѣ мы, непрестанно преслѣдуя, лишаемѣ жизни. Нѣтѣ: ничто не возбуждало насѣ орошать олтари кровію животныхѣ; и какѣ не позволено мнѣ приносить вѣ жертву плодовѣ, похищенныхѣ сѣ поля моего сосѣда, такѣ долженѣ ли я возсылать мое благоговѣніе кѣ небу чрезѣ жизнь, которая мнѣ никакѣ не принадлежитѣ? сверхѣ того знаемѣ ли мы, какая есть жертва, божеству пріятнѣйшая? При семѣ вопросѣ мнѣнія народовѣ и жрецовѣ весьма разнообразны. Вѣ одной странѣ приносятѣ вѣ жертву животныхѣ дикихѣ и вредоносныхѣ; вѣ другой тѣхѣ, кои участвуютѣ вѣ нашихѣ работахѣ. Корысть человѣка, опредѣляющая сей выборѣ, столь много послужила его неправосудію, что вѣ Египтѣ почитается безбожіемѣ приносить вѣ жертву коровѣ, и благочестіемѣ убивать воловѣ.

Посреди сихъ неизвѣстностей Пиѳагоръ удобно видѣлъ, что не возможно было искоренить вдругъ злоупотребленій, почитаемыхъ священными чрезъ толь многіе вѣки. Онъ воздержался отъ кровавыхъ жертвъ, также и первая степень учениковъ его отъ оныхъ устранилась, а другимъ, кои принуждены еще были обращаться съ людьми, далъ онъ свободу приносить въ жертву малое число животныхъ, и лучше только отвѣдывать, а не ѣсть ихъ мяса.

Таковое снизхожденіе не могло казаться противнымъ ни почитанію всеобщихъ обычаевъ, ни вѣрѣ. Впрочемъ мы питаемся произрастеніями, такъ какъ всѣ тихія и спокойныя животные. Намъ заповѣдано не дѣлать имъ ни малѣйшаго вреда. Мы имѣемъ, по примѣру нашего основателя, величайшее отвращеніе отъ всѣхъ промышленностей, упражняющихся въ убивствіи животныхъ. Опытами доказано всякому, что частое пролитіе крови доставляетъ душѣ нѣкоторый родъ звѣрскости. Охота звѣриная намъ запрещена. Мы убѣгаемъ отъ мірскихъ удовольствій, но мы человѣколюбивѣе, снизходительнѣе, сострадательнѣе прочихъ людей

притомъ могу еще сказать и то, что гораздо больше и гонимы: ибо ничего не упущено къ разрушенію такого благочестиваго и ученаго сообщества, которое, отрекшись отъ всѣхъ пріятностей жизни, посвятило себя единственно къ трудамъ для счастія человѣческаго рода.

Анахарсисъ. Я мало извѣстенъ о вашемъ братскомъ обществѣ; прошу тебя сообщить мнѣ полное о немъ понятіе.

Самосецъ. Ты знаешь, что Пиѳагоръ, возвратясь изъ путешествій, утвердилъ свое жилище въ Италіи; что, по его увѣщаніямъ, всѣ Греческіе народы, въ плодоносной сей странѣ поселившіеся, повергли свое оружіе къ ногамъ его и управленіе дѣлъ своихъ ему вручили; что, содѣлавшись ихъ судіею, научилъ ихъ жить въ мирѣ съ самими собою и съ другими; что мущины и женщины подверглись съ равнымъ усердіемъ самымъ тяжкимъ и строгимъ испытаніямъ; что изъ всѣхъ частей Греціи, Италіи и Сициліи стеклись къ нему ученики въ безчисленномъ множествѣ; что Пиѳагоръ жилъ при дворахъ государей, не показывая имъ ни малѣйшей ле-

сти и заставлялъ ихъ оставить престолъ безъ сожалѣнія; что народы, видя толь великія перемѣны, восклицали въ честь ему, что богъ явился на землѣ избавить ее отъ золъ угнѣтающихъ.

Анахарсисъ. Но онъ самъ, или его ученики, не употребили ли обмановъ, для поддержанія сего ложнаго обольщенія? Вспомни всѣ тѣ чудеса, которые ему присвояются: по его велѣнію море утихаетъ, гроза перестаетъ, моровая язва больше не свирѣпствуетъ. Вспомни потомъ того орла, котораго призываетъ онъ съ высшихъ воздушныхъ странъ и который прилетаетъ на рукѣ его покоиться. Вспомни и сію медвѣдицу, которая повинуясь приказаніямъ его, не нападала больше на робкихъ животныхъ.

Самосецъ. Сіи чрезмѣрно чудесныя повѣствованія всегда казались мнѣ неосновательными; нигдѣ не вижу, чтобъ Пиѳагоръ присвоилъ себѣ право предписывать законы природѣ.

Анахарсисъ. Признайся по крайней мѣрѣ, что онъ утверждалъ, будто знаетъ все предбудущее, и будто онъ получилъ всѣ правила отъ жрицы Дельфійской.

Самосецъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ прорицательной наукѣ, и сїе заблужденїе, ежели оно дѣйствительно ошибочно, имѣлъ онъ общимъ съ мудрецами своего вѣка, съ мудрецами временъ послѣдующихъ, и съ самимъ Сократомъ. Онъ говорилъ; что ученїе свое получилъ онъ отъ прорицалища Аполлонова. Ежели онъ въ семъ случаѣ преступникъ, то должно называть обманщиками Миноса, Ликурга, и всѣхъ почти законодателей, которые, чтобъ придать больше важности своимъ законамъ, увѣряли, что сами боги оные имъ предписали.

Анахарсисъ. Позволь еще себя спросить, ибо не легко оставлять прежнїе свои предразсудки. Для чего онъ окружилъ свою философїю тройною оградою тьмы? Для чего сей кроткїй и смиренный мужъ, не хотѣвшїй назваться мудрецомъ, а только другомъ мудрости, не имѣлъ довольно искренности, чтобъ возвѣщать истину во всей ясности?

Самосецъ. Таковыя жъ погрѣшности найдешь ты въ таинствахъ Элевсїйскихъ и Самоѳракїйскихъ, у жрецовъ Египетскихъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ обществахъ, исповѣдующихъ

вѣру. Что я говорю? Не сохраняютъ ли наши философы ученіе свое, только для учениковъ своихъ, коихъ скромность они испытали? Очи народа были прежде сего слабы и не могли переносить свѣта; но и нынѣ кто осмѣлится, посреди Аѳинъ, свободно изъясниться о сущности боговъ, и о безпорядкахъ народнаго правленія; слѣдственно суть такія истинны, которыя мудрецъ долженъ хранить яко ввѣренный ему залогъ, и сообщать ихъ такъ сказать, капля за каплею.

Анахарсисъ. Но тѣ капли, кои должно проливать полными горстями, какъ на примѣръ, нравственныя истинны, вы закрываете ихъ оболочками, почти непроницаемыми. Когда вы, вмѣсто увѣщанія, чтобъ я убѣгалъ отъ праздности, и не раздражалъ больше человѣка, гнѣвомъ уже пылающаго, запрещаете мнѣ садишься на мѣрило, коимъ вымѣряется жито, или высѣкать огонь моимъ мечемъ; то изъ сего видно, что вы къ труду исполнять ваши наставленія, прибавляете еще трудъ, чтобъ оныя прежде разумѣть.

Самосецъ. Сей то трудъ и впечатлѣваетъ ихъ въ разумъ. Мы сохраняемъ съ вящ-

шимъ раченіемъ то, что стоило великаго труда пріобрѣсти. Инообразія (символы) возбуждаютъ любопытство, и обветшалымъ правиламъ придаютъ видъ новости; и какъ они чаще представляются нашимъ чувствамъ, нежели другіе знаки нашихъ мыслей, то они прибавляютъ больше довѣренности къ тѣмъ законамъ, кои въ себѣ содержатъ. По сей-то причинѣ воинъ не можетъ сидѣть всегда въ теплотѣ, и земледѣлецъ смотрѣть только на мѣрило, не вспоминая о запрещеніи и правилахъ, имъ предписанныхъ.

Анахарсисъ. Ты любишь таинственное столько же, сколько одинъ изъ первыхъ учениковъ Пиѳагоровыхъ навлекъ на себя негодованія отъ прочихъ за то, что обнародовалъ рѣшеніе на задачу геометрическую.

Самосецъ. Тогда люди вообще были увѣрены, что наука, такъ какъ невинность, должна храниться въ тайнѣ, которая скрывающемуся сокровищу придавало бы больше прелестей и больше уваженія къ тому, который оными владѣетъ. Пиѳагоръ возпользовался безъ сомнѣнія симъ предразсудкомъ; и я признаюсь, ежели хочешь, что, подражая нѣкоторымъ

законодавцамъ, употребилъ онъ смиренныя хитрости, чтобъ привесть себя въ довѣріе у народа; ибо я равно сомнѣваюсь въ чрезмѣрныхъ похвалахъ, ему воздаваемыхъ, и въ ненавистныхъ обвиненіяхъ, коими помрачаютъ его имя. Непреходная его слава состоитъ въ томъ, что онъ предпріялъ великое намѣреніе составить братскій союзъ, который, всегда существуя и всегда бывъ хранителемъ наукъ и благонравія, былъ бы благовѣстникомъ истинны и добродѣтели, когда люди могли бы внимать первой, и исполнять вторую.

Великое число учениковъ вступило въ новое сіе заведеніе, онъ помѣстилъ ихъ въ безмѣрно пространное зданіе, гдѣ они жили въ общинѣ, и раздѣлены на разныя степени. Одни провождали жизнь свою въ размышленіяхъ о небесныхъ вещахъ. Другіе упражнялись въ наукахъ, и наипаче въ геометріи и астрономіи: иные наконецъ, именуемые отцаццы, (экономы) или градомудрцы, (политики) обязаны были имѣть смотрѣніе за домомъ и за всѣми нуждами, до него принадлежащими.

Великихъ затрудненій стоило быть принятѣу въ число учениковъ. Пиѳагоръ самъ

разсматривалъ свойство домагающагося, его привычки, его походку, его разговоръ, его молчанíе, впечатлѣнíе, производимое надъ нимъ предметами и освѣдомлялся о прежнемъ его поведенiи въ разсужденiи родителей и друзей. Удостоенный отдавалъ все свое имущество въ руки отцадцевъ.

Испытанiя новопринятаго продолжались многiе годы; но они сокращались для тѣхъ, которые скорѣе достигали до совершенства. Въ продолженiи полныхъ трехъ лѣтъ, подъ искусомъ находящiйся не пользовался никакимъ уваженiемъ, никакимъ почтенiемъ въ сообществѣ, но какъ будто преданъ былъ презрѣнiю. Потомъ осужденъ бывъ на пять лѣтъ къ молчанiю, учился обуздывать свое любопытство, пренебрегать мiръ и заниматься единымъ Богомъ. Очищенiя и разныя упражненiя въ благочестiи были всегдашняя его должность. Отъ времени до времени слышалъ онъ голосъ Пиѳагора, который скрывался отъ глазъ его подъ толстымъ покрываломъ и который по отвѣтамъ судилъ о разположенiи души его.

Когда были довольны успѣхами ученика, то допускали его къ священному ученiю. Но

естьли онъ надеждѣ своихъ учителей не соотвѣтствовалъ, то отсылали его изъ училища возвративъ ему все его имущество съ великимъ приумноженiемъ. Съ самой сей минуты почитали его какъ исключеннаго изъ числа живыхъ; во внутренности дома воздвигали ему гробницу, и члены сообщества отрицались признавать его собратомъ, естьлибы онъ нечаянно гдѣ съ ними встрѣтился. То же самое наказанiе опредѣлено было тѣмъ, кои мiрянамъ открывали священное ученiе.

Обыкновенные соучастники союза могли съ позволенiемъ, или лучше сказать, съ повелѣнiемъ начальника, возвратиться въ мiръ, исполнять должности, заниматься домашними своими дѣлами, не отказываясь однако отъ первыхъ своихъ обязанностей.

Непринятые какъ мущины, такъ и женщины, допускаемы были въ различные домы сообщества. Они препровождали въ нихъ цѣлые дни, и присутствовали при разныхъ упражненiяхъ.

Наконецъ добродѣтельные мужи, по большей части въ отдаленныхъ мѣстахъ

жившїе, присоединяемы были къ обществу, принимали участїе въ разпространенїи его успѣховъ, вникали часъ отъ часу больше въ его мудрость, и въ точности исполняли его правила.

Ученики, жившїе въ общинѣ, вставали весьма рано. За пробужденїемъ ихъ слѣдовали два разсмотрѣнїя: первое въ томъ, что они говорили и дѣлали наканунѣ: второе въ томъ, что они въ слѣдующїй день исполнять долженствовали. Первое служило имъ къ изощренїю памяти, второе къ порядочному учрежденїю ихъ поведенїя. Надѣвъ ризу бѣлую и чрезмѣрно чистую, принимались они за свои лиры, воспѣвали священные гимны до самой той минуты, въ которую предъ восходящимъ солнцемъ повергались на землю. (*) Потомъ каждый особенно отходилъ прогуливаться въ благоухающїя рощи или въ прїятныя уединенности Видъ и тишина сихъ прекрасныхъ мѣстъ доставляли душамъ ихъ спокойствїе и приготовляли къ ученымъ раз-

---

(*) Кажется, что Сократъ при восхожденїи солнца, по примѣру можетъ быть Пиѳагорейцевъ, кланялся въ землю.

говорамъ, кои по возвращенiи ихъ обыкновенно начинались.

Разговоры сiи производились почти всегда въ храмѣ и касались единственно до основательныхъ наукъ или до нравоученiя. Искусные учители изъясняли имъ начальныя въ оныхъ правила и доводили ихъ до высочайшаго умозрѣнiя. Часто предлагали имъ въ предметы для размышленiя какое либо обильное начало, или правило, къ просвѣщенiю служащее. Пиѳагоръ, умѣвшiй обозрѣвать все въ единый мигъ, и объяснять все единымъ словомъ, сказалъ имъ нѣкогда: что есть вселенная?—порядокъ. Что есть дружба? равенство. Сiи превосходнѣйшiя, и тогда новыя опредѣленiя привлекли и возвысили всѣ умы. Первое имѣло столь великiй успѣхъ, что прежнiя наименованiя, Греками вселенной придаваемыя, были вовсе отмѣнены. За упражненiями разума слѣдовали тѣлесныя упражненiя, какъ то бѣганiе и борьба: и сiи дружественныя сраженiя производились въ рощахъ или въ садахъ.

При обѣдѣ предлагали имъ хлѣбъ и медъ, а рѣдко вино. Тѣ, кои стремились къ дости-

женію совершенства, часто вкушали только хлѣбъ и воду. Вышедъ изъ за стола, занимались они дѣлами, отъ постороннихъ людей на судъ и рѣшеніе ихъ предлагаемыми. Потомъ соединясь по два, по три, ходили опять прогуливаться, повторяли и разсуждали между собою о тѣхъ наставленіяхъ, которыя по утру они получили. При сихъ разговорахъ злословіе, ругательство, насмѣшки и излишнія слова строго запрещены были.

Возвратясь домой, ходили они въ баню, которую оставя, раздѣлялись по разнымъ комнатамъ, гдѣ набраны были столы, каждый на десять приборовъ. Подавали имъ вино, хлѣбъ, овощи и травы вареныя или сырыя, иногда участки животныхъ, въ жертву приносимыхъ, а рѣдко рыбу. Ужинъ ихъ оканчивался всегда предъ захожденіемъ солнца, а начинался молитвами къ богамъ и воскуреніемъ ѳиміама и разныхъ благовоній.

Я позабылъ тебѣ сказать, что въ нѣкоторые дни года дѣланъ былъ для нихъ обѣдъ превкусный и преизобильный, на которой они нѣкоторое время только смотрѣли, который потомъ отсылали къ рабамъ, вставали изъ

за стола, не вкусивъ даже и обыкновенной своей пищи.

Послѣ ужина исполняемы были новыя жертвенныя возлїянїя: и одинъ изъ самыхъ младшихъ учениковъ долженъ былъ читать то, что самый старшїй имѣлъ право избрать. Сей старшїй, предъ отпускомъ ихъ, напоминалъ имъ сїи важныя правила: „Не переставайте почитать боговъ, генїевъ и „ироевъ; уважайте тѣхъ, отъ коихъ получи„ли вы жизнь, или благодѣянїя, и летите все„гда на помощь нарушенныхъ законовъ„. Чтобъ вселить въ нихъ больше и больше духъ кротости и справедливости: „Берегитесь, говаривалъ онъ имъ, исторгать изъ земли древо, или растѣнїе, человѣку пользу приносящее, и умерщвлять животное, ничѣмъ его не оскорбившее.„

Удалясь въ свои келїи, требовали они самихъ себя на свой собственный судъ; разсматривали подробно свое поведенїе, и упрекали себя въ погрѣшностяхъ, ими содѣланныхъ и упущенныхъ. По семъ изслѣдованїи, которое одно могло бы насъ исправить въ нашихъ порокахъ, принимались они паки за лиры, и воспѣвали гимны въ честь боговъ. По утру по своемъ пробужденїи употребляли они

мусикїю для разогнанїя паровЪ сна, а вЪ вечеру для усмиренїя чувственныхЪ волненїй. Смерть ихЪ была спокойна. Полагали тѣла ихЪ, какЪ еще и нынѣ водится, вЪ гробы, убранные листьемЪ миртовымЪ, оливнымЪ, и осокорьнымЪ. Погребенїе ихЪ сопровождаемо было обрядами, коихЪ намЪ не позволено открывать.

ВЪ теченїи всей ихЪ жизни, два чувствїя, или лучше сказать, единственное чувствїе долженствовало ихЪ одушевлять: внутреннѣйшее соединенїе сЪ богами и совершеннѣйшее соединенїе сЪ человѣками. Главная обязанность ихЪ была заниматься божествомЪ, находиться всегда вЪ его присутствїи, и поступать во всемЪ по его волѣ. ИзЪ сего то происходитЪ то благоговѣнїе, которое не позволяло имЪ произносить его имени вЪ своихЪ клятвахЪ; та чистота во нравахЪ, которая творила ихЪ достойными его воззрѣнїя; сїи непрестанныя между собою увѣщанїя, чтобЪ не удалять своего разума отЪ Бога, живущаго вЪ душахЪ ихЪ, и сїя ревность, сЪ которою прилѣжали они кЪ прорицательной наукѣ, яко единому средству, намЪ оставшемуся, для познанїя его намѣренїй.

Изъ сего-то произтекали еще тѣ чувствія, которыя соединяли ихъ между собою и съ другими людьми. Никто не зналъ и не чувствовалъ такъ сильно дружбы, какъ Пиѳагоръ. Онъ первый произнесъ сіе прекрасное и преутѣшительное слово: *другъ мой есть другій я*. Въ самомъ дѣлѣ, когда я нахожусь съ моимъ другомъ, тогда я не одинъ, и мы не двое.

Какъ въ вещественномъ и нравственномъ относилъ онъ все къ единицѣ, то хотѣлъ, чтобъ всѣ ученики его имѣли единую мысль и единую волю. Лишась всякой собственности, но бывъ свободны отъ всякихъ обязанностей, нечувствительны ко всякому любочестію, къ тщетной славѣ, къ малымъ выгодамъ, обыкновенно людей разсоривающимъ, боялись они только соперничества въ добродѣтели и противоборствія въ свойствахъ. Съ самаго принятія въ сообщество, величайшія старанія клонились къ тому, чтобъ побѣдить сіи препятствія. Союзъ учениковъ, утвержденный на желаніи, чтобъ угодить божеству, доставлялъ имъ торжество безъ величавости, и соревнованіе безъ зависти.

Они учились забывать самихъ себя, жертвовать другъ другу взаимно своими мнѣнія-

ми, не огорчать дружбы недовѣрчивостію, ниже самою малою ложью, ни безвременными шутками, ни увѣреніями безполезными.

Они учились еще безпокоиться при малѣйшей отъ кого либо холодности. Когда въ ихъ разговорахъ о нѣкоторыхъ философскихъ задачахъ вырывались нечаянно слова досадныя, то не давали закатиться солнцу прежде соединенія своихъ рукъ въ знакъ примиренія. Одинъ изъ нихъ въ подобномъ случаѣ, прибѣжалъ къ своему другу и сказалъ: забудемъ нашъ гнѣвъ, и будь судіею нашей расприи. Соглашаюсь на то охотно, отвѣчалъ послѣдній; но я долженъ стыдиться, что будучи тебя старѣе, не предупредилъ тебя.

Они учились побѣждать сіи несходства во нравахъ, чрезъ которыя дружба утомляется и хладѣетъ. Естьли они чувствовали, что кровь ихъ кипѣла во внутренности сердца, естьли они предвидѣли печаль или досаду, то удалялись, и укрощали невольное свое смятеніе или чрезъ разсужденія, или чрезъ пѣсни, къ различнымъ пристрастіямъ души присвоенныя.

Сею развязностію въ разумѣ, сею уступчивостію въ поведеніи, которое ихъ друж-

бою соединяло, обязаны они своему воспитанію. Во время ихъ юности, почтенные и снисходительные наставники почитали должностію не раздражать ихъ свойствъ, но поправлять оныя съ кротостію въ приличное время, и втайнѣ. Таковыя наставленія походили больше на представленія, нежели на укоризну.

Пиѳагоръ, управлявшій всемъ сообществомъ съ нѣжностію отца, но со властію Монарха, жилъ съ учениками какъ съ своими друзьями; имѣлъ объ нихъ попеченіе въ болѣзняхъ, и утѣшалъ ихъ въ горестяхъ. Отеческое его вниманіе и превосходныя познанія доставили ему такую власть надъ разумомъ учениковъ, что малѣйшія его слова почитали они прорицалищами, и что на противорѣчіе отвѣчали они часто сими словами: *Онъ сіе сказалъ.* Такимъ то образомъ умѣлъ онъ впечатлѣть въ ихъ сердца сію рѣдкую и безподобную дружбу, которая вошла и въ пословицу.

Дѣти сего великаго семейства, разсѣяннаго по различнымъ странамъ свѣта, никогда не видавшись, познавали себя по нѣкоторымъ

знакамъ, и при первомъ свиданіи обходились дружелюбно, какъ будто бы всегда они знались. Соучастіе ихъ въ судьбѣ одного съ другимъ толь тѣсно сопряжено, что многіе изъ нихъ проѣзжали моря и подвергали опасности все свое богатство для того только, чтобъ возстановить благоденствіе брата, пришедшаго въ упадокъ или нищету.

Хочешь ли знать трогающій примѣръ взаимной ихъ довѣренности? Одинъ изъ нашихъ, странствуя пѣшкомъ, заблуждается въ пустынѣ; изнуренный въ силахъ приходитъ наконецъ во гостинницу, гдѣ и впадаетъ въ болѣзнь. Будучи къ смерти близокъ и даже неспособенъ признавать попеченія, въ помощь ему прилагаемыя, начертываетъ онъ дрожащею рукою нѣкія символическіе знаки на дощечкѣ, и велитъ оную положить при большой дорогѣ. Спустя долгое время послѣ его смерти случай приводитъ въ отдаленныя сіи мѣста другаго ученика Пиѳагорова. Увѣдомясь по загадочнымъ чертамъ, попавшимся ему въ глаза, о несчастіи перваго пѣшеходца, останавливается въ гостинницѣ, платитъ съ лихвою за всѣ издержки хозяину и путь свой продолжаетъ.

Анахарсисъ. Сему я не удивляюсь. Вотъ что мнѣ разсказывали въ Ѳивахъ. Не зналъ ли ты Лисиса?

Самосецъ. Онъ былъ украшенїемъ нашего сословїя. Еще въ младости своей нашелъ онъ средство избѣжать того гоненїя, которое погубило столь многихъ знаменитыхъ Пиѳагористовъ; спустя нѣсколько лѣтъ поѣхалъ онъ въ Ѳивы, и принялъ на себя трудъ воспитывать Эпаминонда.

Анахарсисъ. Лисисъ умеръ. Ваши Италїйскїе мудрецы, опасаюсь, что при погребенїи его не были наблюдены обряды, вамъ свойственные, прислали въ Ѳивы Ѳеанора, требовать тѣла Лисисова и раздѣлить подарки тѣмъ, которые помогали Лисису въ старости. Ѳеаноръ увѣдомился, что Эпаминондъ, посвященный въ ваши таинства, уже погребъ его по вашимъ правиламъ, и не могъ никому доставить денегъ, ему ввѣренныхъ.

Самосецъ. Ты напоминаешь объ одномъ поступкѣ Лисиса. Нѣкогда вышедъ изъ храма Юноны, встрѣтился онъ подъ переходомъ съ однимъ своимъ собратомъ, Эврифе-

момЪ СиракузскимЪ, который попросивЪ его подождать не много, пошелЪ поклониться истукану богини. По долгомЪ размышленіи, вЪ которое онЪ неприметнымЪ образомЪ углубился, вышелЪ изЪ храма чрезЪ другія двери. На другой день, почти уже подЪ вечерЪ, явился онЪ вЪ собраніи учениковЪ, которые безпокоились объ отсутствіи Лисиса. ТутЪ то ЭврифемЪ вспомнилЪ объ обещаніи, которое онЪ получилЪ отЪ Лисиса, побежалЪ кЪ нему и нашелЪ его у преддверія, спокойно сидящаго на томЪ же камне, на которомЪ на кануне его оставилЪ.

ТотЪ не будетЪ удивляться таковой твердости, кто знаетЪ правило, коимЪ последуетЪ наше собратство. Оне строги и безпощадны. Не только не терпятЪ нималейшихЪ послабленій вЪ законахЪ строгости, но полагаютЪ совершенство вЪ томЪ, чтобЪ превращать советы вЪ правила.

Анахарсисъ. Но вы имеете много мелочныхЪ и ничего не значущихЪ правилЪ, кои унижаютЪ душу; напримерЪ: не смей положить левую ногу на правую; не смей обрезывать ногтей вЪ праздничный день, ни

употреблять на ваши гробы кипариснаго дерева.

Самосецъ. Ахъ! не суди насъ по сему множеству предписаній, по большей части прибавленныхъ строгими взыскателями, хотѣвшими еще усовершить наилучшія правила, изъ коихъ многія содержатъ въ себѣ верховныя истинны, а всѣ предписаны для того, чтобъ мы упражнялись въ терпѣніи и другихъ добродѣтеляхъ. Надобно узнавать силу нашего учрежденія въ важныхъ случаяхъ жизни. Ученикъ Пиѳагоровъ не покажетъ ни слезъ, ни жалобъ въ несчастіи, ни страха, ни слабости въ опасности. Естьли онъ съ кѣмъ споритъ объ имуществѣ, то не унижается до прозьбы; ибо онъ требуетъ правосудія; не унижается и до лести, ибо онъ любитъ только истинну.

Анахарсисъ. Оставимъ дальнѣйшія подробности. Я знаю все, что вѣра и философія производить могутъ въ умахъ пылкихъ и обузданныхъ; но знаю также, что за страсти пожертвованныя вознаграждаемъ себя тѣми страстями, которыя еще въ насъ остаются. Я видѣлъ одно сообщество, которое раздѣляло свое время между наукою и молит-

вою; лишалось безъ трудности чувственныхъ удовольствій и пріятностей жизни; уединенія, воздержанія, изнуряющія строгости не стоили ему ничего; но чрезъ сіе то самое и управляетъ оно народомъ и царями. Я говорю о жрецахъ Египетскихъ, коихъ учрежденіе кажется мнѣ совершенно сходно съ вашимъ.

Самосецъ. Съ тѣмъ только различіемъ, что они, не стараясь исправить народъ, пекутся единственно о пользѣ своего общества.

Анахарсисъ. Вамъ дѣланы были тѣже самые упреки. Не говорили ли, что, наполнясь слѣпымъ повиновеніемъ къ вашему начальнику, и буевѣрною приверженностію къ вашему собратству, почитали вы другихъ людей низкими животными?

Самосецъ. Мы унижаемъ человѣчество! Мы, которые почитаемъ благотвореніе главнѣйшимъ средствомъ, къ божеству насъ приближающимъ; мы, которыхъ труды и подвиги къ тому только клонились, чтобъ возстановить тѣсный союзъ между небомъ и землею, между жителями одного и тогоже города, между дѣтьми одного и тогоже се-

мейства, между всѣми существами живущими, какого бы рода онѣ ни были!

Въ Египтѣ жреческій чинъ старается только о приобрѣтеніи себѣ почитанія и довѣрія. Онъ же защищаетъ и самовластіе, которое съ своей стороны и его защищаетъ; а Пиѳагоръ любилъ нѣжно всѣхъ человѣковъ, ибо онъ желалъ, чтобъ всѣ были свободны и добродѣтельны.

Анахарсисъ. Но могъ ли онъ льститься, чтобъ всѣ люди того желали столь усердно, какъ онъ, и чтобъ малѣйшее потрясеніе не низвергло зданія законовъ и добродѣтелей?

Самосецъ. По крайней мѣрѣ достоинъ онъ славы за то, что утвердилъ основаніе къ сему зданію, и первые успѣхи заставили его надѣяться, что онъ воздвигнетъ оное до нѣкоей высоты. Я разсказывалъ тебѣ, какую перемѣну во нравахъ причинило сначала прибытіе его въ Италію. Сія перемѣна распространялася бы постепенно, ежели бы могущіе люди, но въ порокахъ погрязшіе, не возъимѣли буйнаго любочестія вступить въ собратство. Имъ было отказано, и сей

отказъ причинилъ разрушеніе сообщества. Клевета возстала, какъ скоро увидѣла себя подкрѣпляемою. Мы сдѣлались ненавистны народу, ибо мы запрещали раздавать по жеребью начальствующія должности; ненавистны богачамъ, ибо мы назначали оныя однимъ достойнымъ людямъ. Наши слова перетолкованы были въ изрѣченія измѣнниковъ, наши собранія въ заговоры бунтовщиковъ. Пиѳагоръ, изгнанный изъ Кротоны, не нашелъ убѣжища у народовъ, кои должествовали ему своимъ благоденствіемъ. Самая смерть его не укротила гоненія. Многіе ученики его, соединенные въ одномъ домѣ, преданы были пламени, и всѣ почти погибли. Другихъ разсѣявшихся жители Кротонскіе, признавшіе ихъ невинность, хотя призвали ихъ обратно спустя нѣсколько времени; но, при наступившей войнѣ, отличились они въ одномъ сраженіи, и кончили невинную жизнь свою славною смертію.

Хотя послѣ сихъ несчастныхъ приключеній сословіе угрожаемо было скорымъ разрушеніемъ, однако продолжало чрезъ нѣкоторое время избрать начальника для своего управленія. Діодоръ, единый изъ послѣднихъ,

не любилъ чистоты, которую Пиѳагоръ чрезмѣрно наблюдать намъ совѣтовалъ; почему и вымыслилъ нравы строжайшїе, наружность небрежнѣйшую, и одежду трубѣйшую. Онъ имѣлъ послѣдователей, но сообщество всегда различало братьевъ стараго управленїя отъ послѣдняго новаго.

Теперь, оставшись въ маломъ числѣ, разлучась одни съ другими, не возбуждая ни зависти ни сожалѣнїя, мы исполняемъ втайнѣ заповѣди нашего основателя. Суди о силѣ оныхъ при началѣ нашего учрежденїя, по той силѣ, которую онѣ и теперь еще имѣютъ. Мы образовали Эпаминонда, и Фокїонъ образовался по нашимъ же примѣрамъ.

Не имѣю нужды напоминать тебѣ, что сїе братство произвело великое множество законодателей, геометровъ, астрономовъ, естествоиспытателей, славныхъ мужей во всѣхъ родахъ: оно просвѣтило Грецїю и новѣйшїе философы въ нашихъ писателяхъ почерпнули большую часть открытїй, украшающихъ ихъ сочиненїя.

Слава Пиѳагора возросла чрезъ то высоко. Повсюду получаетъ онъ отличное мѣ-

сто между Мудрецами. Въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи воздается ему почесть божественная. Онъ наслаждался уже ею и при жизни. Не удивляйся сему; зри, какъ народы, и самые философы говорятъ о законодателяхъ и учителяхъ человѣческаго рода. Они не человѣки, но боги; души высшей степени, которыя, низшедъ съ неба въ тартаръ нами обитаемый, благоволили облещись въ человѣческое тѣло, и раздѣлить наши горести, дабы учредить между нами законы и любомудріе.

Анахарсисъ. Надобно однако признаться, что сіи благотворные геніи имѣли успѣхи только преходящіе; и поелику поправленіе и преобразованіе ихъ не могло ни распространиться, ни долговременно существовать, то заключаю изъ того, что человѣки всегда пребудутъ неправосудны и порочны.

Самосецъ. Такъ; ежели, какъ сказалъ Сократъ, небо не просвѣтитъ ихъ болѣе и Богъ, изъ сожалѣнія къ ихъ слѣпотѣ и невѣжеству, не пошлетъ къ нимъ такого, кто бы возвѣстилъ имъ его слово, и открылъ его волю.

На другій день послѣ сихъ разговоровъ мы поѣхали въ Аѳины, и нѣсколько мѣсяцовъ спустя, отправились къ празднествамъ въ Делосѣ.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТАЯ.

Делосъ и Циклады.

Въ благополучной странѣ, въ которой живу, весна подобится зарѣ прекраснаго дня. Весна въ Делосѣ даетъ наслаждаться и тѣми пріятностями, которыя съ собою приноситъ, и тѣми, которыя обѣщаетъ. Солнечное сіяніе не помрачается грубыми парами, и не разпаляется зноемъ песіихъ дней. Оно проливаетъ свѣтъ чистый, не премѣняющійся, благотворный, и всѣ предметы усладительною теплотою оживляющій. Сей свѣтъ подобенъ тому свѣту, которымъ боги на Олимпѣ увѣнчаваются.

Когда сей свѣтъ является на горизонтѣ, то раждающіеся листы на древахъ колеблются; на брегахъ Илисса раздается пѣніе птицъ; и эхо отъ горы Гиметты разноситъ звуки сельскихъ свирѣлей. Когда онъ начинаетъ погасать, то небо облекается сверкающимъ покровомъ, и Аттическія Нимфы выходятъ робкими стопами на муравахъ для легкихъ плясокъ. Но вскорѣ тотъ свѣтъ начинаетъ паки появляться, и тогда не жа-

лѣютъ ни о прохладѣ протекшей ночи, ни о сїянїи прошедшаго дня. Кажется, что новое солнце возходитъ надъ новою вселенною, и приноситъ отъ востока цвѣты, неизвѣстные смертнымъ. Каждый мигъ прибавляетъ новый блескъ красотамъ природы; въ каждый мигъ великое дѣло оживотворенїя существъ, шествуетъ къ своему совершенству.

О блистательные дни! О прелестныя ночи! Какимъ восхищенїемъ наполняло душу мою сїе множество видовъ, которые вы представляли моимъ чувствамъ! о божество утѣхъ! о весна! я видѣлъ тебя сей годъ во всей твоей славѣ; ты протекала, яко побѣдительница по всѣмъ полямъ Грецїи, и сыпала на нихъ съ твоей главы цвѣты, коими онѣ украшаться долженствовали; явилась ты въ долинахъ? онѣ преобразились въ веселые луга; явилась ты на горахъ? лавенды, тьмины и чеберъ испаряли различныя благовонїя. Возвышалась ты на воздухъ? разливалась тамо ясность твоихъ взоровъ. Купидоны съ поспѣшностїю прилетали на твой голосъ, бросали на всѣ стороны раскаленныя свои стрѣлы и земля отъ нихъ воспламенялась. Все возрождалось, чтобъ украшаться, все укра-

шалось, чтобъ нравиться. Таковъ казался мiръ, выступившiй изъ хаоса, въ тѣ блаженныя минуты, въ кои человѣкъ, восхищенный жилищемъ, въ которомъ обиталъ, удивленный и предовольный своимъ существованiемъ, какъ казалось, одаренъ былъ разумомъ лишь для того, чтобъ позналъ свое блаженство; сердцемъ, чтобъ онаго всегда желалъ; душею, чтобъ оное всегда чувствовалъ.

Сiе прекрасное время года соединено было съ празднествами еще прелестнѣйшими, которыя отправлялись каждые четыре года въ Делосѣ, въ честь рожденiя Дiаны и Аполлона. Поклоненiе симъ божествамъ существуетъ на семъ островѣ уже многiе вѣки. Но какъ оно начинало уже ослабѣвать, то Аѳиняне, во время Пелопонесской войны, учредили тамъ игры, которыя привлекаютъ множество разныхъ народовъ. Аѳинское юношество пылало ревностiю тамъ отличиться: весь городъ былъ въ движенiи. Въ немъ приготовлялось такъ же и торжественное посольство, которое ежегодно отправляется, для принесенiя въ храмъ Делосскiй дани благодарности за побѣду, одержанную Ѳисеемъ надъ Минотавромъ. Дань сiя отвозит-

ся на томъ же кораблѣ, на которомъ сей герой переѣзжалъ нѣкогда въ Критъ, и котораго корма увѣнчана была священными руками жреца Аполлонова. Я пошелъ съ Филотомъ и Лисисомъ въ Пирей; море покрыто было легкими судами, которыя въ Делосъ отправлялись. Мы не имѣли свободы въ выборѣ. Подхватили насъ гребцы, коихъ шумная и живая радость смѣшивалась съ радостїю безчисленнаго народа, бѣгущаго на берегъ. Они тотчасъ подняли парусы; вышли изъ пристани, и къ вечеру привезли насъ на островъ Кеосъ.

На другїй день проплыли мы мимо Сироса, и оставя въ лѣвѣ Теносъ, вошли въ каналъ, отдѣляющїй Делосъ отъ острова Ренея. Мы тотчасъ увидѣли храмъ Аполлоновъ и поклонились ему съ новымъ восхищенїемъ радости. Городъ Делосъ открылся почти весь предъ нашими взорами. Мы разсматривали съ жадностїю сїи великолѣпныя зданїя, сїи красивые переходы, безчисленное множество столповъ, коими они украшены; и сїе зрѣлище, перемѣняющееся по мѣрѣ нашего приближенїя, уменшало въ насъ желанїе туда приставать.

Вышедъ на берегъ, поспѣшили мы во храмъ, отстоявшій отъ насъ не болѣе ста шаговъ. Ужѐ болѣе тысячи лѣтъ, какъ Эризихѳонъ, сынъ Кекропа, основалъ его, а разныя области Греческія не престаютъ оный украшать; онъ былъ обвѣшенъ цвѣточными сплетеніями и поясами, которые различіемъ своихъ красокъ придавали новый блескъ Паросскому мармору, изъ котораго онъ состроенъ. Во внутренности храма мы видѣли истуканъ Аполлоновъ, который меньше славенъ по изяществу работы, нежели по своей древности. Божокъ держитъ въ правой рукѣ лукъ, а для показанія, что музыка обязана ему своимъ началомъ и пріятностями, поддерживаетъ лѣвою трехъ Грацій, изъ коихъ первая изображена съ лирою, вторая съ свирѣлью, а третія съ сиповкою.

Подлѣ истукана стоитъ жертвенникъ, почитаемый чудомъ міра. Не златомъ, не марморомъ онъ удивляетъ; рога животныхъ, искривленные и согнутые великою силою, и сплетенные искусно безъ всякой видимой скрѣпы, составляютъ одно цѣлое, столько же твердое, какъ и правильное. Жрецы, долженствующіе украшать сей жертвенникъ цвѣ-

тами и вѣтьвями, дали намъ замѣтить замысловатый составъ его частей. Самъ богъ, воскликнулъ юный служитель храма, имѣлъ попеченіе еще въ дѣтствѣ своемъ соединять сіи части. Сіи страшные рога, висящіе на сей стѣнѣ, и рога, изъ которыхъ жертвенникъ составленъ, суть остатки отъ дикихъ козъ, пасшихся на горѣ Кинфѣ и застрѣленныхъ Діаною. Здѣсь взоры останавливаются на единыхъ чудесахъ. Сіе пальмовое древо, простирающее свои вѣтьви надъ нашими головами, есть то священное древо, которое служило опорою Латонѣ, когда она родила сіи божества, коимъ покланяемся. Видъ сего жертвенника прославился задачею геометрическою, которую можетъ быть никогда и никто въ точномъ ея смыслѣ не рѣшитъ. Моровая язва опустошала сей островъ, а война терзала Грецію. Прорицалище, отцами нашими вопрошаемое, отвѣчало: что наказанія ихъ прекратятся, ежели они сдѣлаютъ сей жертвенникъ вдвое больше, нежели каковъ онъ теперь. Они мыслили, что довольно будетъ, когда увеличатъ его вдвое во всѣхъ частяхъ; но увидѣли съ удивленіемъ, что строили превеликую громаду въ восемь разъ болѣе видимаго вами теперь жертвенника.

По

многихъ другихъ неудачныхъ опытахъ, совѣтовались они съ Платономъ, возвращавшимся изъ Египта, который посланнымъ сказалъ: что богъ чрезъ сіе изрѣченіе посмѣвается надъ невѣжествомъ Грековъ, и увѣщаваетъ ихъ паче упражняться въ основательныхъ наукахъ, нежели заниматься безпрерывными распрями. Въ тоже время предложилъ имъ простое и механическое средство, какъ рѣшить задачу. Но зараза прекратилась, когда отвѣтъ его былъ присланъ. ,,Конечно прорицалище предвидѣло сіе, сказалъ мнѣ Филотъ.,,

Слова сіи, хотя тихо произнесенныя, привлекли вниманіе одного Делосскаго гражданина, который подошелъ къ намъ, показывалъ жертвенникъ менше украшенный, нежели прежній. Сей жертвенникъ, сказалъ онъ, никогда не обагряется жертвенною кровію; пожирающій пламень никогда на немъ не возгнѣщается. Тутъ то Пиѳагоръ, по примѣру народа, приносилъ въ жертву опресноки, ячмень и пшеницу, и безъ сомнѣнія пріятнѣе было богу просвѣщенное благоговѣніе сего великаго мужа, нежели сіи токи крови, на жертвенникахъ нашихъ непрестанно проливаемой. Потомъ показалъ намъ всѣ рѣд-

кости, примѣчанія достойныя, во внутренности храма. Мы слушали его съ почтеніемъ, удивлялись мудрымъ его разговорамъ, пріятности его взоровъ и нѣжному въ насъ участію. Но коль велико было удивленіе наше, когда послѣ взаимныхъ изъясненій узнали мы въ немъ Филоклеса. Онъ былъ знатнѣйшій въ Делосѣ гражданинъ по богатству и по другимъ достоинствамъ. Онъ былъ отецъ Исмены, о красотѣ которой всѣ Греческія женщины разговаривали. Онъ тотъ, который по письмамъ изъ Аѳинъ долженъ былъ оказывать намъ гостепріимство. По многихъ дружественныхъ нашихъ объятіяхъ, „спѣшите, сказалъ онъ, идите поклониться моимъ домашнимъ богамъ, идите видѣть Исмену: вы будете свидѣтелями ея брака; идите видѣть Левкиппу, счастливую мать ея, и раздѣлите съ нею радость. Онѣ обѣ примутъ васъ не какъ странниковъ, но какъ друзей, коихъ имѣли на землѣ, и коихъ небо давно уже имъ назначало. Такъ, клянуся вамъ, присовокупилъ онъ, пожимая наши руки, что всѣ, любящіе добродѣтель, имѣютъ право на дружбу Филоклеса и его семейства.„

Мы вышли изъ храма: нетерпѣливое усердіе его едва позволяло намъ посмотрѣть

на сіе множество истукановъ и жертвенниковъ, которые храмъ окружали. Посреди сихъ памятниковъ возвышается кумиръ Аполлона вышиною около двадцати четырехъ футовъ; длинные кудри развѣваются по его плечамъ, и его плащъ, подобранный на лѣвую руку, кажется покорнымъ дуновенію зефира. Образъ и подножіе, его поддерживающее, высѣчены изъ цѣльной глыбы мармора. Жители Наксоса поставили его въ сіе мѣсто. Близь сего огромнаго истукана Никій, полководецъ Аѳинскій, повелѣлъ воздвигнуть бронзовую пальму, коея работа столько же драгоцѣнна, какъ и самое вещество. Далѣе читали мы на многихъ истуканахъ сію надменную надпись: *Островъ Хіо славится по своимъ превосходнымъ винамъ; но впредь славиться будетъ по твореніямъ Вулала и Аѳерма.* Оба сіи художника жили назадъ тому два вѣка. Послѣдовавшіе за ними Фидій и Пракситель помрачили ихъ совершенно. Тако желавшіе увѣковѣчить свою славу увѣковѣчили только свое тщеславіе.

Городъ Делосъ не имѣетъ ни башенъ, ни стѣнъ, и защищается однимъ присутствіемъ Аполлона. Домы состроены изъ кирпича, или нѣкоего рода гранита, коего на ос-

трове довольно находится. Домъ Филоклесовъ стоялъ на берегу озера, покрытаго лебедями, и почти со всѣхъ сторонъ окруженнаго пальмами.

Левкиппа, увѣдомленная о возвращенiи своего мужа, вышла его встрѣтить, и мы почли ее Исменою, но скоро появилась сама Исмена, и мы почли ее богинею любви. Филоклесъ просилъ насъ оставить всякое принужденiе, и тогда-то мы познали и всю силу внезапнаго новаго знакомства и всю сладость стараго дружества.

Въ домѣ Филоклеса видно было повсюду изобилiе; но употребленiе онаго благоразумными распоряженiями устроено такимъ образомъ, что все служило къ удовлетворенiю нужды, а не для прихоти. Невольники, счасливые въ своемъ рабствѣ, предупреждали наши желанiя; одни возливали на наши руки и ноги воду, чистѣйшую кристалла; другiе отягчали плодами столъ, поставленный въ саду посреди миртовой бесѣдки. Мы начали возлiянiями въ честь боговъ, покровителствующихъ гостепрiимству. Дѣланы были намъ многiе вопросы о нашихъ путешествiяхъ,

Филоклесъ неоднократно приходилъ въ изумленіе при воспоминаніи о друзьяхъ, коихъ оставилъ на матерой землѣ Греціи. По нѣкоторыхъ пріятнѣйшихъ разговорахъ пошли мы съ нимъ смотрѣть на приготовленія къ празднествамъ.

Онѣ долженствовали начаться на другій день. Ибо въ сей день праздновалось въ Делосѣ рожденіе Діаны. Островъ наполнялся мало по малу иностранцами, привлеченными благочестіемъ, прибытками и удовольствіемъ. Наконецъ не находили уже въ домахъ пристанища. Поставлены были палатки на площадяхъ и на полѣ; здѣсь-то происходили свиданія послѣ долговременной разлуки, и здѣсь-то бросались въ объятія другъ къ другу. Сіи умилительныя явленія направляли путь нашъ въ различныя мѣста острова, и не менѣе примѣчая предметы, намъ представляющіеся, какъ и слушая рѣчи Филоклесовы, мы научались знать природу и свойства области, толь знаменитой въ Греціи.

Островъ Делосъ имѣетъ отъ семи до осьми тысячъ шаговъ въ окружности; ширина его составляетъ почти треть его дли-

ны. Гора Киноѳ, простирающаяся отъ Сѣвера къ Югу, оканчивается равниною, идущею къ Западу до самаго моря. На сей-то равнинѣ стоитъ городъ. Остатокъ острова вмѣщаетъ почву неровную и безплодную, кромѣ нѣкоторыхъ прiятныхъ долинъ, между разными холмами въ полуденной части находящихся. Источникъ Инопъ есть единственная вода, которою природа сей островъ надѣлила. Но въ различныхъ мѣстахъ водоемы и озера сохраняютъ чрезъ многiе мѣсяцы дождевую воду.

Делосъ управляемъ былъ въ началѣ царями, которые къ верховной своей власти присоединяли и верховное жречество: потомъ завладѣли имъ Аѳиняне, которые во время Пелопонесской войны сдѣлали его священнымъ. Гробы прежнихъ Делосскихъ жителей перевезены были на островъ Реней. Тамо потомки ихъ увидѣли въ первый разъ дневный свѣтъ, тамо должны они видѣть его и въ послѣднiй разъ. Но естьли они лишены преимущества родиться и умереть въ своемъ отечествѣ, то по крайней мѣрѣ пользуются въ немъ ненарушимымъ спокойствiемъ. Звѣрства варваровъ, ненависти народовъ, вражды частныхъ людей исчезаютъ при взглядѣ на

сїю священную землю. Кони Марсовы никогда не топчутъ ея окровавленными своими ногами: все, что изображаетъ войну, со всею строгостїю отсюда изгоняется; не терпятъ здѣсь даже животнаго, самаго вѣрнаго человѣку; ибо оно истребляетъ животныхъ слабѣйшихъ и боязливѣйшихъ (*). Наконецъ миръ избралъ Делосъ своимъ пребыванїемъ, а домъ Филоклесовъ своимъ жилищемъ.

Подходя къ нему, увидѣли мы юношу, на встрѣчу къ намъ идущаго, коего походка, станъ и черты лица не имѣли ничего смертнаго. Это Ѳеагенъ, сказалъ намъ Филоклесъ, его-то дочь моя избрала себѣ супругомъ, а Левкиппа назначила уже и день ихъ брака. О родитель мой! отвѣчалъ Ѳеагенъ, бросясь въ его объятїя, благодарность моя увеличивается каждую минуту. Пусть сїи великодушные иностранцы благоволятъ раздѣлить ее со мною. Они друзья и мнѣ, когда они друзья тебѣ: и я чувствую, что чрезмѣрная радость имѣетъ нужду въ подкрѣпленїи, какъ

(*) Не позволено было держать собакъ въ Делосѣ, дабы они не истребляли зайцовъ и кроликовъ.

и чрезмѣрная печаль. Вы простите сїе восхищенїе, ежели вы любили, сказалъ онъ намъ; а ежели не любили, то конечно простите, увидѣвъ Исмену. Участїе наше въ судьбѣ его, казалось, успокоило безпорядокъ его чувствъ, и облегчило тяжесть его счастїя.

Левкиппа и Исмена приняли Филоклеса съ такою же ласкою, какъ принимала Андромаха Гектора всякой разъ, когда онъ возвращался въ Илїонъ. Приготовленъ былъ ужинъ въ длинной храминѣ, украшенной истуканами и картинами. Сердца наши, отверзтыя для чистѣйшей радости, вкушали сладости искренности и дружбы.

Между тѣмъ Филоклесъ подалъ Исменѣ лиру, и желалъ, чтобъ она пропѣла одинъ изъ тѣхъ гимновъ, кои назначены для празднованїя рожденїя Дїаны и Аполлона. Изобрази твоимъ пѣнїемъ, сказалъ онъ, то, что дѣвы Делоса завтра изображать будутъ во храмѣ легкою своею пляскою. Анахарсисъ и Филотъ уразумѣютъ изъ сей пѣсни лучше происхожденїе нашихъ праздниковъ и свойство зрѣлища, которое мы представимъ ихъ взорамъ.

Исмена приняла лиру, и, какъ будто въ разсѣянїи, произвела нѣсколько звуковъ нѣжныхъ и трогающихъ, кои Ѳеагенъ не упустилъ примѣтить; и вдругъ послѣ скораго предъигранїя въ Дорическомъ вкусѣ, начала изображать чертами пламенными непримиримый гнѣвъ Юноны на ненавистную соперницу:,, тщетно Латона старается укрыться отъ ея мщенїя. Она имѣла несчастїе понравиться Юпитеру. Плодъ любви ея долженъ быть орудїемъ ея казни, и погибнуть съ нею; Юнона является въ небесахъ. Марсъ на горѣ Гемѣ во Ѳракїи, Ирида на горѣ близкой къ морю; отъ присутствїя ихъ трепещетъ воздухъ, земля и острова. Дрожащая, изумленная, мучимая уже болѣзнїю приближающихся родовъ Латона, по долговременномъ бѣганїи, приходитъ на брега рѣки, Ѳессалїю напояющей. О Пеней! вопїетъ она, остановись на минуту, и прїими въ тихїя твои воды дѣтей Юпитеровыхъ, коихъ ношу въ утробѣ. О Нимфы Ѳессалїйскїя, дщери бога, коего молю о помощи! соединитесь со мною преклонить его къ жалости. Но онъ меня не внимаетъ, и мои молитвы ускоряютъ еще е о теченїе. О Пелїонъ! О горы ужасныя! вы только единственная моя отрада. Увы

уже ли въ темныхъ вашихъ пещерахъ воспретите мнѣ имѣть убѣжище, которое вы и львицѣ родящей дозволяете?,,

,,При сихъ словахъ сжалившійся Пеней укрощаетъ движеніе своихъ кипящихъ волнъ. Марсъ видитъ сіе. Скрежещетъ отъ ярости, и въ намѣреніи погребсти сію рѣку подъ дымящимися развалинами горы Пангеи, испускаетъ громкій крикъ по воздуху, ударяетъ копіемъ по щиту своему. Сей шумъ, подобный шуму цѣлаго воинства, колеблетъ поля Ѳессалійскія, потрясаетъ гору Оссу, и съ ревомъ катится даже до глубокихъ пропастей Пинда. Пеней погибъ бы непремѣнно, естьлибы Латона не оставила мѣстъ, на кои присутствіе ея привлекало гнѣвъ небесный. Она приходитъ въ наши острова, умоляетъ о помощи, но они ей отказываютъ. Угрозы Ириды устрашаютъ ихъ.,,

,,Делосъ одинъ чувствуетъ меньше страха, нежели сострадан͡ія. Делосъ былъ тогда не что иное, какъ безплодный дикій камень, который вѣтры и волны съ мѣста на мѣсто сдвигали. Наконецъ бросили его посреди Кикладскихъ островъ, какъ скоро онъ

услышалъ жалостный вопль Латоны, тотчасъ онъ остановился, и доставилъ ей убѣжище на дикихъ брегахъ Инопа. Богиня, преисполненная благодарности, упадаетъ къ подножїю древа, которое покрываетъ ее своею тѣнїю, и которое за сїе благодѣянїе вѣчною весною наслаждаться станетъ. Здѣсь изнуренная усталостїю и изтощенная лютѣйшими страданїями открываетъ она почти померкшїя очи; здѣсь-то наконецъ взоры ея, и посреди болѣзненныхъ ощущенїй отъ радости блещущїя, встрѣтились съ сими дратоцѣнными залогами толикой любви, съ сими двумя дѣтями, коихъ порожденїе стоило ей толь многихъ слезъ. Нимфы Инопа, свидѣтельницы ея восхищенїй, возвѣщаютъ ихъ вселенной чрезъ священныя свои пѣсни, и Делосъ не будетъ уже игралищемъ непостоянныхъ волнъ: онъ покоится на столпахъ, воздвигшихся изъ глубины моря, и утвержденныхъ на основанїи мїра. Слава его распространяется всемѣстно; со всѣхъ странъ народы притекаютъ къ празднествамъ его, и возсылаютъ молитвы богу, родившемуся въ Делосѣ, все свое счастїе отъ присутствїя его прїобрѣтающемъ.,,

При сихъ послѣднихъ словахъ Исмена взглянула на Ѳеагена, и мы начали дышать свободно; но души наши чувствовали еще потрясенія ужаса и жалости. Никогда лира Орфеева, никогда голосъ Сиренъ не производили столь прельщающихъ звуковъ. Я и Ѳилотъ прерывали часто пѣніе Исмены невольными восклицаніями удивленія. Филоклесъ и Левкиппа оказывали ей многіе знаки нѣжности, которые ей были лестнѣе нашихъ похвалъ. Ѳеагенъ слушалъ и молчалъ.

Насталъ наконецъ сей день, ожидаемый съ нетерпѣніемъ. Заря показывала на горизонтѣ еще слабо путь солнца, какъ мы достигли уже до подножія Кинѳа. Гора сія посредственной высоты, и состоитъ изъ гранита, на которомъ блещутъ разныя краски, а наиболѣе частицы слюды, черноватыя и свѣтящіяся. Съ вершины горы видно чрезвычайное множество острововъ разной величины; они разсѣяны посреди морскихъ водъ съ такимъ же прекраснымъ безпорядкомъ, какъ звѣзды на небѣ. Взоры пробѣгаютъ ихъ съ жадностію, и паки ищутъ, потерявъ ихъ. Иногда странствуютъ они съ удовольствіемъ по извивамъ протоковъ, которыми острова раздѣляются;

иногда измѣряютъ они медленно озера и водныя равнины, кои между островами находятся. Ибо здѣсь не такое безпредѣльное море, при которомъ воображенiе столько же отягчается, сколько и удивляется великости зрѣлища, при которомъ мятущаяся душа, ищущая вездѣ своего успокоенiя, находитъ повсюду одну только пространную пустыню, которая ее печалитъ, и одно неизмѣримое пространство, которое приводитъ ее въ смущенiе. Здѣсь нѣдро водъ содѣлалось жилищемъ смертныхъ. Можно назвать сiе мѣсто городомъ, разсѣяннымъ по поверхности моря. Оно изображаетъ картину Египта, когда Нилъ разливается по полямъ, и, кажется, поддерживаетъ на своихъ водахъ холмы, доставляющiе жителямъ убѣжище.

Большая часть сихъ острововъ, сказалъ намъ Филоклесъ, называются Кикладскими; (*) ибо они составляютъ вкругъ Делоса, какъ нѣкую ограду. Сезострисъ, Египетскiй царь, покорилъ нѣкоторую часть оныхъ своей власти. Миносъ царь Критскiй управлялъ нѣ-

(*) *Киклъ* на Греч. языкѣ означаетъ кругъ.

которыми по своимъ законамъ. Финикїане, Карїане, Персы, Греки, всѣ народы, властвовавшїе моремъ, по временамъ имѣли ихъ въ подданствѣ или населяли; но переселенцы Греческїе истребили всѣ слѣды иностранныхъ населенїй, и важныя пользы соединили навсегда судьбу Кикладскихъ острововъ съ судьбою Грецїи.

Нѣкоторые изъ нихъ въ началѣ избирали себѣ царей; другїе получали оныхъ изъ рукъ своихъ побѣдителей. Но любовь къ свободѣ, свойственная Грекамъ, а островитянамъ еще свойственнѣе, низвергли иго, подъ которымъ они стонали. Всѣ сїи народы составили малыя республики, по большей части независящїя, одна другой завидующїя и ищущїя взаимно содержать себя въ равновѣсїи чрезъ союзы или чрезъ покровительства, испрошенныя на матерой землѣ. Они наслаждались тѣмъ счастливымъ спокойствїемъ, котораго народы могутъ ожидать только отъ одной своей незнатности, какъ Азїя напала на Европу, и Персы покрыли море своими кораблями. Устрашенные острова пришли въ несогласїе, раздѣлились и ослабѣли. Одни были столько низки, что присоединились къ не-

пріятелю, а другіе столько мужественны, что ему противились. По разбитіи Персовъ, Аѳиняне вознамѣрились завоевать всѣ сіи острова. Они вмѣнили имъ почти въ равное преступленіе и то, что Аѳинамъ помогали, и то, что ихъ оставляли; наконецъ покорили ихъ одинъ за другимъ подъ предлогами, больше или меньше справедливыми.

Аѳины дали имъ свои законы, наложили на нихъ подати, соразмѣрныя ихъ силамъ. Подъ защитою Аѳинскаго могущества процвѣтаютъ въ нѣдрахъ ихъ торговля, земледѣліе, художества. Киклады были бы счастливы, естьлибъ могли забыть, что они были нѣкогда свободны.

Не всѣ сіи острова равно плодоносны. Нѣкоторые едва удовлетворяютъ нуждамъ жителей. Таковъ есть Миконъ, который теперь видите на восточной сторонѣ Делоса, отъ котораго отстоитъ онъ на двадцать четыре стадіи. Нѣтъ тамъ источниковъ, упадающихъ съ горъ, и плодородіе полямъ приносящихъ. Земля, оставленная солнечному зною, проситъ непрестанно помощи отъ неба. Произращеніе хлѣба и другихъ для жизни Миконъ

земледѣльца нужныхъ житъ получается тамъ съ претяжкими трудами. Кажется, что земля сберегаетъ всю свою силу для пользы винограда и смоковныхъ деревъ, коихъ плоды весьма похваляются. Куропатки, перепелки и другія пролетныя птицы водятся тамъ въ великомъ множествѣ. Но сіи выгоды, общія и сему и другимъ сосѣднимъ островамъ, суть слабыя пособія для жителей, которые, кромѣ безплодія земли, жалуются еще на суровость климата. Головы ихъ лишаются очень рано естественнаго своего украшенія; и сіи развѣвающіеся власы, придающіе красотѣ столько пріятностей, кажется, даны были юношеству Миконскому только для того, чтобъ оно вскорѣ сожалѣло о его потерѣ.

Упрекаютъ Миконянъ, что они скупы и любятъ объѣдать другихъ; но охуждались бы они меньше, естьлибъ при избыточномъ богатствѣ были расточительны и роскошны; ибо величайшее несчастіе для бѣдности есть то, что раждаетъ пороки, но не даетъ средства къ полученію прощенія въ оныхъ.

Реней. Не столь великій, но плодоноснѣйшій, нежели Миконъ, островъ Реней, который ви-

дите на западѣ, и который отдаленъ отъ насъ только около пяти сотъ шаговъ, отличается плодоносными своими холмами и полями. Въ проливѣ, раздѣляющемъ оба острова, нѣкогда протянута была цѣпь, какъ будто для соединенія оныхъ. Тираннъ Самосскій Поликратъ повелѣлъ оную сдѣлать. Онъ мнилъ чрезъ сіе средство сообщить святость одного острова другому. Но Реней имѣетъ больше законнаго права на наше почитаніе. Онъ сохраняетъ прахъ нашихъ праотцевъ, онъ сохранять будетъ и наши кости. На сіе-то прямо противъ нашихъ глазъ стоящее возвышеніе пренесены были гробы, стоявшіе прежде въ Делосѣ. Они ежедневно умножаются чрезъ преселеніе наше изъ сего свѣта, и возвышаются изъ нѣдръ земныхъ, какъ будто трофеи, кои смерть покрываетъ грозною своею тѣнію.

Обратите взоръ свой къ сѣверо-западу; увидите брега острова Теноса. За стѣнами столицы находится одна изъ священныхъ рощей, коихъ невредимую древность вѣра почитаетъ, и надъ коими время тщетно размножаетъ суровость зимы. Темные пути его препровождаютъ къ великолѣпному храму, Теносъ.

который жители, повинуясь прорицалищамъ Аполлона, посвятили нѣкогда Нептуну. Онъ почитается древнѣйшимъ убѣжищемъ во всей Грецїи. Онъ окруженъ множествомъ великихъ зданїй, въ которыхъ учреждены всенародныя трапезы, и въ которыя собираются прїѣзжающїе во время празднествъ, отправляемыхъ въ честь сего бога. Между похвалами, ему произносимыми, прославляютъ его что онъ удаляетъ или уничтожаетъ болѣзни, страданїя человѣчеству приключающїя, и что онъ истребилъ змѣй, ради которыхъ сей островъ былъ необитаемъ.

Первые земледѣльцы, поселившїеся на семъ островѣ, создали, такъ сказать, новую землю, соотвѣтствующую желанїямъ хлѣбопашца, или оныя предупреждающую. Она приноситъ ему плоды самые лучшїе и хлѣбы всякаго рода. Безчисленное множество ключей бьетъ вверхъ повсюду, и красота полей, орошаемыхъ водами ихъ, еще болѣе умножается противуположностїю сухихъ и безплодныхъ горъ, оныя окружающихъ. Теносъ отдѣляется отъ Андроса проливомъ, шириною на двѣнадцать стадїй.

Андросъ.

На островѣ Андросѣ находятся горы, покрытыя древесами, какъ на Ренеѣ; источ-

ники еще обильнѣйшіе, нежели на Теносѣ; долины столько же прелестныя, какъ и въ Ѳессаліи; плоды, услаждающіе и взоръ и вкусъ; наконецъ городъ, прославившійся затрудненіями, нанесенными Аѳинянамъ при его завоеваніи, и поклоненіемъ Вакху, преимущественно въ немъ почитаемому.

Я видѣлъ радостные восторги, празднествами его производимые. Я видѣлъ ихъ въ тѣхъ лѣтахъ, въ коихъ душа удобно получаетъ впечатлѣнія; сіи впечатлѣнія воспоминаются всегда съ чувствительнымъ удовольствіемъ. Я былъ на кораблѣ, возвратившемся изъ Эвбеи. Обратя глаза наши къ востоку, удивлялись мы блистательнымъ предвѣстіямъ новораждающагося дня, какъ тысячи пронзительныхъ криковъ привлекли наши взоры на островъ Андросъ. Первые солнечные лучи показали намъ холмъ, увѣнчанный прекраснымъ храмомъ. Народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ, тѣснился около храма, возносилъ руки къ небу, покланялся въ землю, и предавался буйственной радости. Мы пристаемъ къ берегу, народъ увлекаетъ насъ на вершину холма; отовсюду кричатъ намъ: „пріидите, смотрите, вкусите. Сіи потоки вина,

„стремящїеся изъ храма Вакхова, были вчера, сея ночи, сего утра чистая только вода, а теперь Вакхъ есть виновникъ сего чуда; онъ творитъ оное каждый годъ въ одинакїй день, въ одинакїй часъ; онъ сотворитъ его завтра, послѣ завтра и въ семь дней сряду„ За симъ прерывистымъ разговоромъ послѣдовало вскорѣ пѣнїе прїятное и плѣняющее. Ахелой, воспѣвали въ пѣсняхъ, славенъ по своему тростнику; Пеней славенъ по долинѣ, имъ орошаемой; Пактолъ, по цвѣтамъ, покрывающимъ его берега; но источникъ, который теперь воспѣваемъ, дѣлаетъ людей сильными и говорливыми, и самъ Вакхъ велитъ намъ изъ него пить.

Въ то время, какъ служители храма, имѣя въ своей власти подземные погреба, изъ которыхъ проистекалъ сей источникъ, смѣялись такимъ образомъ надъ легковѣрїемъ народнымъ, покушался было я поздравить ихъ съ успѣхомъ ихъ хитрости, но оставилъ. Они обманывали народъ, но дѣлали его счастливымъ.

Гїаросъ. Въ разстоянїи почти равномъ отъ Андроса и Кеоса лежитъ малый островъ

Гїаросъ, достойное убѣжище разбойниковъ, ежели бы можно было очистить отъ оныхъ землю. Страна дикая и одними скалами исполненная. Природа отказала ей во всемъ, а островъ Кеосъ, кажется, ущедрила всѣми дарами.

Пастухи Кеоса воздаютъ божественную почесть, и посвящаютъ стада свои пастуху Аристею, который первой привелъ поселянъ на сей островъ. Они говорятъ, что онъ приходитъ иногда обитать въ тихихъ рощахъ, и изъ сихъ уединенныхъ мѣстъ надзираетъ надъ ихъ стадами, бѣлѣйшими снѣга. Кеосъ.

Жрецы Кеосскїе отправляются ежегодно на высокую гору примѣчать восхожденїе Песьей звѣзды, приносятъ ей и Юпитеру жертвы, и молятъ ихъ о возвращенїи имъ тѣхъ благотворныхъ вѣтровъ, которые чрезъ сорокъ дней утоляютъ зной солнечный, и прохлаждаютъ воздухъ.

Жители Кеоса создали храмъ въ честь Аполлона; сохраняютъ съ почтенїемъ и тотъ, который Несторъ, по возвращенїи изъ Трои, посвятилъ Минервѣ. Къ поклоненїю симъ двумъ божествамъ присоединяютъ они по-

клоненіе и Вакху. Сіе-то благочестіе, по видимому, привлекаетъ къ нимъ и милость боговъ. Островъ сей изобилуетъ плодами и паствами. Люди тамъ сильны и крѣпки, души ихъ естественно мужественны, и народъ столь многочисленъ, что принужденъ былъ раздѣлиться на четыре города, изъ коихъ главный есть Іулисъ. Онъ построенъ на холмѣ, и получилъ свое названіе отъ многоводнаго источника, истекающаго при подножіи сего возвышенія. Карессъ, отстоящій на двадцать пять стадій, служитъ ему пристанью, и его обогащаетъ торговлею.

Мы могли бы видѣть въ Іулисѣ примѣры здоровой и долголѣтней старости, ежели бы обычай или законъ не позволялъ самоубійства тѣмъ, которые, проживъ шестьдесятъ лѣтъ, почитаютъ себя не въ состояніи пользоваться жизнію, или лучше сказать, служить республикѣ. Они говорятъ, что стыдно переживать самаго себя, занимать на землѣ мѣсто, котораго наполнить не можно, и присвоять себѣ дни, которые даются лишь только для службы отечества. День, въ который прекращаютъ жизнь свою, есть для нихъ празднество. Они со-

бираютъ друзей своихъ, надѣваютъ на чело свое вѣнецъ, выпиваютъ чашу съ ядомъ, и нечувствительно погружаются въ вѣчный сонъ.

Столь смѣлые и безстрашные люди могли дерзать на все, чтобъ только сохранить свою независимость. Нѣкогда, бывъ осаждены Аѳинянами, и готовы сдаться ради недостатка въ пищѣ, они грозили имъ, что естьли прочь не отступятъ, то умертвятъ старѣйшихъ гражданъ, заключенныхъ въ городѣ. Изъ омерзѣнія ли къ убивству, изъ жалости ли, или единственно изъ робости, Аѳиняне оставили въ покоѣ народъ, презирающій равно природу и смерть. Они покорили ихъ по томъ и смягчили ихъ рабствомъ и художествами. Городъ украшенъ великолѣпными зданіями; мраморныя глыбы чрезмѣрной величины составляютъ его стѣны; подъѣздъ къ нему сдѣлался удобенъ по устроеннымъ и въ порядкѣ содержимымъ дорогамъ, кои расположены по скатамъ ближайшихъ горъ, но бо́льшее блистаніе придаетъ ему то, что въ немъ родились многіе славные мужи, между прочими Симонидъ, Вакхилидъ и Продикъ.

Симонидъ, Леопрепеса сынъ, родился около третьяго года пятдесятъ пятыя Олим- Симонидъ.

піады. Онъ заслужилъ почтеніе отъ царей, отъ мудрецовъ и великихъ мужей своего времени. Въ числѣ оныхъ былъ Иппархъ, котораго бы Аѳины обожали, ежели бы Аѳины могли терпѣть владыку; Павзаній, царь Лакедемонскій, котораго успѣхи противъ Персовъ вознесли на верхъ славы и гордости; Алевай, царь Ѳессалійскій, помрачившій славу своихъ предковъ и увеличившій славу своего народа; Гіеронъ, который сперва былъ тиранномъ въ Сиракузахъ, а наконецъ сдѣлался ихъ отцемъ; напослѣдокъ Ѳемистоклъ, который не былъ царемъ, но торжествовалъ надъ сильнѣйшимъ изъ царей.

По обычаю, продолжающемуся даже до нашихъ временъ, государи призывали къ своимъ дворамъ тѣхъ, кои отличались великими познаніями, или дарованіями превосходными. Иногда заставляли ихъ между собою спорить, и требовали отъ разума ихъ тѣхъ острыхъ словъ, которыя больше блестятъ, нежели просвѣщаютъ. Въ иное время вопрошали ихъ о таинствахъ природы, о началахъ нравственности, о образѣ правленій. На вопросы сіи надлежало отвѣчать ясно, скоро и точно; ибо надобно было наставлять государя, нравить-

ся придворнымъ, и приводить въ стыдъ соперниковъ. Большая часть сихъ отвѣтовъ разглашалась по всей Греціи, и дошла до потомства, которое не можетъ ихъ настоящимъ образомъ оцѣнить; ибо они заключаютъ въ себѣ неизвѣстныя на что либо намѣканія, или истинны, теперь намъ весьма знакомыя.

Между изрѣченіями, Симониду присвояемыми, находятся нѣкоторыя, учинившіяся славными по частнымъ обстоятельствамъ.

Нѣкогда при трапезѣ Лакедемонскій царь просилъ его, чтобъ онъ подкрѣпилъ какимъ-ниесть остроумнымъ изрѣченіемъ то высокое мнѣніе, которое о философіи его люди имѣютъ. Симонидъ, проницая въ любочестныя намѣренія сего государя, и предвидѣвъ его погибель, сказалъ ему: помни, что ты человѣкъ. Павзаній почелъ сей отвѣтъ правиломъ маловажнымъ и обыкновеннымъ; но при несчастіяхъ, кои его въ скоромъ времени постигли, открылъ онъ въ немъ новую истинну и важнѣйшую изъ тѣхъ, которыхъ цари не знаютъ.

Въ другій разъ, царица Сиракузская вопросила его: что предпочтительнѣе, наука

или богатство? Вопросъ сей былъ сѣтїю для Симонида, который уважаемъ былъ для перваго изъ сихъ преимуществъ, а самъ онъ искалъ только втораго. Находя себя принужденнымъ открыть свои чувствїя или охуждать свое поведенїе, прибѣгнулъ онъ къ шуткѣ, и отдалъ преимущество богатству; ибо философы ежечасно стараются входить въ домы богачей. Задача сїя рѣшена была послѣ образомъ почтительнѣйшимъ для любомудрїя. Аристиппъ, вопрошенный царемъ Дїонисїемъ, для чего мудрецъ, презираемый богачемъ, оказываетъ ему всегдашнее уваженїе? для того, отвѣчалъ онъ, что одинъ знаетъ свои нужды, а другїй не знаетъ.

Симонидъ былъ стихотворецъ и философъ. Чрезъ счастливое соединенїе сихъ качествъ дарованїя его приносили больше пользы, а философїя его была любезнѣе прочихъ. Слогъ его, исполненный прїятностями, есть простъ, сладкогласенъ и удивителенъ въ выборѣ и распоряженїи словъ. Похвалы богамъ, побѣды Грековъ надъ Персами, торжества борцевъ были предметомъ его пѣнїя. Онъ описалъ стихами царствованїя Камбиза и Дарїя. Онъ упражнялся во всѣхъ поч-

ти родахъ стихотворства, а наипаче успѣхъ имѣлъ въ элегіяхъ и жалостныхъ пѣсняхъ. Никто лучше не зналъ превосходнаго и прельщающаго искусства приводить въ сострадание и печаль; никто не изображалъ съ большею истинною горестныхъ состояній и злосчастій, возбуждающихъ жалость. Не сочинителя слышишь, но настоящіе вопли и стенанія; не сочинителя видишь, но рыдающее семейство, скорбящее о смерти отца или сына; видишь Данаю, нѣжную мать, держащую на рукахъ своихъ младенца сына, борющуюся съ яростію валовъ, окруженную тысячею пропастей отверзтыхъ подъ нею, и тысячу смертей въ груди своей ощущающую; видишь наконецъ Ахилла, выходящаго изъ гроба и возвѣщающаго Грекамъ, покидающимъ брега Иліонскія, безчисленныя напасти, которыя небо и море имъ приготовляетъ.

Сіи картины, которыя Симонидъ оживлялъ страстями и движеніями, должно почесть благодѣяніями человѣчеству; великая его къ нему услуга состоитъ въ томъ, что онъ исторгаетъ изъ очей его тѣ драгоцѣнныя слезы, кои оно проливаетъ съ толикимъ удовольствіемъ, и питаетъ въ сердцахъ сіи

чувствія сострадація, которыя природа назначила къ сближенію людей однихъ съ другими, и которыя въ самомъ дѣлѣ суть единственныя средства, могущія соединять несчастныхъ.

Какъ свойство людей имѣетъ великое вліяніе во мнѣнія ихъ, то можно сказать, что философія Симонидова была хотя кротка и безъ гордости, но требующая извиненія. Система его, сколько о ней судить можно по нѣкоторымъ его сочиненіямъ и по многимъ его правиламъ, состоитъ въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Не станемъ проникать въ неизмѣримую глубину существа Всевышняго; ограничимъ себя только тѣмъ знаніемъ, что все исполняется по его повелѣнію, и что онъ есть всевысочайшая добродѣтель; люди имѣютъ изъ оной одно только слабое изліяніе, которое получаютъ отъ него. Пусть же не величаются совершенствомъ, до котораго никогда не достигнутъ. Добродѣтель утвердила свое жилище между крутыми скалами; есть-ли люди чрезъ великіе труды возвышаются даже до нея, то вскорѣ тысячи гибельныхъ

обстоятельствъ низвергаютъ ихъ въ пропасть. И такъ жизнь ихъ есть смѣшенїе добра и зла; и столько же трудно быть часто добродѣтельнымъ, сколько не возможно быть всегда онымъ. Станемъ съ удовольствїемъ хвалить добрыя дѣянїя; не станемъ смотрѣть на дурныя, или по должности, когда виновный намъ чрезмѣрно любезенъ, или по снисхожденїю, когда мы къ нему хладнокровны. Не охуждая людей съ толикою строгостїю, станемъ помнить, что они не иное что, какъ слабость; что они назначены пробыть единый мигъ на поверхности земли, и вѣчно въ ея нѣдрѣ. Время летитъ; тысящи вѣковъ въ сравненїи съ вѣчностїю суть не иное что, какъ точка, или малѣйшая часть непримѣтной точки. Употребимъ минуты столь скоротечныя на наслажденїе благъ, намъ предоставленныхъ, изъ коихъ главныя суть здравїе, красота и богатство, прїобрѣтенное безъ обмана; что изъ употребленїя ихъ происходитъ та любезная роскошь, безъ которой жизнь, величїе и самое безсмертїе не возмогутъ удовольствовать нашихъ желанїй.

Сїи безумныя и до мерзости гнусныя правила, весьма вредныя въ томъ, что онѣ

искореняютъ мужество въ сердцахъ добродѣтельныхъ и угрызенія совѣсти въ душахъ порочныхъ, можно было бы почесть заблужденіемъ разума, естьли бы Симонидъ, снизходя и потворствуя другимъ, былъ самъ для себя гораздо строже; но онъ дерзнулъ приписать несправедливость Ѳемистоклу, и не устыдился хвалить убійцъ Иппарха, превеликаго своего благодѣтеля. Сверхъ сего упрекаютъ его алчностію къ златолюбію, которой щедрота Гіеронова не могла насытить, и которая, по свойству сея страсти, становилась день отъ дня ненасытимѣе. Онъ первый унизилъ стихотворство, продавая похвалы за деньги. Изъ единаго тщеславія говорилъ онъ, что собирать сокровища есть единственная утѣха, услаждающая его старость; что онъ лучше желаетъ обогатить своихъ неприятелей послѣ своей смерти, нежели имѣть нужду въ своихъ приятеляхъ при жизни; что вообще всѣ люди порочны, и что, естьли бы нашелъ онъ человѣка ни чѣмъ неупрекаемаго, то бы онъ донесъ на него вселенной. Таковыя странныя умствованія не оправдываютъ его нимало предъ судомъ мыслящаго свѣта, коего безпристрастное опредѣленіе никогда не прощаетъ поро-

камъ, происходящимъ больше отъ подлости, нежели отъ слабости сердца.

Симонидъ умеръ почти девяноста лѣтъ. Приписываютъ ему въ достоинство, что онъ умножилъ на островѣ Кеосѣ велелѣпіе священныхъ празднованій, что прибавилъ осмую струну къ лирѣ, и изобрѣлъ науку искуственной памяти. Но вѣчная слава принадлежитъ ему за то, что онъ преподавалъ полезныя наставленія царямъ; что онъ доставилъ счастіе Сициліи, отвлекши Гіерона отъ его заблужденій и принудивъ его жить въ мирѣ со своими сосѣдами, съ подданными и съ самимъ собою.

Семейство Симонида подобно тѣмъ семействамъ, въ которыхъ священство музъ оставалось наслѣдственнымъ. Его внукъ того же имени писалъ о родословіяхъ и изобрѣтеніяхъ, дѣлающихъ честь человѣческому разуму. Вакхилидъ, племянникъ его, воскресилъ нѣкоторымъ образомъ дядю своего въ стихотворствѣ лирическомъ. Чистота въ слогѣ, исправность въ описаніяхъ, и красоты вездѣ самимъ себѣ подобныя, силою и искуствомъ подкрѣпляемыя, приобрѣли Вакхилиду славу, которой Пиндаръ могъ позавидо- Вакхилидъ.

вать. Сіи оба стихотворца раздѣляли нѣкоторое время милости царя Гіерона и благосклонность двора Сиракузскаго. Но какъ покровительство не препятствовало имъ занять свои мѣста, то Пиндаръ вознесся къ небесамъ, а Вакхилидъ остался на землѣ.

Продикъ.

Какъ сей послѣдній размножалъ въ Сициліи славу своего отечества, софистъ Продикъ распространялъ оную по различнымъ городамъ Греціи, въ коихъ говорилъ онъ рѣчи, искусно сплетенныя и остроумными иносказаніями исполненныя. Слогъ ихъ простъ, благороденъ и сладкогласенъ. Хотя краснорѣчіе Продиково было до безстыдства продажное, и пріятностію голоса нимало не поддерживаемое; однако какъ оно изображало добродѣтель въ прельщающихъ видахъ, то было уважаемо въ Ѳивахъ, похваляемо въ Аѳинахъ, и почитаемо въ Спартѣ. Послѣ дерзнулъ онъ разпространять правила, разрушающія основаніе вѣры; съ сей минуты Аѳиняне почли его развратителемъ юношества, и осудили его выпить ядъ.

Киѳносъ

Недалеко отъ Кеоса лежитъ островъ, славящійся своими паствами; а ближе къ намъ земля, которую видишь на за-

падѣ, есть плодоносный островъ Сиросъ, в коемъ родился древнѣйшій философъ во всей Греціи, и именно Ферекидъ, жившій предъ симъ за двѣсти лѣтъ. Онъ произвелъ великую перемѣну въ философскихъ умствованіяхъ. Какъ страшная болѣзнь не подавала никакой надежды къ его выздоровленію, то Пиѳагоръ, ученикъ его, оставивъ Италію, прибылъ принять послѣднее его дыханіе. Сиросъ.

Простри взоръ твой къ югу, видишь ли тотъ мрачный и еще неразсѣявшійся туманъ, закрывающій блескъ горизонта? — Тутъ лежатъ острова Паросъ и Наксосъ.

Паросъ имѣетъ въ окружности около трехъ сотъ стадій. Плодоносныя поля, многочисленныя стада, двѣ прекрасныя пристани, преселенія посланныя въ дальнія страны, подадутъ тебѣ всеобщія понятія о могуществѣ его жителей. О свойствѣ ихъ и нравахъ можешь ты судить по тѣмъ дѣяніямъ, которыя въ различныхъ обстоятельствахъ долженствовали открыться. Паросъ.

Городъ Милетъ въ Іоніи страдалъ отъ пагубныхъ междоусобій. Изъ всѣхъ народовъ,

отличающихся благоразумїемъ, народъ Паросскій казался ему способнѣйшимъ къ возстановленію спокойствія въ своей области. Прибывшіе изъ Пароса миротворцы и судїи никакъ не могли согласить и примирить противниковъ, изъ давнихъ временъ взаимною ненавистїю пылающихъ; для того оставили Милетъ, и проѣзжали его земли, пустыя и невосдѣланныя, кромѣ нѣкоторыхъ наслѣдственныхъ участковъ, малымъ числомъ граждан̂ъ еще обработываемыхъ. Удивясь непоколебимому ихъ спокойствїю, безъ дальнихъ размышленій они вручили имъ бразды правленія, и въ скоромъ времени порядокъ и изобиліе возродились въ области Милетской.

Во время Дарїевыхъ походовъ Паросцы присоединились къ сему государю, и раздѣлили съ нимъ стыдъ совершеннаго разбитія при Мараѳонѣ. Принуждены были бѣжать въ свой городъ, гдѣ и осадилъ ихъ Милтїадъ. По долговременной оборонѣ требовали они договоровъ, коихъ статьи съ обѣихъ сторонъ уже были утверждены, какъ вдругъ недалеко отъ Миконы показался пламень, разпространившійся по воздуху. Лѣсъ, нечаяннымъ случаемъ загорѣвшійся, показался Паросцамъ

знакомъ, поданнымъ съ Персидскихъ кораблей, прибывшихъ на вспоможенїе острову. Будучи въ семъ удостовѣренїи, осажденные нарушили съ бесстыдствомъ заключенный договоръ, и Милтїадъ отступилъ. Великїй сей мужъ за худый успѣхъ сего похода осужденъ былъ въ темницу, а Паросцы наказаны были съ вящшею жестокостїю; вѣроломство ихъ предано вѣчному посрамленїю тѣмъ, что оное вошло въ пословицу.

Во время походовъ Ксеркса они измѣнили Грекамъ, оставшись въ союзѣ съ Персами; они измѣнили Персамъ, оставшись въ недѣйствїи. Корабли ихъ, стоявшїе спокойно въ пристани Киѳносъ, ожидали окончанїя сраженїя, чтобъ пристать къ сторонѣ побѣдителя. Они сего не предвидѣли, что кто не помогалъ въ побѣдѣ, тотъ подвергается мщенїю побѣдителя; и что малая республика, стѣсненная двумя великими державами, желающими распространить свои предѣлы къ убытку противника, не имѣетъ часто другаго пособїя, какъ слѣдовать за стремленїемъ обстоятельствъ и спѣшить ко славѣ, оплакивая свою свободу. Паросцы вскорѣ испытали сїе надъ собою. Сначала удаля-

ли они побѣдителей Саламинскихъ великими данями, но наконецъ подверглись ихъ игу почти безъ сопротивленія.

Многіе жертвенники въ Паросѣ посвящены Граціямъ. Нѣкогда Миносъ, царь Критскій, приносилъ жертву симъ божествамъ; возвѣстили ему, что сынъ его Андрогей убитъ въ Аттикѣ. Онъ окончилъ священный обрядъ, но сбросивъ далеко съ чела своего лавровый вѣнецъ, и гласомъ, прерываемымъ рыданіями, повелѣлъ свирѣльщику, чтобъ онъ больше не игралъ. Жрецы сохранили память толь справедливой печали, и когда ихъ вопрошаютъ: для чего они отмѣнили при жертвоприношеніяхъ употребленіе вѣнцевъ и музыки; то отвѣчаютъ, что при таковыхъ же обрядахъ, при семъ самомъ жертвенникѣ счастливѣйшій отецъ увѣдомился о смерти возлюбленнаго своего сына, и сталъ несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ.

Архилохъ.

Многіе города величаются тѣмъ, что родился въ нихъ Омиръ; но ни одинъ не споритъ съ Паросомъ въ томъ, что онъ къ чести или стыду своему произвелъ на свѣтъ Архилоха. Сей стихотворецъ, жившій назадъ

тому около трехъ сотъ пятидесяти лѣтъ, произшелъ отъ знатнаго рода. Пиѳія предвѣстила о его порожденіи, и о славѣ, которую онъ долженствовалъ пріобрѣсти въ своей жизни. Предуготовленные симъ прорицалищемъ Греки удивлялись въ сочиненіяхъ его силѣ въ выраженіяхъ и благородству въ мысляхъ; они находили, что онъ, даже въ своихъ погрѣшностяхъ показывалъ мужественную твердость своего ума; что онъ расширилъ предѣлы искуства; что онъ ввелъ въ стихи новыя стопосложенія, а въ музыку новыя красоты. Архилохъ создалъ для лирическаго стихотворства то, что Омиръ создалъ для эпическаго. Оба имѣютъ общимъ то, что въ своемъ родѣ каждый изъ нихъ служитъ образцемъ; что ихъ сочиненія читаются во всеобщихъ собраніяхъ Греціи; что ихъ рожденіе прославляется вмѣстѣ особенными празднествами. Однако, соединяя ихъ имена, благодарность всенародная не хотѣла смѣшать вкупѣ и ихъ степеней: Паросскому стихотворцу присудила она только вторую степень; но сіе значитъ, что онъ достоинъ первой, когда одного Омира превыше себя имѣетъ.

Въ разсужденіи нравовъ и поведенія Архилохъ заслуживалъ быть изверженъ изъ числа человѣковъ. Никогда превосходнѣйшія дарованія не были соединены съ свойствомъ толь чрезмѣрно дикимъ и развратнымъ. Онъ сквернилъ свои сочиненія изрѣченіями безстыдными и изображеніями похабнѣйшими. Онъ проливалъ въ нихъ безъ умѣренности ту же самую желчь, которою онъ съ удовольствіемъ наслаждался. Друзья его, непріятели и несчастные предметы любви его, все подвергалось кровопролитнымъ стрѣламъ его ругательствъ, а всего удивительнѣе то, что мы всѣ ненавистныя его дѣянія знаемъ отъ него же самаго: онъ самъ, описывая исторію своей жизни, имѣлъ безстрашіе обдумывать спокойно всѣ свои мерзости; онъ самъ имѣлъ безстыдство предъявить оныя очамъ всего свѣта.

Разцвѣтающія прелести Необулы, дочери Ликамба, произвели живое впечатлѣніе въ сердцѣ Архилоха. Казалось, что взаимныя обѣщанія утвердятъ его счастіе совершеніемъ брака; но по нѣкоторымъ до корысти относящимся причинамъ предпочтенъ ему былъ соперникъ. Тотчасъ стихотворецъ, больше раздраженный, нежели опечаленный,

потрясъ змїями, преданными въ руки его отъ злобныхъ фурїй, и поносилъ Необулу и родителей ея такими безчестными ругательствами, что онъ принудилъ ихъ всѣхъ прекратить жестокою смертїю жизнь, которую онъ сдѣлалъ для нихъ несносною.

Изгнанный бѣдностїю изъ нѣдръ отечества, поѣхалъ онъ съ преселенцами Паросскими въ Ѳазосъ. Злоба его нашла тамъ новую пищу, но ненависть народная противъ него вооружилась. Къ отвращенїю оной скоро представился случай. Жители Ѳазоса вели войну съ сосѣдними народами. Онъ пошелъ съ войскомъ, увидѣлъ неприятеля, побѣжалъ, и бросилъ свой щитъ. Сей послѣднїй поступокъ почитался величайшимъ безчестїемъ для Грека: но безчестїе оскорбляетъ тѣ только души, которыя чувствовать то недостойны. Архилохъ явно признавался въ своей подлости: „Я оставилъ мой щитъ, восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненїй, но я найду другой, а между тѣмъ я спасъ мою жизнь.

Тако презиралъ онъ упреки народа, ибо сердце его не ощущало оныхъ. Тако, пору-

гавшись надъ законами чести, дерзнулъ онъ поѣхать въ Лакедемонъ. Чего могъ онъ надѣяться отъ такого народа, который умѣлъ столькоже всегда удивляться, сколько и почитать? Спартанцы содрогнулись, когда увидѣли его посреди стѣнъ своихъ; тотчасъ изъ оныхъ его выгнали, и сочиненія его во всѣхъ земляхъ республики имѣть запретили.

Собраніе, бывшее на Олимпійскихъ играхъ, утѣшило его за сіе поношеніе. Онъ читалъ тамъ въ честь Ираклу тотъ славный имнъ, который еще поется всякой разъ, когда производится празднество для прославленія побѣдителей. Народы осыпали его похвалами, а судьи, удостоивъ его вѣнца, долженствовали дать ему чувствовать, что стихотворство тогда только имѣетъ право на наши сердца, когда наставляетъ въ исполненіи нашихъ должностей.

Архилохъ убитъ Каллондомъ, жителемъ Наксоса, который долгое время терпѣлъ отъ него гоненіе. Пиѳія почитала смерть его обидою, учиненною стихотворству. Изыди изъ храма, сказала она убійцѣ; ты обагрилъ свои руки кровію любимца Музъ. Каллондъ пред-

ставилъ, что онъ при нападенiи Архилоховомъ лишь только законно защищался. Хотя Пиѳiя сжалилась на его моленiе, однако принудила его примириться съ прогнѣваннымъ духомъ Архилоха жертвенными возлiянiями. Такова была кончина человѣка, который своими дарованiями, пороками и безстыдствомъ учинился предметомъ удивленiя, презрѣнiя и страха.

Менѣе славные, но гораздо почтеннѣйшiе сего стихотворца, Полигнотъ, Архезилай и Никаноръ Паросскiй, распространили успѣхи восковой живописи (анкостической). Другiй художникъ, родившiйся на семъ островѣ прiобрѣлъ словутость достоинствомъ чужимъ; онъ назывался Агоракритъ, котораго Фидiй принялъ въ свои ученики, и безполезно хотѣлъ возвысить его на степень его соперниковъ. Онъ уступалъ ему часть своей славы, и на собственныхъ своихъ произведенiяхъ ставилъ имя молодаго ученика, не примѣтя того, что превосходство рѣзца открывало обманъ и измѣняло дружбѣ.

Въ недостаткѣ отмѣнныхъ образцевъ Паросъ доставляетъ художникамъ неизчерпа-

емую помощь. Вся земля покрыта памятниками, до совершенства еще недоведенными, въ каменоломняхъ горы Марпесса. Въ сихъ подземельяхъ, слабымъ свѣтомъ освѣщаемыхъ, великое множество невольниковъ ломаетъ и вытаскиваетъ съ горестнымъ трудомъ тѣ чрезмѣрной величины глыбы, которыя блещутъ въ великолѣпныхъ зданіяхъ Греціи, и даже по лицевой сторонѣ лавиринѳа Египетскаго. Многіе храмы одѣты симъ мраморомъ, ибо цвѣтъ его, говорятъ, пріятенъ безсмертнымъ. Было время, въ которое истуканщики (скулпторы) не употребляли другаго мрамора. Даже и нынѣ ищутъ его съ раченіемъ. Хотя оный не всегда соотвѣтствуетъ ихъ надеждѣ; ибо толстыя охрусталованныя части, связь его составляющія, обманываютъ глаза ложнымъ своимъ отблескомъ, и подъ ударами долотца раздробляются. Но сей недостатокъ вознаграждается превосходнымъ качествомъ, а наиболѣе чрезвычайною бѣлизною, съ которою стихотворцы часто сравниваютъ многіе предметы, а иногда и свойства своихъ сочиненій.,, Воздвигну памятникъ бѣлѣйшій мрамора Паросскаго, говоритъ Пиндаръ объ одной своей одѣ.,, О искуснѣйшій изъ живописцевъ, вос-

клицаетъ Анакреонъ, займи, дл изображенія моей возлюбленной, краски у розы, млека и Паросскаго мармора.,,

Наксосъ отдѣляется отъ Пароса однимъ только весьма узкимъ проливомъ. Ниодинъ Кикладскій островъ не можетъ съ нимъ сравниться величиною, а плодородіемъ можетъ онъ спорить съ Сициліею. Красота его укрывается отъ первыхъ взглядовъ путешественника, ко брегамъ его приставшаго. Онъ видитъ тамъ одни горы неприступныя и пустынныя; но природа учредила изъ сихъ горъ преграды, противоборствующія ярости вѣтровъ, и защищающія поля и долины, которыя она своими сокровищами обогащаетъ. Тамъ-то простираетъ она все свое великолѣпіе; тамъ - то не изсякающіе источники воды живыя и чистыя проливаются повсемѣстно и составляютъ изъ себя тысячи различныхъ видовъ: тамъ-то безчисленныя стада заблуждаются въ густотѣ травъ, на лугахъ растущихъ. Тамъ недалеко отъ прелестныхъ бреговъ Библина зрѣютъ въ тишинѣ и сіи безподобныя смоквы, которыя употреблять въ пищу научилъ жителей самъ Вакхъ, и сіи славные винограды, производящіе вино, предпочитаемое почти всѣмъ дру- Наксосъ.

тимъ. Гранатныя, миндальныя и оливныя древа разпложаются преизобильно въ сихъ поляхъ, дающихъ ежегодно благословенныя жатвы. Невольники упражняются непрестанно въ собиранiи сихъ сокровищъ, и безчисленные корабли отвозятъ оныя въ отдаленныя земли.

Не взирая на сей преизбытокъ, жители храбры, великодушны и совершенно усердны къ своей свободѣ. Два вѣка тому назадъ сiя республика, достигшая до высочайшей степени своего величiя, могла выставить къ сраженiю восемь тысячъ человѣкъ. Она прiобрѣла славу, что противилась Персамъ прежде, нежели покорена была ихъ власти, и что свергла съ себя иго ихъ въ то самое время, какъ они почти всю Грецiю завоевали. Сухопутныя и морскiя ея силы, соединенныя съ Греческими отличились въ сраженiяхъ при Саламинѣ и Платеѣ; но въ тоже время дали разумѣть Аѳинянамъ, что не должно допускать до вящшаго могущества такую область, которая была уже въ состоянiи оказать имъ толь великiя услуги. По симъ то причинамъ Аѳины, нарушивъ всѣ договоры, и вознамѣрясь покорить прежнихъ своихъ союзниковъ, устремили первые свои удары на Наксосъ, и оставили во власти тамошняго народа одни только празднества и игры.

Вакхъ предсѣдательствуетъ при сихъ торжествахъ: Вакхъ покровитель Наксоса. Все представляетъ тамъ образъ благодѣянія и признательности. Жители показываютъ охотно то мѣсто, гдѣ Нимфы съ великимъ попеченіемъ воспитывали Вакха, охотно разсказываютъ чудеса, которыя онъ творитъ въ ихъ пользу. Отъ него происходитъ богатство, которымъ они пользуются. Для него одного производятся куренія день и ночь въ ихъ храмахъ и на жертвенникахъ. Здѣсь молитвы ихъ возсылаются яко богу, научившему ихъ разводить смоковницу; а тамъ яко богу, наполняющему виноградъ ихъ нектаромъ, похищеннымъ съ небесъ: они покланяются ему подъ различными наименованіями, чтобъ чаще исполнять пріятныя имъ обязанности.

Въ окрестностяхъ Пароса находятся Серифъ, Сифносъ и Мелосъ. Чтобъ имѣть понятіе о первомъ изъ сихъ острововъ, вообрази себѣ многія горы крутыя, однимъ пескомъ покрытыя, въ промежуткахъ своихъ, такъ сказать, одни глубокія пропасти вмѣщающія, гдѣ несчастные люди видятъ непрестанно надъ главами своими висящія ужасныя скалы; все сіе есть памятникъ Персеева мщенія: ибо, Серифъ.

по преданіямъ, столько же смѣшнымъ, какъ для жителей Серифа и прискорбнымъ, сей ирой, вооруженный главою Медузы, превратилъ нѣкогда ихъ предковъ въ сіи ужасные предметы.

Сифносъ. Естьли вообразишь себѣ всегдашнее ясное небо, поля испещренныя цвѣтами и покрытыя всегда плодами, естьли вообразишь себѣ очаровательное жилище, гдѣ чистѣйшій воздухъ продолжаетъ людямъ жизнь за обыкновенные предѣлы; то найдешь все еще слабое изображеніе тѣхъ красотъ, которыя представляетъ Сифносъ, недалеко отъ Серифа отстоящій островъ. Жители его были нѣкогда богатѣе всѣхъ нашихъ островитянъ. Нѣдра земныя, ими вскрытыя доставляли имъ въ дань превеликое количество золота и серебра. Десятую часть посвящали они Аполлону Делфійскому, и приношенія ихъ составляли богатѣйшее сокровище сего храма. Но яростное море затопило сіи горные и опасные рудники, и жителямъ отъ прежняго ихъ богатства осталось одно только сожалѣніе и пороки.

Мелосъ. Островъ Мелосъ есть одинъ изъ плодоноснѣйшихъ острововъ на Эгейскомъ морѣ. Сѣра и другіе минералы, въ нѣдрахъ земли

сокрывающіеся, производятъ въ ней непрерывный жаръ, придаютъ всѣмъ ея произрастеніямъ отмѣнный вкусъ.

Народъ, на немъ обитающій, былъ свободенъ многіе вѣки; но въ Полопонисскую войну Аѳиняне хотѣли покорить его и принудить отказаться отъ неучастія въ войнѣ, наблюдавшагося между имъ и Лакедемонянами, отъ которыхъ онъ имѣлъ свое происхожденіе. Огорченные симъ отказомъ Аѳиняне нападали на него многократно, были часто отражаемы, и наконецъ соединивъ всѣ силы республики, его побѣдили. Островъ былъ покоренъ, но стыдъ остался на сторонѣ побѣдителей, начавшихъ войну по несправедливости, и кончившихъ оную безчеловѣчіемъ. Побѣжденные перевезены въ Аттику. По совѣту Алкивіада умерщвлены всѣ тѣ, кои были въ состояніи служить подъ оружіемъ; другіе стенали въ оковахъ до того времени, пока Лакедемонское воинство не принудило Аѳинянъ возвратить ихъ въ Мелосъ.

Діагоръ.

Философъ, на семъ островѣ родившійся, видя всѣ горести, жителями претерпѣваемыя, вздумалъ, что, когда несчастные не получаютъ никакой помощи отъ человѣковъ имъ

подобныхъ, то не надобно надѣяться и на боговъ. Сей Философъ былъ Діагоръ; ему-то Мантинеане обязаны и законами и своимъ благоденствіемъ. Пылкими воображеніями своими сперва увлеченъ онъ былъ въ исступленія Диѳирамвическаго стихотворства, а потомъ объялъ его рабственный къ богамъ страхъ. Онъ увеличилъ свое богопочитаніе многими благочестивыми обрядами, и ѣздилъ по Греціи, чтобъ быть приняту въ таинства. Но его Философія, мірскими безпорядками непоколебимая, не устояла однакожъ противъ неправосудія, коего онъ былъ жертвою. Одинъ изъ его пріятелей отрекся возвратить ему залогъ, утверждая, что онъ его отъ Діагора не получалъ, въ чемъ онъ и клялся предъ олтарями. Молчаніе боговъ при таковомъ вероломствѣ и при жестокостяхъ, Аѳинянами содѣланныхъ на островѣ Мелосѣ, удивило философа, и низвергло его изъ чрезмѣрнаго суевѣрія въ безбожіе; онъ обнаруживалъ въ рѣчахъ и писаніяхъ своихъ всѣ сокровенности Греческихъ таинствъ: чѣмъ вооружилъ противъ себя жрецовъ. Онъ разбивалъ лики боговъ, за что возропталъ противъ него народъ. Онъ явно отрицалъ бытіе боговъ; вся Греція вознегодовала. Всѣ вопіяли противъ

него. Имя его содѣлалось поношенїемъ. Правительство Аѳинское требовало его къ суду, и преслѣдовали его по всѣмъ городамъ. Обѣщано дать тому талантъ, кто принесетъ его голову; два таланта тому, кто приведетъ его живаго. Чтобъ сїе опредѣленїе осталось вѣчнымъ, оно вырѣзано было на столбѣ изъ мѣди Коринѳской. Дїагоръ, не нашедъ себѣ убѣжища во всей Грецїи, сѣлъ на корабль, и погибъ во время кораблекрушенїя.

Око, озирающее какой либо лугъ, не можетъ увидѣть вредоноснаго растенїя, мѣшающаго ядъ свой между цвѣтовъ, ни низкорослаго цвѣтка, скрывающагося подъ травою; подобно тому и я, описывая страны, составляющїя вѣнецъ вокругъ Делоса, не могу вамъ подробно разсказать ни о подводныхъ камняхъ, между ими разсѣянныхъ, ни о многихъ малыхъ островахъ, коихъ великолѣпїе служитъ только къ украшенїю картины, представляющейся теперь вашимъ взорамъ.

Море раздѣляетъ сїи народы, но удовольствїе ихъ соединяетъ. Они имѣютъ общественныя между собою празднества,ради которыхъ собираются въ то или въ дру-

тое мѣсто, и которыя тотчасъ перестаютъ, какъ скоро наши торжествованія начинаются, Тако, по Омировымъ сказаніямъ, боги прекращаютъ тайныя свои совѣщанія, и возстаютъ со своихъ троновъ, когда Аполлонъ является посреди ихъ. Ближайшіе храмы остаются пусты, и божества въ нихъ почитаемыя позволяютъ приносить въ Делосъ тотъ ѳиміамъ, который имъ былъ назначенъ. Торжественныя посольства, извѣстныя подъ именемъ *Ѳеорій*, исполняютъ сію достославную должность. Онѣ приводятъ съ собою лики юношей и младыхъ дѣвъ. Красота торжествуетъ въ сихъ ликахъ, и доставляетъ главнѣйшее украшеніе нашимъ празднествамъ. Таковыя посольства пріѣзжаютъ съ береговъ Азіи, съ острововъ Эгейскаго моря, съ твердой земли Греціи, и изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ странъ. Онѣ пріѣзжаютъ при звукахъ Мусикійскихъ, при радостномъ пѣніи, со всевозможнымъ вкусомъ и великолѣпіемъ. Корабли, привозящіе ихъ, покрыты цвѣтами; корабельщики украшаютъ чело свое вѣнками, и радость ихъ выражается во всей силѣ; ибо они почитаютъ долгомъ вѣры, забывать въ сіе время всякую печаль и заботу, которыя могли бы оную истребить, или нарушить.

Какъ Филоклесъ оканчивалъ свое повѣствованіе, то явленія перемѣнялись каждую минуту, и красоту свою больше и больше умножали; вышли уже изъ пристаней Микона и Ренея мѣлкія суда, кои привозили жертвенные дары въ Делосъ. Другія суда, присланныя отъ другихъ народовъ, появлялись еще въ дали. Безчисленныя ладіи разнаго рода и величины неслися по морю. Они изпещрены были многоразличными красками. Онѣ выбѣгали изъ проливовъ, раздѣляющихъ острова, одна другую перегоняли, встрѣчались, и потомъ соединялись. Прохладный вѣтръ игралъ въ ихъ багряныхъ парусахъ, и отъ ударовъ позлащенныхъ веслъ вода покрывалась пеною, въ коей лучи восходящаго солнца производили различные блески.

Пониже при подножіи горы вся равнина наполнена была безчисленнымъ множествомъ народа: стѣсненные его ряды волновались и колебались туда и сюда, подобно класамъ, колеблемымъ отъ вѣтра, и восхищенія, его оживляющія, производили нѣкій невнятный и смятенный шумъ, который, такъ сказать, разливался по сему многочисленному сонмищу.

Удивленныя симъ зрѣлищемъ наши души не могли еще довольно насытиться, какъ

вдругъ клубящійся дымъ покрылъ вершину храма, и улеталъ въ воздухъ. Празднество начинается, сказалъ намъ Филоклесъ; ѳиміамъ горитъ уже на жертвенникѣ: въ тотъ же мигъ въ городѣ, на полѣ и на берегу всѣ люди кричали: празднество начинается; пойдемъ въ храмъ.

Тамъ нашли мы дѣвицъ Делосскихъ, увѣнчанныхъ цвѣтами, одѣянныхъ въ блистательныя ризы, и украшенныхъ всѣми прелестями юности и пригожества. Исмена, первенствующая надъ ними, производила пляски, изображающія несчастія Латоны, и показала намъ въ дѣйствіи то, что мы слышали вчера. Подруги Исменины во время ея плясанія пѣли и играли на лирахъ, но никто не слушалъ игры и пѣнія ихъ; онѣ и сами часто прерывали оныя, чтобъ обще съ народомъ возхищаться и удивляться Исменѣ.

Иногда укрывалась она отъ гнѣва Юноны, и тогда ноги ея едва касались до земли; иногда пребывала она неподвижна, и сія неподвижность изображала еще сильнѣе смятеніе души ея. Переодѣтый Ѳеагенъ, приявшій видъ Марса, долженствовалъ своими угрозами прогнать Латону отъ бреговъ Пенея; но когда увидѣлъ у ногъ своихъ Исмену, прости-

рающую къ нему свои трепещущія руки и молящую его о своемъ помилованіи; то едва возмогъ собрать въ себѣ столько силы, чтобъ отвратить глаза свои. Исмена, пораженная сею наружною только свирѣпостію, лишается чувствъ и упадаетъ въ руки своихъ подругъ.

Всѣ присутствующіе приведены были въ жалость: но порядокъ празднованія не былъ чрезъ то прерванъ. Въ самый тотъ мигъ слышанъ былъ хоръ юныхъ отроковъ, которыхъ можно почесть сынами Авроры: такова была красота ихъ и юность. Когда они воспѣвали гимнъ въ честь Діанѣ, дщери Делосскія производили веселыя и легкія пляски. Звуки, по которымъ учреждали свои шаги, наполняли души ихъ пріятнымъ восхищеніемъ: они плясали съ поясами изъ цвѣтовъ сплетенными, которые привязывали онѣ трепещущими руками къ древнему истукану Венеры, привезенному Аріадною изъ Крита и посвященному Тезеемъ сему храму.

Другія пѣнія и игранія поражали нашъ слухъ. Онѣ происходили отъ *Ѳеорій*, присланныхъ отъ острововъ Ренея и Микона. Онѣ дожидались подъ переходами той минуты, въ которую можно имъ было войти въ святи-

лище. Мы увидѣли ихъ, и намъ казалось, что видимъ часы и годовыя времена предъ вратами чертоговъ солнца.

Мы видѣли такъ же *Ѳеоріи* изъ Кіоса и Андроса, на берегъ выходящія. При появленіи ихъ можно было сказать, что Граціи и Амуры пришли утвердить свое царство въ одномъ изъ острововъ блаженныхъ.

Со всѣхъ сторонъ пріѣзжали торжественныя посольства, и наполняли воздухъ возглашеніями священныхъ имновъ. На берегу учреждали онѣ порядокъ своего шествія и приближались ко храму тихими стопами, при непрестанныхъ восклицаніяхъ народа, толпящагося около нихъ. Съ глубокимъ благоговѣніемъ подносили онѣ богу начатки плодовъ земныхъ. Сіи обряды сопровождаемы были плясками, пѣніемъ и звуками мусикійскими. По выходѣ изъ храма *Ѳеоріи* провождаемы были въ тѣ домы, которые содержимы были иждивеніемъ тѣхъ городовъ, изъ коихъ жертвенные дары онѣ привозили.

Отличнѣйшіе стихотворцы нашего времени сочиняли имны на сіе празднество: но

успѣхъ ихъ не помрачилъ славы великихъ мужей, превозносившихъ оное прежде ихъ. Намъ казалось, что превосходные ихъ умы присутствовали еще съ нами. Здѣсь слышно было сладостное пѣнїе Олена Ликїйскаго: онъ первый посвятилъ стихотворство свое въ честь богамъ. Тамъ прельщались люди трогающими звуками Симонида. Тамъ далѣе восхищались прiятнѣйшимъ согласїемъ Вакхилида; тамъ поражались восхитительнымъ изступленїемъ Пиндара, и посреди сихъ неподражаемыхъ пѣвцовъ возвысилъ гласъ свой Омиръ, и заставилъ себя слушать съ благоговѣнїемъ и почитанїемъ.

Между тѣмъ видна была вдали *Ѳеорїя* Аѳинянъ. Какъ дщери Нерея, когда онѣ слѣдуютъ по валамъ за колесницею владычицы морей, такъ множество легкихъ ладїй играли вокругъ священной галеры. Парусы ихъ, бѣлѣйшїе снѣга, подобны были лебедямъ, разпростирающимъ крылья свои на водахъ Каистра и Меандра. При семъ видѣ старцы медленно изходили на берегъ, сожалѣли о времени своей юности, о времени, въ которое Никїй, Аѳинскїй Полководецъ, по повелѣнїю республики, имѣлъ попеченїе о *Ѳеорїи*. Онъ не привелъ ее прямо въ Делосъ, говори

ли намъ они; но тайно приплылъ съ нею на островъ Реней, который видите. Вся ночь употреблена была на построеніе по сему проливу моста, котораго части давно уже приготовленныя, позолотою и разными красками обогащенныя, надлежало только по мѣстамъ сложить и укрѣпить. Мостъ имѣлъ четыре стадіи въ длину. Покрытъ былъ драгоцѣнными коврами и украшенъ сплетеніями, изъ цвѣтовъ составленными. Въ слѣдующій день, какъ заря показалась, *Өеорія* переходила чрезъ море, но не такъ, какъ воинство Ксерксово для истребленія народовъ. Нѣтъ: она имъ приносила радость и веселіе. А чтобъ доставить имъ больше наслажденія и удовольствія, Өеорія стояла долго надъ водами, воспѣвала священные имны, и представляла имъ такое восхитительное зрѣлище, какова солнце въ другой разъ освѣщать не будетъ.

Посольство, коего пришествіе мы видѣли избрано было почти все изъ древнѣйшихъ поколѣній Аөинскихъ. Оно составлено было изъ многихъ гражданъ, которые получили титло Өеоровъ (*); изъ двухъ хоровъ

(*) Өеоръ есть священный Посолъ, которому препоручается приносить жертву отъ имени какого либо города.

отроковъ и отроковицъ для воспѣванія имновъ и произведенія плясокъ; изъ нѣкоторыхъ градоначальниковъ, коимъ препоручено было собирать дани, и имѣть попеченіе о потребностяхъ Θеоріи; изъ десяти надзирателей, избранныхъ по жребію, кои должны начальствовать при жертвоприношеніяхъ. Аѳиняне присвоили сіе преимущество насильно, и тщетно жрецы и градоначальники Делоса требуютъ возвратить себѣ тѣ права, которыхъ не могутъ поддержать силою.

Сія Θеорія появилась во всемъ великолѣпіи, котораго ожидать должно было отъ таковаго города, въ коемъ роскошь достигла до высочайшей степени. Представъ предъ истуканъ божка, поднесла ему вѣнецъ золатый, цѣною въ тысячу пять сотъ драхмъ (*), и вскорѣ услышали мы ревъ ста быковъ, которые отъ ножей жрецовъ умирали. За симъ жертвоприношеніемъ послѣдовала пляска, въ которой младые Аѳиняне представляли, какимъ образомъ въ нѣкое время островъ Делосъ плавалъ и скитался на поверхности морей, когда вѣтры то въ ту, то въ другую сто-

(*) Тысяча три ста пятьдесятъ ливровъ франк.

рону его прогоняли. По окончанїи сея пляски, юноши Делосскїе присоединились къ нимъ, чтобъ изобразить кривизны Критскаго лавиринѳа, по примѣру Тезея, который послѣ побѣды надъ Минотавромъ самъ производилъ таковую пляску при жертвенникѣ. Отличившїеся болѣе прочихъ получили въ награду драгоцѣнные треножники, кои посвятили богу. Имена ихъ провозглашены были двумя провозвѣстниками, прибывшими вмѣстѣ съ Ѳеорїею.

Издержки, которыя республика употребляетъ на награды побѣдителямъ, на дары и жертвоприношенїя Аполлону, на перевозъ и содержанїе Ѳеорїи, простираются болѣе, нежели на четыре таланта, принадлежатъ ко храму какъ на островахъ Ренеѣ и Делосѣ, такъ и на матерой землѣ Грецїи, многїе лѣса, домы, заводы мѣдные и бани, которыя по благочестїю народовъ за нимъ утверждены: вотъ первый источникъ его богатства. Второй состоитъ въ ростѣ денегъ, которыя получаются отъ сихъ различныхъ имуществъ, копятся въ казначействѣ, *Артемизїумъ*, и отдаются въ ростъ или частнымъ людямъ или сосѣдственнымъ городамъ. Сїи два дохода, соединенные съ тѣми де-

нежными пенями, коими беззаконные безбожники наказуются, и кои всегда достаются храму, составляютъ въ четыре года дохода около двадцати талантовъ, которые трое Амфиктіоновъ или казначеевъ, Аѳинскимъ сенатомъ избранныхъ, должны собирать, и изъ которыхъ нѣкоторая часть издерживается и на Ѳеорію.

Когда Ѳеорія окончала торжественные обряды жертвоприношенія, мы были провождены къ обѣду, приготовленному сенатомъ Делосскимъ для гражданъ сего острова. Они сидѣли въ безпорядкѣ на брегахъ Инопа и подъ деревьями, родъ бесѣдокъ составляющими. Всѣ присутствовавшіе, упоенные удовольствіемъ, старались изъявлять свое восхищеніе и въ тысящѣ различныхъ изображеній сообщали то чувствованіе, которое содѣлывало ихъ счастливыми: радость чистая, шумная и всеобщая царствовала подъ сими густыми деревьями, и когда Накское вино начало пѣниться въ чашахъ, всѣ стали съ великимъ крикомъ прославлять имя Никія, который первый собралъ народъ въ сіи прелестныя мѣста, и опредѣлилъ доходы, чтобъ сіе благодѣяніе учинить вѣчнымъ.

Остатокъ дня препровожденъ былъ въ зрѣлищахъ другаго рода. Удивленія достойные голоса спорили о наградѣ за пѣніе; борцы, имѣя руки, обвязанныя ремнями, вступали въ споръ о наградѣ за борьбу. Кулачные бои, скаканіе и бѣганіе привлекали попеременно наше вниманіе, и напоминали намъ то, что мы видѣли, нѣсколько лѣтъ назадъ, при Олимпійскихъ играхъ. На полуденной сторонѣ острова учреждено было ристалище, вокругъ котораго сидѣли посланники Аѳинскіе, сенатъ Делосскій и всѣ Ѳеоріи въ великолѣпныхъ своихъ одеждахъ: цвѣтущее сіе юношество было вѣрнѣйшимъ подобіемъ боговъ соединенныхъ на Олимпѣ. Яростные кони Ѳеагена и его соперниковъ бросились стремительно на поприще, пробѣгали оное многократно, и побѣда была долгое время сомнительна: но подобясь Фебу, который освободивъ свою колесницу изъ густыхъ мраконосныхъ облаковъ, вдругъ низпускаетъ ее на западъ, Ѳеагенъ какъ молнія вылетаетъ изъ среды своихъ соперниковъ и достигаетъ до назначеннаго предѣла въ томъ самый мигъ, какъ и солнце окончевало свое теченіе. Ѳеагенъ былъ увѣнчанъ, при безчисленномъ множествѣ зрителей, собравшихся на ближнія

торы, почти при всѣхъ Греческихъ красавицахъ, при Исменѣ, коея взоры были ему лестнѣе, нежели взоры боговъ и человѣковъ.

Въ слѣдующій день праздновано было рожденіе Аполлона (*). Между произведенными плясаніями мы видѣли лодейщиковъ, которые скакали вкругъ жертвенника, и сѣкли оный изо всей силы бичами. Послѣ такого страннаго обряда, коего таинственный смыслъ былъ намъ вовсе непонятенъ, они увѣряли насъ, будьто чрезъ сіе изображаютъ они невинныя игры, коими Аполлонъ въ своемъ младенчествѣ забавлялся. Они должны были плясать съ завязанными руками и кусать кору оливковаго древа, посвященнаго сему богу. Частое ихъ паданіе и безпорядочные прыжки возбуждали въ зрителяхъ восхитительную радость; хотя она непристойною казалась; но они говорили, что симъ величество священныхъ обрядовъ нимало не оскорбляется. Въ самомъ дѣлѣ Греки твердо увѣрены въ томъ, что при поклоненіи богамъ

(*) Въ седмый день мѣсяца Ѳаргеліона, который соотвѣтствуетъ девятому числу Маія.

должно удалять всякую печаль и плачЪ; отЪ чего и происходитЪ, что вЪ нѣкоторыхЪ мѣстахЪ позволяется мущинамЪ и женщинамЪ при самыхЪ жертвенникахЪ говорить другЪ другу такія скаредныя шутки, коихЪ неблагопристойность и грубость ничѣмЪ поправлены быть не могутЪ.

Сіи лодейщики были изЪ числа тѣхЪ иноземныхЪ купцовЪ, которыхЪ положеніе острова, свобода, коею оный пользуется, бдительное вниманіе АѳинянЪ, и знаменитость празднествЪ вЪ великомЪ множествѣ привлекаютЪ вЪ ДелосЪ. Они пріѣхали туда мѣнять свои частныя богатства на хлѣбЪ, вино и на сЪѣстные припасы ближайшихЪ острововЪ; они мѣняли ихЪ и на льняныя и красноцвѣтныя туники, которыя дѣлаются на островѣ АморгосѣЪ; на богатыя багряныя ткани, сЪ острова Коса привозимыя; на квасцы Мелосскіе толь много похваляемые; на драгоцѣнную мѣдь, которая сЪ самыхЪ древнихЪ временЪ получается изЪ рудниковЪ Делоса, и которую трудолюбивое искуство преобращаетЪ вЪ сосуды красивые. ОстровЪ содѣлался, такЪ сказать, складочнымЪ мѣстомЪ сокровищЪ разныхЪ народовЪ. ВЪ близи того мѣста, гдѣ

оныя сокровища кучами складены были, жители Делоса, въ силу утвержденнаго закона, долженствуя доставлять воду для всего собравшагося народа, поставили длинные столы, кои наполнены были хлѣбеннымъ и другими различными яствами, въ скорости приготовленными. (*)

Съ удовольствїемъ примѣчалъ я различныя страсти, которыя изобилїе и бѣдность производятъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ; и я не думалъ, чтобы для разумнаго разсмотрителя было что малое и неважное въ природѣ. Делосцы первые нашли таинство, дѣлать птицъ жирными: они получаютъ отъ своей промышленности довольно великую прибыль. Я видѣлъ людей, кои возшедъ на помосты, и показывая народу яица, въ рукахъ ихъ держимыя, угадывали по ихъ виду, которая курица ихъ снесла. Едва я поднялъ глаза на сїе странное явленїе, какъ почувствовалъ сильную руку меня потрясающую. То

(*) Изъ описанїя Аѳенеева явствуетъ, что во время Делосскихъ праздниковъ предлагаемы были на торжищѣ баранина, свинина, рыбы и хлѣбы, въ кои примѣшивали кминъ.

былъ Аѳинскій софистъ, нѣсколько мнѣ знакомый. Какъ, Анахарсисъ, сказалъ онъ мнѣ, сіи предметы достойны ли философа? ступай, —благороднѣйшія упражненія, важнѣйшія размышленія должны занимать минуты твоей жизни. Онъ возвелъ меня на возвышенное мѣсто, гдѣ другіе софисты съ величайшимъ жаромъ спорили о тонкихъ предложеніяхъ, преподаваемыхъ въ школѣ Мегарской. Буйственный Милетскій Еввулидъ, который былъ между ими главнымъ, предложилъ слѣдующее умозаключеніе: „что въ Мегарѣ есть, того нѣтъ въ „Аѳинахъ; а какъ въ Мегарѣ есть люди, слѣд„ственно въ Аѳинахъ людей нѣтъ.„ Въ самое то время, какъ всѣ слушатели напрасно заботились рѣшить сію трудную задачу, внезапный крикъ возвѣстилъ намъ прибытіе Ѳеоріи изъ Теноса, которая сверхъ своихъ жертвенныхъ даровъ привезла еще и дары отъ Ипербореянъ.

Сей народъ живетъ въ сѣверной сторонѣ Греціи: онъ почитаетъ преимущественно Аполлона, въ Делосѣ показываютъ еще и донынѣ гробницы двухъ его жрицъ, которыя изъ Иперборейскихъ странъ пріѣхали нѣкогда на сей островъ, чтобъ прибавить новые обряды

въ честь сего бога. Въ зданіи, посвященномъ Діанѣ, сохраняется также прахъ послѣднихъ Ѳеоровъ, которыхъ Иперборейцы присылали въ Делосъ, гдѣ они несчастнымъ образомъ и погибли. Со времени сего приключенія народъ сей посылаетъ уже сюда только чрезъ постороннія руки начатки своихъ жатвъ. Одно сосѣдственное со Скиѳами поколѣніе получаетъ отъ нихъ сіи дары, передаетъ оныя другимъ народамъ, которые отвозятъ ихъ на брега Адріатическаго моря, а оттуда отсылаются въ Эпиръ, проходятъ чрезъ Грецію, привозятся въ Евбею, и доставляются въ Теносъ.

При воззрѣніи на сіи священные жертвенные дары, разговоръ зашелъ о чудесахъ Иперборейскихъ странъ. Тамъ-то царствуютъ непрестанно весна, младость и здоровье. Тамъ-то чрезъ цѣлые десять вѣковъ протекаютъ ясные дни въ празднествахъ и утѣхахъ. Но блаженная сія страна лежитъ на самомъ краѣ земли, такъ какъ садъ Эсперидскій существуетъ на другомъ краѣ оной. Такимъ-то образомъ человѣки никогда не умѣли помѣстить жилища счастія индѣ, какъ въ мѣстахъ неприступныхъ.

Въ то время, какъ воображенїе Грековъ воспламенялось при разсказѣ о сихъ вымыслахъ, смотрѣлъ я на сїе множество щеглъ, видѣнныхъ въ пристани Делоса. Корабли Ѳеоровъ стояли носами своими къ берегу. Искуство украсило оные различными изображенїями, свойственными каждому народу. На кораблахъ Фѳїотскихъ изображались Нереиды: на Галерѣ Аѳинской видна была блестящая колесница, управляемая Палладою. На корабляхъ Вїотїйскихъ представлялся образъ Кадма со змїею въ рукахъ. Нѣкоторые изъ сихъ кораблей уже были подъ парусами; но красоты, увозимыя ими въ отечество, тотчасъ замѣщаемы были красотами новыми. Тако въ теченїе долгой и спокойной ночи видимъ мы звѣзды, скрывающїяся на западѣ, и другїя восходящїя на востокѣ для населенїя неба.

Торжества продолжались нѣсколько дней. Многократно возобновлялись конскїя ристанїя; часто смотрѣли мы съ берега на сихъ славныхъ Делосскихъ водолазовъ, бросающихся въ море, остающихся во глубинѣ его на долгое время, или отдыхающихъ на его поверхности, представляющихъ образъ сраженїй. Сїи люди проворствомъ своимъ оправдываютъ совершенно ту словутость, которую прїобрѣли.

ГЛАВА СЕМДЕСЯТЬ СЕДМАЯ.

Продолженіе описанія о путешествіи въ Делосѣ. Брачные обряды.

Амуръ управлялъ празднествами Делоскими, и сіе многочисленное юношество, которое онъ вокругъ себя собиралъ, повиновалось единственно его законамъ. Иногда купно съ Именемъ увѣнчавалъ онъ постоянство вѣрныхъ любовниковъ, иногда возбуждалъ смятеніе и унылость въ душахъ до того времени нечувствительныхъ, и чрезъ многочисленныя свои побѣды приготовлялъ себя къ торжеству преславнѣйшему изъ всѣхъ торжествъ ко браку Исмены и Ѳеагена.

Бывъ свидѣтелемъ обрядовъ, союзъ сей сопровождавшихъ, опишу тѣ обстоятельства, кои законами, обычаемъ и суевѣріемъ введены, дабы сдѣлать самое священное обязательство и твердымъ и благополучнымъ; и естьли вкрадутся въ мое повѣствованіе подробности по видимому малозначащія, то простота временъ, въ которыя сіи обычаи возымѣли свое начало, придастъ имъ нѣкое благородство.

Молчаніе и тишина начали возраждаться въ Делосѣ. Народы убывали подобно рѣкѣ, наводнявшей многія поля, и нечувствительно сливающейся въ свое логовище. Жители острова предупредили появленіе зари; увѣнчали себя цвѣтами, приносили безпрерывно жертвы во храмѣ и предъ своими домами, умоляя боговъ да благословятъ бракъ Исменинъ. Насталъ наконецъ часъ къ совершенію сего союза; мы собрались въ домъ Филоклеса; двери комнатъ Исмениныхъ отворились: мы увидѣли жениха и невѣсту выходящихъ; за ними слѣдовали ихъ родители, и опредѣленный для сего чиновникъ писалъ брачный договоръ. Статьи онаго были самыя простыя. Не было въ нихъ упомянуто ни о какихъ корыстолюбивыхъ спорахъ между родителями, ни о какихъ причинахъ между вступающими въ бракъ въ разсужденіи развода. Что касается до приданаго, то какъ родство соединяло уже Ѳеагена съ Филоклесомъ, упомянутъ только Солоновъ законъ, по которому имѣющій у себя одну только дочь обязанъ выдавать ее за мужъ за ближайшаго родственника, дабы имущество изъ поколѣнія не выходило.

Мы были одѣты въ великолѣпное платье, которое получили отъ Исмены, а платье же-

никово было работано ея руками. На ней было ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней и одежда, на которой видно было только злато и пурпуръ. И тотъ и другая имѣли на разпущенныхъ и благовонїями окуренныхъ власахъ своихъ вѣнцы, сплетенные изъ маковыхъ цвѣтовъ, изъ кунчука (сезама) и другихъ травъ, посвященныхъ Венерѣ. Въ семъ убранствѣ сѣли они на колесницу, и приближались ко храму. По правую руку Исмены сидѣлъ женихъ, а по лѣвую другъ Ѳеагеновъ, который долженъ былъ сопровождать его въ семъ шествїи. Народъ тѣснящїйся разсыпалъ цвѣты, курилъ благовонїя по всей дорогѣ и восклицалъ: ,,они не смертные, но Аполлонъ и Коронида; они суть Дїана и Эндимїонъ; они суть Апполонъ и Дїана,,. Каждый изъ зрителей предвѣщалъ имъ блаженнѣйшую жизнь, или желалъ, чтобъ печаль никогда до нихъ не касалась. Одинъ говорилъ: я видѣлъ сего утра двухъ горлицъ, долгое время вмѣстѣ летавшихъ по воздуху, и вмѣстѣ сѣвшихъ для отдыха на вѣтвь сего дерева. Другїй говорилъ: прогоните печальную ворону; пусть она вдали воздыхаетъ о потерѣ своего товарища: взирать на нее было бы весьма вредоносно.

Младая чета встрѣчена была при дверяхъ храма жрецомъ, вручившимъ каждому по блющевой вѣтьви, въ знакъ вѣчнаго и неразрушимаго союза; потомъ повелъ ихъ къ олтарю, на которомъ все было изготовлено для принесенія въ жертву лани въ честь Діанѣ, непорочной Діанѣ, которую такъ какъ Минерву и прочихъ богинь, не познавшихъ брака, умилостивить старались. Умоляли такъ же Юпитера и Юнону, коихъ союзъ и любовь пребудутъ вѣчны: небо и землю, коихъ взаимное содѣйствіе производятъ изобиліе и многоплодіе: Паркѣ, потому что въ рукахъ своихъ содержатъ жизнь смертныхъ: Грацій, потому что украшаютъ дни счастливыхъ супруговъ: наконецъ Венеру, которой Амуръ долженъ своимъ порожденіемъ, а люди своимъ счастіемъ.

Жрецы, разсмотрѣвъ внутренность заклaнныхъ животныхъ, возгласили, что небу благоугоденъ сей бракъ. Чтобъ окончить онаго обряды, пошли мы въ Артемизіумъ, гдѣ новобрачные, отрѣзавъ по космѣ изъ своихъ волосовъ, положили ихъ на гробницу послѣднихъ Гиперборейскихъ Ѳеоровъ. Косма Ѳеагенова навита была на небольшей пучекъ тра-

вы, а косма Исменина на веретено. Обрядъ сей напоминалъ супругамъ о первомъ установленіи брака; о томъ времени, въ которомъ мужъ долженствовалъ преимущественно заниматься работами полевыми, а жена попеченіями домашними.

Между тѣмъ Филоклесъ взялъ руку Ѳеагенову, вложилъ ее въ руку Исмены, и произнесъ сіи слова: „отдаю тебѣ дочь мою, „чтобъ ты доставилъ республикѣ гражданъ „законныхъ.„ Тотчасъ новобрачные поклялись другъ другу въ ненарушимой вѣрности, а родители ихъ, получивъ отъ нихъ сію клятву, утвердили ее новыми жертвоприношеніями.

Ночь начала уже распространять свой покровъ по небу, когда мы вышли изъ храма, и въ домъ Ѳеагеновъ отправлялись. Поѣздъ, освѣщаемый безчисленными свѣточами, сопровождаемъ былъ пѣніемъ, музыкою и пляскою. Домъ былъ увѣшанъ цвѣточными свитками и весь освѣщенъ.

Какъ скоро супруги коснулись порога дверей, то поставили имъ на головы по одной корзинкѣ плодовъ, которыя чрезъ ми-

нуту и сняли. Сïе служило предсказанïемъ, что они въ изобилïи жить будутъ. Въ тоже время услышали мы во всѣхъ сторонахъ повторяемое имя Гименея, того младаго человѣка изъ Аргоса, который нѣкогда возвратилъ отечеству дѣвицъ Аѳинскихъ, похищенныхъ морскими разбойниками. Въ воздаянïе за сïе усердïе онъ получилъ одну изъ сихъ плѣнницъ, которую любилъ страстно; и со времени сего приключенïя Греки не заключаютъ ни единаго брака безъ воспоминанïя его имени.

Восклицанïя сïи провождали насъ не только до храмины, гдѣ пиръ происходилъ, но продолжались и во весь ужинъ: тогда вошли къ намъ стихотворцы, и читали брачные стихи. Отрокъ, покрытый до половины тѣла своего вѣтьвями дикаго терна и дуба появился съ корзинкою, наполненною хлѣбами и запѣлъ гимнъ, начинающïйся такъ: „Я перемѣнилъ прежнее состоянïе мое на состоянïе счастливѣйшее." Аѳиняне поютъ сей гимнъ въ праздникъ, назначенный для прославленïя того времени, въ которое праотцы ихъ, питавшïеся дотолѣ дикими плодами, стали наслаждаться въ обществѣ дарами Цереры.

Они употребляютъ сей гимнъ и при обрядахъ свадебныхъ въ знакъ того, что люди, оставивъ лѣса, наслаждаются нынѣ пріятностями любви. Потомъ вошли плясавицы, одѣтыя въ легкое платье и увѣнчанныя миртами, изображали различными движеніями восторги, нѣжность и упоеніе прелестнѣйшей страсти.

По окончаніи пляски, Левкиппа зажгла брачный свѣтильникъ, и отвела дочь свою въ назначенные для нея покои. Многія иносказательныя начертанія показывали Исменѣ должности, кои нѣкогда съ новымъ ея состояніемъ были соединяемы. Она несла одинъ изъ тѣхъ глиняныхъ сосудовъ, въ коихъ жарился ячмень: одна служанка держала сито, и надъ дверьми повѣшено было орудіе способное для толченія зеренъ. Новобрачные вкусили такой плодъ, коего сладость долженствовала быть эмблемою ихъ соединенія.

Между тѣмъ предавшись восторгамъ неумѣренной радости, мы произносили многіе мятежные крики, и приставали ко дверямъ, которыя вѣрнымъ Ѳеагеновымъ другомъ защищаемы были; многіе молодые люди пля-

сали при звукѣ разныхъ орудїй. Сей шумъ прерванъ былъ Ѳеорїею изъ Коринѳа, которая приняла на себя трудъ сего вечера прославлять пѣнїемъ Гименея. Поздравивъ Ѳеагена, присовокупила слѣдующее:

„Мы въ веснѣ нашихъ лѣтъ; мы избран-„ныя изъ тѣхъ Коринѳскихъ дѣвицъ, кото-„рыя славятся по своей красотѣ. О Исмена! „Нѣтъ между нами ни единой, чьи прелести „не уступили бы твоимъ. Легче Ѳессалїйска-„го коня, возвышеннѣе надъ своими подругами, „какъ лилїя, честь садовъ, возвышается надъ „травами, Исмена есть украшенїе всей Грецїи. „Всѣ Амуры обитаютъ въ глазахъ ея. Всѣ ху-„дожества оживотворяются подъ ея перстами. „О дѣвица, о жена прекрасная! завтра пой-„демъ въ луга собирать цвѣты, чтобъ сплесть „тебѣ вѣнецъ. Мы повѣсимъ его на прекраснѣй-„шемъ изъ ближайшихъ яворовъ. Подъ возраж-„дающимся его листьемъ мы станемъ въ честь „твою проливать благовонїя, а на корѣ его вы-„рѣжемъ сїи слова: *воскуряйте мнѣ фимїамъ, „я древо Исмены*. Покланяемся тебѣ, счастли-„вая супруга! покланяемся тебѣ, счастливый „супругъ! поздравляемъ и желаемъ, чтобъ Ла-„тона одарила васъ дѣтями, подобными вамъ;

„чтобъ Венера воспламеняла въ васъ всегда „свой огнь; чтобъ Юпитеръ простеръ и на по„слѣднихъ вашихъ потомковъ то счастіе, ко„торое васъ окружаетъ. Покойтесь въ нѣдрахъ „радостей, вкушайте впредь одну нѣжнѣй„шую любовь: завтра при возшествіи зари „опять придемъ и воспоемъ снова: О Именъ „Именей, Именъ! „

Въ слѣдующее утро, въ первый часъ дня мы опять сошлись въ тоже мѣсто, и дѣвицы Коринѳскія возгласили слѣдующую брачную пѣснь:

„Венера, украшеніе Олимпа! Амуръ, утѣха „земли! Именъ, источникъ жизни! мы просла„вляемъ васъ въ нашихъ пѣсняхъ. Амуръ! „Именъ! Венера! мы прославляемъ васъ въ „нашихъ пѣсняхъ. О Ѳеагенъ! пробудись, воз„зри на свою возлюбленную. Младый любимецъ „Венеры, счастливый и достойный супругъ „Исмены, О Ѳеагенъ! пробудись, воззри на свою „супругу, воззри на блескъ ея красоты; при„мѣчай, какими живыми прелестями черты „лица ея преисполнены. Роза есть царица цвѣ„товъ: Исмена царица красавицъ. Уже трепе„щущія ея зѣницы открываются при лучахъ „солнца: счастливый и достойный супругъ „Исмены, О Ѳеагенъ! пробудися.„

Любовники почитали сей день первымъ днемъ своей жизни, и препроводили его почти весь въ наслажденіи того соучастія, которое жители острова принимали въ ихъ бракѣ, и всѣ друзья ихъ почитали долгомъ подносить имъ подарки. Они и сами дарили другъ друга, и вкупѣ получили оныя отъ Ѳилоклеса, и отца Ѳеагенова. Ѳилоклесовы дары принесены были съ нѣкоторымъ великолѣпіемъ. Отрокъ одѣтый въ бѣлое платье шелъ напередъ съ возженнымъ свѣтильникомъ; за нимъ слѣдовала молодая дѣвица, держащая на головѣ своей кошницу. Позади ея шли многіе служители, кои несли алебастровые сосуды, ящики съ благовоніями, разныя пахучія воды, благовонія, и все то, что любовь къ убранству и опрятности могла превратить въ нужды.

Около вечера Исмена поѣхала опять къ своему родителю, не для того, чтобъ сообразоваться только съ обычаемъ, но чтобъ изъяснить ему всѣ чувствія истиннаго почитанія, благодарности и сожалѣнія, что родительскій домъ оставила. На другій день возвратилась она къ супругу, и съ сего времени ничто не возмущало ихъ блаженства.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ОСМАЯ.

Продолженіе путешествія по Делосу. О счастіи.

Филоклесъ съ отмѣнно чувствительнымъ сердцемъ соединялъ превосходный умъ и глубокія познанія. Въ молодости своей обращался онъ съ знаменитѣйшими философами Греціи; обогатясь ихъ свѣдѣніями, а болѣе собственными своими размышленіями, составилъ себѣ правила поведенія, приносящія спокойствіе и душѣ его и всѣмъ окружавшимъ его. Мы не преставали разсматривать необыкновеннаго сего человѣка, для котораго каждый часъ жизни былъ часомъ счастія.

Нѣкогда прогуливаясь по острову, увидѣли мы на небольшомъ храмѣ Латоны слѣдующую надпись: „*ничего нѣтъ прекраснѣе, какъ правосудіе: ничего нѣтъ лучше, какъ здравіе: ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ обладаніе тѣмъ, что любишь.* Сіе-то самое, сказалъ я, осуждалъ нѣкогда Аристотель въ присутствіи нашемъ. Онъ мнилъ, что качества, изложенныя въ семъ изреченіи, должны быть нераздѣльны, и приличествуютъ

одному только счастію; ибо въ самомъ дѣлѣ счастіе есть всего прекраснѣе, лучше и пріятнѣе. Но на что описывать дѣйствія счастія? Не стократно ли полезнѣе возвышаться къ первоначальному источнику онаго? Онъ не многимъ извѣстенъ, отвѣчалъ Филоклесъ; всѣ люди для достиженія онаго избираютъ различные пути; всѣ разногласятъ о существѣ верховнаго блага. Иные думаютъ, что оное состоитъ въ наслажденіи всѣми утѣхами, или въ неимѣніи скорбей. Одни старались заключить отличительныя свойства счастія въ краткихъ правилахъ; изъ таковыхъ-то есть сіе изрѣченіе, которое ты читалъ теперь на семъ храмѣ; изъ таковыхъ также есть пѣсня, употребляемая часто за столомъ, по смыслу которой счастіе зависитъ отъ здравія, отъ красоты, отъ богатствъ, законно стяжанныхъ, и отъ юности, протекшей въ нѣдрахъ дружбы. Другіе, сверхъ драгоцѣнныхъ сихъ даровъ, требуютъ крѣпости тѣла, бодрости духа, силы разума, правосудія, благоразумія, умѣренности, обладанія наконецъ всѣми благими и всѣми добродѣтелями (*); но поелику большая

(*) Плутархъ говоритъ объ одномъ Скопасѣ изъ Ѳессаліи, который поставлялъ счастіе въ преизбыткѣ.

часть сихъ выгодъ не отъ насъ зависитъ, и поелику всѣ сіи выгоды совокупно не могли бы удовлетворить нашего сердца, то и явствуетъ изъ сего, что онѣ не составляютъ существеннымъ образомъ того блаженства, которое приличествуетъ каждому человѣку въ особенности.

Въ чемъ же собственно состоитъ оно? вскричалъ съ нетерпѣніемъ одинъ изъ присутствующихъ, и какому жребію подвержены смертные; естьли, принуждены бывъ гонятся за счастіемъ, не умѣютъ избрать пути, по которому шествовать ко счастію должно? Увы! отвѣчалъ Филоклесъ, сіи смертные достойны великаго сожалѣнія; воззрите вкругъ себя, во всѣхъ мѣстахъ, во всѣхъ состояніяхъ услышите единый только стонъ и вопль; увидите только людей, мучимыхъ исканіемъ счастія, и нуждою быть счастливыми; мучимыхъ страстями, кои препятствуютъ имъ быть таковыми; безпокоящихся среди утѣхъ, безсильныхъ противъ напастей, равно почти страдающихъ отъ лишенія благъ и отъ наслажденія оными; ропщущихъ непрестанно на свою судьбу и не могущихъ оставить жизни, которая имъ содѣлалась несноснымъ бременемъ.

Не ужели мыслите вы, что родъ человѣческій получилъ бытіе свое для того токмо, чтобъ наполнять землю несчастными? и милосердые боги могутъ ли поставлять жестокое увеселеніе въ томъ, чтобъ утѣснять слабыя наши души? нѣтъ, нѣтъ, я не вѣрю сему безумію. Единственно на самихъ себя должны мы обращать наши укоризны. Вопросимъ себя, какое понятіе имѣемъ мы о счастіи? разумѣемъ ли подъ симъ словомъ что другое, кромѣ того состоянія, въ которомъ бы возраждающіяся непрестанно наши желанія всегда удовлетворялись, и которое перемѣнялось бы по перемѣннымъ нашимъ прихотямъ, и свойствамъ и котораго продолженіе зависѣло бы отъ нашей воли? но для таковыхъ мечтаній надлежало бы перемѣнить вѣчный порядокъ природы, дабы таковое состояніе могъ получить въ удѣлъ хотя единъ изъ насъ. И такъ желать счастія ненарушимаго, безъ ощущенія прискорбій и горестей, значитъ желать того, что не можетъ существовать, и что по сей самой причинѣ вящше и вящше воспламеняетъ наши желанія; ибо ничто не прельщаетъ насъ больше, какъ торжество надъ препятствіями, дѣйствительно или мнимо непреодолимыми.

Непремѣнные законы, коихъ глубина отъ нашихъ изслѣдованій сокрыта, смѣшиваютъ безпрерывно добро со зломъ во всеобщемъ составѣ природы; и существа, составляющія часть сего великаго всего, столь удивительнаго въ своемъ цѣломъ, столь непостижимаго, а иногда и ужаснаго въ своихъ подробностяхъ, сіи существа должны непремѣнно вмѣщать въ себя сіе смѣшеніе и подвергаться непрестаннымъ коловратностямъ. На сихъ-то условіяхъ дана намъ жизнь. Съ того самаго мгновенія, какъ оную получаемъ, осуждены мы вращаться въ кругу добра и зла, блаженства и бѣдствій, удовольствій и горести. Естьли вы спросите о причинѣ толь печальнаго раздѣла, то другіе отвѣчать вамъ будутъ, можетъ быть, что боги долженствовали бы надѣлять насъ одними благостями, а неудовольствіями; что послѣднія они даруютъ намъ для того, чтобъ принудить насъ принимать первыя; и что для большой части смертныхъ количество добра до безконечности превысило бы количество зла, естьли бы они, руководствуясь здравымъ смысломъ, умѣли сопрягать съ божескими благостями и пріятныя свои ощущенія, и мгновенія, изъятыя отъ смятеній и горестей. Таковое

размышленіе могло бы иногда удержать наши роптанія, но причина оныхъ всегда бы существовала; ибо наконецъ есть скорбь на земли. Она снѣдаетъ жизнь у большей части людей; но когда бы и одинъ только человѣкъ страдалъ, когда бы и достойно страдалъ, и когда бы не долѣе мгновенія страдалъ въ своей жизни; то сіе мгновеніе скорби было бы отчаяннѣйшимъ изъ всѣхъ таинствъ, которыя природа очамъ нашимъ являетъ.

Какое же заключеніе извлекаете вы изъ сихъ размышленій? Не ужели должны мы, подобно слѣпцамъ, низвергнуться въ сей быстрый потокъ, увлекающій и погубляющій нечувствительнымъ образомъ всѣ существа; шествовать добровольно и безъ сопротивленія, какъ бы на жертву слѣпому року и на удары, намъ грозящіе; отрещись наконецъ отъ надежды величайшаго и единственнаго блага для большей части подобныхъ намъ? нѣтъ, безъ сомнѣнія, я хочу, чтобъ вы были счастливы, поколику позволено вамъ быть таковыми не чрезъ мечтательное благополучіе, коего исканіе и ожиданіе доставляютъ всѣ бѣдствія человѣческому роду, но чрезъ благополучіе, предназначенное и принаровленное

къ нашему состоянїю, и тѣмъ болѣе прочное, непоколебимое и вѣрное, что мы можемъ содѣлать его независимымъ отъ людей и всякихъ приключенїй.

Нравъ и свойство наше нерѣдко способствуютъ къ прїобрѣтенїю онаго, и можно даже сказать, что нѣкоторые люди потому только счастливы, что родились счастливыми. Прочїе не могутъ бороться въ одно время и со нравомъ своимъ и со внѣшними противностями безъ долговременнаго и неослабнаго упражненїя; ибо, какъ говоритъ одинъ древнїй философъ, „боги продаютъ намъ счастїе за цѣну нашихъ трудовъ„, но сїе упражненїе и тщанїе не болѣе требуютъ усилїй, какъ замыслы и побужденїя, безпрерывно насъ мятущїя, кои собственно суть не что иное, какъ исканїе мнимаго счастїя.

По сихъ словахъ Филоклесъ пребылъ въ молчанїи, сказавъ, что не имѣетъ довольно ни свободнаго времени, ни свѣденїй для приведенїя въ систему учиненныхъ имъ размышленїй о толь важномъ предметѣ. Удостой, по крайней мѣрѣ, сказалъ Филотъ, сообщить намъ хотя безъ связи и порядка тѣ разсужденїя, кои случайно будутъ приходить тебѣ на мысль; увѣдомь насъ, какимъ образомъ

достигъ ты до сего безмятежнаго состоянія, которое не прежде могъ ты пріобрѣсть, какъ по долговременныхъ испытаніяхъ и заблужденіяхъ.

О Филоклесъ! вскричалъ молодый Лизисъ, зефиры, кажется, рѣзвятся на семъ яворѣ; воздухъ напаяется благоуханіемъ цвѣтовъ, спѣшно распускающихся; выноградныя лозы сіи начинаютъ опушывать своими отраслями сіи мирты, съ которыми не разстанутся болѣе; стада сіи, прыгающія по лугамъ; птицы сіи, воспѣвающія взаимную любовь; звукъ мусикійскихъ орудій, раздающійся по долинѣ, все, что ни вижу, все, что ни слышу, восхищаетъ и приводитъ меня въ восторгъ. Ахъ, Филоклесъ! мы сотворены для счастія, для всесовершеннаго счастія, счастія небеснаго; я сіе чувствую по сладостнымъ и сильнымъ движеніямъ, мною ощущаемымъ. Естьли тебѣ извѣстно искуство размножить и усовершить оныя; то учинишь преступленіе, когда утаишь отъ насъ свои дарованія.

Ты напоминаешь мнѣ, отвѣчалъ Филоклесъ, о первыхъ лѣтахъ моей жизни; я и теперь еще негодую на сіе время, въ которомъ предавался, какъ ты, впечатлѣніямъ,

во мнѣ дѣйствовавшимъ. Природа, къ которой я не приобыкъ еще тогда, являлась взорамъ моимъ въ чертахъ очаровательныхъ, и душа моя совсѣмъ новая, совершенно чувствительная питалась попеременно прохладою и пламенемъ.

Я не зналъ еще людей, въ словахъ и дѣянїяхъ ихъ находилъ я по несмыслїю ту же невинность и простоту, какая обитала тогда въ моемъ сердцѣ. Всѣхъ ихъ почиталъ я справедливыми, чистосердечными, склонными къ дружбѣ, а наипаче человѣколюбными, каковыми они долженствовали быть, и каковымъ я былъ въ самомъ дѣлѣ; но надобно много опытности для узнанїя, что они не таковы.

Среди сихъ мечтанїй вступилъ я въ свѣтъ. Вѣжливость, отличающая Аѳинскїя общества; сїи выраженїя, внушающїя желанїе нравиться; сїи излїянїя сердечныхъ чувствованїй, толь маловстоющїя и толь сильно плѣняющїя; всѣ сїи обманчивыя наружности не могли не прельстить юношу, никакими еще опытами не утвержденнаго. Я летѣлъ во срѣтенїе обольщенїямъ; и уступивъ прїятнымъ знакомствамъ права и чувствїя дружбы, предавался я безъ размышленїя удовольствїю любить и быть люби-

мымъ. Выборъ мой, не бывъ обдуманнымъ, содѣлался для меня пагубнымъ. Большая часть друзей моихъ удалились отъ меня; одни ради корысти, другiе по зависти или легкомыслiю. Удивленiе и горесть исторгли изъ очей моихъ слезы. Напослѣдокъ претерпѣвъ вопiющiя на небо несправедливости и злодѣйскiя вѣроломства, принужденнымъ я нашелся, послѣ долговременной борьбы, отрещись отъ сладостной довѣренности, которую имѣлъ я ко всѣмъ людямъ. Пожертвованiе сiе было для меня столь тягостно и несносно, что и теперь отъ того содрогаюсь. Оно было столь насильственно, что я впалъ въ противоположную крайность. Я нарочно раздражалъ мое сердце, со удовольствiемъ питалъ въ немъ недовѣрчивость, ненависть, злобу, и, ахъ! былъ несчастливъ. Наконецъ вспомнилъ я, что во множествѣ мнѣнiй о свойствахъ счастiя, нѣкоторые люди, уважаемые болѣе другихъ, поставляли оное или въ сластолюбiи, или въ исполненiи добродѣтелей, или въ упражненiяхъ просвѣщеннаго ума. Я рѣшился обрѣсти мое счастiе въ утѣхахъ.

Не стану разсказывать подробностей о заблужденiяхъ моей молодости, а приступлю ко времени, пресѣкшему теченiе оныхъ. На-

ходясь въ Сицилїи, вздумалъ я посѣтить одного изъ первостепенныхъ жителей Сиракузскихъ; всѣ приводили его въ примѣръ, какъ человѣка совершенно счастливаго: видъ его привелъ меня въ изумленїе. Не взирая на среднїя его лѣта, имѣлъ уже онъ всѣ признаки дряхлости. Онъ былъ окруженъ музыкантами, кои ему уже крайне наскучили непрестаннымъ прославленїемъ его добродѣтелей. Онъ окруженъ былъ и прекрасными невольницами, коихъ пляска возжигала по временамъ въ глазахъ его тусклый и погасающїй огнь. Оставшись наединѣ, сказалъ я ему, поздравляю тебя; ты умѣлъ во всѣ времена наслаждаться утѣхами. Утѣхами? отвѣчалъ онъ мнѣ въ безмѣрномъ гнѣвѣ, я ихъ уже не имѣю, а осталось во мнѣ одно отчаянїе отъ потерянїя оныхъ. Вотъ одно чувствїе, которое мнѣ осталось, и которое довершитъ разрушенїе моего тѣла, изнуреннаго горестями и болѣзнями. Я покушался возбудить въ немъ твердость духа, но нашелъ душу одичалую, безъ правилъ и ко исправленїю неудобную. Вскорѣ потомъ узналъ я, что онъ никогда не стыдился несправедливостей своихъ, и безразсудными своими издержками расточалъ повседневно имущество своихъ дѣтей.

Примѣръ сей и отвращенія, постепенно мною ощущаемыя, извлекли меня изъ упоенія, въ коемъ погружался я нѣсколько лѣтъ, и заставили меня основать мое спокойствіе на упражненіи въ добродѣтели и на руководствѣ здраваго разума. Къ обоимъ прилѣжалъ я тщательно; но я еще былъ въ такомъ состояніи, что могъ еще употребить оное во зло. Слишкомъ строгая моя добродѣтель возбуждала во мнѣ иногда негодованіе противу общества, а разсудокъ слишкомъ взыскательный дѣлалъ меня равнодушнымъ ко всѣмъ предметамъ. Нечаянный случай разсѣялъ сугубое сіе заблужденіе.

Въ Ѳивахъ узналъ я одного изъ Сократовыхъ учениковъ, праводушіе коего всѣ превозносили. Я былъ пораженъ превосходствомъ его правилъ и порядочнымъ его поведеніемъ, но онъ вмѣшивалъ постепенно въ свою добродѣтель столько предразсудковъ и суевѣрія, что можно было укорить его въ томъ, что онъ не былъ снизходителенъ ни къ самому себѣ, ни къ другимъ. Онъ сдѣлался почти неприступнымъ, подозрѣвающимъ, а часто и несправедливымъ; почитали качества его сердца, но убѣгали его присутствія.

Вскорѣ послѣ того прибывъ въ Дельфы на Пиѳійскія игры, примѣтилъ я въ темной просади человѣка, славившагося великимъ своимъ просвѣщеніемъ; казалось, горесть угнѣтала его. Я истребилъ, сказалъ онъ мнѣ, помощію разсудка обольщенія житейскихъ суетъ. Съ рожденіемъ получилъ я всѣ выгоды, удовлетворяющія тщеславію. Вмѣсто наслажденія оными хотѣлъ я изслѣдовать ихъ во всей подробности; и съ того самаго времени богатство, порода и пріятности лица представились очамъ моимъ пустыми токмо отличіями, коими слѣпый случай надѣляетъ людей. Достигнувъ первыхъ степеней чиноначальства республики, получилъ я къ онымъ отвращеніе; потому что трудно было дѣлать добро, а удобно дѣлать зло. Я искалъ славы на ратномъ полѣ, омывалъ руки въ крови несчастныхъ, и лютости мои привели меня въ трепетъ. Упражнялся я въ наукахъ и художествахъ. Философія погрузила меня въ сомнѣніе, въ витійствѣ находилъ я вѣроломное искуство обманывать людей; въ стихотворствѣ, музыкѣ и живописи одно только искуство забавлять дѣтей. Хотѣлъ я найти спокойствіе въ почтеніи отъ народа, но видя вокругъ себя лицемѣровъ въ добродѣте-

ли, похищающихъ безъ наказанія одобренія его, наскучилъ я и народомъ и его почтеніемъ. Осталось мнѣ избрать жизнь не имѣющую ни прелестей, ни побужденій; но увидѣлъ, что и сія жизнь есть не что другое, какъ тщеславное повтореніе одинаковыхъ явленій и одинаковыхъ необходимостей.

Утомленный существованіемъ своимъ, влачилъ я оное по отдаленнѣйшимъ странамъ. Египетскія пирамиды привели меня въ изумленіе при первомъ на нихъ воззрѣніи; но вскорѣ потомъ сравнивалъ я гордыню царей, воздвигнувшихъ оныя, съ киченіемъ муравьевъ, на тропѣ собиравшихъ въ кучу нѣсколько песщинокъ, дабы оставить потомству слѣды своего шествія. Повелитель Персовъ далъ мнѣ при дворѣ своемъ достоинство, повергшее къ ногамъ моимъ его подданныхъ; безмѣрная ихъ подлость предвозвѣстила мнѣ безмѣрную ихъ неблагодарность. Я возвратился въ свое отечество, не удивляясь больше ничему, не уважая ничѣмъ, и, по гибельному послѣдствію, лишась даже и способности любить. Когда я примѣтилъ свое заблужденіе, тогда уже поздо было исправить оное. Но хотя я и не чувствую сильной привязанности къ подобнымъ

себѣ, однако желаю охотно, чтобы примѣрЪ мой послужилЪ тебѣ наставленіемЪ; впрочемЪ я ничего отЪ тебя не опасаюсь, по тому что никогда не имѣлЪ я несчастія оказать тебѣ услугЪ моихЪ. Будучи вЪ Египтѣ зналЪ я одного жреца, который проведЪ печально дни свои, чтобЪ постигнуть начало и конецЪ вещей міра сего, сказалЪ мнѣ со вздохомЪ: горе покушающемуся поднять покровЪ природы! а я скажу тебѣ: горе поднимающему покровЪ сЪ общества; горе не хотящему предаться ѳеатральному мечтанію, котораго предразсудки и нужды разпространились на всѣ предметы; увядшая и истомленная душа его вскорѣ увидѣла бы себя живою вЪ нѣдрѣ ничтожества. Се казнь лютѣйшая изЪ всѣхЪ казней. При сихЪ словахЪ потекли слезы изЪ очей его, и онЪ скрылся вЪ ближайшій лѣсЪ.

ИзвѣстноЪ вамЪ, сЪ какою предосторожностію корабли избѣгаютЪ подводныхЪ камней, прославившихся крушеніемЪ судовЪ первыхЪ мореплавателей; такЪ точно и я пользовался вЪ моихЪ странствованіяхЪ погрѣшностями мнѣ подобныхЪ. Онѣ научили меня тому, чему малѣйшее размышленіе могло бы научить, но чего никогда не узнаемЪ безЪ собственна-

го опыта, что излишній умЪ и излишняя добродѣтель столько же почти пагубны, какЪ и излишнія утѣхи; что природа дала намЪ склонности, которыя столь же опасно утушать, какЪ и истреблять; что общество имѣло право на мои услуги, и что я, усугубляя оныя больше и больше, имѣлЪ право на его уваженіе; наконецЪ, что для достиженія счастливаго сего предѣла, непрестанно являвшагося и сокрывавшагося предо мною, я долженЪ былЪ укрощать безпокойство, ощущаемое во глубинѣ души моей, и ежечасно исторгавшееся изЪ нѣдрЪ ея.

ПознаніемЪ признаковЪ сего безпокойства никогда я не занимался. Я примѣтилЪ, что вЪ животныхЪ ограничивалось оно сохраненіемЪ жизни и размноженіемЪ своей породы; что вЪ человѣкѣ существовало оно и по удовлетвореніи первыхЪ нуждЪ; что между просвѣщенными народами оказывалось оно гораздо обширнѣе, нежели между грубыми и невѣжественными; гораздо сильнѣе и мучительнѣе между богачами, нежели между бѣдными; и такЪ необузданность мыслей и желаній отравляетЪ нашу жизнь, слѣдственно сія-то ненасытимая необузданность, которую мучитЪ праздность, которая для поддержанія себя

въ цвѣтущемъ состоянiи, пресыщается нашими страстями, раздражаетъ ихъ безпрерывно, и одни только горькiе плоды для насъ собираетъ. Но для чего не доставляемъ ей полезнѣйшей и здоровѣйшей пищи? для чего не признаемъ ощущаемаго нами волненiя даже при наслажденiи благъ и утѣхъ, движенiемъ впечатлѣнныхъ въ наши сердца, дабы принудить оныя къ общему между собою сближенiю и къ прiобрѣтенiю своего спокойствiя во взаимномъ соединенiи?

Человѣколюбiе! великодушная и преизящная склонность, обнаруживающаяся въ дѣтствѣ нашемъ невинною нѣжностiю, въ молодости дерзостiю слѣпаго надѣянiя, въ теченiи жизни нашей удобностiю, съ каковою вступаемъ въ новыя связи! Гласъ природы! раздающiйся по всѣмъ концамъ вселенныя, терзающiй насъ грызенiемъ совѣсти, когда угнѣтаемъ ближнихъ, и исполняющiй душевною сладостiю, когда можемъ вспомоществовать имъ! О любовь! о дружба! о благотворительство! неизчерпаемые источники благъ и сладостей! вы свидѣтели, что люди несчастны по тому только, что не хотятъ внимать вашему спасительному гласу. О боги, виновники величайшихъ благодѣянiй! врож-

денная наклонность могла безъ сомнѣнія, сближивъ существа, обремененныя нуждами и бѣдствіями, доставить временную подпору ихъ слабости, но токмо безконечная благость ваша нашла средство собрать насъ во едино прелестію чувствованія и распространить на величайшія сообщества, населяющія землю, священный огнь, который можетъ продлить ихъ существованіе.

Однако вмѣсто того, чтобъ питать священный сей огнь, мы попускаемъ суетному раздору и постыдной корысти стараться неослабно о погашеніи онаго. Естьли бы намъ сказали, что двое незнакомыхъ, выброшенныхъ случайнымъ образомъ на пустый островъ, обрѣли въ своемъ соединеніи и сожитіи прелести, замѣняющія имъ весь міръ; естьли бы намъ сказали, что есть семейство, занимающееся единственно скрѣпленіемъ узъ крови узами дружбы; естьли бы намъ сказали, что въ какой нибудь странѣ земли существуетъ народъ, не вѣдающій инаго закона, кромѣ взаимной любви, инаго преступленія, кромѣ слабой любви: кто бы изъ насъ оомѣлился жалѣть объ участи сихъ двухъ незнакомыхъ? кто бы не пожелалъ быть сочленомъ такого семейства? кто бы не полетѣлъ

въ счастливой сей климатъ? о смертные, невѣдящіе и недостойные предназначеннаго вамъ преславнаго жребія! нѣтъ надобности преплывать моря для обрѣтенія счастія: оно можетъ существовать во всѣхъ состояніяхъ, во всѣ времена, во всѣхъ мѣстахъ: оно въ васъ самихъ, вокругъ васъ, всюду, гдѣ только есть любовь.

Сей законъ природы, слишкомъ пренебреженный нашими философами, предусмотрѣнъ былъ законодателемъ одной могущественной державы. Ксенофонтъ, разговаривая нѣкогда со мною о воспитаніи Персидскаго юношества, сказывалъ мнѣ, что при народныхъ училищахъ учреждено было судилище, куда юноши приходили доносить другъ на друга въ проступкахъ, и гдѣ наказывались за неблагодарность съ крайнею строгостію. Къ сему присоединилъ онъ, что подъ именемъ неблагодарныхъ Персы разумѣли всѣхъ оказавшихся виновными противу боговъ, родителей, отечества и друзей. Удивительный и подражанія достойный сей законъ повелѣваетъ не токмо исполненіе всѣхъ обязанностей, но и дѣлаетъ еще ихъ любезными, показывая первоначальное произхожденіе оныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, естьли не льзя пре-

ступить помянутыхъ обязанностей, не сдѣлавшись неблагодарнымъ, то слѣдуетъ изъ сего, что надлежитъ исполнять оныя изъ признательности; отсюда-то произходитъ ясное и обширное правило, что надобно дѣйствовать не по принужденію; но по чувствію сердечной любви.

Не предлагайте подобнаго ученія душамъ, которыя, увлечены будучи порывистыми страстями, отверзаютъ всякое обузданіе; ни тѣмъ хладнымъ душамъ, которыя занимаясь единственно собою, не ощущаютъ иныхъ прискорбій, кромѣ своихъ собственныхъ. О первыхъ надлежитъ жалѣть; онѣ сотворены болѣе къ несчастію другихъ, нежели къ собственному ихъ благополучію. Жребію вторыхъ можно бы позавидовать; ибо естьли бы мы могли присовокупить къ богатству и здоровью совершенное равнодушіе къ подобнымъ себѣ оказывать по крайней мѣрѣ наружно соучастіе наше, то достигли бы мы благополучія, основаннаго единственно на умѣренномъ удовольствіи чувствъ; и сіе благополучіе было бы, можетъ статься, менѣе подвержено жестокимъ коловратностямъ; но отъ насъ ли зависитъ быть равнодушными?

Естьлибъ намъ опредѣлено было жить оставленными самимъ себѣ на Кавказскихъ горахъ, или въ Африканскихъ пустыняхъ; то природа можетъ быть не дала бы намъ чувствительнаго сердца: но когда уже наградила насъ онымъ, то сердце сїе согласилось лучше укрощать тигровъ, и одушевлять камни, нежели ничего не любить.

Итакъ надлежитъ покаряться своей судбинѣ, и какъ сердце наше обязано расширяться, то не утѣсняя и не сжимая его въ самомъ себѣ, постараемся, колико возможно, приумножать пылкость и дѣятельность его движенїй, давъ имъ потребное направленїе, для воздержанїя его отъ погрѣшностей.

Приводя себя въ примѣръ, я не поставляю сего за правило, но вы сами пожелали знать образъ моей жизни. Вѣдайте же, что чрезъ изслѣдованїе закона Персовъ и чрезъ вящшее и вящшее совокупленїе узъ, соединяющихъ насъ съ богами, съ родителями, съ отечествомъ, съ друзьями, обрѣлъ я таинство удовлетворять вдругъ и обязанностямъ моего состоянїя и необходимостямъ души моей; въ нихъ-то научился я знать и то,

что чѣмъ болѣе живемъ для другихъ, тѣмъ болѣе живемъ для самихъ себя.

Тутъ Филоклесъ распространилъ разсужденія свои на необходимость призывать въ помощь нашему разсудку и добродѣтелямъ всевышнюю власть, подкрѣпляющую ихъ слабость. Онъ доказалъ, до какой степени могущества можетъ вознестись та душа, которая взирая на всѣ произшествія жизни, какъ на законы произтекающія отъ величайшаго и премудрѣйшаго законодателя, принуждена бороться или со злосчастіемъ, или съ самымъ счастіемъ. Вы будете полезны людямъ, присовокупилъ онъ, естьли ваше благочестіе будетъ плодомъ вашего размышленія; но естьли, къ вашему блаженству, благочестіе сіе содѣлается въ васъ сердечнымъ чувствіемъ, то найдете несравненно болѣе пріятности въ томъ благѣ, которое вы сдѣлаете людямъ, и болѣе утѣшенія въ несправедливостяхъ, каковыя они заставятъ васъ терпѣть.

Онъ продолжалъ изъяснять сіи истинны, какъ прервалъ его одинъ молодой Критянинъ изъ числа нашихъ друзей, по имени

Демофонтъ, который съ нѣкотораго времени началъ выдавать себя за ф..ософа. Онъ вошелъ нечаянно, и напустилъ съ такимъ жаромъ и презрѣнiемъ на мнѣнiя, относящiяся къ вѣрѣ, что Филоклесъ почелъ должностiю обратить его къ понятiямъ разумнѣйшимъ. Пренiе сiе помѣщено въ слѣдующей главѣ.

Благоразумiе древнихъ народовъ, продолжалъ Филоклесъ соединяло, такъ сказать, съ обрядами народной вѣры и боговъ, виновниковъ нашего бытiя, и родителей виновниковъ нашей жизни. Уставы законодателей, творенiя философовъ и обычаи народные связуютъ весьма тѣсно наши должности въ разсужденiи тѣхъ и другихъ.

Отсюда-то происходитъ священное обыкновенiе у Писидiанъ, которые начинаютъ свои трапезы возлiянiями въ честь своихъ родителей; отсюда—то проистекла прекрасная мысль Платонова: естьли божество приемлетъ за благо вашъ ѳимiамъ, приносимый истуканамъ, оное изображающимъ; то коль почтительнѣе должны быть предъ нимъ и предъ вами сiи памятники, хранимые имъ въ домахъ вашихъ; сей отецъ,

машь, прародишели ваши, предсшавлявшіе нѣког... живый образъ его власши, а нынѣ служашъ залогомъ особеннаго его покровишельсшва. Не сомнѣвайшесь: оно любишъ шѣхъ, кои чшушъ своихъ родишелей, и наказуешъ шѣхъ, кои ихъ пренебрегаюшъ или оскорбляюшъ. Оказываюшъ ли вамъ какую несправедливосшь, шо не прибѣгая къ сѣшованіямъ, вспомнише благій совѣшъ, поданный мудрымъ Пишшакомъ одному юношѣ, просившему въ судѣ на своего ошца: „Есшьли шы виновашъ, будешь осужденъ; есшьли шы правъ, шо досшоинъ бышь осужденнымъ.„

Но не распросшраняясь доказашельсшвами о почшеніи, коимъ обязаны мы къ даровавшимъ намъ жизнь, я покажу вамъ непреодолимую прелесшь, кошорую природа соединяешъ со склонносшями, нужными для нашего счасшія.

Въ дѣшсшвѣ, гдѣ все просшо, пошому чшо все исшинно, любовь къ родишелямъ изъясняешся нѣжными восшоргами, кошорые, правда, ослабѣваюшъ, когда наклонносшь къ удовольсшвіямъ и независимосши вкрадываешся въ наши сердца; но начало, произведшее

онья, съ трудомъ истребляется; даже въ тѣхъ семействахъ, въ коихъ наблюдается поверхностное только уваженіе. Любовь сія обнаруживается снизхожденіемъ, соучастіемъ, оказаніемъ почтенія другъ другу и соотвѣтствіемъ дружбы, которая при малѣйшемъ случаѣ паки возобновиться можетъ. Она обнаруживается такъ же и въ домахъ, раздираемыхъ жестокими распрями; ибо злоба дѣйствуетъ тамъ со всею лютостію потому только, что она есть слѣдствіе или во зло употребленной довѣренности, или любви обманутой въ надеждѣ своей. И потому не изображеніемъ ли сильныхъ и порывистыхъ страстей трагедія старается всегда возбудить въ насъ жалость! Нерѣдко представляется въ ней и одна борьба нѣжности между родственниками, бѣдствіемъ угнѣтенными; и сіи изображенія извлекаютъ слезы у зрителей, способныхъ чувствовать и изъяснять гласъ природы.

Благодарю боговъ, что дочь моя внимала всегда сему гласу, толико сладостному и убѣдительному. Благодарю ихъ, что они всегда одушевляли меня симъ гласомъ, когда я хотѣлъ ее научить, въ чемъ состоятъ ея

обязанности; благодарю ихЪ, что я всегда казался вЪ глазахЪ ея другомЪ истиннымЪ, сострадательнымЪ, безпристрастнымЪ, болѣе ея самой радѣющимЪ о ея успѣхахЪ, паче же всего справедливымЪ при всякомЪ случаѣ. Сїе то послѣднее качество произвело неимовѣрное надЪ ея умомЪ. Исмена примѣтивЪ, что я подвергалЪ нѣкоторымЪ образомЪ свои заключенїя рѣшенїю возраждающагося ея разсудка, начала приучаться почитать себя, и уважать мнѣнїе, которое лѣта мои и опытность внушили ей о преимуществѣ моихЪ познанїй; вмѣсто того, чтобы требовать отЪ нея нѣжности, я старался заслужить оную, и тщательно уклонялся отЪ подражанїя отцамЪ и благотворителямЪ, возбуждающимЪ неблагодарность тѣмЪ киченїемЪ, сЪ каковымЪ они домогаются отЪ дѣтей признательности.

ТакимЪ точно образомЪ поступалЪ я и сЪ Левкиппою, ея матерїю. Я никогда такЪ много не полагался на чувствованїя моей любви, чтобЪ могЪ пренебрегать наружный видЪ оныхЪ. Когда начиналЪ ее познавать, то желалЪ ей нравиться; когда же сталЪ ее лучше знать, то желалЪ еще болѣе ей нравиться. Не взаимное чувствїе сопрягло

первые наши узы, но совершеннѣйшее другъ къ другу почтенїе и дружба. Съ первыхъ дней нашего брака стыдилась она оказывать въ моемъ домѣ ту власть, коея требуетъ домоводство отъ рачительной хозяйки: теперь оно ей драгоцѣнно, ибо приняла его отъ моихъ рукъ. Толико-то сладостно зависѣть отъ любимаго человѣка, предаться его волѣ, и жертвовать ему даже и малѣйшими желанїями. Пожертвованїя сїи, взаимно нами дѣлаемыя, наполняютъ неизъяснимымъ очарованїемъ всю нашу жизнь: естьли онѣ примѣчены, то онѣ уже вознаграждены; естьли же останутся непримѣченными, кажутся еще прїятнѣйшими.

По причинѣ полезныхъ и разнообразныхъ занятїй протекаютъ дни наши по нашимъ желанїямъ. Мы наслаждаемся спокойно счастїемъ, насъ окружающимъ; жалѣю только о томъ, что не могу оказывать отечеству тѣхъ же услугъ, которыя оказывалъ я въ моей молодости.

Любить отечество значитъ напрягать все усилїя къ тому, чтобъ оно страшно было извнѣ и спокойно внутри. Побѣды и Отечество.

выгодные договоры прïобрѣтаютъ ему почитанïе отъ чужеземныхъ народовъ; единое наблюденïе законовъ и благонравïя утверждаютъ внутреннее его спокойствïе. Между тѣмъ, какъ противоставятъ врагамъ государства полководцевъ и искусныхъ производителей договоровъ, должно противоставить своевольству и порокамъ, стремящимся все разрушать, законы и добродѣтели, приводящïе все въ благоустройство. Какое множество возродится отъ того должностей, толикоже существенныхъ, какъ и необходимыхъ для каждой степени гражданъ вообще и для каждаго гражданина частно!

О вы, предметы сихъ разсужденïй, вы, побуждающïе меня жалѣть въ сïе мгновенïе о томъ, что не имѣю убѣдительнѣйшаго краснорѣчïя, съ которымъ бы могъ достойно говорить объ истиннахъ, во глубинѣ души моей чувствуемыхъ; вы наконецъ, коихъ желалъ бы я воспламенить всесовершенною любовïю ко благу, ибо чрезъ то учинились бы вы счастливѣйшими, помните непрестанно, что отечество имѣетъ непреложныя и священныя права на ваши дарованïя, добродѣтели, чувствïя и на всѣ ваши дѣянïя; что въ какомъ бы состоянïи вы ни были, вы воины на стра-

жѣ, обязанные всегда бдѣть о немъ и летѣть къ нему на помощь при малѣйшей его опасности.

Для исполненія толь высокаго званія недовольно одного того, что вы будете отправлять должности, отъ отечества вамъ ввѣренныя, защищать его законы, знать его выгоды, и даже проливать вашу кровь на полѣ сраженія; или на народномъ торжищѣ. Оно имѣетъ врага несравненно опаснѣйшаго, нежели заговоры народовъ и внутреннія несогласія, то есть, войну неявную и медленную, но сильную и непрестающую, которую пороки производятъ противъ добрыхъ нравовъ: войну тѣмъ пагубнѣйшую, что отечество само собою не имѣетъ никакихъ средствъ ни избѣжать отъ нея, ни выдержать оныя. Позвольте, чтобъ я по примѣру Сократа вложилъ въ уста его рѣчь, которую отечество имѣетъ право говорить своимъ дѣтямъ.

Здѣсь получили вы жизнь: здѣсь благоразумныя учрежденія усовершили вашъ разсудокъ. Законы мои бдятъ надъ безопасностію послѣдняго гражданина: вы всѣ торжественно или въ молчаніи клялись служить мнѣ, не щадя своей жизни. Вотъ мои права;

гдѣ же ваши, по коимъ дерзаете повреждать добрые нравы, которые паче законовъ служатъ твердымъ основанїемъ моему владычеству? Или не знаете, что не возможно нарушать оныхъ, не отравляя государства смертоносныимъ ядомъ? что одинъ примѣръ разврата можетъ заразить весь народъ, и содѣлаться для него вредоноснѣе потери многихъ сраженїй; что вы почитали бы всенародную благопристойность, естьли бы потребно было мужество оную презирать; и что тщеславїе, съ каковымъ выказываете ваши безчинства, остающїяся безъ наказанїя, есть низость стольже презрительная, какъ и наглая.

Между тѣмъ вы дерзаете присвоять себѣ мою славу, гордиться предъ иностранцами, что вы родились въ томъ же городѣ, въ коемъ родилися Солонъ и Аристидъ; что вы происходите отъ тѣхъ ироевъ, кои толь часто побѣдами прославляли мое оружїе. Но какое сходство между сими мудрецами и вами? Скажу болѣе, есть ли что общее между вами и прародителями вашими? Знаете ли, кого признаютъ соотчичами и дѣтями великихъ сихъ мужей? гражданъ добродѣтельныхъ, въ какомъ бы состоянїи они ни родились, и въ какое бы время ни могли родиться.

Отечество ихъ было бы счастливо, естьли бы къ добродѣтелямъ, приносящимъ ему честь, не присоединяли они послабленія, способствующаго къ его гибели! Внемлите гласу моему, вы отъ вѣка до вѣка продолжающіе поколѣніе мужей для человѣчества безцѣнныхъ! я учредилъ законы противъ злодѣяній, но не назначилъ еще законовъ противъ пороковъ; ибо мщеніе мое можетъ существовать только въ вашихъ рукахъ, и вы одни можете оныя истреблять смѣлою и сильною ненавистію.

Не удерживайте оную въ молчаніи, но бросайте громовыя стрѣлы вашего гнѣва на пораженіе безстыднаго своевольства, растлѣвающаго нравы; на пораженіе насилія, неправосудія и вѣроломства, уклоняющагося отъ бдѣнія законовъ; на пораженіе ложной честности, ложной кротости, ложнаго дружества, и всѣхъ сихъ низкихъ пороковъ и обмановъ, уловляющихъ почтеніе людей. Не говорите, что времена перемѣнились, и что должно щадить знатныхъ преступниковъ. Добродѣтель безъ возбужденія есть добродѣтель не имѣющая правилъ. Естьли она не содрогается при воззрѣніи на порокъ, то сама онымъ оскверняется.

Подумайте, какимъ жаромъ воспылали бы вы, ежелибъ вамъ вдругъ возвѣстили, что неприятель подъемлетъ оружіе; что онъ уже на вашихъ границахъ; что онъ уже у вратъ вашихъ. Не тамъ однакожъ обрѣтается онъ теперь: онъ посреди васъ, въ Ареопагѣ, въ собраніяхъ народныхъ, въ судилищахъ; въ домахъ вашихъ. Успѣхи его столь быстры, что, естьли боги, или люди, любящіе благо, не удержатъ его предпріятій, то вскорѣ надобно будетъ отрещись отъ всякой надежды къ преобразованію и поправленію.

Естьли бы слышанныя нами укоризны могли впечатлѣться въ наше сердце, то общество, чрезъ непомѣрное наше къ порокамъ снизхожденіе, учинившееся дебрію оставленною для тигровъ и змѣй, превратилось бы въ обитель мира и счастія. Не станемъ льститься таковою перемѣною: многіе граждане отличаются добродѣтелію; но всего рѣже добродѣтельный человѣкъ: ибо чтобъ быть онымъ въ самомъ дѣлѣ, надобно имѣть мужество быть таковымъ во всякое время, во всѣхъ обстоятельствахъ, не взирая на всѣ препятствія, и пренебрегая самыя великія выгоды.

Но естьли честные люди могутъ составить союзъ для противоборствія лживымъ

и развратнымъ, то пусть по крайней мѣрѣ соединяются они усердствовать пользѣ добродѣтельныхъ; паче же всего пусть наполнятся духомъ человѣколюбія, дарованнымъ намъ отъ природы; и пусть, ибо уже время, возвратятъ оный обществу, изъ котораго онъ нашими предразсудками и страстями былъ изгнанъ. Сей духъ научилъ бы насъ не враждовать всегда другъ противъ друга, не смѣшивать легкомыслія со злостію сердца, прощать погрѣшности, и удалять отъ себя предубѣжденіе и недовѣрчивость, сіи вредоносные источники толикихъ раздоровъ и ненависти. Онъ научилъ бы насъ, что истинная благотворительность оказывается чрезъ усердное покровительство, чрезъ великія щедроты, но болѣе чрезъ состраданіе, заставляющее насъ любить несчастныхъ.

Всякой день видите вы гражданъ, стенящихъ въ бѣдствіи, другихъ, имѣющихъ нужду въ единомъ утѣшительномъ словѣ, и въ сердцѣ, сжалившемся на ихъ горести; и вы вопрошаете, какую пользу приносить можете людямъ: и вы вопрошаете, какую награду опредѣлила намъ природа за наши страданія, коими она сама же

насъ удручаетъ? О есшьли бы вы знали какія сладосши изливаетъ она въ души, послѣдующія ея внушеніямъ! Есшьли когда избавите человѣка отъ нищеты, отъ смерти, отъ всенароднаго посрамленія, то беру въ свидѣтели тѣ сердечныя удовольствія, кои тогда чувствовать будете. Увидите тогда, что существуютъ въ нашей жизни минуты умиленія, вознаграждающія и изкупующія цѣлые годы страданій. Тогда то станете жалѣть о тѣхъ, кои безпокоиться будутъ о вашихъ успѣхахъ, или собравъ съ нихъ плоды, позабудутъ оные. Не бойтесь завистниковъ; они обрѣтутъ свою казнь въ жестокости своихъ свойствъ, ибо зависть есть ржа, грызущая желѣзо. Не бойтесь присутствія неблагодарныхъ; они убѣгать отъ васъ будутъ; или искать васъ, ежели благодѣяніе ваше, имъ оказанное, сопровождено было, и послѣ сопровождалось почтеніемъ и соучастіемъ. Естьли же вы во зло употребили преимущество надъ получившимъ ваше благодѣяніе, то вы погрѣшили сами, и одолженный вами достоинъ сожалѣнія. Часто говорено было: дѣлающій благодѣяніе долженъ оное забыть; получившій оное долженъ о немъ помнить: а я говорю, что второй будетъ о немъ помнить;

естьли первый оное забудетъ. Что нужды, хотя бы я въ семъ случаѣ и ошибался. Неужели должно дѣлать добро для корысти?

Убѣгайте равномѣрно отъ предлагаемаго удобно вамъ покровительства, и не унижайте тѣхъ, коимъ вы покровительствовали. Съ такимъ разположенїемъ будьте неутомимы въ оказанїи ближнимъ услугъ, не требуя отъ нихъ ничего. Иногда противъ ихъ воли и, какъ можно, дѣлайте такъ, чтобъ они о томъ не знали; не почитайте важнымъ, что для нихъ дѣлаете, но полагайте величайшую цѣну на то, что они для васъ сдѣлали.

Просвѣщеннѣйшїе мудрецы по долговременномъ размышленїи заключили, что какъ истинное счастїе есть непрерывная дѣятельность, непрерывное оказанїе усилїй, то и можетъ обитать только въ такой душѣ, коея чувствїя, управляемыя разсудкомъ и добродѣтелїю, единственно посвящены всенародному благу. Сообразно ихъ мнѣнїю, говорю, что наши узы съ богами, родителями, отечествомъ и друзьями составляютъ единственную цѣпь должностей, которыя для собственной нашей пользы обязаны мы оду-

шевлять чувствїями любви, и которыя природа вселила въ насъ для того, чтобъ доставить упражненїе и облегченїе дѣятельности нашей души. Въ ревностномъ исполненїи сихъ должностей заключается та премудрость, которую мы, какъ говоритъ Платонъ, возлюбили бы всемъ сердцемъ, естьли бы красота ея вполнѣ открылась нашимъ взорамъ. Какою неоканчаемою къ ней любовїю воспылала бы душа наша! Вкусъ къ наукамъ, художествамъ, удовольствїямъ мало по малу истребляется; но какъ насытить душу, которая привыкая къ добродѣтелямъ, полезнымъ обществу, чувствуетъ въ нихъ необходимую нужду, и находитъ повседневно новую утѣху въ исполненїи оныхъ.

Не думайте однако, чтобы счастїе души состояло только въ однихъ восхитительныхъ ощущенїяхъ, которыя она отъ своихъ успѣховъ получаетъ: существуютъ для нея другїе источники блаженства, толико же изобильные и толико же долговременные. Таково есть почтенїе народное, почтенїе, которое должны мы необходимо снискивать, котораго никакой недостойный не приобрѣтетъ; ибо оно принадлежитъ единой до-

вродѣтели; рано или поздно она ей воздается, чрезъ что вознаграждается она за свои пожертвованія, и при всѣхъ бѣдствіяхъ, ею претерпѣваемыхъ, получаетъ подкрѣпленіе. Таково есть почтеніе къ самому себѣ, наилучшее изъ преимуществъ, дарованныхъ человѣчеству, чистѣйшая нужда для души честной, пріятнѣйшее утѣшеніе для души чувствительной: безъ сего почтенія не льзя быть другомъ самому себѣ; съ симъ почтеніемъ можно обойтися безъ одобренія другихъ, есть ли они будутъ несправедливы и откажутъ намъ въ ономъ. Таково есть наконецъ сіе чувствіе, дарованное намъ для украшенія нашей жизни, о которомъ предлежитъ мнѣ сообщить вамъ нѣкоторое понятіе.

Я продолжу говорить съ вами объ истиннахъ общихъ и извѣстныхъ: а естьли бы онѣ таковыми не были, то и для васъ были бы совсѣмъ безполезны.

Друзья.

На одномъ островѣ Эгейскаго моря, посреди старыхъ тополей, стоялъ храмъ посвященный нѣкогда дружбѣ. Чистый и пріятный богинѣ ѳиміамъ курился въ немъ денно и нощно; но вскорѣ она была окружена

мздоимными обожателями, и узрѣла, что сердца ихъ связаны были одними только корыстолюбивыми и несообразными видами. Нѣкогда сказала она любимцу Креза: иди инуда съ твоими приношенїями, не мнѣ онѣ приличны, а фортунѣ. Она отвѣчала Аѳинянину, молившемуся о Солонѣ, котораго назывался онъ другомъ. Содружась съ мужемъ мудрымъ, ты хочешь раздѣлять его славу, для того, чтобъ привесть въ забвенїе свои пороки. Она обличила двухъ женщинъ изъ Самоса, обнимавшихся крѣпко при ея жертвенникѣ: страсть къ удовольствїямъ соединяетъ васъ по наружности, но сердца ваши терзаются ревностїю, и вскорѣ раздираемы будутъ ненавистїю.

Наконецъ двое Сиракузянъ, Дамонъ и Финтїй, оба въ правилахъ Пиѳагоровыхъ воспитанные, упали предъ богинею: прїемлю ваше благоговѣнїе, сказала она, я сдѣлаю еще больше; оставляю сїе убѣжище, толь долгое время оскверняемое оскорбительными для меня жертвами, и не хочу обитать индѣ, какъ въ вашихъ сердцахъ. Идите возвѣстить тиранну Сиракузскому, вселенной, потомству все то, что дружба можетъ произвесть въ душахъ, могуществомъ и силою моею облеченныхъ.

По возвращенїи ихъ въ отечество Дїонисїй по незначущему доносу осудилъ Финтїя на смерть. Финтїй просилъ позволенїя отлучиться въ одинъ окрестный городъ для приведенїя въ порядокъ своихъ дѣлъ; обѣщалъ явиться къ назначенному дню; отправился въ путь за поручительствомъ Дамона, который отвѣчалъ своею жизнїю, что Финтїй сдержитъ свое слово.

Между тѣмъ дѣла Финтїевы замедливаются и его удерживаютъ. Назначенный къ его смерти день приближился, наступилъ, народъ собирается, обвиняетъ Финтїя, жалѣетъ о Дамонѣ, который спокойно шествуетъ на смерть въ полномъ увѣренїи, что другъ его возвратится, но и совершенно почитаетъ себя благополучнымъ, естьли онъ и не возвратится. Роковое мгновенїе было уже близко, какъ вдругъ тысячи мятежныхъ криковъ возвѣстили прибытїе Финтїя, онъ бѣжитъ, летитъ на мѣсто казни, видитъ мечъ взнесенный надъ главою друга, и среди взаимныхъ лобызанїй и слезъ спорятъ о счастїи умереть другъ за друга. Зрители обливаются слезами, самъ царь бѣжитъ со престола и проситъ усердно сдѣлать его участникомъ въ безподобной дружбѣ.

Послѣ сего зрѣлища, которое надлежало бы изобразить чертами пламенными, безполезно будетъ прославлять дружбу, и пособія, каковыя можетъ она доставить во всякомъ состояніи и во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни.

Почти всѣ тѣ, кои говорятъ о семъ чувствіи, смѣшиваютъ оное со знакомствомъ, по случаю составленнымъ, и одинъ день продолжающимся. Въ жару возраждающихся такихъ союзовъ мы видимъ друзей своихъ таковыми, каковыми имѣть ихъ желаемъ: вскорѣ увидимъ ихъ таковыми, каковы они въ самомъ дѣлѣ суть. Прочіе выборы бываютъ не удачнѣе: тогда приходитъ рѣшимость отказаться отъ дружбы, или, что тоже самое значитъ, перемѣнить друзей своихъ на другихъ друзей.

Какъ всѣ почти люди проводятъ большую часть жизни не размышляя, а малѣйшую часть оной размышляя о другихъ, а не о себѣ самихъ, то посему и не знаютъ совсѣмъ свойства того знакомства, въ которое вступаютъ. Естьли бы осмѣлились мы вопросить самихъ себя о толпѣ друзей, коими почитаемъ себя окруженными, то увидѣли бы, что сіи друзья шатаются вкругъ насъ

по одной только обманчивой наружности. Видѣніе сіе пронзило бы насъ горестію; ибо къ чему служитъ жизнь, когда не имѣемъ друзей? но видѣніе сіе заставило бы насъ избирать друзей, которые въ послѣдствіи не приводили бы насъ въ стыдъ.

Умъ, дарованія, вкусъ въ художествахъ и другія блестящія качества весьма пріятны въ дружествѣ: онѣ его оживляютъ, украшаютъ, когда уже оно утвердилось; но онѣ сами собою не могутъ продлить его существованія.

Дружба основывается и утверждается единственно на любви къ добродѣтели, на снизхожденіи во нравахъ, на согласіи въ правилахъ, и на нѣкоей прелести, предупреждающей разсужденіе, которую потомъ разсужденіе же и оправдываетъ.

Естьлибъ я преподавалъ вамъ правила, то онѣ клонились бы не столько къ тому, чтобы приучить васъ къ добрымъ выборамъ друзей, сколько къ тому, чтобъ отвратить васъ отъ дурныхъ союзовъ.

Не возможно почти, чтобъ дружба утвердилась между двумя лицами различ-

ныхъ и слишкомъ несходственныхъ состояній. Цари слишкомъ возвышены, и потому не имѣютъ друзей. Окружающіе ихъ обыкновенно въ равныхъ себѣ видятъ своихъ соперниковъ; въ нижшихъ себя льстецовъ. Вообще любимъ мы избирать своихъ друзей въ нижшей отъ насъ степени, или для того, что больше надѣемся на ихъ снизхожденіе, или для того, что льстимся болѣе быть отъ нихъ любимыми. Но какъ дружба все дѣлаетъ общимъ и требуетъ равенства, то и должны вы искать себѣ друзей не слишкомъ въ возвышенномъ и не слишкомъ въ униженномъ состояніи отъ вашего.

Не щадите испытаній до вступленія въ тѣсную связь съ людьми, имѣющими одинакія съ вами желанія въ любочестіи, славѣ и счастіи. Потребны неслыханныя усилія, чтобъ союзъ, непрестанно подвергающійся опасностямъ зависти, могъ существовать долгое время: да мы и сами не должны выгодно мыслить о нашихъ добродѣтеляхъ, когда приведемъ наше счастіе подъ зависимость непрестанныхъ сраженій и побѣдъ.

Не вѣрьте услужливостямъ необычайнымъ и увѣреніямъ безмѣрнымъ. Онѣ изте-

кают изъ источника лукавства и лжи, раздирающихъ правдивыя души. Какъ вамъ не подозрѣвать ихъ въ благополучіи, когда они могутъ быть подозрительными и въ самомъ злосчастіи! ибо сострадание, притворно оказуемое несчастнымъ, часто бываетъ коварствомъ, съ помощію котораго стараются вкрасться въ милость людей благоденствующихъ.

Не вѣрьте такъ же тѣмъ знакамъ дружбы, которые вырываются иногда изъ сердца недостойнаго ощущать сіе чувствіе. Природа представляетъ нашимъ глазамъ нѣкое внѣшнее разстройство, нѣкое сцѣпленіе видимыхъ противорѣчій, изъ коихъ извлекаетъ она величайшую пользу. Вы узрите лучезарность правоты даже въ душѣ погрязшей въ несправедливостяхъ. Вы увидите мудрость и въ умѣ, предающемся обыкновенно буйности; увидите человѣколюбіе и въ свирѣпомъ и лютомъ нравѣ. Сіи частицы добродѣтели, отдѣлившіяся отъ своихъ началъ, и искусно разсѣянныя между пороками, трудятся непрестанно для порядка, ими содержимаго. Въ дружбѣ потребно не одно возгорѣніе воображенія слабѣющаго при самомъ своемъ рожденіи, но жаръ непрестанно пылаю-

щій и чувствія душевныя. Когда жъ долговременные опыты содѣлаютъ ее пламеннѣе и дѣятельнѣе, то тогда только совершается нашъ выборъ, и мы начинаемъ жить въ другомъ самомъ себѣ.

Съ самаго сего мгновенія бѣдствія, претерпѣваемыя нами, становятся не столь чувствительны, и благая, коими наслаждаемся, умножаются. Воззрите на человѣка скорбящаго; воззрите на утѣшителей, которые изъ единой благопристойности противъ воли своей его посѣщаютъ. Какъ принужденно ихъ обращеніе! сколь притворны ихъ рѣчи! Но для утѣшенія несчастныхъ потребны слезы, выразительная или молчаливая горесть. Съ другой стороны два истинные друга почли бы за взаимное похищеніе, естьли бы стали вкушать удовольствіе одинъ безъ другаго. А когда они находятся въ сей необходимости, и первый вопль души ихъ есть сожалѣніе объ отсутствіи того, который, раздѣляя удовольствіе придалъ бы дружбѣ болѣе живости, болѣе силы. Тоже самое можно сказать о почестяхъ и другихъ отличіяхъ, которыя должны быть намъ лестны только тогда, когда оныя оправдываютъ то почтеніе, которое друзья наши намъ оказываютъ.

Они пользуются благороднѣйшимъ еще преимуществомъ, именно тѣмъ, что они своими добродѣтелями насъ наставляютъ и дѣлаютъ честь. Ежели то истинно, что обращаясь съ людьми добродѣтельными, научаемся мы быть таковыми же; то какое поревнованіе, какую силу должны намъ внушить примѣры столь драгоцѣнные нашему сердцу! Какая радость для нихъ, когда увидятъ насъ шествующихъ по ихъ стезямъ! Какая утѣха, какое умиленіе для насъ, когда они поведеніемъ своимъ вынудятъ всеобщее удивленіе!

Друзья всего свѣта не могутъ быть ни чьими друзьями. Они стараются только нравиться. Вы будете счастливы, пріобрѣвъ нѣсколькихъ друзей. Можетъ быть необходимость заставитъ васъ ограничить число ихъ однимъ, ежели отъ превосходнаго сего союза потребуете всего совершенства, въ немъ содержимаго.

Ежели бы мнѣ предложили всѣ вопросы, занимающіе философовъ о дружбѣ, ежели бы потребовали отъ меня правилъ для познанія должностей и долговѣчнаго существованія оной, я отвѣчалъ бы: сдѣлайте доб-

рый выборъ, и положитесь на ваши и друзей вашихъ чувствія: ибо сердце рѣшитъ скорѣе и несомнительнѣе, нежели разумъ.

Нѣкто между народомъ, уже развращеннымъ, осмѣлился произнести сіи слова: любите друзей вашихъ такъ, какъ будто бы нѣкогда надобно будетъ ихъ ненавидѣть; правило ненавистное, которое надобно замѣнить другимъ правиломъ утѣшительнѣйшимъ и можетъ быть древнѣйшимъ; не навидьте своихъ враговъ, такъ, какъ будто нѣкогда вамъ надобно будетъ ихъ возлюбить.

Не говори никто, что дружба, столь далеко простертая, становится наказаніемъ; и что находится довольно собственныхъ бѣдствій безъ участвованія въ несчастіи посторонниxъ людей. Тотъ не знаетъ чувствія дружбы, кто опасается ея слѣдствій. Прочія страсти сопровождаются обыкновенно мученіями; но дружба и чрезъ самыя горести укрѣпляетъ крѣпчайшимъ образомъ свои узы. Но естьли смерть.... удалимъ печальныя сіи мысли, или лучше сказать, воспользуемся оными, дабы удостовѣриться въ двухъ величайшихъ истиннахъ; въ первой: что надлежитъ при

жизни нашихъ друзей имѣть объ нихъ такое же мнѣнїе, какое мы имѣли бы послѣ ихъ смерти; во второй, служащей послѣдствїемъ первой, что надлежитъ помнить объ нихъ не только въ отсутствїи, но даже и тогда, когда бываютъ съ нами.

Чрезъ сїе удалимъ мы небрежности, возраждающїя подозрѣнїе и опасенїе; чрезъ сїе протекать будутъ безмятежно тѣ счастливыя минуты, прїятнѣйшїя въ нашей жизни, въ которыхъ нелицемѣрныя сердца умѣютъ уважать и малѣйшїя угожденїя; въ которыхъ самое молчанїе доказываетъ, что души могутъ быть счастливы чрезъ присутствїе одной съ другою; ибо сїе молчанїе не производитъ ни отвращенїя, ни скуки; не говорятъ ничего, но находятся вмѣстѣ.

Есть другїя знакомства, которыя мы необходимо должны имѣть въ обществѣ, и которыя продолжать полезно. Подъ симъ разумѣю я тѣ знакомства, которыя основаны на почтенїи и взаимной склонности. Хотя онѣ не имѣютъ тѣхъ же правъ, какъ дружба, но сильно помогаютъ намъ переносить бремя жизни.

Добродѣтель ваша не должна удалять васъ отъ честныхъ удовольствій, приличныхъ вашимъ лѣтамъ и различнымъ обстоятельствамъ, въ коихъ вы находитесь. Мудрость бываетъ любезна и тверда, когда позволяетъ пользоваться благоразумнымъ отдохновеніемъ, и исполняетъ должности, на нее возлагаемыя.

Естьли къ пособіямъ, въ насъ самихъ существующимъ, присоедините сію надежду, которая при всѣхъ несчастіяхъ, нами переносимыхъ, насъ не оставляетъ; то найдете, что природа не поступила съ нами со всею строгостію, какъ ее въ томъ обвиняютъ. Впрочемъ вѣдайте, что изъ предшедшихъ моихъ разсужденій открывается только сіе правило: человѣкъ живетъ весь въ своемъ сердцѣ, въ немъ единственно долженъ онъ находить свой покой и блаженство.

ГЛАВА СЕМДЕСЯТЪ ДЕВЯТАЯ.

Продолженіе путешествія въ Делосъ.

Мнѣнія о религіи.

Я сказалъ, что разговоръ Филоклесовъ былъ прерванъ прибытіемъ Демофонта. Мы увидѣли издали сего молодаго человѣка разговаривающаго съ философомъ Элейской школы. Узнавъ, о чемъ мы говорили, сказалъ онъ намъ: не ожидайте своего счастія ни отъ кого: оно зависитъ отъ васъ самихъ. Я еще сумнѣвался; теперь сумнѣнія мои разрѣшены, и я увѣренъ, что или нѣтъ боговъ, или они не вмѣшиваются ни во что земное. Сынъ мой, отвѣчалъ Филоклесъ, я зналъ многихъ, которые въ твои лѣта были ослѣплены новостію сего ученія, но послѣ отреклись отъ онаго, не нашедъ въ немъ для себя никакой пользы. Демофонтъ увѣрялъ, что онъ никогда не перемѣнитъ своихъ мыслей. Онъ говорилъ много о нелѣпостяхъ господствующаго богопочитанія, поносилъ народное невѣжество, смѣялся нашимъ предразсудкамъ. Послушай, возразилъ Филоклесъ, мы не хотимъ быть высокомѣрны, то и не должно насъ унижать. Естьли мы въ заблужденіи; твой долгъ на-

ставить заблуждающихъ, или объ нихъ жалѣть; ибо истинная философія есть кротка, сострадательна, а болѣе всего скромна. Изъясни намъ, что возвѣщаетъ она твоими устами? Вотъ что, отвѣчалъ молодой человѣкъ: природа и случай устроили вселенную; политика законодателей покорила общества законамъ. Сіи тайны теперь открыты.

Филоклесъ. И ты гордишся таковымъ открытіемъ?

Демофонтъ. Конечно: ибо я имѣю на то причину.

Филоклесъ. Но я не нахожу ее основательною. Мысль, которою ты гордишся, можетъ усыпить угрызенія злодѣя; но для всякаго добраго человѣка она горестна.

Демофонтъ. А что онъ чрезъ нее потеряетъ?

Филоклесъ. Естьли бы существовалъ гдѣ-либо народъ, неимѣющій никакого понятія о божествѣ, и естьлибы чужестранецъ, явясь въ собраніи сихъ людей, началъ имъ проповѣдывать слѣдующимъ образомъ: вы удивляетесь чудесамъ природы; но мысли ваши не возвышаются къ виновнику оныхъ: я возвѣщаю вамъ, что всѣ сіи чудеса суть

творенїе премудраго Существа, которое печется о ихъ сохраненїи, и взираетъ на васъ, какъ на чадъ своихъ. Добродѣтели, содѣянныя втайнѣ, вы почитаете тщетными, а пороки ненаказанные извинительными: я возвѣщаю вамъ, что судїя невидимый всегда находится близь насъ, что дѣянїя, сокрытыя отъ похвалы или поруганїя человѣческаго, не сокрыты отъ его взоровъ. Вы ограничиваете все существованїе ваше тѣмъ малымъ числомъ минутъ, которое опредѣлено вамъ для странствованїя на землѣ, и на кончину вашу не можете взирать безъ тайнаго нѣкоего ужаса: я возвѣщаю вамъ, что послѣ смерти, жилище утѣхъ ожидаетъ человѣка добродѣтельнаго, жилище печалей будетъ удѣломъ злодѣя.,,— Не правда ли, Демофонтъ, что добрые люди, повергшись предъ новымъ законодателемъ, приняли бы всемъ сердцемъ его ученїе? Но какою бы они поражены были горестїю, естьли бы послѣ того надлежало имъ отъ онаго отречься!

Демофонтъ. Они бы такъ о томъ сожалѣли, какъ обыкновенно сожалѣютъ о прїятной мечтѣ, пробудясь отъ сна.

Филоклесъ. Положимъ такъ. Но естьли бы разсѣялъ ты сїю мечту, то не упрекалъ

ли бы себя за то, что ты расторгъ предъ глазами несчастнаго завѣсу, которая закрывала всѣ его бѣдствія; и не жаловался ли бы онъ на тебя, что ты оставилъ его безъ всякой защиты и отъ ударовъ судьбы и отъ злости человѣковъ?

Демофонтъ. Я бы возвысилъ душу сего несчастнаго, укрѣпивъ его разумъ. Я бы показалъ ему, что истинное мужество состоитъ въ томъ, чтобы слѣпо предаваться неизбѣжности.

Филоклесъ. Странная замѣна! Меня приковываютъ желѣзными цѣпями къ Прометеевой горѣ, и въ то время, какъ коршунъ раздираетъ мою внутренность, мнѣ хладнокровно совѣтуютъ, чтобы я не стеналъ. Ахъ! естьли несчастія, угнѣтающія меня, посылаются не отъ той руки, которую могу съ любовію лобызать; то я не что иное, какъ игра слѣпаго рока, не что иное, какъ извергъ природы. Бѣдное насѣкомое, среди страданій своихъ, по крайней мѣрѣ не можетъ чувствовать стыда при торжествѣ враговъ его, или при нападеніи сильнѣйшаго; но я, будучи окруженъ всѣми тѣми несчасті-

ями, которымъ подвержено насѣкомое, имѣю сверхъ того разумъ, который терзаетъ меня жесточае всѣхъ несчастій, предвидя горестныя ихъ послѣдствія и сравнивая мое состояніе съ состояніемъ другихъ.

Отъ многихъ бы слезъ избавила меня сія философія, которую называешь ты грубою, и которая учитъ, что безъ воли или попущенія вышняго существа ничего не бываетъ! Я не зналъ, для чего онъ только на меня обратилъ свои удары; но поелику, виновникъ страданій моихъ есть виновникъ и бытія моего, то я имѣлъ причину надѣяться, что онъ усладитъ горести оныхъ или въ сей или въ будущей жизни. Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, находясь подъ властію самаго благаго изъ владыкъ, и при всей на него надеждѣ, можетъ ли быть несчастнымъ? Скажи мнѣ, Демофонтъ, можешь ли ты быть столь жестокъ, чтобы на сіи жалобы отвѣчать однимъ оскорбительнымъ презрѣніемъ или насмѣшками?

Демофонтъ. Я бы противуположилъ имъ примѣръ нѣкоторыхъ философовъ, коихъ ни злоба людей, ни бѣдность, ни изгнанія не принудили измѣнить истиннѣ.

Филоклесъ. Они сражались на обширномъ позорищѣ при полномъ свѣтѣ, предъ очами вселенныя и потомства. При таковыхъ зрителяхъ можно быть мужественнымъ. Но человѣка, воздыхающаго во мракѣ неизвѣстности, человѣка, плачущаго безъ свидѣтелей, подкрѣпить должно.

Демофонтъ. Сїя подпора нужна только душамъ слабымъ.

Филоклесъ. Она также нужна и для укрощенїя страстей.

Демофонтъ. Это правда; но твердая душа не изъ страха къ богамъ, и не изъ уваженїя къ похваламъ людскимъ, можетъ сносить жестокости рока и даже совершить трудные подвиги самой строгой добродѣтели.

Филоклесъ. Итакъ ты соглашаешся, что предразсудки наши необходимы для большей части человѣческаго рода. Такъ полагаютъ и всѣ законодатели. Но разсмотримъ, не полезны ли сїи предразсудки и тѣмъ отличнымъ душамъ, которыя думаютъ, что однѣ добродѣтели ихъ подадутъ имъ силу и крѣпость. Ты конечно изъ числа таковыхъ; и какъ долженъ имѣть на то свои причины, то мы станемъ сравнивать ваше ученїе съ нашимъ.

Я говорю, что есть для человѣка такiе законы, которые предшествовали всякому человѣческому постановленiю. Сiи законы предписаны верховнымъ существомъ, которое устроило вселенную и сохраняетъ ее; они суть отношенiя наши къ нему и къ подобнымъ намъ. Учинить несправедливость, значитъ нарушить сiи законы, значитъ возстать и противъ общества и противъ перваго учредителя порядка, которымъ держится общество.

Напротивъ того ты говоришь: право сильнаго есть единственное понятiе, начертанное природою въ моемъ сердцѣ. Не она, но законы положительные сдѣлали различiе между справедливостiю и несправедливостiю, между честностiю и безчестiемъ. Дѣянiя мои, сами по себѣ ни добрыя ни злыя, превращаются въ преступленiя по однимъ только произвольнымъ человѣческимъ условiямъ.

Теперь положимъ, что мы оба поступаемъ по нашимъ правиламъ; и представимъ себя въ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ добродѣтель, окруженная искушенiями, требуетъ напряженiя всѣхъ своихъ силъ.

Съ одной стороны почести, богатство, общее уважение и всѣ отличія; съ другой, жизнь твоя въ опасности, семейство въ нищетѣ, имя въ поношеніи. Избирай Демофонтъ, тебѣ велятъ учинить несправедливость, притомъ не забудь, что надѣнутъ тебѣ на руку кольцо, которое Гигеса дѣлало невидимымъ, т. е. что виновнику и соучастнику твоего преступленія будетъ несравненно нужнѣе, нежели тебѣ, сокрыть то преступленіе. Но хотя бы оно и открылось, чего тебѣ опасаться? законовъ? — ихъ заставятъ молчать: общаго мнѣнія? — оно возстанетъ противъ тебя тогда только, когда ты будешь непреклоненъ: твоей связи съ обществомъ? оно разорветъ ее, предавъ тебя гоненіямъ сильнаго: угрызеній твоей совѣсти? — это только предразсудки дѣтства; они изчезнутъ, когда ты размыслишь о правилѣ вашихъ философовъ и политиковъ, которое гласитъ, что о справедливости и несправедливости должно судить по одной только пользѣ, которая доставляется тою или другою.

Демофонтъ. Благороднѣйшія побужденія могутъ удержать меня отъ преступленія: любовь къ порядку, красота добродѣтели, почтеніе къ самому себѣ.

Филоклесъ. Ежели сїи похвальныя побужденїя не утверждаются на правилѣ сверхъестественномъ; то бойся, чтобы столь слабая трость не преломилась подъ рукою, которая на нее опирается. Какъ! ты думаешь, что ты крѣпко связанъ тѣми узами, которые ты самъ сковалъ, и отъ которыхъ ключь въ твоихъ рукахъ. Чтобы питать умъ отвлеченностями, а сердце притворными чувствованїями, ты жертвуешь для сего своею жизнїю и всемъ тебѣ любезнѣйшимъ въ свѣтѣ. Но когда ты приведенъ въ толь низкое состоянїе, когда ты тѣнь, прахъ, насѣкомое; то можешь ли при таковыхъ названїяхъ мечтать, что добродѣтели твои имѣютъ цѣну, что тебѣ нужно почтенїе къ самому себѣ и что ненарушимость порядка зависитъ отъ твоего выбора? Нѣтъ! никогда ничтожество не возвысится гордостїю, никогда истинная любовь къ правдѣ не замѣнится скоро погасающимъ фанатизмомъ, и верховный законъ, заставляющїй животныхъ предпочитать существованїе свое существованїю вселенной, можетъ только уничтожиться или измѣниться закономъ еще сильнѣйшимъ.

Что касается до насъ, то мы ничѣмъ не можемъ оправдать предъ самими собою

слабостей; ибо должности наши всегда согласны съ нашею истинною пользою. Хотя бы по ничтожности своей унизились до земли, хотя бы по могуществу своему вознеслись до самыхъ небесъ; мы всегда и вездѣ будемъ предъ лицемъ судіи, видящаго дѣла наши и помышленія; мы всегда и вездѣ предъ лицемъ того, который хранитъ порядокъ, содѣлываетъ добродѣтель плѣнительною, даруетъ истинное достоинство человѣку, и научаетъ его правильно мыслить о себѣ самомъ. Я чту положительные законы, ибо они происходятъ изъ тѣхъ, кои начертаны богомъ во глубинѣ моего сердца; я ищу одобренія отъ подобныхъ мнѣ людей; ибо въ ихъ разумѣ, какъ и въ моемъ, блистаетъ лучъ божества, въ ихъ сердцѣ, какъ и въ моемъ, посѣяны сѣмена добродѣтели, къ которой онъ внушаетъ имъ тайную любовь; наконецъ боюсь угрызеній совѣсти; ибо онѣ низвергаютъ меня съ того величія, на которое возвышенъ я, исполняя волю божію. Такимъ образомъ я имѣю на своей сторонѣ перевѣсъ, удерживающій васъ на краю бездны, и сверхъ того вышнюю силу, придающую оному перевѣсу еще большее дѣйствіе.

Демофонтъ. Я зналъ людей, которые ничему не вѣрили, однакожъ хорошимъ поведенїемъ и честностїю всегда отличались.

Филоклесъ. А я еще больше могу представить такихъ, которые всему вѣрили, и были злодѣи. Что же изъ сего слѣдуетъ? то, что тѣ и другїе поступали противно своимъ правиламъ, одни дѣлая добро, другїе зло. Таковыя несообразности не должны служить правиломъ. Я только хочу сказать, можетъ ли добродѣтель, основывающаяся единственно на непостоянныхъ мнѣнїяхъ людей, быть столь чиста и тверда, столь удобоисполнительна и утѣшительна, какъ та, которая утверждается на законахъ, почитаемыхъ за низпосланные свыше?

Демофонтъ. Но скажи мнѣ также, можно ли чистую нравственность согласить съ такою религїею, которая только стремится къ развращенїю нравовъ, и предполагать существованїе многочисленной толпы неправедныхъ и жестокихъ боговъ не есть ли самое нелѣпое понятїе, какое только могло поселиться въ человѣческїй разумъ? мы отвергаемъ бытїе ихъ; вы безчестнымъ обра-

зомъ ихъ унизили. — Кто же изъ насъ нечестивѣе?

Филоклесъ. Сіи боги суть твореніе нашихъ рукъ; ибо они имѣютъ наши пороки. Мы болѣе васъ огорчаемся тѣми слабостями, которыя имъ приписываютъ. Но естьли бы удалось намъ очистить богослуженіе отъ суевѣрій, которыя оное искажаютъ, то охотнѣе ли бы ты сталъ оказывать должное благоговѣніе божеству, которое мы воздавать ему обязаны?

Демофонтъ. Докажи, что такое божество существуетъ, что промышляетъ о насъ, и я повергнусь предъ нимъ.

Филоклесъ. Прежде докажи ты, что оно не существуетъ; ибо ты возстаешь противъ ученія, которое изкони принимали всѣ народы. Что касается до меня, то я хотѣлъ только отразить ругательство и насмѣшки, съ какими ты началъ говорить. Сперва сравнивалъ я ваше ученіе съ нашимъ такъ точно, какъ сравниваютъ между собою двѣ философскія системы. Изъ сего сравненія произошло бы, что, по словамъ вашимъ, человѣкъ,

будучи *мѣрою* всѣхъ вещей, долженъ все относить къ себѣ одному; а, по словамъ нашимъ, мѣра всѣхъ вещей есть самъ Богъ, и слѣдственно съ симъ превосходнымъ образцомъ должно соображать наши чувствованія и дѣянія.

Ты спрашиваешь: какой бы памятникъ доказывалъ бытіе Бога? Отвѣтствую: вселенная, ослѣпляющій блескъ свѣтилъ и величественное ихъ теченіе, стройность тѣлъ, взаимное отношеніе, безчисленное множество существъ; наконецъ весь міръ въ совокупности и въ удивительной особенности, гдѣ повсюду видимъ перстъ Божій, и гдѣ все представляетъ величіе, мудрость и согласіе; — присоединю еще единогласное признаніе всѣхъ народовъ, не для того, что бы убѣдить тебя важностію свидѣтельства, но по тому, что общая увѣренность, будучи всегда твердою въ своемъ основаніи, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ того, какое впечатлѣніе произведено въ умахъ восхитительными красотами природы.

Разумъ, согласно съ моими чувствами, показываетъ мнѣ превосходнѣйшимъ строителя въ великолѣпнѣйшемъ строеніи. Я ви-

жу идущаго человѣка и заключаю, что онъ имѣетъ въ себѣ дѣйствующую силу. Его шаги устремляются туда, куда онъ хочетъ идти; я изъ сего заключаю, что оная сила соединяетъ средства его съ цѣлїю имъ предположенною. Сдѣлаемъ примѣненїе сего примѣра. Вся природа въ движенїи, слѣдственно есть первый движитель. Движенїе сїе подчинено неизмѣнному порядку; слѣдственно есть верховное Существо. Тутъ разумъ мой останавливается, и естьли бы онъ покусился далѣе идти, то со мною бы наконецъ сдѣлалось то, что со многими философами, то есть я бы началъ сумнѣваться и о моемъ собственномъ бытїи. Самые тѣ философы, которые утверждаютъ, что мїръ отъ вѣка существовалъ, не менѣе того допускаютъ первоначальную причину, искони дѣйствующую на вещество; ибо, по мнѣнїю ихъ, не возможно понять слѣдствїя правильныхъ и согласныхъ движенїй, не прибѣгнувъ къ разумной движущей силѣ.

Демофонтъ. Сїи доказательства не остановили успѣховъ безбожїя между послѣдователями нашего ученїя.

Филоклесъ. Одно только высокоумїе и невѣжество могутъ благопрїятствовать таковымъ успѣхамъ.

Демофонтъ. Имъ благопрїятствуютъ творенїя философовъ. Ты знаешь мнѣнїе ихъ о бытїи и существѣ Божїемъ.

Филоклесъ. Ихъ подозрѣваютъ, ихъ обвиняютъ въ невѣрїи; потому что они не примѣняются къ мнѣнїямъ народа; потому что дерзаютъ принимать такїя начала, коихъ слѣдствїй не предвидятъ; потому наконецъ, что они, объясняя устроенїе вселенныя, держатся слѣпо ученїя физиковъ и не прїемлютъ въ помощь причины сверхъестественной. Нѣкоторые изъ нихъ, и то немногїе, совершенно отвергаютъ сїю причину; и всѣ рѣшенїя таковыхъ философовъ столь же мало удовлетворительны, какъ и непонятны.

Демофонтъ. И самыя ихъ понятїя о божествѣ таковыже; существо его непостижимо, а потому я и не могу признавать того, чего не понимаю?

Филоклесъ. Заключенїе твое ложно. Не всякую ли минуту представляетъ тебѣ природа непроницаемыя тайны? Ты знаешь, что

вещество существуетъ, но не знаешь его сущности; видишь, что рука твоя движется по твоей волѣ, но не понимаешь связи дѣйствія съ причиною.

Демофонтъ. Намъ говорятъ то объ одномъ, то о многихъ богахъ. Я столько же вижу несовершенствъ, сколько противорѣчій въ свойствахъ, божеству приписываемыхъ. — Его мудрость должна хранить порядокъ на землѣ: отъ чего же повсюду на ней царствуетъ неустройство? Божество должно быть правосудно: отъ чего же я страдаю безъ всякой вины?

Филоклесъ. Съ самаго начала обществъ вѣрили, что духи, обитающіе въ свѣтилахъ небесныхъ, правятъ вселенною. Смертные, почитая ихъ сильными и могущественными, приносили имъ жертвы, и благоговѣя къ духамъ подчиненнымъ, всѣ почти забыли верховнаго Владыку.

Однакожъ преданіе о немъ сохранялось всегда и у всѣхъ народовъ. Ты найдешь слѣды его болѣе или менѣе ощутительные въ самыхъ древнихъ памятникахъ и доказатель-

ства на тоже точнѣйшія въ твореніяхъ нынѣшнихъ философовъ. Смотри, какое преимущество приписываетъ Гомеръ одному изъ боговъ: Юпитеръ названъ отцемъ боговъ и человѣковъ. Пройди всю Грецію: ты найдешь вездѣ единое существо, коему въ Аркадіи долгое время покланялись подъ именемъ бога благаго преимущественно; а во многихъ городахъ подъ именемъ всевышняго или величайшаго.

Послушай потомъ Тимея, Анаксагора, Платона: единый богъ, говорятъ они, устроилъ вещество и произвелъ міръ.

Послушай Антисѳена, ученика Сократова: народы покланяются многимъ богамъ, но природа возвѣщаетъ единаго.

Послушай наконецъ послѣдователей Пиѳагора. Всѣ они называютъ вселенную воинствомъ, приводимымъ въ движеніе волею одного полководца, или великимъ государствомъ, гдѣ полная власть находится въ рукахъ верховнаго повелителя.

Но для чего приписывать духамъ, верховному существу подвластнымъ, титло, ему одному принадлежащее? Сіе произошло отъ

того, что, по злоупотребленїю съ давнихъ временъ вкравшемуся во всѣ языки, названїя *богъ* и *божественный* часто означаютъ одно превосходство сана или отличїе заслугъ, и приписываются всегда государямъ, которымъ оно само предоставило власть свою; умамъ, отъ него просвѣщеннымъ; и творенїямъ рукъ божескихъ или человѣческихъ. Поистиннѣ, Богъ есть столь великъ, что съ одной стороны не возможно болѣе возвысить достоинствъ человѣка, какъ уподобляя ихъ божественнымъ, а съ другой трудно представить, чтобы онъ могъ или удостоилъ обратить долу взоръ свой на смертныхъ.

О вы, отрицающїе неизмѣримость божества, разсуждалиль вы когдалибо о томъ множествѣ разнообразныхъ предметовъ, которые вы можете объять умомъ своимъ и чувствами? какъ! вы удобно можете обнять величайшее пространство, а его взоръ не можетъ ли вдругъ обозрѣть безконечность онаго? Ваше вниманїе почти въ одно мгновенїе устремляется и на Грецїю, и на Сицилїю, и на Египетъ, а онъ не можетъ ли обнять цѣлой вселенной?

А вы, поставляющїе предѣлъ его благости, какъ будто бы великїй Богъ не есть

притомъ и благъ, думаете, что онъ стыдится своего созданія, что насѣкомое, былинка презрѣнны въ очахъ его, и что онъ для того украсилъ человѣка превосходными качествами, для того поселилъ въ немъ желаніе, необходимость и надежду познать его, чтобы послѣ удалить его на вѣки отъ своего взора? — Нѣтъ! я не могу помыслить, чтобы отецъ забылъ чадъ своихъ; и чтобы совмѣстно было съ совершенствами Бога оставить въ небреженіи порядокъ, устроенный имъ въ его владычествѣ.

Демофонтъ. Естьли сей порядокъ устроенъ отъ Бога; то для чего столько злодѣяній, столько несчастій на землѣ? Гдѣ его могущество, естьли онъ не можетъ отвратить оныхъ? Гдѣ его правосудіе, естьли учинить того не хочетъ?

Филоклесъ. Я ожидалъ сего возраженія. Оно было и будетъ всегда предлагаемо, да инаго и сказать намъ вопреки не можно. Естьли бы всѣ люди были счастливы, они бы не возставали противъ виновника своего бытія; но они страждутъ, онъ сіе видитъ, и кажется, ихъ совсѣмъ оставилъ. Тутъ разумъ мой въ замѣшательствѣ прибѣгаетъ къ древнимъ преданіямъ; всѣ онѣ доказываютъ дѣйствіе Про-

мысла, Онъ вопрошаетъ мудрецовъ; почти всѣ они, будучи согласны въ существѣ сего ученія, недоумѣваютъ и различно о томъ толкуютъ. Многіе изъ нихъ бывъ увѣрены, что ограничивать правосудіе или благость Бога, значило бы уничтожать его совершенно, лучше захотѣли положить предѣлы его могуществу. Одни отвѣтствуютъ: Богъ творитъ одно только добро: но вещество, по несовершенству, сопряженному съ его сущностію, причиняетъ зло, противясь волѣ всевышняго существа. Другіе утверждаютъ, что дѣйствіе Промысла божіяго простирается во всей силѣ до сферы лунной, но чѣмъ болѣе приближается къ землѣ, тѣмъ дѣлается слабѣе. Третьи говорятъ: Богъ пріемлетъ участіе въ дѣлахъ великихъ, и презираетъ маловажныя. Наконецъ нѣкоторые изъ нихъ во тьмѣ моего невѣденія озаряютъ меня лучемъ свѣта. Слабые смертные, вопіютъ они, престаньте почитать существеннымъ зломъ бѣдность, болѣзнь и несчастія, отвнѣ къ вамъ приходящія. Сіи приключенія чрезъ твердую покорность волѣ божіей могутъ обратиться вамъ во благо; ибо онѣ суть необходимыя послѣдствія законовъ, которыми сохраняется вселенная. Вы движитесь во всеобщей системѣ вещей, но вы со-

ставляете только малѣйшую ея частицу. Вы созданы для цѣлаго, а не цѣлое для васъ.

Слѣдовательно въ природѣ все благо: зло существуетъ только между тѣми существами, которыя должны бы быть совершеннѣе. Тѣла неодушевленныя слѣдуютъ безъ сопротивленія движеніямъ, которыя имъ сообщаются. Неразумныя животныя предаются безъ угрызенія влеченію естественныхъ своихъ побужденій. Люди одни отличаются столькоже своими пороками, какъ и разумомъ. Повинуются ли они необходимости подобно всѣмъ прочимъ существамъ? для чего одарены они разумомъ, приводящимъ ихъ въ заблужденіе? для чего имѣютъ они силу сопротивляться своимъ склонностямъ, желаніе познавать Творца и способность различать добро отъ зла? для чего даны ему слезы, радостныя слезы, исторгаемыя дѣяніемъ благимъ? для чего дано чувствованіе самое горестное, но вмѣстѣ и самое сладчайшее чувствованіе нѣжнаго состраданія надъ несчастіемъ другаго? Видя столько отличительныхъ свойствъ въ человѣкѣ, не должно ли заключить, что Богъ, по неиспытаннымъ намѣреніямъ своимъ, восхотѣлъ подвергнуть испытанію разумъ его

и воли? Такъ, когда есть добродѣтель на землѣ, то есть правосудїе на небесахъ. Кто не исполняетъ закона, тотъ повиненъ удовлетворить закону. Человѣкъ начинаетъ жизнь свою въ семъ мїрѣ, а продолжаетъ ее въ той обители, гдѣ невинность получаетъ награду за свои страданїя, гдѣ преступникъ наказывается за свои злодѣянїя, доколѣ совершенно не очиститъ оныхъ.

Вотъ, Демофонтъ, какъ наши мудрецы оправдываютъ Промыслъ! Они не знаютъ другаго для насъ зла, кромѣ порока, и другой развязки соблазну, имъ произведенному, кромѣ будущей жизни, гдѣ все будетъ рѣшено. Но теперь вопрошать, для чего Богъ не уничтожилъ зла при самомъ началѣ его, значитъ вопрошать, для чего Богъ создалъ вселенную по своему начертанїю, а не по нашему.

Демофонтъ. Вѣра есть не что иное, какъ смѣсь малозначущихъ понятїй и мѣлочныхъ обрядовъ. Вы населяете тираннами небеса, какъ будто бы мало ихъ было на землѣ; вы окружаете меня стражами, завидующими другъ другу и жаждущими моихъ приношенїй, — стражами, которымъ я не могу воздавать дру-

гой почести, кромѣ рабской боязни. Поклоненіе, котораго они требуютъ, есть одинъ только постыдный торгъ; они даруютъ вамъ богатства, а вы имъ приносите жертвы. Человѣкъ, уничиженный суевѣріемъ, дѣлается рабомъ презрѣннѣйшимъ. Самые ваши философы нигдѣ не говорятъ, что прежде нужно пріобрѣсть добродѣтели, нежели являться предъ божествомъ или молитвою испрашивать оныя.

Филоклесъ. Я уже сказалъ, что народное поклоненіе грубо обезображено, и что мое намѣреніе было только изъяснить мнѣнія философовъ объ отношеніяхъ нашихъ къ божеству. Сумнѣвайся о сихъ отношеніяхъ, естьли ты столько слѣпъ, что ихъ не видишь; но не говори, что мы унижаемъ души наши, когда отдѣляемъ ихъ отъ всѣхъ прочихъ существъ, когда приписываемъ имъ блистательнѣйшее произхожденіе и назначеніе, когда говоримъ, что онѣ имѣютъ сообщеніе съ верховнымъ Существомъ посредствомъ его благотвореній и ихъ признательности.

Желаешь ли имѣть чистую, небесную нравственность, возвышающую умъ твой и

сердце? Познай ученіе и поступки Сократа, который въ своемъ осужденіи, въ своей темницѣ, въ смерти своей видѣлъ опредѣленія безконечной мудрости, и никогда не унизилъ себя жалобами на несправедливость своихъ враговъ.

Разсмотри въ тоже время съ Пиѳагоромъ законы всеобщаго благоустройства [гармоніи], и представь предъ глаза твои картину міровъ. Какая правильность въ разпредѣленіи оныхъ! какая правильность въ разпредѣленіи планетъ! Сліяніе воли всѣхъ гражданъ въ мудрой республикѣ; соединеніе всѣхъ чувствованій въ добродѣтельной душѣ; всѣ существа другъ съ другомъ согласно стараются о сохраненіи порядка, порядокъ сохраняетъ вселенную и ея малѣйшія части. Богъ, есть творецъ сего высочайшаго порядка, а люди назначены чрезъ добродѣтели свои содѣлаться его содѣйствователями въ дѣлахъ его. Никогда система не была ознаменована печатію такой мудрости; никогда не представлялась столь высокая мысль о величіи и достоинствѣ человѣка!

Позволь мнѣ еще присовокупить нѣчто, ибо мой долгъ оправдать нашихъ филосо-

фовъ, прошивъ коихъ ты вооружаешся. Молодой Лизисъ воспитанъ въ ихъ правилахъ; я сужу о семъ по тѣмъ наставникамъ, у коихъ онъ учился. Я спрошу его о разныхъ статьяхъ, относящихся къ нашему разговору.

Послушай его отвѣтовъ. Ты увидишь однимъ взглядомъ все наше ученіе, и будешь въ состояніи судить, можетъ ли разумъ безъ всякаго руководителя представить ѳеорію достойнѣйшую Божества и полезнѣйшую человѣкамъ.

Филоклесъ.

Скажи мнѣ, Лизисъ, кто создалъ міръ?

Лизисъ.

Богъ.

Филоклесъ.

По какому побужденію онъ его создалъ?

Лизисъ.

По своей благости.

Филоклесъ.

Что есть Богъ?

Лизисъ.

То, что не имѣетъ ни начала ни конца. Существо вѣчное, необходимое, неизмѣняемое, разумное.

Филоклесъ.

Можно ли понять его существо?

Лизисъ.

Существо его непостижимо, неизреченно; но Богъ вѣщаетъ ясно въ своихъ творенїяхъ, и сїе вѣщанїе, какъ и всѣ великїя истинны, отличается тѣмъ, что оно равно всѣмъ понятно. Больше знать для насъ было бы безполезно, и конечно несообразно ни съ намѣренїемъ Бога, ни со слабостїю человѣка. И кто вѣдаетъ, чтобы нетерпѣнїе наше возвыситься къ нему не было внутреннимъ предсказанїемъ судьбы, насъ ожидающей? Въ самомъ дѣлѣ естьли справедливо, какъ говорятъ, что онъ блаженъ по единому чувствованїю совершенствъ своихъ, то желанїе познать его есть желанїе раздѣлять съ нимъ его блаженство.

Филоклесъ.

Простирается ли промыслъ его на всю природу?

Лизисъ.

Даже на самые малые предметы.

Филоклесъ.

Можно ли сокрыть отъ взора его наши дѣянїя?

Лизисъ.

Ни помышленїй нашихъ.

Филоклесъ.

Богъ есть ли творецъ зла?

Лисисъ.

Благое существо что ни творитъ, то все благо.

Филоклесъ.

Ты какое имѣешь къ нему отношенїе?

Лизисъ.

Я его созданїе, ему принадлежу, онъ имѣетъ о мнѣ попеченїе.

Филоклесъ.

Какое поклоненїе ему приличествуетъ?

Лизисъ.

То, которое установлено законами отечества; ибо мудрость человѣческая не можетъ ничего опредѣлительнаго предписать въ разсужденїи сего.

Филоклесъ.

Довольно ли воздавать ему почтенїе жертвоприношенїями и великолѣпными обрядами?

Лизисъ.

Нѣтъ.

Филоклесъ.

Чтожъ еще потребно?

Лизисъ.

Чистое сердце. Онъ удобнѣе преклоняется добродѣтелїю, нежели приношенїями; и

какъ не можетъ быть никакого сообщенія между имъ и неправдою, то нѣкоторые думаютъ, что надобно изгнать изъ храмовъ его злодѣевъ, которые находятъ себѣ въ нихъ убѣжище.

Филоклесъ.

Сіе ученіе, преподаваемое философами, принято ли жрецами?

Лизисъ.

Они начертали оное на вратахъ Эскулапіева храма въ Эпидаврѣ. *Въ сіи мѣста,* гласитъ надписаніе, *да входятъ токмо чистыя души.* Они возвѣщаютъ его торжественно при совершеніи священныхъ обрядовъ, гдѣ на возваніе служителей олтаря, *кто здѣсь?* предстоящіе единогласно отвѣтствуютъ: *добрые люди.*

Филоклесъ.

Могутъ ли предметомъ молитвъ вашихъ быть земныя блага?

Лизисъ.

Нѣтъ. Можетъ быть таковыя молитвы были бы для меня еще вредны, и я боялся бы, чтобы богъ раздраженный нескромностію моею не услышалъ оныхъ.

Филоклесъ.

Чего же ты просишь отъ него?

Лизисъ.

Сохранять меня отъ опаснѣйшихъ враговъ, т. е. отъ страстей моихъ; даровать мнѣ истинную красоту, то есть красоту душевную; разуму моему свѣтъ истинны, сердцу любовь къ добродѣтели, духу силу не учинить никакой несправедливости, а паче всего твердость и терпѣнїе переносить несправедливости другихъ.

Филоклесъ.

Что должно дѣлать для благоугожденїя божеству?

Лизисъ.

Всегда находиться въ присутствїи его, ничего не предпринимать, не испрося у него помощи, уподобляться ему нѣкоторымъ образомъ правостїю и святостїю, соображать съ его волею всѣ свои дѣянїя, исполнять должности своего званїя и почитать первою обязанностїю творить добро людямъ, ибо чрезъ сїе одно прїемлетъ онъ насъ въ число чадъ своихъ и друзей.

Филоклесъ.

Можно ли быть счастливымъ, сохраняя сїи правила?

Лизисъ.

Безъ сумнѣнїя; ибо счастїе состоитъ въ мудрости, а мудрость въ познанїи Бога.

Филоклесъ.

Но сїе познанїе весьма несовершенно.

Лизисъ.

По сему и счастїе наше не можетъ быть совершеннымъ въ настоящей жизни.

Филоклесъ.

Правда ли, что послѣ смерти, души наши являются на поле правосудїя, и въ своихъ дѣлахъ отдаютъ отчетъ неумолимымъ судїямъ, и что потомъ однѣ, бывъ перенесены въ цвѣтущїя поля, провождаютъ мирные дни среди ликовъ и торжествъ, а другїя низринуты фурїями въ тартаръ, подвергаются жестокостямъ пламени и лютости дикихъ звѣрей?

Лизисъ.

Я этого не знаю.

Филоклесъ.

Можно ли вѣрить, что тѣ и другїя по крайней мѣрѣ тысячу лѣтъ проведя въ наслажденїяхъ или страданїяхъ, воспрїимутъ опять смертное тѣло, и перешедъ въ другихъ людей или животныхъ, начнутъ новую жизнь; и что за нѣкоторыя злодѣянїя определена вѣчная мука?

Лизисъ.

Я и сего не знаю. Божество не открыло намъ, какїя наказанїя и награды ожидаютъ

насъ послѣ смерти. Все то, что, основываясь какъ на понятіи нашемъ о порядкѣ и справедливости, такъ и на свидѣтельствѣ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ, могу сказать утвердительно, заключается въ томъ, что всякому воздастся свое; что праведный перешедъ отъ мрака земной юдоли къ свѣту невечернему другой жизни, будетъ наслаждаться неизмѣняемымъ блаженствомъ, коего міръ сей представляетъ одно только слабое изображеніе.

Филоклесъ.

Каковы суть обязанности наши къ намъ самимъ?

Лизисъ.

По божествѣ почитать душу нашу выше всего, не помрачать ея пороками и угрызеніями, не продавать за злато, не жертвовать ею прелестямъ удовольствій, и ни въ какихъ случаяхъ не предпочитать вещества земнаго и бреннаго, каково есть наше тѣло, тому существу, коего произхожденіе божественно, бытіе вѣчно.

Филоклесъ.

Какія суть обязанности наши къ людямъ?

Лизисъ.

Онѣ заключаются въ слѣдующемъ правилѣ: не дѣлай другимъ того, чего не желаешь себѣ отъ другихъ.

Филоклесъ.

Не жалкія ли вы творенія, естьли все ваше ученіе есть одна только мечта, и естьли душа ваша не переживаетъ тѣла?

Лизисъ.

Вѣра не болѣе взыскательна, какъ и философія. Вмѣсто того, чтобы предписывать честному человѣку такую жертву, о которой бы онъ могъ сожалѣть, она растворяетъ должности его тайною нѣкоею пріятностію, и доставляетъ ему двѣ безцѣнныя выгоды: совершенное спокойствіе во время жизни, сладкую надежду въ минуту смерти.

ГЛАВА ОСЬМИДЕСЯТАЯ.

Продолженіе Библіотеки.

Поэзія.

Я привелъ къ Эвклиду молодаго Лизиса сына Аполлодорова. Мы вошли съ нимъ въ библіотеку. Въ ней находились однѣ только сочиненія стихотворныя и нравственныя: первыхъ было весьма много; другихъ очень мало. Лизисъ удивился таковой несоразмѣрности. Эвклидъ сказалъ ему: не много книгъ надобно для наставленія людей; но много для ихъ увеселенія. Наши должности ограничены; но удовольствія ума и сердца безпредѣльны. Воображеніе, ихъ питающее, есть столь же щедро, сколь и богато; между тѣмъ какъ разумъ, будучи и бѣденъ и скупъ, едва доставляетъ намъ самыя нужнѣйшія познанія; и какъ мы дѣйствуемъ болѣе по влеченію нашихъ чувствованій, нежели по размышленіямъ, то дары воображенія всегда будутъ имѣть для насъ больше прелести, нежели совѣты соперника его разума.

Сія блистательная способность занимается не столько существеннымъ, сколько

возможнымъ, которое гораздо обширнѣе вещественнаго. Часто даже предпочитаетъ она возможному вымыслы, коимъ не льзя назначить предѣловъ. Ея голосъ населяетъ пустыни, одушевляетъ существа бездушныя, переноситъ отъ одного предмета къ другому отличительныя ихъ свойства и краски, и, представляя все въ новомъ видѣ, увлекаетъ насъ въ страну очарованій въ тотъ мысленный міръ, гдѣ поэты, забывъ все земное, забывъ самихъ себя, бесѣдуютъ только съ вышними умами.

Тамъ въ садахъ Музъ срываютъ они цвѣты для стиховъ своихъ. Тамъ тихіе ручейки струятся для нихъ млекомъ и медомъ. Тамъ Аполлонъ, низшедъ съ неба, вручаетъ имъ свою лиру; божественное дыханіе, погасивъ внезапно свѣтильникъ ихъ разума, приводитъ ихъ въ изступленіе, и заставляетъ говорить языкомъ боговъ, коихъ они суть только вѣщатели.

Ты видишь, присоединилъ Эвклидъ, что я говорю устами Платона. Онъ часто смѣялся надъ тѣми стихотворцами, которые жалуются съ холодностію на пламень, ихъ

внутренно снѣдающій. Но нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно увлекаемы были возторгомъ, который называется божественнымъ вдохновенiемъ, или изступленiемъ стихотворческимъ. Эсхилъ, Пиндаръ и всѣ великiе поэты чувствовали сей возторгъ; ибо оный ощутителенъ еще въ ихъ творенiяхъ. Но что я говорю Демосѳенъ предъ народомъ, частные люди въ бесѣдахъ заставляютъ насъ чувствовать то ежедневно. Начни самъ описывать возторгъ или несчастiя той страсти, которая, овладѣвъ душею, отнимаетъ у нея всякое чувствованiе свободы, то изъ глазъ твоихъ сверкнетъ молнiя, изъ устъ твоихъ прольется пламя и твои частыя *отступленiя* покажутся изступленiемъ или бѣшенствомъ.—При всемъ томъ ты повиновался бы только внушенiю природы.

Сей жаръ, долженствующiй одушевлять всѣ произведенiя ума, оказывается въ Поэзiи съ большею или меньшею силою, смотря по свойству предмета, требующаго большаго или меньшаго движенiя, и по дарованiямъ стихотворца, то есть въ какой степени имѣетъ онъ высокое искуство принимать на себя удобно всѣ свойства страстей, или то

нѣжное чувство, которое мгновенно воспламеняется въ собственномъ его сердцѣ и быстро переливается въ сердца другихъ. Сіи два качества не всегда бываютъ вмѣстѣ. Я зналъ Сиракузскаго стихотворца, который никогда не могъ писать столь прекрасныхъ стиховъ, какъ въ то время, когда сильный восторгъ выводилъ его изъ себя.

Лизисъ предложилъ при семъ нѣкоторые вопросы, о которыхъ можно будетъ судить по отвѣтамъ Эвклида. Поэзія, сказалъ сей послѣдній, имѣетъ свое особенное теченіе, свой особенный языкъ. Въ Эпопеи и Трагедіи пріемлетъ она за образецъ великое дѣйствіе, коего всѣ части связываетъ по своему произволенію, перемѣняя дѣянія извѣстныя и присоединяя другія болѣе привлекательныя. Она возвышаетъ ихъ то чудесностію приключеній, то разнообразными красотами слова, то изящностію мыслей и чувствованій. Изобрѣтеніе басни, то есть способа располагать дѣйствіемъ, часто требуетъ большаго труда и болѣе приноситъ чести стихотворцу, нежели самое сочиненіе стиховъ.

Другіе роды Поэзіи не требуютъ отъ него столь труднаго составленія. Однакоже

всегда долженъ онъ показывать нѣкоторый родъ изобрѣтенія и новыми вымыслами оживлять предметы, имъ описываемые; проницать сердца наши своимъ пламенемъ и не забывать того, что, по словамъ Симонида, Поэзія есть говорящая живопись, такъ какъ живопись есть нѣмая Поэзія.

Изъ сего слѣдуетъ, что одни стихи не составляютъ достоинства стихотворца. Геродотова исторія, даже и преложенная въ стихи, всегда останется исторіею; ибо не найдешь въ ней ни басни, ни вымысловъ. Также слѣдуетъ изъ сего, что къ произведеніямъ Поэзіи не должно причислять изрѣченій Феогниса, Фокилида и проч. ни даже системъ природы, сочиненныхъ Парменидомъ и Эмпидокломъ, хотя въ произведеніяхъ двухъ послѣднихъ писателей иногда встрѣчаются блистательныя описанія и остроумныя иносказанія.

Я сказалъ, что Поэзія имѣетъ особенный языкъ. Раздѣливъ богатство слова съ прозою, она согласилась всегда одѣваться весьма богато, по крайней мѣрѣ со вкусомъ. Ей вручены всѣ цвѣты природы, и она обязалась быть щедрою въ употребленіи оныхъ;

но ее прощают иногда за самую неумѣренную расточительность. Она присвоила себѣ множество словъ, въ прозѣ непозволительныхъ, а иныя дѣлаетъ она сокращеннѣе или протяжнѣе, либо отнятіемъ, или прибавленіемъ одного или нѣсколькихъ слоговъ. Она можетъ также вводить новыя, и имѣетъ почти изключительное право принимать такія, которыя вышли уже изъ употребленія, или употребительныя только въ чужестранномъ языкѣ, выражать многія слова однимъ, располагать ихъ новымъ порядкомъ и наконецъ позволять себѣ всякія вольности, отличающія слогъ стихотворный отъ языка обыкновеннаго.

Вольность, предоставленная Генію, дѣлаетъ легкими всѣ средства, спосиѣшествующія его произведеніямъ. Почему стихи въ рукахъ его пріемлютъ безчисленные *образы*, которые всѣ кажутся произтекающими изъ самой природы. Героическій стихъ шествуетъ съ величественною важностію, онъ назначенъ для Эпопеи. Ямбъ весьма часто встрѣчается въ обыкновенныхъ разговорахъ. Поэзія Драмматическая употребляетъ его съ успѣхомъ. Другіе образы болѣе приличествуютъ пѣснямъ, сопровождаемымъ плясками: они удоб-

но могутъ быть употреблены въ одахъ и гимнамъ. Такимъ образомъ стихотворцы умножили способы нравиться.

Окончивъ сїе, Эвклидъ показалъ намъ творенїя, вышедшїя въ свѣтъ въ разныя времена подъ именами Орфея, Музея, Тамириса, Лина, Анта, Памфа, Олена, Абариса, Эпименида и проч. Одни изъ нихъ содержатъ только священные Гимны, или жалобныя пѣсни; другїя имѣютъ предметомъ своимъ жертвоприношенїя, отвѣты боговъ, очищенїя и волшебства. Въ нѣкоторыхъ, а особливо въ Циклѣ Эпическомъ, который есть собранїе баснословныхъ преданїй, откуда трагическїе стихотворцы часто почерпали содержанїе для своихъ сочиненїй, описаны родословїе боговъ, сраженїе Титановъ, походъ Аргонавтовъ, Ѳивская и Троянская брань. Таковы были главные предметы, коими занимались ученые люди въ теченїи многихъ вѣковъ. Какъ большая часть сихъ творенїй не принадлежитъ къ тѣмъ, подъ именами коихъ они извѣстны, то Эвклидъ не старался привести оныя въ нѣкоторый порядокъ.

За сими слѣдовали творенїя Гезїода и Гомера. При послѣднемъ находилось ужасное Эпопея.

множество толкователей и разбирателей. Я со скукою читалъ изъясненія Стезимброта и Главкона, и смѣялся Лампсакскому Метродору, что онъ взялъ на себя трудъ открыть безпрерывную аллегорію въ Иліадѣ и Одиссеѣ.

По примѣру Гомера многіе стихотворцы предпринимали пѣть Троянскую войну. Таковы были между прочими: Арктинъ, Стезихоръ, Сакадасъ и Лесхе, который началъ твореніе свое сими важными словами: *пою щастіе Пріама и достославную войну*.... Сей самый Лесхе въ своей малой Иліадѣ, а Дисеогенъ въ Кипріакахъ описали всѣ произшествія сей войны. Въ поэмахъ Ираклеидѣ и Ѳисеидѣ не пропущенъ ни одинъ подвигъ Иракла и Ѳисея. — Сіи писатели никогда не знали сущности Эпопеи: они хотѣли идти въ слѣдъ за Гомеромъ, но сокрылись въ лучахъ его, какъ сокрываются звѣзды въ лучахъ солнца.

Эвклидъ старался собрать всѣ Трагедіи, Комедіи и Сатиры, которыя лѣтъ двѣсти почти представляемы были на ѳеатрахъ Греческомъ и Сицилійскомъ. Онъ имѣлъ ихъ около трехъ тысячъ; но его собраніе не было полное. Какую высокую мысль подавало

оно о словесности Грековъ и о плодовитости ихъ генія! Часто насчитывалъ я болѣе ста твореній одного сочинителя. Между рѣдкостями достойными замѣчанія, показалъ намъ Эвклидъ Гиппокентавра, трагедію, въ которой Херемонъ не за долго предъ симъ ввелъ, противъ обыкновенія, всѣ роды стиховъ. Новость сія не понравилась.

Мимы сначала были не иное что, какъ родъ неблагопристойныхъ, шутовскихъ и сатирическихъ представленій театральныхъ. Названіе сіе дано потомъ небольшимъ поэмамъ, въ которыхъ изображались частныя приключенія. Онѣ сходствуютъ съ Комедіею по своему предмету, но различествуютъ отъ нее тѣмъ, что не имѣютъ завязки и простираютъ иногда вольность свою до крайности. Нѣкоторыя изъ нихъ наполнены благопристойными и острыми шутками. Эвклидъ, кромѣ другихъ, собралъ мимы Ксенарка и Сиракузскаго Софрона; послѣднія были забавою Платона, который, получивъ оныя изъ Сициліи, сдѣлалъ ихъ извѣстными Аѳинянамъ. Въ день смерти его нашли ихъ подъ изголовьемъ его постели.

Элегія.

Прежде, нежели было изобрѣтено Драматическое искусство, продолжалъ Эвклидъ,

стихотворцы одаренные отъ природы чувствительною душею, но не имѣющіе дарованія для Эпопеи, иногда начертавали въ картинахъ своихъ гибель какого народа или лица заимствованнаго изъ древности; иногда оплакивали смерть родственника или друга и предаваясь горестямъ своимъ, облегчали оныя. Ихъ жалобныя пѣсни, всегда почти сопровождаемыя звукомъ свирѣли, сдѣлались извѣстными подъ именемъ Элегіи или *плача*.

Сей родъ стихотворенія бываетъ всегда неправиленъ, то есть въ немъ стихи шестистопные съ пятистопными слѣдуютъ другъ за другомъ попеременно. Слогъ онаго долженъ быть простъ; ибо сердце, истинно огорченное не требуетъ никакихъ украшеній. Выраженія онаго должны быть иногда подобно пеплу, сокрывающему въ себѣ сильный огонь; но повѣствованіе не должно гремѣть ни проклинаніями, ни отчаяніемъ. Ничто не трогаетъ столько въ Элегіи, какъ нѣжная кротость въ жестокомъ страданіи. Желаете ли видѣть образецъ Элегіи столь краткой, столь трогательной? Вы найдете ее въ Эврипидѣ. Андромаха, привезенная въ Грецію, повергается предъ статуею Ѳетиды матери Ахилле-

совой. Она не жалуется на сего героя; но при воспоминанїи роковаго дня, въ который видѣла она Гектора, влачимаго вокругъ Троянскихъ стѣнъ, глаза ея наполняются слезами, она обвиняетъ Елену за всѣ свои несчастїя, представляетъ жестокости, причиненныя ей Гермїоною, и произнеся въ другой разъ имя своего супруга, проливаетъ слезы съ большимъ стремленїемъ.

Элегїя можетъ облегчать бѣдствїя наши въ несчастїи; должна возбуждать въ насъ твердость духа при отчаянїи; въ послѣднемъ случаѣ прїемлетъ она важный слогъ и, употребляя самыя сильныя изображенїя, заставляетъ насъ стыдиться собственной нашей слабости, и завидовать слезамъ, пролитымъ при погребенїи героя, умершаго за отечество.

Такимъ образомъ Тиртей воспламенилъ погасшїй жаръ въ Спартанцахъ, а Каллинъ въ жителяхъ Ефесскихъ, таковы были ихъ Элегїи! Таково есть сочиненїе, названное *Саламиного*, которое написалъ Солонъ, дабы побудить Аѳинянъ къ возвращенїю острова сего имени!

Наконецъ, утомясь воздыханїями о существенныхъ бѣдствїяхъ человѣчества, Эле-

тія начала изображать страданія любви. Чрезъ нее многіе стихотворцы приобрѣли себѣ великую славу, которую раздѣляли съ ними ихъ любовницы. Прелести Нанно возпѣвалъ Колофонскій Мимнермъ, занимающій первое мѣсто между нашими стихотворцами; красота Баттисы еще и нынѣ ежедневно прославляется Косскимъ Филетою, который въ юныхъ еще лѣтахъ приобрѣлъ достойное къ себѣ уваженіе. Говорятъ, что онъ былъ такъ худъ и слабъ, что принужденъ былъ привязывать къ обуви своей свинцовыя подошвы или шарики, чтобы устоять противу вѣтра. Жители Косскіе, во уваженіе его стихотвореній, поставили бронзовую статую подъ чинаровымъ деревомъ.

Мнѣ попалась книга подъ названіемъ *Лидіянка*. Это, сказалъ мнѣ Эвклидъ, есть произведеніе Антимаха Колофонскаго, жившаго въ послѣднемъ вѣкѣ, того самаго, который сочинилъ столь извѣстную поэму *Ѳиваиду*. Онъ былъ страстно влюбленъ въ прекрасную Хризеиду, слѣдовалъ за нею въ Лидію мѣсто ея рожденія, гдѣ она скончалась въ его объятіяхъ. Возвратясь въ отечество, онъ не облегчалъ горесть свою, описывая оную въ сво-

ихъ стихахъ, и элегію свою назвалъ ея именемъ.

Мнѣ извѣстна его *Ѳиваида*, отвѣчалъ я. Хотя расположеніе оной не совсѣмъ счастливо, и хотя можно находить въ ней цѣлые Гомеровы стихи, списанные слово въ слово; но я не могу не отдать справедливой похвалы стихотворцу, которую онъ заслуживаетъ по многимъ причинамъ. При всемъ томъ однакожъ надутость, принужденность и даже сухость его слога заставляютъ меня думать, что онъ не имѣлъ столько пріятности въ дарованіяхъ ума и столько чувствительности въ сердцѣ, чтобъ возбудить въ насъ жалость описаніемъ смерти Хризоиды. Но я хочу въ семъ удостовѣриться. Въ самомъ дѣлѣ я прочелъ *Лидіянку*, между тѣмъ какъ Эвклидъ показывалъ Лизису Элегіи Архилоха, Симонида, Клонаса, Іона и проч. Моя догадка справедлива, сказалъ я по прочтеніи Лидіянки; Антимахъ описываетъ печаль свою слишкомъ пышно. Не чувствуя, что тотъ, кто старается утѣшить себя примѣрами другихъ, уже долженъ быть утѣшеннымъ, онъ сравниваетъ страданія свои со страданіями древнихъ героевъ Греціи, и обширно описываетъ тягостные труды, по-

несенные Аргонавтами въ своемъ путешествіи.

Архилохъ, сказалъ Лизисъ, искалъ скорѣйшаго себѣ утѣшенія въ винѣ. Одинъ изъ его родственниковъ погибъ во время морскаго путешествія.

Оплакавъ смерть его въ стихахъ своихъ, онъ старается успокоить печаль свою, говоря: „слезы мои не возвратятъ ему жизни, а игры наши и удовольствія не усугубятъ жестокости его судьбы.„

Эвклидъ далъ намъ замѣтить, что смѣшеніе стиховъ шестистопныхъ съ пятистопными сначала было опредѣлено для одной только элегіи, собственно такъ называемой; но въ послѣдствіи оно примѣнено къ разнымъ родамъ поэзіи. Въ продолженіе того времени, какъ онъ приводилъ на сіе примѣры, принесена ему книга, которой онъ давно ожидалъ. Это была Иліада, писанная элегическими стихами, то есть, что сочинитель ея послѣ каждаго Гомерова стиха не устыдился прилагать еще стихъ по его вкусу сочиненный. Онъ называется Пигрей. Онъ былъ братъ умершей царицы Карійской Артемизы, жены Мавзола; что не воспрепятствовало ему выдать въ свѣтъ самое вздорное и нелѣпое сочиненіе.

На многихъ полкахъ лежали гимны, воспѣваемые въ честь боговъ; оды, сочиненныя для прославленія побѣдителей на Греческихъ играхъ; эклоги, пѣсни, и множество мѣлкихъ стихотвореній.

Эклога, сказалъ намъ Эвклидъ, должна описывать пріятности пастушеской жизни. Пастухи, сидя на дернѣ, на брегахъ источника, на скатѣ холма, подъ тѣнію стараго древа, иногда соглашаютъ свирѣли свои съ журчаніемъ водъ и зефира, иногда воспѣваютъ любовь свою, свои невинные споры, свои стада и окрестные предметы, ихъ восхищающіе. Эклога.

Сей родъ поэзіи не имѣлъ у насъ никакого успѣха. Начала его должно искать въ Сициліи. Тамъ, естьли вѣрить повѣствованіямъ, между горъ покрытыхъ гордыми дубами, простирается долина, на которую природа истощила всѣ свои сокровища. Тамъ въ лавровой рощицѣ родился Дафнисъ, и боги ущедрили его своими дарами. Нимфы сихъ мѣстъ воспитали его во младенчествѣ; Венера надѣлила его пріятностію и красотою; отъ Меркурія получилъ онъ даръ убѣдительнаго витійства. Панъ научилъ его играть

на свирѣли, изъ семи тростинокъ составленной, музы управляли плѣнительнымъ его голосомъ. Скоро собралъ онъ пастуховъ той страны и научилъ ихъ почитать жребiй свой счастливымъ. Тростникъ былъ превращенъ въ звучныя орудiя. Онъ учредилъ споры, гдѣ два молодыя соперника стараются одинъ предъ другимъ показать преимущество свое въ пѣнiи или музыкѣ Эхо, одушевленное ихъ пѣснями, повторяло только возклицанiя, означающiя спокойное и прочное благополучiе. Дафнисъ не долго наслаждался зрѣлищемъ своихъ благотворенiй. Во цвѣтѣ лѣтъ своихъ онъ умеръ отъ любви; но даже до нашихъ временъ питомцы Дафниса не перестали прославлять его имя и оплакивать мученiя, пресѣкшiя дни его. Пастушеское стихотворенiе, изобрѣтателемъ коего почитаютъ Дафниса, было послѣ усовершенствовано двумя Сицилiйскими стихотворцами, Стезихоромъ Гимерскимъ и Дiомомъ Сиракузскимъ.

Я согласенъ сказалъ Лизисъ, что отъ сего искусства могли произойти приятные сельскiе виды, но подлыми лицами страннымъ образомъ изкаженные. Какiя приятныя чув-

ствованія могутъ производить въ насъ грубые и столь низкаго званія пастухи? — Было время, отвѣчалъ Эвклидъ, въ которое попеченіе о стадахъ не ввѣрялося рабамъ. Владѣльцы сами занималися оными; ибо тогда не знали другихъ богатствъ. Истинна сія подтверждается преданіемъ, которое говоритъ, что человѣкъ былъ прежде пастыремъ, нежели земледѣльцемъ; подверждается повѣствованіями стихотворцевъ, которые при всѣхъ своихъ отступленіяхъ сохранили воспоминаніе о древнихъ нравахъ. Пастухъ Эндиміонъ былъ любимъ Діаною, Парисъ на горѣ Идѣ пасъ стада царя Пріяма отца своего; Аполлонъ былъ пастухомъ стадъ царя Адмета.

Итакъ стихотворецъ, не нарушая правилъ пристойности, можетъ обращаться къ первобытнымъ временамъ и вести насъ въ тѣ уединенныя жилища, гдѣ люди, имѣя спокойную совѣсть, провождали дни свои, и получивъ отъ отцевъ наслѣдство, соразмѣрное ихъ нуждамъ, забавлялись мирными увеселеніями, и до конца дней своихъ сохраняли младенческую невинность.

Онъ можетъ возбуждать въ описываемыхъ имъ лицахъ соревнованіе, питающее

въ душахъ ихъ дѣятельность; они будутъ болѣе чувствовать, нежели мыслить; языкъ ихъ будетъ всегда простъ, откровененъ, витійственъ, болѣе или менѣе возвышенъ соотвѣтственно состоянію пастуховъ. Тогда главное ихъ богатство составляли коровы, овцы, козы и свиньи. Но какъ пастухамъ приличны однѣ только кроткія страсти и неважныя слабости; посему стихотворецъ, по недостатку представленій для оживленія своихъ картинъ, скоро наскучитъ зрителямъ единообразіемъ столь же утомительнымъ, какъ и единообразіе моря всегда спокойнаго, или неба всегда яснаго.

Пѣсни. По причинѣ недостатка въ движеніи и разнообразіи, эклога никогда не можетъ столько обольщать вкусъ нашъ, сколько та поэзія, въ которой сердце свободно раскрывается и въ минуту удовольствія и въ минуту горести. Я говорю о пѣсняхъ, коихъ вы знаете разные роды. Я раздѣлилъ ихъ на двѣ статьи: одна содержитъ пѣсни застольныя; другая тѣ, которыя принадлежатъ въ особенности извѣстнымъ состояніямъ, каковы суть: пѣсни жнецовъ, собирателей винограда, мѣльниковъ, шерстобоевъ, ткачей, кормилицъ и проч.

Упоеніе виномъ, любовію, дружбою, радостію, ревностію къ отечеству, составля-

ютъ отличительное свойство первыхъ. Онѣ требуютъ особеннаго дарованія. Не нужны правила тѣмъ, коихъ научила сама природа; другимъ же онѣ безполезны. Пиндаръ сочинилъ пѣсни въ честь Вакху и вину; но будутъ всегда пѣть Анакреоновы и Алкеевы пѣсни. Другая статья содержитъ пѣсни, въ которыхъ повѣствованіе о трудахъ смягчается воспоминаніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, или выгодъ, трудами доставляемыхъ. Я слышалъ нѣкогда воина полупьянаго, который пѣлъ военную пѣсню. Ея содержаніе есть слѣдующее: ,,копье, мечъ, ,,щитъ, вотъ всѣ мои сокровища. Когда я ,,съ копьемъ, съ мечемъ и щитомъ, тогда у ,,меня есть поля, жатва и вино. Я видѣлъ людей ,,поверженныхъ къ моимъ ногамъ, и называв-,,шихъ меня своимъ государемъ: у нихъ не ,,было копья, меча и щита.

Гимны.

Сколь должна процвѣтать поэзія въ той странѣ, гдѣ природа и народныя учрежденія даютъ быстрое стремленіе живому и блистательному воображенію! ибо не однимъ только эпическимъ и драматическимъ произведеніямъ поставляютъ Греки драгоцѣнныя статуи и, что всего дороже, приносятъ жертву достодолжнаго почитанія: вѣнцы опредѣлены для всякаго рода лирическаго стихотворенія.

Нѣтъ такого города, который бы въ теченіе года не отправлялъ празднествъ въ честь своихъ боговъ; нѣтъ празднества, которое не было бы украшено новыми пѣснопѣніями; нѣтъ пѣснопѣнія, которое не было бы возглашаемо въ присутствіи всѣхъ жителей города и притомъ хорами молодыхъ людей изъ знатныхъ поколѣній. Какое поощреніе стихотворцу! какое отличіе, когда прославляя побѣды Атлетовъ, самъ онъ заслуживаетъ признательность своего отечества! Пренесемъ его на позорище, болѣе знаменитое. Пусть онъ заключаетъ своими пѣснями торжество Олимпійскихъ игръ или другихъ великихъ Греческихъ празднествъ. Какая для него минута, когда двадцать, когда тридцать тысячъ зрителей, восхищенныхъ его пѣніемъ, простираютъ до небесъ громкіе гласы удивленія и радости! нѣтъ: самый величайшій изъ земныхъ владыкъ не можетъ даровать генію толь драгоцѣнной, толь высокой награды!

Отъ сего происходитъ почтеніе, воздаваемое нами тѣмъ стихотворцамъ, которые споспѣшествуютъ къ украшенію нашихъ празднествъ, а особливо когда они въ сочиненіяхъ своихъ сохраняютъ отличительное свойство божества, коему приносятъ жертвы. Ибо каж-

дая пѣснь, по предмету своему, должна отличаться особеннымъ родомъ слога и музыки. Ежели воспѣваешь хвалу владыкѣ боговъ, будь важенъ и величественъ; когда обращаешь пѣснь свою къ музамъ, воспѣвай нѣжнѣе и согласнѣе. Древнїе наблюдали въ точности сїю истинную сообразность; оная пренебрегается нынѣ многими изъ стихотворцевъ, которые почитаютъ себя умнѣе первыхъ, по тому что они ихъ ученѣе.

Сїя сообразность, сказалъ я, замѣчена мною въ самыхъ маловажныхъ вашихъ обычаяхъ, коль скоро оныя простираются до извѣстной древности; я удивляюсь благоразумїю вашихъ первыхъ законодателей, которые такъ хорошо предвидѣли, что лучше было обуздать вольность вашу обрядами, нежели принужденїемъ. Разсматривая произхожденїе обществъ, я увидѣлъ, что всѣ народы управлялись прежде обрядами, нежели законами. Обряды суть путеуказатели, руководствующїе насъ въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ они сами неоднократно ходили; законы подобны географическимъ картамъ, гдѣ изображены пути одною чертою, не смотря на ихъ излучины.

Я не стану, отвѣчалъ Эвклидъ, вычислять тебѣ всѣхъ сочинителей, успѣвшихъ

въ лирической поэзіи; но приведу только главнѣйшихъ. Оныe суть Стезихоръ, Ибикъ, Алкей, Алкманъ, Симонидъ, Ваккилидъ, Анакреонъ и Пиндаръ; а изъ женъ, ибо изъ нихъ также многія упражнялись въ столь пріятномъ родѣ стихотворенія съ успѣхомъ: Сафо, Эринна, Телезилла, Праксилла, Миртисъ и Коринна.

Диѳирамбы.

Не поступая далѣе, долженъ я упомянуть о томъ стихотвореніи, въ которомъ часто во всей силѣ оказывается восторгъ. таковы суть: гимны, воспѣваемые въ честь Вакха извѣстные подъ именемъ диѳирамбовъ. Надобно быть въ изступленіи, когда ихъ пишешь; надобно быть въ изступленіи, когда ихъ поешь; ибо цѣль диѳирамбовъ состоитъ въ томъ, чтобы управлять рѣзвыми и шумными плясками, при которыхъ плящущіе составляютъ кругъ.

Сіе стихотвореніе удобно познается по своимъ свойствамъ, отличающимъ его отъ другихъ. Часто позволяется въ немъ соединять многія слова въ одно для изображенія вмѣстѣ и качествъ и отношеній предмета; отъ чего нерѣдко произходятъ столь длин-

ныя слова, что обременяютЪ слухЪ и столь шумныя, что потрясаютЪ воображенїе. Метафоры, не имѣющїя по видимому никакого между собою отношенїя, слѣдуютЪ вЪ немЪ одна за другою безЪ всякаго порядка. СтихотворецЪ не идетЪ, но скачетЪ сЪ порывами; видитЪ связь мыслей, но оставляетЪ ее вЪ небреженїи. Иногда преступаетЪ правила, предписываемыя искуствомЪ, иногда употребляетЪ разныя мѣры стиховЪ и разные роды измѣненїй.

ВЪ то время, когда генїй, пользуясь сими вольностями, раскрываетЪ предЪ глазами нашими великїя богатства поэзїи, его слабые подражатели силятся показать только ея пышность. Будучи холодными, они насЪ не трогаютЪ, и желая казаться глубокомысленными, дѣлаются темными. Обыкновенныя мысли изображаютЪ они еще болѣе обыкновенными красками. Большая часть изЪ нихЪ вЪ началѣ сочиненїй своихЪ стараются ослѣпить насЪ великолѣпїемЪ изображенїй, почерпнутыхЪ изЪ воздушныхЪ явленїй. ОтЪ сего произошла извѣстная шутка Аристофанова: онЪ представляетЪ вЪ одной комедїи человѣка низшедшаго сЪ неба. Его спраши-

вают, что он видел?—Двух или трех диѳирамбических стихотворцев, отвечал он, которые сквозь тучи и ветры стремились собирать пары и вихри, из коих должно составить им приступы своих песней. В другом месте сравнивает он надутыя выраженія сих стихотворцев с воздушными пузырями, которые от прикосновенія к ним мгновенно изчезают.

Здесь еще оказывается сила приличія. Тот самый стихотворец, который для прославленія Апполона привел душу свою в спокойное положеніе, приходит в сильное движеніе, начиная петь Вакха; и естьли воображеніе его медленно возвышается, то он воскриляет его неумеренным употребленіем вина. Пораженный сим питіем, как громовым ударом, говорил Архилох, хочу вступить на поприще.

Эвклид собрал диѳирамбы сего последняго стихотворца, также Аріона, Лазуса, Пиндара, Меланнипида, Филоксена, Тимоѳея, Телеста, Поліида, Іона и многих других, из коих большая часть жили в наши времена. Ибо сей род поэзіи, стремящійся

къ высокому, имѣетъ особенныя прелести для посредственныхъ стихотворцевъ, и какъ всѣ люди стараются теперь вознестись выше своего состоянія, то и всякой сочинитель силится быть выше своихъ дарованій.

Послѣ сего увидѣлъ я собраніе загадокъ, акростиховъ и всякаго рода грифовъ. На послѣднихъ страницахъ нарисованы были яйце, жертвенникъ, копье, крылья Амура. Разсматривая сіи рисунки, примѣтилъ я, что это были особеннаго рода стихи, коихъ разные мѣры показываютъ предметъ представляемый для забавы. На пр. въ яйцѣ два первые стиха состоятъ каждый изъ трехъ слоговъ, слѣдующіе возрастаютъ до извѣстнаго предѣла, за которымъ уменьшаются въ такойже мѣрѣ, въ какой увеличивались, и окончиваются, такъ какъ начались, двумя тресложными стихами. Симіасъ Родоскій обогатилъ словесность сими столь же трудными, какъ и дѣтскими произведеніями.

Лизисъ любя страстно поэзію, боялся всегда, чтобы не поставили ее въ число безполезныхъ забавъ; но слыша неоднократно отъ Эвклида, что стихотворецъ, не имѣющій

дара нравиться, не долженъ льстить себя надеждою показать успѣхи, вышедъ изъ нетерпѣнія вскричалъ: поэзія образовала людей, поэзія питала юность мою; она смягчаетъ строгость правилъ, она дѣлаетъ добродѣтель любезнѣе, сообщая ей свои прелести, она возвышаетъ душу мою въ эпопеѣ, приводитъ въ умиленіе въ ѳеатрѣ, наполняетъ священнымъ благоговѣніемъ при нашихъ обрядахъ, призываетъ къ радости на пиршествахъ, возбуждаетъ храбрость въ присутствіи непріятеля; и хотя бы вымыслы ея успокоивали только заботливую дѣятельность нашего воображенія, то и въ семъ случаѣ не была ли бы она истиннымъ для насъ благомъ, доставляя невинныя удовольствія, среди толикихъ несчастій, на которыя безпрестанно жалуются?

Эвклидъ усмѣхнулся восторгу Лизиса и для большаго воспламененія его сказалъ: я знаю, что Платонъ занимался твоимъ воспитаніемъ. Можешь ли ты забыть, что онъ стихотворные вымыслы называлъ невѣрными и опасными картинами, которыя унижая боговъ и героевъ, представляютъ нашему воображенію однѣ только мечты добродѣтели.

Естьли бы я это могъ забыть, отвѣчалъ Лизисъ, то бы творенія его мнѣ тотъчасъ сіе напомнили; но я долженъ признаться, что часто чувствую себя убѣжденнымъ силою его доказательствъ, но я убѣжденъ единственно поэзіею и его слогомъ. Иногда вижу, что онъ противъ воображенія употребляетъ сильное оружіе, но сіе самое оружіе доставляется ему воображеніемъ: и я дерзаю упрекать его неблагодарностію и измѣною. — Не правда ли, сказалъ онъ потомъ, что первый и главный предметъ стихотворца есть тотъ, чтобы забавляя научать насъ нашимъ должностямъ? — Съ тѣхъ поръ, отвѣчалъ я ему, какъ обращаясь въ просвѣщенномъ свѣтѣ увидѣлъ я поступки людей, гоняющихся за славою, мнѣ остается узнать другую побудительную причину ихъ дѣйствій: первая всегда почти есть корыстолюбіе или тщеславіе. Но, не входя въ дальнѣйшее разбирательство, скажу просто мое мнѣніе: поэты желаютъ нравиться, и поэзія можетъ быть полезна.

ГЛАВА ВОСЕМДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

Продолженіе Библіотеки.

Нравственность.

Нравственность, сказалъ намъ Эвклидъ, была нѣкогда не иное что, какъ собраніе поучительныхъ правилъ. Пиѳагоръ и его первые ученики, стараясь при всякомъ предметѣ проникнуть въ причины его, положили ей начала недовѣдомыя обыкновеннымъ умамъ. Тогда она содѣлалась наукою; и человѣкъ позналъ самаго себя-по крайней мѣрѣ столько, сколько могъ познать. Но онъ опять забылъ себя, когда софисты навлекли сумнѣнія на самыя полезныя истинны. Сократъ будучи увѣренъ, что мы созданы болѣе дѣйствовать, нежели мыслить, старался не столько о умозрѣніи, сколько о исполненіи. Онъ отвергъ отвлеченныя понятія, и посему-то отношенію можно объ немъ сказать, что онъ низвелъ философію съ небесъ на землю. Сократовы ученики объяснили его ученіе, а нѣкоторые изъ нихъ изказивъ оное слишкомъ возвышенными понятіями, опять возвели нравственность на небеса. Пиѳагорова школа по-

читала за нужное уклоняться иногда отъ своего таинственнаго языка, дабы объяснить намъ наши страсти и должности. Ѳеагесъ, Метопъ и Архита исполнили сїе благоуспѣшно.

Различныя разсужденїя, вышедшїя изъ ихъ рукъ, лежали въ библїотекѣ Эвклидовой напереди Аристотелевыхъ книгъ о нравахъ. Говоря о воспитанїи Аѳинянъ, я старался изложить ученїе сего послѣдняго, которое совершенно сходствуетъ съ ученїемъ первыхъ. Теперь предложу нѣкоторыя замѣчанїя, извлеченныя Эвклидомъ изъ многихъ сочиненїй, собранныхъ его трудами.

Слово *доброта* (vertu) вначалѣ знаменовало силу и бодрость тѣлесную. Въ семъ смыслѣ Гомеръ сказалъ: *доброта коня*, и теперь еще говорятъ: *доброта земли*. Въ послѣдствїи слово сїе означало то, что есть самое почтеннѣйшее въ какомъ либо предметѣ. Въ семъ знаменованїи употребляютъ нынѣ оное для изображенїя качествъ ума и въ особенности качествъ сердца.

Естьли бы человѣкъ жилъ внѣ общества, то бы имѣлъ онъ два только чувство-

ванія: желаніе и страхъ; всѣ бы движенія его были, или гоняться за кѣмъ, или убѣгать кого. Но какъ въ обществѣ сіи два чувствованія могутъ простираться на великое число предметовъ, то они раздѣляются на разные виды. Отъ сего происходятъ: честолюбіе, ненависть и другія побужденія, волнующія его душу. Итакъ, поелику желаніе и страхъ врождены въ него единственно для сохраненія себя, то въ обществѣ всѣ страсти его должны стремиться какъ къ сохраненію себя самаго, такъ и къ сохраненію другихъ. Когда онѣ, бывъ управляемы здравымъ разумомъ, производятъ сіе счастливое дѣйствіе, тогда дѣлаются онѣ добродѣтелями.

Добродѣтели раздѣляются на четыре главнѣйшія, кои суть: сила, правота, благоразуміе и воздержаніе. Здѣсь очевидно оказывается глубокая проницательность тѣхъ философовъ, кои такимъ образомъ раздѣлили добродѣтели. Первыя двѣ болѣе уважаются, потому что онѣ стремятся къ общей пользѣ, къ сохраненію общества; сила или мужество во время войны, правота во время мира. Другія двѣ имѣютъ цѣлію своею частную нашу поль-

зу. Въ томъ климатѣ, гдѣ воображенїе пламенно, гдѣ страсти весьма пылки, благоразумїе должно быть первою добродѣтелїю ума, воздержанїе первою добродѣтелїю сердца.

Лизисъ спросилъ, во всѣхъ ли положенїяхъ относительно нравственности согласны мнѣнїя философовъ? Не во всѣхъ, отвѣчалъ Эвклидъ. И вотъ примѣры! одни полагаютъ за основанїе, что, дабы всякое дѣянїе сдѣлалось добродѣтелїю или порокомъ, надобно ему непремѣнно быть произвольнымъ; потомъ изслѣдываютъ вопросъ: бываютъ ли дѣянїя непринужденныя? Сїи философы извиняютъ преступленїе, произшедшее отъ любви или отъ гнѣва; ибо, по словамъ ихъ, сїи страсти для насъ непобѣдимы. Въ оправданїе ихъ мнѣнїя могло бы служить примѣромъ одно странное рѣшенїе, учиненое въ одномъ изъ нашихъ судилищъ. Сынъ, умертвившїй своего отца, былъ позванъ въ судъ, гдѣ въ защищенїе свое сказалъ, что его отецъ также убилъ своего отца. Судьи будучи увѣрены, что такая необузданность свойства есть наслѣдственная въ семъ семействѣ, не смѣли осудить виновнаго. Но другїе болѣе просвѣщенные возстаютъ про-

тивъ таковыхъ рѣшенїй: никакая страсть, говорятъ они, не можетъ увлекать насъ противъ нашей воли; всякая сила, насъ принуждающая, происходитъ отвнѣ, и слѣдственно она для насъ чужда.

Позволяется ли мстить своему врагу? безъ сумнѣнїя, отвѣчаютъ нѣкоторые; ибо справедливость требуетъ отражать обиду обидою. Но истинная добродѣтель почитаетъ большею славою забывать обиды. Она-то внушила тѣ правила, которыя можно найти у многихъ философовъ: „не говори зла о твоихъ врагахъ; не только не старайся вредить имъ, но старайся паче обратить гнѣвъ ихъ въ дружбу.„ Нѣкто сказалъ Дїогену: „я хочу отмстить за себя.„ Я тебѣ скажу, какимъ образомъ: сдѣлайся добродѣтельнѣе„ былъ отвѣтъ Дїогена.

Сократъ изъ сего совѣта сдѣлалъ строгое правило. Съ той высоты, на которую только мудрость человѣческая можетъ восходить, онъ взывалъ къ людямъ: *не воздавайте зла за зло.*

Нѣкоторые народы позволяли самоубїйство; но Пиѳагоръ и Сократъ, коихъ свидѣ-

шельство гораздо важнѣе сихъ народовъ, утверждаютъ, что никто не имѣетъ права оставить мѣсто, которое боги ему назначили въ жизни.

Граждане торговыхъ городовъ отдаютъ въ лихву деньги свои на торжищѣ; но въ республикѣ, основанной на добродѣтели, Платонъ повелѣваетъ давать въ займы безъ лихвы.

Во всѣ времена хвалили честность, чистоту нравовъ, благотворительность; во всѣ времена возставали противъ человѣкоубійства, прелюбодѣянія, клятвопреступленія и всѣхъ пороковъ. Самые развращенные писатели не могли не признавать святаго ученія, и самые дерзкіе принуждены были отвергать слѣдствія своихъ правилъ. Никто изъ нихъ не смѣлъ утверждать, что лучше учинить несправедливость, нежели терпѣть ее отъ другихъ.

Вы не удивитесь тому, что наши должности начертаны въ нашихъ законахъ и въ произведеніяхъ нашихъ писателей; но вы не можете не удивляться разуму нашихъ постановленій. Праздники, зрѣлища и всѣ искусства сначала имѣли у насъ предметъ нрав-

ственный, коему подраждать весьма не трудно.

Употребленія въ общежитіи, по видимому, самыя обыкновенныя подаютъ иногда убѣдительныя наставленія. Храмы Грацій сооружаются всегда въ мѣстахъ для всѣхъ открытыхъ; ибо хвала признательности нигдѣ не можетъ быть излишнею. Даже въ образованіи нашего языка или просвѣщеніемъ естественнаго побужденія, или разумомъ введены важнѣйшія истинны. Между выраженіями, издревле изобрѣтенными учтивостію, которыя мы употребляемъ въ началѣ письма и при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо, находится одно достойное вниманія. Вмѣсто словъ: *желаю здравія*, я говорю просто *твори благо*. Это значитъ желать самаго величайшаго счастія. Одно слово употребляютъ для изображенія того, кто отличается тѣлесною силою или добродѣтелію; ибо мужество необходимо нужно какъ для той, такъ и для другой. Желаетъ ли кто дать понятіе о человѣкѣ совершенно добродѣтельномъ? то приписываетъ ему красоту и добродушіе: два качества, наиболѣе заслуживающія удивленіе и довѣренность.

Прежде, нежели окончу сіе отдѣленіе, я долженъ упомянуть вамъ о такомъ родѣ со-

чиненія, которымъ съ нѣкотораго времени занимаются наши писатели, то есть, описанiемъ отличительныхъ свойствъ. Посмотрите, на примѣръ, какими красками описалъ Аристотель величіе души.

Мы называемъ великодушнымъ того, коего душа, отъ природы возвышенная, никогда не ослѣпляется счастіемъ, никогда не унываетъ въ несчастіи.

Между всѣми наружными благами онъ уважаетъ то почтеніе, которое пріобрѣтается и воздается истинною честію. Самыя лестныя отличія для него неослѣпительны: ибо они произходятъ отъ него самаго. Онъ скорѣе отречется отъ нихъ, нежели приметъ оныя за маловажныя заслуги, или отъ такихъ людей, которыхъ онъ презираетъ.

Поелику онъ ничего не боится, то его гнѣвъ, дружество, всѣ поступки и разговоры откровенны; но гнѣвъ его непродолжителенъ; будучи увѣренъ, что обида къ нему не прикоснется, часто пренебрегаетъ оную, а наконецъ и совсѣмъ забываетъ.

Онъ любитъ отличаться такими дѣлами, которыя могли бы пройти въ потомст-

во; но онъ никогда не говоритъ о себѣ, ибо не любитъ похвалъ. Онъ желаетъ лучше самъ обязывать другихъ, нежели быть одолженнымъ другому. Самыя малѣйшія дѣянія его ознаменованы печатію великости. Естьли онъ хочетъ пріобрѣсть какую-нибудь вещь, естьли хочетъ удовлетворить вкусу людей; то изящество привлекаетъ его болѣе, нежели польза.

Я прервалъ слова Эвклидовы. Присоедини, сказалъ я ему, что естьли возложена на него важная должность въ государствѣ, то онъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и поступкахъ показываетъ благородство души. Онъ, стараясь поддержать народную честь, не прибѣгаетъ къ низкимъ средствамъ; но твердость духа, но откровенность, но превосходство дарованій сопровождаютъ его дѣянія. — Присоедини, говорю, сіе; и ты представишь изображеніе Арсама, съ коимъ я провелъ въ Персіи столь счастливые дни, и который одинъ изъ всѣхъ истинныхъ гражданъ сего государства показалъ великость духа въ несчастіи.

Я говорилъ съ Эвклидомъ о другомъ изображеніи, которое показывали мнѣ въ Персіи

и коего могъ я вспомнить только слѣдующія черты:

„Я приношу супругѣ Арсама жертву, которую истинна воздаетъ добродѣтели. Что бы говорить о ея умѣ, надобно имѣть ея умъ; но что бы говорить о ея сердцѣ, не довольно ея ума, надобно имѣть ея душу.

„Федима однимъ взлядомъ видитъ различныя отношенія предмета, однимъ словомъ умѣетъ оные изображать. Иногда кажется воспоминаетъ она то, чего никогда не учила. Изъ нѣкоторыхъ понятій она легко могла узнать исторію заблужденій ума; изъ многихъ примѣровъ она не узнала исторіи заблужденій сердца. Ея простому, невинному сердцу чужды таковыя понятія.

„Она могла спокойно разсматривать всѣ свои мысли и чувствованія; ибо совѣсть ея ни въ чемъ ея не упрекала. Ея поведеніе доказало, что добродѣтели, соединяясь вмѣстѣ, составляютъ одну, которая есть самое вѣрное средство пріобрѣсть общее почтеніе не возбуждая ни въ комъ зависти.

„Съ неустрашимою бодростію, произходящею отъ твердаго ея свойства, соединяетъ

она столь дѣятельную, сколь и неистощимую благотворность. Ея душа всегда неусыпная, кажется, имѣетъ бытїе единственно для счастїя другихъ.

Она имѣетъ одно только честолюбїе нравиться своему супругу. Естьли бы ты въ молодыхъ ея лѣтахъ хвалилъ предъ нею прелести ея лица и тѣ превосходныя качества, о коихъ я далъ тебѣ только слабое понятїе; ты бы немного сдѣлалъ ей удовольствїя; но говоря съ нею объ Арсамѣ, ты бы польстилъ ей болѣе всякой похвалы.

ГЛАВА ВОСЕМДЕСЯТЬ ВТОРАЯ

и послѣдняя.

Новыя предпріятія Филипповы; сраженіе при Херонеѣ; изображеніе Александра.

Греція взошла на высочайшую степень славы; надлежало ей и унизиться до такой степени, которая назначена судьбою, колеблющею безпрестанно равновѣсіе государствѣ. Упадокъ ея, давно уже предвозвѣщенный, примѣтенъ былъ въ бытность мою въ Персіи, и совершился спустя нѣсколько лѣтъ послѣ. Я спѣшу кончить описаніе сей важной перемѣны, сокращу повѣствованіе о произшествіяхъ и ограничу себя сокращеніемъ изъ записокъ моего путешествія.

Въ правленіе Архонта Никомаха.

4й годъ 109й Олимпіады.

(Отъ 30го Іюня 341 года до 19 Іюля 340 года до Р. Х.)

Филиппъ паки вознамѣрился овладѣть островомъ Эввеею чрезъ свои происки, а городомъ Мегарою посредствомъ оружія Віотянъ своихъ союзниковъ. Занявъ сіи два мѣста скоро овладѣлъ бы онъ и Аѳинами. Фо-

кіонъ сдѣлалъ вторичный походъ въ Еввею и выгналъ оттуда тирановъ, поставленныхъ Филиппомъ; потомъ пошелъ на помощь Мегарянамъ, разрушилъ предпріятія Віотянъ и укрѣпилъ городъ отъ нападенія.

Естьли бы Филиппу покорены были Греческіе города, которые граничатъ съ его владѣніемъ со стороны Геллеспонта и Пропонтиды; тогдабы онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ торгъ хлѣбомъ, который доставляется Аѳинянамъ чрезъ Эвксинскій понтъ, и безъ котораго они должны бы лишиться своего продовольствія. Въ семъ намѣреніи онъ осадилъ сильно укрѣпленный городъ Перинѳъ. Осажденные дѣлали ему сопротивленіе, достойное величайшей похвалы. Они ожидали себѣ помощи отъ Персидскаго государя; но получили оную отъ Византійскихъ жителей. Филиппъ, раздраженный сими послѣдними, оставилъ осаду Перинѳа и сталъ при стѣнахъ Византіи. Жители города сего тотчасъ послали повѣренныхъ въ Аѳины, откуда отправлены къ нимъ корабли и войско подъ предводительствомъ Хареса.

Въ правленіе Архонта Ѳеофраста.

1й годъ 110 Олимпіады.

(Отъ 19 Іюля 340 года до 8 Іюля 339 года до Р. Х.)

Греція въ мое время произвела многихъ великихъ мужей, которыми она можетъ хвалиться, а тремя изъ нихъ она можетъ даже и гордиться: Эпаминондомъ, Тимолеономъ и Фокіономъ. Первые двое были мнѣ мало извѣстны, а послѣдняго зналъ я коротко. Я часто видался съ нимъ въ небольшомъ домѣ, находившемся въ Милитскомъ урочищѣ. Человѣкъ сей былъ отличенъ отъ прочихъ людей, но всегда подобенъ самому себѣ. Когда при видѣ толикихъ несправедливостей и злодѣйствъ, отъ коихъ содрогается человѣчество, ослабѣвалъ духъ мой, я спѣшилъ къ нему отдохнуть на минуту и возвращался отъ него спокойнѣе и добродѣтельнѣе.

13го Анѳестиріона. 25. Февраля 339.

Я былъ вчера при представленіи новой трагедіи, которая нечаянно была прервана. Игравшій лице царицы не хотѣлъ явиться на театръ для того, что при немъ находилось

весьма малое число сопровождателей. А какъ зрители выходили изъ терпѣнія, то содержатель театра Меланѳій насильно выгналъ лицедѣя на самую средину онаго, крича въ слѣдъ за нимъ; „ты требуешь отъ меня многихъ рабынь, а Фокіонова жена выходитъ „на улицы Аѳинскія съ одною только служительницею. Всѣ зрители при сихъ словахъ рукоплескали, и я не дожидаясь конца трагедіи, побѣжалъ тотчасъ къ Фокіону. Въ сіе время онъ черпалъ воду изъ своего колодезя, а жена его мѣсила хлѣбы. Я изумился, нашедъ ихъ въ такомъ положеніи, и расказалъ имъ съ жаромъ все произшедшее въ театрѣ. Они слушали меня съ равнодушіемъ; но я и долженъ былъ ожидать сего. Фокіону мало лестны были похвалы Аѳинянъ; жена его болѣе восхищалась дѣлами своего мужа, нежели справедливостію, воздаваемою его заслугамъ.

Фокіонъ тогда досадовалъ на непостоянство народа, а подлость ораторовъ приводила его въ большее огорченіе. Въ то время, какъ онъ говорилъ мнѣ о корыстолюбіи первыхъ и о тщеславіи послѣднихъ вошелъ къ нему Димосѳенъ. Они разговаривали между собою о тогдашнемъ состояніи Греціи. Димо-

сѳенъ хотѣлъ объявить войну Филиппу, а Фокіонъ сохранить миръ.

Сей послѣдній былъ увѣренъ, что потеря сраженія влечетъ за собою потерю Аѳинъ, что побѣда продолжитъ войну, которой слишкомъ испорченные Аѳиняне не въ состояніи поддержать, что не должно раздражать Филиппа и подавать ему поводъ войти въ Аттику, но надлежало ожидать, пока онъ истощитъ силы свои, предпринимая дальніе походы и подвергая безпрестанно новымъ опасностямъ жизнь свою, коея конецъ спасителенъ для республики.

Димосѳену было весьма лестно принять на себя толь знаменитое званіе. Со времени заключенія послѣдняго мира два человѣка съ различными дарованіями, но съ равнымъ противоборствіемъ вступаютъ въ состязаніе, на которое вся Греція обратила свои взоры.—Съ одной стороны является государь, который нетерпѣливо желалъ владычествовать надъ всѣми народами, который однихъ покаряетъ силою оружія, другихъ возмущаетъ своими происками. Будучи весь покрытъ ранами, онъ стремится безпрестанно къ новымъ опасностямъ и от-

даетъ охотно счастїю ту часть самаго себя, которую хочетъ оно отнять у него, только бы съ остальною могъ жить со славою и честїю. Съ другой стороны простой частной человѣкъ мужественно борется съ безпечностїю Аѳинянъ, съ ослѣпленїемъ ихъ союзниковъ, съ ревностїю ихъ ораторовъ, противупологая коварству неусыпность, оружїю краснорѣчїе. Вся Грецїя внимаетъ гласу его, напоминающему наблюдать съ осторожностїю поступки государя. Онъ отправляетъ со всѣхъ сторонъ посланниковъ, войска, флоты для сопротивленїя его предприятїямъ и наконецъ приводитъ въ страхъ самаго ужаснѣйшаго изъ побѣдителей.

Но честолюбїе Димосѳена, хотя и не могло утаиться отъ Фокїона, скрывалось искусно подъ причинами, долженствовавшими побудить Аѳинянъ къ принятїю оружїя, причинами, которыя неоднократно были мною изъяснены. Сїи два оратора вновь разсуждали между собою о семъ предметѣ, при чемъ былъ и я. Они говорили сильно; Димосѳенъ всегда съ почтенїемъ, Фокїонъ иногда съ негодованїемъ. Какъ они не могли согласиться въ своихъ мнѣнїяхъ, то первый выходя, сказалъ: *Аѳи-*

кяне умертвятъ тебя, пришедъ въ бѣшенство; а тебя, отвѣчалъ другой, *пришедъ въ здравый разсудокъ.*

16 Анѳестеріона. 26 Февраля 339.

Сего дня назначены четыре уполномоченные въ собраніе Амфиктіоновъ, которое имѣетъ быть въ Дельфахъ слѣдующею весною.

Здѣсь было общее собраніе. Аѳиняне, Около тогоже времени. приведенные въ смятеніе осадою Византіи, получили письмо отъ Филиппа, который обвиняетъ ихъ въ нарушеніи многихъ статей мирнаго договора и союза, заключеннаго съ нимъ за семь лѣтъ. Димосѳенъ началъ говорить, и по его совѣту, не смотря на всѣ сопротивленія Фокіоновы, народъ повелѣлъ сокрушить столпъ, на коемъ начертанъ сей договоръ, вооружить флотъ и приготовляться къ войнѣ.

За нѣсколько дней предъ симъ получено извѣстіе, что Византійскіе жители хотѣли лучше обойтись безъ помощи Аѳинянъ, нежели пустить въ городъ войско, предводительствуемое столь нетерпимымъ полко-

водцемъ, каковъ Харесъ. Народъ на мѣсто его назначилъ Фокїона.

10 Апрѣля 339.

30 го Элафеболїона.

Въ послѣднемъ собранїи Амфиктїоновъ гражданинъ города Амфиссы, столицы Локрїйской Озолесъ, отстоящей отъ Дельфовъ на 60 стадїй, изрыгнулъ жестокїя хулы на Аѳинянъ и предложилъ взыскать съ нихъ пени 50 талантовъ за то, что они повѣсили нѣкогда въ храмѣ позлащенные щиты, памятники побѣдъ своихъ надъ Мидянами и Ѳивянами. Эсхинъ, желая отвратить отъ Аѳинянъ сїе обвиненїе, представилъ, что жители Амфисскїе, овладѣвъ царскою пристанью и окрестностями ея, которыя съ самаго начала принадлежали храму, навлекли на себя наказанїе, опредѣленное для святотатцевъ. На другой день уполномоченные отъ Амфиктїонской стороны, сопровождаемые множествомъ Дельфїйскихъ жителей, сошли въ долину, зажгли домы и завалили пристань. Амфисскїе жители, прибѣжавъ съ оружїемъ, преслѣдовали зачинщиковъ до самыхъ Дельфїйскихъ воротъ.

Раздраженные Амфиктїоны намѣреваются сдѣлать достойное мщенїе. Оно будетъ

объявлено на сеймѣ Ѳермопильскомъ, который обыкновенно собирается осенью, но въ нынѣшній годъ соберется онъ нѣсколько ранѣе.

Никто не ожидалъ сей войны. Думаютъ, что ее возбудилъ Филиппъ; нѣкоторые обвиняютъ Эсхина, что онъ дѣйствовалъ согласно съ симъ государемъ.

Фокіонъ расположилъ станъ свой подъ стѣнами Византіи. Внимая славѣ доблестей его, градоначальники ввели въ крѣпость войска ими предводительствуемыя. Ихъ искуство и храбрость ободрили жителей и принудили Филиппа снять осаду. Дабы прикрыть стыдъ свой Филиппъ объявилъ, что собственная слава его побуждала отступить для отмщенія обиды, нанесенной ему однимъ изъ Скиѳскихъ племенъ. Но прежде отъѣзда своего онъ возобновилъ миръ съ Аѳинянами, которые скоро забыли всѣ постановленія и приговоповленія, сдѣланныя ими противъ него. Около мѣсяца Маія или Іюня 330.

Въ общемъ собраніи читаны были два постановленія: одно со стороны Византійцевъ, другое отъ нѣкоторыхъ городовъ, находящихся при Геллеспонтѣ. Первое состоитъ въ томъ, что Византійскіе жители въ знакъ при-

знательности за помощь, оказанную Аѳинянами Византіи и Перинѳу, даютъ имъ право гражданства въ своихъ городахъ, позволяютъ вступать въ супружества, покупать земли и домы, также присутствовать при зрѣлищахъ и другія преимущества; наконецъ назначаютъ при Босфорскомъ проливѣ воздвигнуть три истукана въ 16 локтей, изъ коихъ бы каждый представлялъ Аѳинскій городъ, увѣнчиваемый Византійцами и Перинѳянами. Во второмъ постановленіи сказано, что четыре города Ѳракійскаго Херсонеса, защищенные великодушіемъ Аѳинянъ противъ Филиппа, опредѣлили поднести имъ вѣнецъ въ 60 талантовъ и воздвигнуть два жертвенника: одинъ Признательности, другой Аѳинскому народу.

Вѣправленіе Архонта Лизимахида.

2й годъ 110 Олимпіады, (отъ 8 Іюля 339 года до 28 Іюня 338 года до Р. Х.)

Около мѣсяца Августа 339. Въ собраніи Ѳермопильскомъ Амфиктіоны повелѣли идти противъ жителей Амфисскихъ и назначили Коттифа полководцемъ. Аѳиняне и Ѳивяне, коимъ война сія

была противна, не отправили уполномоченныхъ въ собраніе. Филиппъ находится еще въ Скиѳіи и не скоро возвратится оттуда; но думаютъ, что онъ и изъ отдаленныхъ областей управляетъ дѣйствіями собранія.

Несчастные жители Амфиссы, бывъ побѣждены на первомъ сраженіи, сдались на самыя уничижительныя условія; но вмѣсто того, чтобъ ихъ исполнить, они на другомъ сраженіи прогнали враговъ своихъ и ранили самаго ихъ полководца. Сіе произошло не задолго предъ послѣднимъ собраніемъ Амфиктіоновъ, которое было въ Дельфахъ. Ѳессалійцы, подкупленные Филиппомъ, такъ успѣли своими происками, что собраніе поручило ему отмстить за обиды, нанесенныя Дельфійскому храму. При первой священной войнѣ надлежало принять его въ число Амфиктіоновъ и сдѣлать навсегда главою союза, коему сопротивляться значитъ учинить нечестіе. Ѳивяне не могутъ болѣе запретить ему входъ въ Ѳермопилы. Однакоже начинаютъ они проникать въ его виды; и какъ намѣренія ихъ для него подозрительны, то онъ велѣлъ всѣмъ Пелепонесскимъ народамъ, составляющимъ часть Амфиктіонскаго союза, соединиться въ мѣсяцѣ Весною 338.

Бедродомѣ съ оружїемъ и съ запасами на сорокъ дней.

Неудовольствїе въ Грецїи всеобщее. — Спарта безмолвствуетъ; Аѳины въ недоумѣнїи и страхѣ; они хотятъ, но не смѣютъ соединиться съ мнимыми святотатцами. Въ одномъ собранїи предложено было вопросить Пиѳїю. „*Она филипствуетъ*,, вскричалъ Димосѳенъ, — и предложенїе отвергнуто.

Въ другомъ собранїи донесено, что жрица, бывъ вопрошена, отвѣчала: „всѣ Аѳиняне согласны въ своихъ мнѣнїяхъ, выключая одного человѣка.„ Отвѣтъ сей былъ внушенъ преданными Филиппу, которые хотѣли возбудить въ народѣ ненависть къ Димосѳену, но народъ обратилъ оную на Эсхина. Чтобъ прекратить сїю пустую прю, Фокїонъ сказалъ: „я тотъ самый, коего вы ищете; я не одобряю ни одного вашего поступка.„

27 Марта 338.

25 го Элафеволїона.

Опасность ежедневно умножается; смятенїе возрастаетъ въ тойже мѣрѣ. Тѣ самые Аѳиняне, которые въ прошедшемъ году рѣшились разорвать мирный договоръ, заклю-

ченный ими съ Филиппомъ, отправляютъ къ нему посланниковъ съ тѣмъ, чтобъ преклонить его къ сохраненію онаго договора до мѣсяца Ѳаргеліона.

1го Мунихіона. 31 Марта.

Другіе посланники отправлены къ государю для тойже причины. Они возвратились съ его отвѣтомъ. „Я знаю, говоритъ онъ въ своемъ письмѣ, что Аѳиняне стара„ются вооружить противъ меня Ѳессаліянъ, „Віотянъ и Ѳивянъ; однакожъ, по ихъ тре„бованію, соглашаюсь подписать перемиріе на „такомъ только условіи, что они не бу„дутъ слушать пагубныхъ совѣтовъ своихъ „ораторовъ.

15го Скирофоріона. 12 Іюня. 338.

Филиппъ прошелъ Ѳермопилы и проникъ въ Фокиду. Сосѣдственные народы объяты были ужасомъ. Но онъ объявилъ, что его должны бояться одни только Локріяне, и спокойствіе возстановлено. Тотчасъ онъ напалъ на Элатею; сей былъ одинъ городъ, который пощадилъ онъ при окончаніи войны съ Фокеянами. Онъ думаетъ расположиться въ немъ и укрѣпиться; можетъ быть пошелъ и да-

дѣе: естьли онъ не будетъ остановленъ Ѳивянами, своими союзниками; то мы чрезъ два дни увидимъ его подъ стѣнами Аѳинскими.

Извѣстіе о взятіи Элатеи получено сего дня. Пританы ужинали. Они тотчасъ встаютъ. Собраніе созывается на слѣдующій день. Одни требуютъ полководцевъ и объявленія войны, другіе стремятся на площадь, изгоняютъ оттуда купцовъ и сожигаютъ лавки. Весь городъ въ смятеніи; смертельный ужасъ объялъ всѣ умы.

13 Іюня. 338. *16го Ссирофоріона.*

Ночью полководцы стеклися со всѣхъ сторонъ, и звукъ трубный раздавался по улицамъ. На разсвѣтѣ собрались сенаторы, но не сдѣлали никакого рѣшенія. Народъ ожидалъ ихъ съ нетерпѣніемъ на площади Пританы объявили полученное извѣстіе. Гонецъ подтвердилъ оное. Полководцы, и ораторы присутствовали. Провозвѣстникъ выступилъ и спрашивалъ, не угодно ли кому взойти на каѳедру. Ужасное молчаніе царствовало. Провозвѣстникъ повторилъ многократно тѣже слова. Молчаніе продолжалось и взоры всѣхъ

обращались съ безпокойствомъ на Димосѳена. Онъ возсталъ и началъ говорить: „Естьли „бы Филиппъ имѣлъ соумышленіе съ Ѳивя-„нами, то бы Аттика уже видѣла его въ „своихъ предѣлахъ. Онъ занялъ мѣсто толь „близкое къ ихъ владѣніямъ единственно для „того, что бы для собственной пользы соеди-„нить двѣ противныя стороны, раздѣляющія „Ѳивянъ, внушивъ довѣренность привержен-„нымъ къ нему и страхъ своимъ противни-„камъ. Аѳиняне, для предупрежденія такого „соединенія, должны забыть всѣ причины „ненависти, которую питали они долгое вре-„мя къ Ѳивянамъ, своимъ соперникамъ; должны „показать имъ всю опасность, ихъ окружаю-„щую, показать имъ войско готовое итти „къ нимъ на помощь; соединиться, естьли „можно, съ ними и запечатлѣть клятвою „взаимное согласіе, охранять благосостояніе „двухъ республикъ и цѣлой Греціи.„

Послѣ сего предложилъ онъ постановле-ніе, коего главныя статьи суть слѣдующія: „Призвавъ въ помощь боговъ-покровителей „Аттики, вооружить двѣсти кораблей; пол-„ководцамъ вести войска въ Элевзисъ; от-„править уполномоченныхъ во всѣ Греческіе

„города, и, какъ можно скорѣе, къ Өивянамъ,
„которыхъ должны они побуждать къ защи-
„щенію своей свободы, обѣщать имъ оружіе,
„войска, деньги и наконецъ представить,
„что естьли Аөиняне до сихъ поръ поста-
„вляли себѣ за славу спорить съ ними о пре-
„имуществѣ, то теперь почитаютъ они сты-
„домъ для себя, для Өивянъ, для всей Гре-
„ціи, подвернуться игу чуждой власти.„

На сіе постановленіе не послѣдовало никакого возраженія. Назначены пять уполномоченныхъ, между коими находятся Димосөенъ и ораторъ Иперидъ. Они немедленно отправятся.

Наши уполномоченные нашли въ Өивахъ повѣренныхъ, присланныхъ туда союзниками сего города. Сіи послѣдніе, превознося громкими похвалами Филиппа и порицая Аөинянъ, представляли Өивянамъ, что они въ знакъ признательности за одолженія, оказанныя имъ Филиппомъ, должны позволить ему войти въ ихъ владѣнія и даже вмѣстѣ съ нимъ напасть на Аттику. Они описывали имъ два неизбѣжныя послѣдствія; то есть, что или добычи съ Аөинянъ будутъ принесены въ Өивы, или

добычи съ Өивянъ достанутся Македонянамъ. Сіи убѣжденія, сіи угрозы были представлены весьма сильно однимъ изъ славнѣйшихъ ораторовъ сего вѣка Ниөономъ Византійскимъ, который говорилъ въ лицѣ Филиппа. Но Димосөенъ отвѣтствовалъ гораздо сильнѣе, и Өивяне не укоснили принять въ городъ Аөинское войско, предводительствуемое Харесомъ и Стратокломъ. Намѣреніе соединить Аөинянъ съ Өивянами было почтено за дѣло великаго ума, а успѣхъ онаго торжествомъ краснорѣчія.

Ожидая благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ, Филиппъ согласился исполнить постановленіе Амфиктіоновъ и напасть на Амфиссу. Но чтобъ подойти къ сему городу, надлежало ему пробиться сквозь узкой проходъ, который защищали Харесъ и Проксенъ; первый съ отрядомъ Өивянъ и Аөинянъ, другой со вспомогательнымъ войскомъ, нанятымъ жителями Амфиссы. Послѣ тщетныхъ покушеній Филиппъ повелѣлъ доставить въ ихъ руки письмо, въ коемъ онъ пишетъ къ Парменіону, что произшедшія внезапно во Өракіи возмущенія требуютъ его присутствія и принуждаютъ его отложить осаду Амфиссы

до другаго времени. Сія хитрость имѣла успѣхъ. Харесъ и Проксенъ отступили отъ прохода; Филиппъ тотчасъ захвативъ оный, разбилъ Амфиссіянъ и овладѣлъ ихъ городомъ.

Въ правленіе Архонта Харонды.

3й годъ 110 Олимпіады.

(Отъ 28 Іюня 338 года до 17 Іюля 337 предъ Р. Х.)

Первыхъ чиселъ Іюля 338.

Кажется, Филиппъ хочетъ окончить войну. Онъ долженъ отправить къ намъ посланниковъ. Өивскіе начальники ведутъ съ нимъ переговоры и скоро сдѣлаютъ рѣшеніе. Они сообщили намъ свои предложенія и уговариваютъ насъ принять оныя. Многіе здѣсь расположены согласиться на ихъ совѣты; но Димосөенъ думая, что онъ унизилъ Филиппа, хочетъ поразить его и попрать.

Въ нынѣшнемъ собраніи Димосөенъ откровенно объявилъ мнѣніе свое продолжать войну; Фокіонъ предложилъ противное. „Когда же посовѣтуешь ты воевать?" — спросилъ у него ораторъ Иперидъ. „Тогда,

„отвѣчалъ Фокіонъ, когда увижу, что мо„лодые люди наблюдаютъ подчиненность, бо„гатые платятъ подати, ораторы неис„тощаютъ казны.„ Одинъ стряпчій изъ числа тѣхъ, кои живутъ только для того, чтобы обвинять предъ судилищемъ другихъ, вскричалъ: „ какъ! когда Аѳи„няне имѣютъ въ рукахъ оружіе, ты Фо„кіонъ смѣешь предлагать имъ оставить „оное? Такъ, отвѣчалъ Фокіонъ, я смѣю „предлагать сіе, увѣренъ будучи, что „я имѣю преимущество предъ тобою во вре„мя войны, а ты предо мною во время мира, Послѣ сего Витія Поліэвктъ началъ говорить. Поелику онъ весьма тученъ и въ то время было чрезвычайно жарко; то потъ съ него катился градомъ, и онъ въ продолженіи рѣчи своей, пилъ ежеминутно воду.„ Аѳи„няне, сказалъ Фокіонъ, вы имѣете причину „слушать таковыхъ ораторовъ; ибо сей че„ловѣкъ, который въ присутствіи вашемъ не „можетъ сказать четырехъ словъ не задыха„ясь, безъ сумнѣнія сотворитъ чудеса, когда „надѣвъ на себя латы и щитъ, предста„нетъ предъ непріятеля.„ А какъ Димосѳенъ настоятельно доказывалъ, что выгоднѣе перенесть войну въ Віотію, далѣе отъ

Аттики; то Фокіонъ отвѣчалъ: „не о томъ „дѣло, гдѣ намъ производить сраженіе; но гдѣ „выиграть оное.„ Мнѣніе Димосѳеново превозмогло. Вышедъ изъ собранія, онъ отправился въ Віотію.

Около того же времени.

Димосѳенъ побудилъ Ѳивянъ и Віотянъ прервать всѣ переговоры съ Филиппомъ. Нѣтъ надежды къ миру.

Филиппъ, предводительствуя тридцатью тысячами человѣкъ пѣхоты и по крайней мѣрѣ двумя тысячами конницы, подошелъ уже къ самой Херонеи въ Віотіи. Онъ теперь отъ Аѳинъ не далѣе 700 стадій.

Димосѳенъ вездѣ. Димосѳенъ творитъ все. Онъ впечатлѣваетъ сильное движеніе и Віотійскимъ собраніямъ и совѣтамъ полководцевъ. Никогда краснорѣчіе не производило столь великихъ дѣлъ: оно возбудило во всѣхъ сердцахъ пламенный восторгъ и жажду къ битвѣ. По его повелительному голосу двигнулись къ Віотіи безчисленные полки Ахеянъ, Коринѳянъ, Левкадисіянъ и многихъ другихъ народовъ. Изумленная Греція становится, такъ сказать, на ноги, и обращаетъ глаза свои на Віотію въ мучительномъ ожиданіи рѣшенія своей судьбы. Аѳины каждую

минуту переходятъ отъ великой надежды къ величайшему страху. Фокіонъ спокоенъ. Ахъ для чего я не могу быть спокойнымъ? Филотъ находится въ войскѣ. Говорятъ, что оно сильнѣе войска Филиппова.

Сраженіе потеряно. Филотъ умеръ. У меня нѣтъ болѣе друзей; нѣтъ болѣе Грецiи. Я возвращаюсь въ Скиѳiю. Сраженіе при Херонеѣ.

Симъ окончиваются мои записки. Я не имѣлъ силы продолжать ихъ. Мое намѣреніе было тотчасъ отправиться; но я не могъ сопротивляться прозьбамъ Филотовой сестры и Аполлодора ея супруга. Я пожилъ еще съ ними, и мы вмѣстѣ плакали.

Теперь я приведу на память нѣкоторыя обстоятельства, касающiяся до сраженія. Оно началось 7 числа мѣсяца Метагейтніона.

Никогда Аѳиняне и Ѳивяне не оказывали толикой храбрости. Первые даже пробились сквозь Македонскую фалангу, но ихъ полководцы не умѣли пользоваться сею выгодою. Филиппъ, увидя сіе, сказалъ съ хладнокровіемъ: „Аѳиняне не умѣютъ побѣждать,„ и порядокъ возстановленъ. Онъ управлялъ правымъ крыломъ, а Александръ сынъ его лѣ-

вымъ. Оба они показывали отличное мужество. Димосѳенъ первый обратился въ бѣгство. Со стороны Аѳинянъ болѣе тысячи человѣкъ умерли со славою, болѣе двухъ тысячъ взяты въ плѣнъ. Потеря со стороны Ѳивянъ была почти такая же.

Филиппъ сначала показалъ неблагопристойную радость. Послѣ пиршества, на которомъ друзья его, подражая ему предавались всякимъ неумѣренностямъ, онъ вышелъ на поле сраженія, безстыдно ругался надъ храбрыми воинами, поверженными у ногъ его, и началъ со всѣми тѣлодвиженіями оратора читать опредѣленіе, сдѣланное Димосѳеномъ для вооруженія противъ него всѣхъ Греческихъ народовъ. Ораторъ Демадъ, хотя и въ цѣпяхъ, сказалъ ему: „Филиппъ, ты „играешь лице Ѳерсита, но ты бы могъ „представлять Агамемнона.„ Сіи слова привели его въ себя. Онъ бросилъ вѣнецъ изъ цвѣтовъ, который возложенъ былъ на его голову, освободилъ Демада, и отдалъ всю справедливость мужеству побѣжденныхъ.

Съ Ѳивами поступилъ онъ съ большею строгостію за то, что сей городъ забылъ

его благодѣянія. Онъ оставилъ гарнизонъ въ крѣпости. Нѣкоторые изъ главныхъ жителей сего города были выгнаны: другіе преданы смерти. Сей примѣръ жестокости, который казался для него необходимымъ, утолилъ все его мщеніе; и побѣдитель отличался только своею умѣренностію. Ему совѣтовали занять войскомъ своимъ самыя лучшія крѣпости въ Греціи; онъ сказалъ, что для него лестнѣе украсить себя прочною славою милосердія, нежели скоропреходящимъ блескомъ властительства. Ему предлагали излить мщеніе свое по крайней мѣрѣ на Аѳинянъ, причинившихъ ему толикія безпокойства; онъ отвѣчалъ: „Не дай Богъ, чтобъ я „разрушилъ позорище славы, для которой „единой я подвизаюсь.„ Онъ позволилъ Аѳинянамъ взять умершихъ и плѣнниковъ. Сіи послѣдніе бывъ ободрены его милостями, показали въ своихъ поступкахъ нескромность и легкомысленность, въ которыхъ упрекаютъ Аѳинянъ. Они требовали съ гордостію своихъ обозовъ и жаловались на Македонскихъ чиновниковъ. Филиппъ имѣлъ къ нимъ столько снизхожденія, что исполнилъ ихъ желаніе; но онъ не могъ наконецъ удержаться, чтобъ не сказать съ усмѣшкою: „Не правда

„ли, что они думаютъ, будто мы ихъ побѣ-
„дили играя въ кости?„

По прошествіи нѣкотораго времени, когда Аѳиняне приготовлялись выдержать осаду, прибылъ къ нимъ Александръ, сопровождаемый Антипатромъ, для предложенія имъ мирнаго договора и союза. Тогда-то видѣлъ я сего Александра, который послѣ того наполнилъ землю удивленіемъ и горестію. Ему въ то время было осмнадцать лѣтъ, но уже отличился на многихъ битвахъ. На Херонейскомъ сраженіи онъ разбилъ и обратилъ въ бѣгство правое крыло непріятельскаго войска. Сія побѣда придавала новый блескъ прелестямъ его лица. Онъ имѣетъ правильныя черты, цвѣтъ лица прекрасный и румяный, носъ орлиный, большіе огненые глаза, волосы бѣлокурые и кудрявые, голову держитъ высоко, но нѣсколько наклоня на правое плечо, станъ средній, стройный и свободный. Тѣло его одарено правильною во всемъ соразмѣрностію и укрѣплено безпрестаннымъ упражненіемъ. Говорятъ, что онъ весьма легокъ на бѣгу, и любитъ наряды. Онъ въѣхалъ въ Аѳины на славномъ конѣ букефалѣ, котораго никто кромѣ его не могъ укротить и который стоилъ 13 талантовъ.

Скоро заговорили вездѣ объ Александрѣ. Овладѣвшая мною горесть воспрепятствовала мнѣ узнать его покороче. Я спросилъ объ немъ одного Аѳинянина, жившаго долгое время въ Македоніи; онъ мнѣ сказалъ:

Въ семъ государѣ соединены съ великимъ остроуміемъ и превосходными дарованіями ненасытимое желаніе къ просвѣщенію и вкусъ къ искуствамъ, которыя онъ покровительвительствуетъ, хотя ихъ и не знаетъ. Онъ имѣетъ пріятность въ обращеніи, любезность и вѣрность въ дружбѣ, великую возвышенность въ чувствованіяхъ и мысляхъ. Природа посѣяла въ немъ сѣмена всѣхъ добродѣтелей; Аристотель возрастилъ оныя. Но при толикихъ преимуществахъ обладаетъ имъ страсть пагубная для него, и можетъ быть для человѣческаго рода, чрезмѣрное властолюбіе, которое терзаетъ его день и ночь. Оно такъ оказывается въ его взорахъ, на его лицѣ, въ словахъ и малѣйшихъ движеніяхъ, что всякой приближающійся къ нему объятъ бываетъ почтеніемъ и страхомъ. Онъ желалъ бы одинъ владычествовать надъ вселенною, въ одномъ себѣ вмѣстить всѣ человѣческія познанія. Честолюбіе и всѣ блиста-

тельныя качества, коимЪ удивляюшся вЪ Филиппѣ, находятся вЪ его сынѣ, сЪ шѣмЪ только различїемЪ, что вЪ первомЪ соединены онѣ сЪ добродѣтелями, ихЪ умѣряющими; а вЪ другомЪ твердость оказывается упорствомЪ, любовь кЪ славѣ неистовствомЪ, храбрость изступленїемЪ; ибо всѣ его желанїя столь непреклонны, какЪ самая судьба; онѣ противятся всѣмЪ препятствїямЪ, подобно потоку, который стремится сЪ шумомЪ поверхЪ скалы, прерывающей его теченїе.

ФилиппЪ употребляетЪ разныя мѣры для достиженїя своей цѣли; АлександрЪ знаетЪ только свой мечЪ. ФилиппЪ не стыдится на ОлимпїйскихЪ играхЪ спорить о побѣдѣ сЪ частными людьми; АлександрЪ хочетЪ имѣть противниками однихЪ государей. Кажется тайное чувствованїе внушаетЪ безпрестанно первому, что онЪ достигЪ толикаго возвышенїя единственно чрезЪ свои подвиги; а другому, что онЪ рожденЪ на лонѣ величїя.

Ревнуя славѣ своего отца, онЪ пожелаетЪ превзойти его; подражая Ахиллесу, онЪ постарается сравниться сЪ нимЪ. АхиллесЪ вЪ глазахЪ его есть величайшїй герой, а

Гомеръ величайшій стихотворецъ; ибо онъ сдѣлалъ безсмертнымъ Ахиллеса. Многія сходныя черты сближаютъ Александра съ образцомъ, который онъ избралъ для подражанія: таже пылкость въ нравѣ; таже стремительность на сраженіи, таже чувствительность въ душѣ. Нѣкогда говорилъ онъ, что Ахиллесъ былъ счастливѣе всѣхъ смертныхъ; поелику онъ имѣлъ такого друга, каковъ Патроклъ, и такого пѣвца, каковъ Гомеръ.

Переговоры Александровы не долго продолжались. Аѳиняне приняли миръ. Условія онаго были весьма умѣренны. Филиппъ возвратилъ имъ даже островъ Самосъ, который онъ взялъ не за долго предъ симъ. Онъ требовалъ только, чтобы Депутаты ихъ явились въ Собраніе, которое созоветъ онъ въ Коринѳѣ для общей пользы Греціи.

Въ правленіе Архонта Фриниха.

4й годъ 110й Олимпіады.

(отъ 17 Іюля 337 до 7 Іюля 336 года предъ Р. Х.).

Лакедемоняне отказались присутствовать въ собраніи Коринѳскомъ. Филиппъ жаловался на нихъ съ гордостію, и получилъ въ отвѣтъ сіи слова: „Если ты почита-

ешь себя большимЪ послѣ твоей побѣды; то измѣряй тѣнь свою, она не увеличилась ни на одну черту. Раздраженный ФилиппЪ сказалЪ имЪ на сїе: „если я войду вЪ Лаконїю, то всѣхЪ васЪ оттуда выгоню.„ Они ему отвѣчали:„ если.„.

ПредметЪ важнѣйшїй воспрепятствовалЪ ему произвесть вЪ дѣйство сїи угрозы. Когда Депутаты изЪ всей почти Грецїи стеклися, то первое предложенїе Филиппа было погасить всѣ несогласїя, раздѣлявшїя дотолѣ ГрековЪ и учредить постоянный СовѣтЪ, поручивЪ ему имѣть попеченїе о сохраненїи всеобщей тишины. ПотомЪ представилЪ онЪ, что время уже отмстить ПерсамЪ за обиды, нанесенныя ими нѣкогда Грецїи, и итти сЪ оружїемЪ во владѣнїя великаго царя. Сїи два предложенїя приняты были сЪ рукоплесканїемЪ, и ФилиппЪ всѣми единогласно избранЪ главнымЪ начальникомЪ надЪ Греческими войсками сЪ неограниченною властїю. ВЪ тоже время опредѣлено было, сколько каждый городЪ долженЪ былЪ поставить войска. Число всѣхЪ войскЪ простиралось до 200,000 пѣхоты и 15,000 конницы, не включая вЪ то число воиновЪ МакедонскихЪ и другихЪ дикихЪ на-

родовѣ, находящихся подѣ ихѣ законами. Послѣ сихѣ разпоряженій, онѣ возвратился вѣ свое государство для приготовленія себя кѣ толь славному походу.

Тогда-то погибла вольность Греціи. Сія страна, произведшая столько великихѣ мужей, будетѣ долгое время подѣ властію Македонскихѣ государей. Вѣ сіе самое время и я удалился изѣ Аѳинѣ, не смотря на новыя усилія, сѣ которыми меня тамѣ удерживали. Я возвратился вѣ Скиѳію, свободенѣ отѣ всѣхѣ предразсудковѣ, которые жилище вѣ сей странѣ дѣлали для меня ненавистнымѣ. Бывѣ принятѣ народомѣ, обитающимѣ на брегахѣ Днѣпра, я обработываю большое поле, принадлежавшее мудрому Анахарсису, одному изѣ моихѣ предковѣ; наслаждаюсь здѣсь тишиною уединенія; прибавилѣ бы еще и всѣми пріятностями дружбы, если бы сердце мое могло возвратить свою потерю. Вѣ юности моей искалѣ я счастія у народовѣ просвѣщенныхѣ; вѣ преклонности дней моихѣ я нашелѣ спокойствіе у такого народа, которому извѣстны одни только богатства природы.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЕ I. ГЛАВА LXIX.

О числѣ трагедій Эсхила, Софокла и Еврипида. Стран. 47.

Эсхилъ, по мнѣнію однихъ, сочинилъ семдесять, а по мнѣнію другихъ, девяносто трагедій. Неизвѣстный описатель жизни Софокла приписываетъ ему сто тринадцать; Свидасъ сто двадцать три, другіе еще большее число. Самуилъ Петитъ полагаетъ только шестьдесятъ шесть. По мнѣнію различныхъ писателей Эврипидъ сочинилъ семдесять пять, или девяносто двѣ трагедіи; кажется, что надобно утвердиться на первомъ изчисленіи. Таковая же разность находится и въ числѣ наградъ, которыхъ они удостоены были.

ПРИМѢЧАНІЕ II. ГЛАВА LXX.

О пѣніи и прокличаніи или проглашеніи въ трагедіяхъ. Стран. 72.

Древніе оставили намъ о семъ предметѣ слабое понятіе; а новѣйшіе критики во мнѣніяхъ были разногласны, когда хотѣли объяснять оный. Нѣкоторые утверждали, что стихи въ явленіяхъ бы-

ли пѣты; другїе говорили, что они были только проклицаемы, а иные прибавляли еще, что проклицанїя клались на ноты. Хочу въ краткихъ словахъ показать послѣдствїе моихъ розысканїй.

1е.) *Въ явленїяхъ драммъ часто употребляли проклицанїя.* Аристотель, говоря о средствахъ, кои въ нѣкоторыхъ родахъ стихотворства употребляются для подражанїя, упоминаетъ, что Диѳирамбы, номы, (священныя пѣсни) трагедїи и комедїи допускали риѳмъ, пѣнїе и стихъ, но разность состоитъ въ томъ, что въ Диѳирамвахъ и номахъ употребляются онѣ всѣ три вмѣстѣ, а въ трагедїяхъ и комедїяхъ употребляются порознь. Онъ же говоритъ ниже, что въ одной и той же драммѣ трагедїя допускаетъ иногда собственно одни стихи, а иногда сопровождаетъ оные пѣнїемъ.

Извѣстно, что явленїя обыкновенно писаны были ямбами; ибо сей родъ стиховъ есть удобнѣйшїй для разговора. Плутархъ говоритъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ разсуждаетъ о ямбическихъ стихахъ, соединяемыхъ съ музыкою, что въ трагедїи иные стихи говорятся при игранїи на мусикїйскихъ орудїяхъ, а другїе поются. Слѣдственно проклицанїе въ явленїяхъ допускалось.

2е) *Въ явленїяхъ иногда пѣли.* Къ вышесказанному доказательству Плутарха присовокупляю доказательства слѣдующїя: Аристотель увѣряетъ, что Иподорическїе и Ипофригическїе моды или гласы употребляемы были только въ явленїяхъ, но не въ хорахъ: Гекуба и Андромаха поютъ на Ѳе-

атрѣ, говоритъ Лукіанъ; можно имъ сіе простить; но когда Геркулесъ забывается до того, что и онъ поетъ, сіе несперпимо. Слѣдовательно лица трагическія пѣли въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

3е.) *Проклицаніе никогда не употреблялось въ Интермедіяхъ, но весь ликъ въ оныхъ пѣлъ*: противъ сего никто не споритъ.

4е.) *Ликъ пѣлъ иногда въ продолженіе явленія.* Сіе доказывается слѣдующими словами изъ трагедіи Поллукса „ Когда вмѣсто четвертаго лицедѣя заставляютъ пѣть кого нибудь изъ хора„ и пр.; также симъ изрѣченіемъ изъ Горація: чтобъ ликъ ничего не пѣлъ во время междудѣйствій, чтобъ онъ не тѣсно соединялся съ дѣйствованіемъ;„ и другими многими примѣрами, изъ коихъ я упомяну только слѣдующіе: смотри въ Агамемнонѣ Эсхиловомъ отъ стиха 1099 до стиха 1186; въ Ипполитѣ Эврипидовомъ отъ стиха 58 до стиха 72: въ Орестѣ того же сочинителя отъ стиха 140 до стиха 207. и пр. и пр.

5е.) *Хоръ или лучше сказать уставщикъ его разговаривалъ иногда съ лицедѣями, и сей разговоръ былъ проглашаемъ.* Сіе случалось особливо тогда, когда лицедѣй требовалъ о чемъ либо изъясненія отъ уставщика, или сей требовалъ онаго отъ лицедѣя. Однимъ словомъ, сіе случалось всякой разъ, когда хоръ непосредственно участвовалъ въ дѣйствованіи. Смотри въ Медеѣ Эврипидовой, стихъ 811; въ *Просительницахъ* того же сочинителя, стихъ 634; въ Ифигеніи въ Авлидѣ Эврипидовой же, стихъ 917 и пр.

Если не обманываюсь, то первыя явленія въ Аяксѣ Софокловомъ достаточно покажутъ, какимъ

образомъ проклицаніе и пѣніе попеременно употребляемы были.

Явленіе первое: *Минерва и Улиссъ*; явленіе второе *тѣже и Аяксъ*; явленіе третіе: *Минерва и Улиссъ*. Сіи три явленія составляютъ изложеніе содержанія трагедіи. Минерва увѣдомляетъ Улисса, что Аяксъ въ изступленной ярости умертвилъ стада и пастуховъ, думая, что онъ приноситъ въ жертву своему мщенію главныхъ начальниковъ воинства. Въ семъ состоитъ содержаніе тѣхъ явленій: оно разсказывается стихами ямбическими, и я заключаю, что всѣ три явленія были проклицаемы.

Минерва и Улиссъ удаляются: приходитъ ликъ, составленный изъ Саламинянъ, оплакивающихъ несчастіе государя своего, о неистовствахъ котораго имъ разсказано было. Онъ сомнѣвается: требуетъ точнаго увѣдомленія. Онъ не изъясняется стихами ямбическими, но стихами вольными: въ слогѣ витійственномъ: онъ находится одинъ, поетъ строфу и антистрофу, которыя обѣ содержатъ въ себѣ ту же мѣру и тоже число стиховъ. Сіе-то Аристотель называетъ первымъ разговоромъ всего лика, и слѣдственно первымъ междодѣйствіемъ всегда воспѣваемымъ всѣми голосами лика.

Послѣ междодѣйствія явленіе первое *Текмесса и ликъ*. Явленіе сіе, продолжающееся отъ стиха 200 до 347, раздѣляется какъ бы на двѣ части: въ первой, состоящей изъ 62 стиховъ Текмесса подтверждаетъ извѣстіе о бѣшенствѣ Аяксовомъ; происходятъ сожалѣнія и съ ея стороны и со стороны лика. Стихи тутъ анапесты. Въ нихъ находится для лика строфа, которой соотвѣтствуетъ антистрофа, совершенно мѣрою и числомъ стиховъ по

добная. Я думаю, что все сїе было пѣто. Вторая часть явленія безъ сомнѣнія проклицалась. Она состоитъ изъ однихъ ямбическихъ стиховъ. Ликъ вопрошаетъ Текмессу, которая и самыя малѣйшія подробности о дѣяніи Аякса повѣствуетъ. Слышенъ крикъ Аяксовъ: разтворяется дверь намета его; онъ появляется.

Явленіе второе: *Аяксъ, Текмесса и ликъ.* Явленіе сїе, какъ и предыдущее, было частію пѣто, частію проклицаемо. Аяксъ (стихъ 348) поетъ четыре строфы, и имъ соотвѣтствующія четыре антистрофы. Текмесса и ликъ отвѣтствуютъ ему двумя или тремя ямбическими стихами, которые должны быть пѣты, о чемъ говорить буду вскорѣ. За послѣднею антистрофою и отвѣтомъ отъ лика начинаются отъ стиха 430 ямбы и продолжаются до стиха 600 или 595. Здѣсь-то изъ изступленія пришедшій въ себя Аяксъ даетъ предчувствовать Текмессѣ и лику, что онъ предпріялъ окончать дни свои; умоляютъ его, чтобъ онъ сїе безчеловѣчное намѣреніе оставилъ: онъ требуетъ своего сына, беретъ его на руки, и говоритъ ему трогающую рѣчь. Все сїе было проклицаемо. Текмесса уходитъ съ своимъ младенцемъ. Аяксъ остается на театрѣ, пребываетъ въ глубокомъ молчаніи; ликъ производитъ въ сїе время второе междодѣйствїе.

Изъ сего разсмотрѣнія, которое могъ бы я распространить еще далѣе, ясно видѣть можно, что ликъ употреблялся подъ двумя различными видами, и имѣлъ два рода должностей, кои исполнять былъ обязанъ въ междодѣйствїяхъ подобныхъ нынѣшнимъ нашимъ междодѣйствїямъ; всѣ голоса лика

пѣли вмѣстѣ; а въ явленїяхъ, въ коихъ ликъ примѣшивался къ дѣйствованїю, одинъ ликоначальникъ исполнялъ его должность. Вотъ для чего Аристотель и Горацїй говорили, что ликъ заступаетъ мѣсто лицедѣя.

6е.) *По какимъ признакамъ можно узнать, какїя части драммы были пѣты и какїя проклицаемы?* Я не могу преподать здѣсь правилъ удовлетворительныхъ на всѣ случаи; но мнѣ кажется, что проклицанїе производилось всегда въ то время, когда разговаривающїя лица, не будучи прерваны хоромъ и продолжая нить своего дѣйствованїя, изъяснялись долговременно въ стихахъ ямбическихъ, надъ которыми Схолїасты вмѣсто заглавїя писали сїе слово: ΙΑΜΒΟΙ. Я охотно повѣрилъ бы, что и всѣ прочїе стихи были пѣты, но того не утверждаю. Можно вообще утвердить только сїе, что первые сочинители прилѣжали больше къ мелопеи (пѣснословженїе,) нежели ихъ послѣдователи. Причина тому ощутительна. Какъ стихотворенїя драматическїя долженствуютъ своимъ порожденїемъ тѣмъ игрищникамъ, кои толпами скитались по Аттикѣ, то и можно думать, что пѣнїе почиталось тогда главнымъ украшенїемъ раждающейся трагедїи. Отъ того-то безъ сомнѣнїя и произходитъ, что въ драммахъ Эсхиловыхъ и Фриниха современника его, пѣнїя гораздо больше, нежели въ драммахъ Эврипидовыхъ и Софокловыхъ.

Утверждаяся на свидѣтельствѣ Плутарха сказалъ я выше, что стихи ямбы иногда бывали пѣты, когда ликъ исполнялъ должность лицедѣя. Въ самомъ дѣлѣ находимъ мы таковые стихи въ неправильныхъ, но съ пѣнїемъ соединенныхъ стан-

сахъ. Эсхилъ употреблялъ оные часто въ явленіяхъ, сладкогласія требующихъ. Въ примѣръ привожу явленіе между царемъ Аргосскимъ и хоромъ въ трагедіи *Просительницы*, стихъ 352. Хоръ поетъ строфы и соотвѣтственныя антистрофы; царь отвѣтствуетъ ему пять разъ, и во всякой разъ пятью стихами ямбическими; сіе доказываетъ, если я не обманываюсь, что всѣ сіи отвѣты положены были на одинъ голосъ. Смотри подобные примѣры въ драммахъ тогоже сочинителя. Въ трагедіи, *Седмь Полководцевъ*, стихъ 209 и 692. Въ трагедіи, *Персы*, стихъ 256. Въ трагедіи *Агамемнонъ*, стихъ 1099. въ трагедіи *Просительницы*, стихъ 747 и 883.

7е.) *Проклицаніе было ли полагаемо на ноты?* Аббатъ Дюбосъ утверждалъ сіе; но мнѣніе его было опровержено Французскою Академіею словесныхъ наукъ. Въ Сочиненіяхъ ея доказано, что орудіе, сопровождавщее рѣчи лицедѣевъ, служило только къ тому, чтобъ отъ времени до времени поддерживать его голосъ, и препятствовать, чтобъ онъ не поднималъ его слишкомъ высоко и не опускалъ слишкомъ низко.

ПРИМѢЧАНІЕ III. ГЛАВА ТАЖЕ.

О сосудахъ театральныхъ. Стран. 77.

Витрувій повѣствуетъ, что подъ скамьями, гдѣ зрители садились, Греческіе зодчіе дѣлали небольшіе открытые ящики, куда ставлены были мѣдные сосуды на то, чтобъ они принимали въ свою пустоту звуки, происходящіе съ театра, и чтобъ сіи звуки бы-

ли отъ того сильны, громки и согласны. Сїи сосуды, настроенные одинъ съ другимъ въ кварту, квинту и октаву, имѣли слѣдственно тотъже размѣръ между собою, какой имѣли струны на лирѣ, которая подкрѣпляла голосъ; но дѣйствїе ихъ было не одинаково. Лира подавала и поддерживала голосъ, а сосуды повторяли и продолжали только оный. И какая выгода могла происходить отъ тѣхъ отголосковъ, коихъ ничто не заглушало? не знаю; сїе-то самое принудило меня ничего не говорить о семъ въ книгѣ. Я имѣлъ и другую еще къ тому причину. Ничто не доказываетъ, что Аѳиняне употребляли сїи сосуды. Аристотель самъ себя вопрошаетъ: для чего производитъ болѣе звука домъ, когда онъ вновь выбѣленъ, когда скрываютъ въ немъ пустые сосуды, когда находятся въ немъ кладези и другїя пустоты? Помѣщать здѣсь его отвѣты было бы безполезно; но онъ конечно бы писалъ о сосудахъ театральныхъ, естьли бы объ нихъ былъ извѣстенъ. Муммїй нашелъ нѣсколько изъ оныхъ въ театрѣ Кориѳскомъ; сїе было двѣсти лѣтъ спустя послѣ того времени, которое я для сихъ путешествїй избралъ. Употребленїе сихъ сосудовъ ввелося послѣ во многихъ Греческихъ и Италїйскихъ городахъ, въ коихъ иногда поставляли вмѣсто мѣдныхъ глиняные сосуды. Римъ никогда не хотѣлъ ихъ употреблять, безъ сомнѣнїя зодчїе его видѣли, что, ежели съ одной стороны театры были бы звончѣе, то съ другой стороны открылись бы многїя неудобства, сїю выгоду перевѣшивающїя.

ПРИМѢЧАНІЕ IV. ГЛАВА LXXII.

О храмѢ Діаны вЪ ЕфесѢ и обЪ истуканѢ богини. Стран. 211.

ВЪ 356 году до Рожд. Хрис. храмЪ Ефесскій сожженЪ былЪ ГеростратомЪ. Спустя несколько лѣтЪ Ефесеяне вновь построили оный. Кажется, что пламя пожрало только кровлю и тѣ части, которыя не могли спастись отЪ ярости его. ВЪ разсужденіи сего можно видѣть прекрасное описаніе Маркиза Полени, внесенное вЪ сочиненія Академіи Кротонской. Естьли слѣдовать его мнѣнію, то надобно будетЪ сказать, что до Герострата и послѣ его храмЪ имѣлЪ тотЪже самый размѣрЪ что длина его, какЪ Пдиній говоритЪ, простиралась на четыреста двадцать пять футовЪ (четыре ста и одинЪ футЪ пять дюймовЪ восемь линій ФранцузскихЪ) Широта его двѣсти двадцать футовЪ (двѣсти семь футовЪ девять дюймовЪ четыре линіи Франц) Высота его, шестьдесятЪ футовЪ (пятьдесять шесть футовЪ, восемь дюймовЪ Франц.) Я предполагаю, что Плиній вЪ семЪ описаніи поставилЪ Греческіе футы.

Ефесеяне начали вновь устроять сей храмЪ, какЪ АлександрЪ сдѣлалЪ имЪ предложеніе, что онЪ всѣ издержки принетЪ на себя, ежели за сію услугу сдѣлаютЪ они вЪ честь ему надпись надЪ храмомЪ. АлександрЪ получилЪ отказЪ, за который Ефесеяне скоро получили прощеніе. „ *не подобаетЪ божеству*, сказалЪ ему Ефесскій посланецЪ, *украшать* „*храмЪ другимЪ божествомЪ.*

Я здѣсь показалъ только украшенїя истукана вообще, ибо онѣ весьма различествуютъ на оставшихся еще до нынѣ памятникахъ, которые появились гораздо позднѣе того времени, съ котораго началъ я описывать путешествїе Анахарсиса. Можетъ статься и то, что сїи памятники не относятся всѣ къ Дїанѣ Ефесской. Какъ бы то ни было, но на нѣкоторыхъ памятникахъ верхняя часть ея тѣла, или служащїй вмѣсто оной съуживающїйся къ низу срубокъ изображается покрытымъ сосцами. Потомъ слѣдуютъ многїя украшенїя, раздѣленныя одно отъ другаго повязкою вокругъ истукана простирающеюся, на которой стоятъ небольшїя изображенїя, представляющїя побѣды, пчелъ, воловъ, еленей и другихъ животныхъ съ половинными тѣлами. Я думаю, что всѣ сїи иносказательныя изображенїя на истуканѣ были золотыя. Ксенофонтъ, посвятившїй въ небольшемъ своемъ Скилонтскомъ храмѣ истуканъ Дїанѣ, подобный истукану Ефесскому, говоритъ, что Ефесской былъ весь изъ золота, а его истуканъ изъ одного только кипариса. Какъ изъ другихъ писателей явствуетъ, что истуканъ Дїаны Ефесской былъ изъ дерева, то должно предположить, что Ксенофонтъ говорилъ только объ украшенїяхъ, которыми онъ покрытъ былъ.

Осмѣливаюсь изтолковать здѣсь одинъ небольшой золотый памятникъ, найденный въ области древняго Лакедемона, и Графомъ Кайлусомъ во второй книгѣ имъ собранныхъ древностей изображенный. Золото его низкой доброты и смѣшано съ серебромъ, работа грубая и самая древняя. Онъ представляетъ быка или оленя сидящаго. Видимыя

на немъ скважины показываютъ ясно, что онъ привѣшенъ былъ къ тѣлу гораздо его большему, и ежели сравнить его съ различными изображеніями, на Ефесской Діанѣ находящимися, то всякой подумаетъ, что онъ былъ привѣшенъ къ какому нибудь кумиру; ибо онъ вѣсомъ не болѣе одной унціи, одной драхмы и шестидесяти грановъ. Самая большая длина его токмо въ два дюйма и двѣ линіи, самая большая вышина его до конца роговъ въ три дюйма и одну линію. Можетъ быть онъ привезенъ въ Лакедемонъ. Можетъ статься, что онъ служилъ тамъ украшеніемъ истукану Діаны или истукану Аполлона Амиклейскаго, для котораго употреблено было великое количество золота, присланнаго Лакедемонянамъ отъ Креза.

Я думаю, что изображенія Діаны Ефесскія чѣмъ больше были украшены, тѣмъ менѣе древни. Въ началѣ истуканъ ея представлялся съ головою, руками, ногами и съ тѣломъ на подобіе обрубка, потомъ прибавили къ нему иносказательные знаки другихъ божествъ, а наипаче тѣ, кои приличествуютъ Исидѣ, Цибеллѣ, Церерѣ и пр.

Когда могущество богини и набожность народовъ увеличивались соразмѣрно разнымъ ея принадлежностямъ, то начали ее почитать, одни, яко образъ всепроизводящей природы; другіе яко единую изъ величайшихъ богинь на Олимпѣ. Поклоненіе ей извѣстное изъ давнихъ временъ въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ странахъ простерлось въ малую Азію, Сирію и въ Грецію, собственно такъ называемую. Оно было при первыхъ Римскихъ Императорахъ къ величайшемъ блескѣ и уваженіи; и тогда-то точно, какъ и другіе боги чрезъ тоже

средство получили приращеніе въ могуществѣ: возродилась мысль о Пантеяхъ, которые сохраняются еще между различными собраніями рѣдкостей, и которыя соединяютъ въ себѣ принадлежности всѣхъ боговъ.

ПРИМѢЧАНІЕ V. ГЛАВА LXXIII.

О Лавиринѳѣ Критскомъ. Стран. 242.

Я кратко упомянулъ о знаменитомъ Критскомъ Лавиринѳѣ; а здѣсь скажу объ немъ подробнѣе.

Геродотъ оставилъ намъ описаніе Лавиринѳа, которой онъ видѣлъ въ Египтѣ при озерѣ Меридовомъ. Онъ вмѣщалъ въ себѣ двѣнадцать великихъ зданій, между собою смѣжныхъ и сообщеніе одного съ другимъ имѣющихъ, въ которыхъ считалось три тысячи покоевъ, изъ коихъ тысяча пять сотъ были подъ землею. Страбонъ, Діодоръ Сицилійскій, Плиній, Мела говорятъ о семъ памятникѣ съ тѣмъ же удивленіемъ, какъ и Геродотъ. Никто изъ нихъ не говорилъ, что онъ сострoенъ былъ для того, чтобы ходящіе въ ономъ заблуждались; однако видно, что безъ проводника легко можно было заблудиться.

Отъ сего-то, безъ сомнѣнія, ввелось въ Греческій языкъ новое рѣченіе, *Лавиринѳъ*. Оно въ буквенномъ смыслѣ принятое означало пространство или мѣсто, обнесенное стѣнами и наполненное множествомъ путей, изъ которыхъ иные пресѣкаются во всякомъ направленіи, какъ пути въ каменоломняхъ или рудокопняхъ, а другіе имѣютъ

большее или меньшее кругообращенїе около точки; изъ которой они произошли. Въ инообразномъ смыслѣ употребляли сїе слово при вопросахъ темныхъ и хитрыхъ, при отвѣтахъ двусмысленныхъ и отъ понятїя удаленныхъ; при сихъ раздробленїяхъ, при которыхъ мы послѣ долговременныхъ заблужденїй и умствованїй, приходимъ паки къ тому средоточїю, отъ котораго мы въ путь пошли.

Дїодоръ Сицилїйскїй только предполагаетъ, а Плинїй утверждаетъ за самую истинну, что Дедалъ состроилъ сей Лавиринѳъ по образцу Египетскаго Лавиринѳа, но въ меншемъ размѣрѣ. Они присовокупляютъ, что Лавиринѳъ построенъ по приказанїю Миноса, въ который заключилъ Минотавра, и что во время ихъ онъ уже не существовалъ: неизвѣстно, отъ ветхости ли онъ уничтожился, или съ намѣренїемъ разрушенъ. Итакъ Дїодоръ Сицилїйскїй и Плинїй почитали сей Лавиринѳъ великимъ зданїемъ, а другїе писатели разумѣютъ его пещерою, изсѣченною изъ камня, и содержащею въ себѣ многїе излучистые проходы. Первые и послѣднїе сочинители увѣдомляютъ насъ о двухъ различныхъ преданїяхъ. Остается намъ избрать изъ оныхъ вѣроятнѣйшее.

Ежели Критскїй Лавиринѳъ былъ Дедаломъ при Миносѣ состроенъ, то для чегоже не упоминается объ немъ ни въ Гомерѣ, который многократно говоритъ о семъ государѣ и о Критѣ; ни въ Геродотѣ, который описывая Египетскїй Лавиринѳъ, сказалъ, что Египетскїе памятники несравненно превозходятъ Греческїе: ни въ другихъ древнихъ землеописателяхъ, и ни въ одномъ сочинителѣ, жившемъ въ славныя времена Грецїи.

Приписывали сїе зданїе Дедалу, коего одно имя достаточно было бы опровергнуть сїе преданїе. Въ самомъ дѣлѣ имя сїе, какъ имя Ираклово, служитъ пособїемъ невѣжеству, когда оно простираетъ взоръ свой на древнїе вѣки. Всѣ великїя предприятїя, всѣ дѣянїя, требующїя больше силы, нежели разума, присвояетъ оно Ираклу. Всѣ тѣ свѣденїя, относящїяся къ наукамъ, кои требуютъ въ исполненїи разумѣнїя, приписываетъ оно Дедалу. Можно вспомнить, что въ продолженїи сего сочиненїя уже описывалъ я главныя открытїя въ художествахъ и рукодѣлїяхъ, коими древнїе почтили художника, также Дедаломъ названнаго.

Дїодоръ и Плинїй предполагаютъ, что при жизни ихъ не видно было въ Критѣ нималѣйшихъ слѣдовъ Лавиринѳа, и что забыто было и самое время его разрушенїя. Однако сказано ими, что ученики Аполлонїя Тїянскаго, современники сихъ двухъ писателей, посѣщали сей Лавиринѳъ. Посему Критяне тогда и повѣрили, что оный у нихъ еще существуетъ.

Прошу обратить вниманїе на сїе изрѣченїе Страбона: „въ Навплїи недалеко отъ прежняго Ар„госа, говоритъ благоразумный сей писатель, можно „еще видѣть пространныя пещеры, въ коихъ, по „мнѣнїю всенародному, Циклопы построили Лави„ринѳы;“ сїе значитъ, что человѣческїя руки сдѣлали въ скалѣ разные проходы, изъ которыхъ одни другими пресѣкались, и чрезъ разные обороты паки сходились, какъ то бываетъ въ каменоломняхъ. Вотъ какое понятїе, естьли не ошибаюсь, должно имѣть о Критскомъ Лавиринѳѣ.

Древнїе писатели говорятъ только объ одномъ Лавиринѳѣ. Большая часть изъ оныхъ полагаютъ его въ Кносѣ; а нѣкоторые, весьма однакожъ не многїе, въ Гортинѣ.

Белонъ и Турнефортъ оставили намъ описанїе одной пещеры, лежащей при подошвѣ горы Иды съ южной стороны не далеко отъ Гортина. По мнѣнїю перваго, пещера сїя была каменоломня, по мнѣнїю втораго, древнїй Лавиринѳъ. Я послѣдовалъ Турнефорту, и въ книгѣ моей сократилъ его повѣствованїе. Писатели, дѣлавшїе критическїя примѣчанїя на его сочиненїе, кромѣ сего Лавиринѳа, допускаютъ быть другому въ Кноссѣ. Въ доказательство сего приводятъ медали сего города, представляющїя его чертежъ такъ какъ художники того времени умѣли изображать; ибо представляется оный на сихъ медаляхъ иногда четвероугольнымъ, иногда круглымъ. На нѣкоторыхъ онъ только что назначенъ; на другихъ заключаетъ онъ въ своей срединѣ голову Минотавра. Одна изъ таковыхъ медалей, вырѣзанная на мѣди, помѣщена мною въ изданїяхъ Академїи словесныхъ наукъ. Она мнѣ кажется изъ пятаго вѣка предъ Рожд. Христ. и представляетъ на одной сторонѣ образъ Минотавра, а на другой безобразный видъ Лавиринѳа. И такъ на вѣрное полагать можно, что Кноссїяне въ то время почитали себя владѣтелями сея славныя пещеры. Кажется еще, что и Гортїаны не имѣли на то притязанїя, ибо они никогда Лавиринѳа на своихъ монетахъ не представляли.

Мѣсто, въ которомъ Критскїй Лавиринѳъ полагаю, отстоитъ, по мнѣнїю Турнефорта, только на одну Франц. милю отъ Гортина; а по мнѣнїю

Страбона удаленъ онъ отъ Кносса на шесть или на семь миль. Изъ того заключить можно, что земли, принадлежащія городу Кноссу, простирались даже до Гортина.

Я думаю, что сіи пещеры называемыя Лавиринѳами съ начала произведены самою природою; что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доставали изъ нихъ каменья для строенія городовъ; что въ древнѣйшія еще времена онѣ служили жилищемъ или убѣжищемъ для жителей такой страны, которая подвержена была частымъ неприятельскимъ нападеніямъ: но описывая путешествія Анахарсиса по Фокидѣ, говорилъ я о двухъ пещерахъ Парнасскихъ, которыя служили убѣжищемъ сосѣднимъ народамъ; одна, во время потопа Девкаліонова, а другая при нашествіи Ксеркса. Присовокупляю еще здѣсь, что по мнѣнію Діодора Сицилійскаго, древнѣйшіе Критяне жили въ пещерахъ горы Иды. Вопрошаемые о мѣстѣ, гдѣ сей Лавиринѳъ былъ, отвѣчали, что въ началѣ Лавиринѳъ ихъ былъ не что иное, какъ темница. Онъ могъ быть назначаемъ иногда для сего употребленія, но трудно повѣрить, чтобъ для заключенія нѣсколькихъ преступниковъ предприняты были безмѣрныя работы.

КОНЕЦЪ ШЕСТАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

Погрѣшности.

Стран.	*строк.*	*напечатано.*	*читай.*
7	12	незначущую	незначущею
18	14	трагедіи	трагедій
24	20	кончины, его	кончины его
34	18	страстей	страстей,
—	21	назначила	назначила.
41	19	потомству, я	потомству; я
55	21	само	самое
58	12	Полопонисской	Пелопонисской
60	10	междѣйстія	междѣйствія
94	23	приготивленъ	приготовленъ
95	18	Эсхилова,	Эсхилова
—	25	вулканъ	Вулканъ
111	18	желательно	желательно,
123	3	впалъ	впалъ бы
143	12	изъ трагедіи.	изъ трагедій?
150	19	борбы	борьбы
154	7	симмъ	симъ
176	12	горко	горько
188	18	Писоетеръ	Писѳетеръ
214	7	въ	съ
248	16	возложно	возложено
251	7	Ахиллова	Ахиллово
253	24	Протозилай	Протезилай
264	14	дожности	должности
299	27	случилось.	случалось.
327	12	спасаюсь	опасаясь
336	8	существъ,	существъ
390	3	начинаются,	начинаются.
397	16	золатый,	золотый,

